

У БОЛЬШОГО КАВКАЗА СОБИРАЛИСЬ ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

Часть 1

ЖУРАВОВ
Федор Николаевич

Гвардии старший сержант
отдельной разведроты 60-й отдельной
Краснознаменной стрелковой бригады

УДК 93/94
ББК 63.3(2)62
Ж 91

Журавов Ф.Н.

У Большого Кавказа собирались грозовые тучи : Воспоминания о войне : в 3-х частях. – Ч. 1. / Ф.Н. Журавов. – Пушкино, 2025. – 212 с.

Текстовое электронное издание

Что сегодня означает для нас слово «война»? Стрельба, героические подвиги и много смерти, когда смотришь военные фильмы и читаешь книги. Эта книга – воспоминания о Великой Отечественной войне, написанные ее непосредственным участником – ветераном войны, разведчиком Журавовым Ф.Н., который в совсем юном возрасте добровольцем ушел на фронт.

В книге описаны простые военные будни, которые поражают своим ежедневным героизмом. Читая ее, невольно начинаешь чувствовать то, что чувствовал солдат на фронте, пытаешься рассмотреть эти события через ощущения участника войны и понимаешь, что же такое война и как трудно и страшно было молодым солдатам там, где лилась кровь и, казалось, не было спасения от боли и страданий.

Действия происходят в период 1942 года на Кавказе, там, где автор принял свой первый бой, там, где насмерть стояли бойцы Красной Армии, не давая врагу достичь его главной цели – завладеть нефтью. В книге описаны и солдатский быт, и взаимоотношения, и боевое братство в бою – читая о них, война становится ближе, понятнее и страшнее...

Историки находят и еще будут находить новые объяснения событий 1941–1945 годов. Но мы, потомки наших прадедов, сегодня понимаем, что в тот период решалась судьба нашей Родины и судьба еще не рожденных детей, внуков и правнуков. Тогда решался вопрос о свободе и независимости России, и их героическое поколение решило его в нашу пользу.

В книге использованы личные дневники автора, архивные документы.

Компьютерная верстка: Кузнецова Е.Б.
Подписано к использованию 10.02.2025 г.
Объем 2.0 Мб
Тираж 10 CD-ROM

Всероссийский научно-исследовательский институт
лесоводства и механизации лесного хозяйства
Московская область, г. Пушкино, ул. Институтская, д. 15
www.vniilm.ru, e-mail: info@vniilm.ru
Тел.: +7 (495) 993-30-54

Минимальные системные требования: процессор AMD, Intel от 1 ГГц, 100 Мб HDD, ОЗУ от 1 Гб, CD-ROM, видеoadаптер от 1024 Мб или аналог, Windows Vista/7/8/10 или аналог; ПО – Adobe Acrobat Reader или аналог

ISBN 978-5-94219-314-0

© Журавов Ф.Н., 2025
© ФБУ ВНИИЛМ, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло уже много лет со дня окончания самой страшной в истории человечества войны. За победу советским народом была заплачена ужасная цена – 26,6 млн человеческих жизней. В каждой семье есть родные, которые своим подвигом в боях и в тылу приближали последний день войны. Наша задача – помнить о подвиге того поколения.

В своих руках вы держите книгу с воспоминаниями о войне, написанными моим дядей – Журавовым Федором Николаевичем, гвардии старшим сержантом отдельной разведроты 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Ему удалось выжить в этой страшной войне и в послевоенные годы, работая в совете ветеранов 257-й стрелковой дивизии, он писал воспоминания о пройденном пути дивизии. Однако данные материалы мной нигде не были найдены. Маленький их кусочек был обнаружен в квартире Федора Николаевича уже после его смерти. Эти документы представляли собой рукописный и набранный им на пишущей машинке текст с описанием первых 85 дней (с 14 августа по 6 ноября 1942 г.) боевых действий рядового Журавова Ф.Н. в разведроте.

Прочитав описания военных событий в первоисточнике, невозможно было отказать от того, чтобы довести их до широкого круга читателей. Это были самые честные и страшные солдатские воспоминания, которые хранили в себе небольшой отрезок военной жизни, в которой было всё: смерть, страх, ужас потерь, отвага и чувство долга к своей стране и своим родным. Описание войны, отношений среди солдат, красоты природы Кавказа не дают оторваться от чтения этих воспоминаний.

Журавов Федор Николаевич родился 31 мая 1924 года в Москве, проживал на улице Шаболовка. Учился в московской школе № 584 в 9А классе, когда началась война. Школу закончить не успел, т.к. пошел работать электриком, а затем пожарным. Стремился попасть на фронт. Для этого поступил в систему всевобуча в школу военно-морской боевой подготовки по специальности СНИС (средства наблюдения и связи). По совету мичмана школы Федор Николаевич неоднократно отправлял в министерство Военно-Морского Флота заявления с просьбой направить его на фронт. Наконец, его просьба была удовлетворена – он получил повестку из военкомата и 3 августа 1942 года был направлен в Московский флотский экипаж. С этого дня началась его служба в вооруженных силах страны, а уже 14 августа Федор Николаевич попадает на Кавказ, где начинаются боевые действия в составе разведроты. Дальше были кровопролитные бои за крымскую землю, Сталинград, Донбасс, Сиваш, Севастополь, Прибалтику. За годы войны ему довелось служить в 60-й отдельной стрелковой бригаде, в 257-й стрелковой Сивашской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, 1-м Гвардейском стрелковом корпусе 51-й армии сначала разведчиком, а затем старшим писарем-чертежником (он прекрасно чертил и у него был каллиграфический почерк).

За храбрость и отвагу, проявленные Журавовым Федором Николаевичем в боях, он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

День Победы Федор Николаевич встретил в Прибалтике, а воинскую службу окончил 4 февраля 1947 года в звании гвардии старшего сержанта. Награды, приказы о его награждении и несколько подготовленных им военных карт представлены в приложении.

После войны Журавов Ф.Н. активно участвовал в мирной жизни, в работе совета ветеранов. Был награжден орденами «Отечественной войны I степени», «Трудового Красного Знамени» и многими юбилейными медалями.

Работая над рукописью и собирая информационные материалы, я получил огромное удовольствие, и это не только из-за прекрасного повествования автора, а еще и от того, что почувствовал живое прикосновение к истории, к подвигу советского народа.

**РОДИН Сергей Анатольевич,
племянник Журавова Федора Николаевича,
академик РАН.**

В середине августа мощной группировке вермахта удалось прорвать оборону наших войск в излучине Дона. Поддержанные сотнями самолетов и танков немецко-фашистские войска предприняли наступление в двух направлениях: на Сталинград и на Кавказ. В тяжелых боях под Ростовом, в городе Батайске, в Донских степях наши части стояли насмерть на каждом рубеже, но силы были слишком неравными. Несмотря на потери, моторизованные части врага упорно развивали наступление, бросая в бой накопленные резервы.

Лето 1942 года принесло нашей Родине, сражающейся Советской Армии тяжелейшие испытания. Именно в это время по приказу ставки Верховного главнокомандования были сняты с занимаемых участков западного фронта 60-я и 62-я отдельные Краснознаменные морские бригады для оказания помощи советским войскам на юге.

60-я отдельная Краснознаменная стрелковая бригада (ОКСБр), состоящая из моряков Балтийского, Черноморского флотов и Каспийской военной флотилии, была сформирована в октябре 1941 года и впервые вступила в бой под Москвой в составе 5-й ударной армии. Остановив наступление врага под Наро-Фоминском, в начале декабря 1941 года бригада перешла в наступление, освободив от врага Петрищево, Можайск, Поречье и еще ряд населенных пунктов Подмосковья.

62-я ОКСБр, сформированная из моряков-добровольцев Тихоокеанского флота, в составе 1-й ударной Армии в начале декабря 1941 года прорвала оборону врага севернее г. Дмитров Московской области, форсировала канал Москва-Волга и перешла в решительное наступление, освободив от захватчиков многие населенные пункты Подмосковья и город Лотошино.

Впоследствии бригада была переброшена под Старую Руссу и вела тяжелые бои в условиях лесисто-болотистой местности.

И вот летом, 10-12 августа, обе бригады были спешно направлены на юг. Примерно 14-15 августа эшелоны с бригадами остановились у станции Баскунчак. Все матросы и офицеры бригад чувствовали, что здесь определится их окончательный маршрут: в Сталинград или дальше на юг.

В этот день фашисты совершили первый массированный налет авиации на город. Багровое солнце опустилось к горизонту в лиловое небо. А в той стороне, где был Сталинград, в небе вздымалась огромная серо-свинцовая туча. Расстояние не позволяло услышать бомбовых разрывов, но эта, заполонившая половину горизонта, серая туча, низ которой сливался с серой дымкой над краем земли, убедительно и ясно говорила опытному глазу солдат, что там, в стороне Сталинграда, идет жестокий бой.

Из оперативных сводок было известно, что бои идут уже в предгорьях Кавказа, но Кавказ был далеко, а Сталинград рядом, километрах в 70 от станции Баскунчак. Поэтому общее мнение склонялось к тому, что бригады будут брошены под Сталинград. Сомнений почти не оставалось.

Солнечный диск размылся в серой мути над горизонтом, когда раздалась команда: «По вагонам!». Лязгнули буфера товарных вагонов, и эшелоны, набирая скорость, двинулись дальше на юг, к Астрахани.

Теперь сомнений не оставалось: бригады направлялись на Кавказ. Там шли тяжелейшие бои, о которых впоследствии солдаты сложат песню, и матросы бригады подхватят ее и будут петь слова, похожие на клятву:

*Жара нас томила в придонских степях,
Горячая пыль засыпала,
Когда нас забрасывал бомбами враг,
Земля от разрывов дрожала.*

*Встречая тяжелые танки врага,
Мы кровь проливали в сраженьях,
Был нами оставлен любимый Ростов
И начались дни отступленья.*

*Товарищ боец, становись, запевай
Про путь наш от Дона до моря,
О том, как враги захватили наш край,
О том, как хлебнули мы горя.*

*Про город Батайск, опаленный огнем,
Про грозные дни Краснодара,
Не раз мы напомним врагу обо всем –
Напомним могучим ударом.*

Не знали бойцы бригад кто написал слова этой песни и кто сочинил мелодию, но песня пришлась по душе: в ней говорилось о тяжелых боях, о горечи отступления и о том, что солдаты, советский народ еще не сказал свое последнее слово в этих сражениях.

Вечером следующего дня бригады грузились у причалов Астраханского речного порта на палубы нефтеналивных барж и на другие плавсредства.

Ранним утром следующего дня все эти баржи стояли на Каспийском рейде. Берегов не было видно, не было видно и горизонта, а просто розовато-голубое небо незаметно переходило в ровное и мягкое сияние перламутровой воды Каспия.

Через час или два в небе на большой высоте покружился какой-то самолет, он был почти незаметен в голубом небе и только прерывистый нудный вой мотора выдавал его присутствие. Днем небо стало пепельно-серым; резко обозначившее горизонт море потемнело, из его необъятного пространства к баржам бежали небольшие крутые волны, вспыхивающие ярко-белыми барашками. А море становилось все беспокойнее. Говорят, что Каспий своенравен и коварен, его штормы злы и опасны. К восьми часам солнце скрылось за горизонтом и стало совсем темно. Усталость, ночная мгла и сонливость поглотили меня мгновенно.

Так бывает: ночью в вагоне остановившегося поезда после шума, лязга и скрипа металла, после нескончаемого и монотонного перестука колес вдруг наступившая тишина кажется неестественной, а приглушенные голоса пассажиров необыкновенно громкими. Вначале сквозь сон я почувствовал эту тишину, заложившую уши словно ватой, потом услышал чей-то спокойный неторопливый разговор. Еще не проснувшись окончательно, я лежал с закрытыми глазами и старался понять, что происходит вокруг меня? Вчера во второй половине дня мы грузились у Астраханского причала на палубу нефтеналивной баржи (такая железная, крашеная охрой рыжая палуба), потом плыли от Астрахани по Волге. Справа неторопливо уходил назад невысокий берег с притулившимися черными избами и кустарником, а за ними пепельно-розовый спокойный закат. Тогда я примостился на распушенной бухте каната... Дурак! За ночь канат намял мне спину, плечи, бока – все тело ныло от боли... Нет, лежать больше невозможно, лучше на железной палубе валяться, чем на канате. Я открыл глаза, с трудом поднялся на ноги и... И вдруг понял, что на земле свершилось великое чудо. Все мироздание куда-то исчезло,

вокруг больше не было ни земли, ни воды, ни неба. Зато все пространство заполняла нежно-голубой свет с легким золотистым отливом. Все, что осталось от мира, так это одно необыкновенное голубое сияние и сказочная тишина. Наша баржа никуда не двигалась, казалось, что она подвешена на невидимой нити в центре огромного светло-голубого шара. Никакого проявления жизни – ни плеск волн, ни шум воды – зачарованная голубая тишь. А воздух! С чуть солоновато-горьким вкусом, чистый, неподвижный, непонятно легкий и прохладный, воздух, которым не дышишь, а пьешь его полной грудью, и он вливается в легкие хрустально-чистой незамутненной струей...

Это необыкновенное чудо было морем, морем бескрайним, удивительно спокойным. На его голубовато-перламутровой поверхности не было ни единой морщинки. Море и небо слились воедино, линии горизонта не было, она растворилась в голубом пространстве. Никогда в жизни я не видел моря и не подозревал, что оно такое, что может быть таким. Вся жизнь распахнулась неведомым голубым простором. Навеки исчезло все, что было вчера, казалось, никогда не наступит завтра. Время остановилось, исчезло в голубой бездне, и исчезнет все, останется только одно это голубое чудо, потому что оно – вечность. Меня удивило, обескуражило, что мои товарищи, мои спутники вели себя обыденно и прозаично. Выполз из-под брезента Тазиев, похлопал спросонья глазами и спросил, ни к кому не обращаясь:

– Стоим?

Откуда-то появился медлительный и обманчиво неповоротливый Гриша Авдеев. В его густой черной бороде я еще вчера заметил серебряные искры. Обычно в общих трюпах он сидел рядом, но смотрел куда-то в сторону.

Палуба баржи оживала. Просыпались солдаты, застучали котелки. Было еще рано, край большого тускло-красного солнца показался над пепельно-голубой дымкой моря. Где-то далеко от нашей баржи на воду села большая стая бледно-розовых птиц. После завтрака, когда солнце сверкнуло своим ослепительным светом, Авдеев вдруг разделся догола, потер ладонями волосатую грудь и решительно заявил:

– Ну, братва, коль снова на море попали, то без крещения не обойтись.

Он подошел к борту, взмахнул руками и прыгнул головой вниз в море. Взлетели брызги, сморщилась неподвижная водная гладь, Гриша вынырнул, фыркнул как морж и пошел саженками прочь от баржи.

– А вода, как в бане! – крикнул он нам. И что тут началось! Бойцы раздевались догола, благо на барже не было ни единой женщины, и прыгали в воду с обоих бортов. Темные мячики загорелых голов замаячили на поверхности воды вокруг баржи. Борт баржи был относительно высок, никак не меньше 2-2,5 метров, поэтому вылезти из воды было не так-то просто. Кто-то догадался опустить за борт концы каната – накупавшихся вдоволь, вытаскивали на палубу. Искупавшиеся бойцы довольно хлопали себя по груди, по белым животам и не торопились одеваться, норовя прыгнуть еще раз. Салаги работали в поте лица своего, выживая на канате купальщиков. Бойцы подплывали к канату, цеплялись за него руками, упирались в борт ногами, а мы, салаги, что было сил, тащили канат наверх. Тут кто-то крикнул:

– Хлопцы, так салажат крестить треба!

Это предложение было принято с веселым энтузиазмом. Правда, нам разрешили раздеться, чтобы не вымочить в воде документы и письма, потом хватили за руки и за ноги, раскачивали и по счету «три» кидали за борт. Мы мешками падали в воду, подымали тучу брызг и выныривали чуть в стороне, наглядно демонстрируя, что морская вода для нас родная стихия. Вода действительно была теплой, горько-соленой и купание доставляло истинное наслаждение, плавать было приятно. Потом нас тоже вытаскивали на канате. Оказалось, что это дело совсем не простое: к железному борту баржи у самой воды налипли какие-то водоросли, скользкие словно намыленные, был скользким и мокрый канат. Упаси бог, если сорвутся ноги, при этом человек непременно ударялся

боком, животом или локтями о железный борт, сдирал себе кожу и если вдобавок измазывался о борт, то его с улюлюканьем кидали снова в воду. Салажат перекупали всех. С непривычки я ободрал себе локоть. Хотели купнуть и Берию, но тот свернулся как ёж, ругался, отбивался ногами и пытался даже схватиться за винтовку.

– Тю, дурной! Да хрен с ним, пусть сидит, ему же хуже, – сказал кто-то из бойцов и от Берии отстали, его просто перестали замечать.

Один боец, видимо грузин, что-то прокричал на родном языке этому тезке министра, видимо, какие-то неприятные слова, лицо Берии еще больше сморщилось, он оскалил неровные желтые зубы и что-то резко ответил своему земляку.

Из голубого тумана как-то незаметно, словно в немом кино, появилась еще одна такая баржа, как наша, потом третья и следом еще. На рейде собралось пять барж. С юга появилась низенькая серая канонерка и тоже встала на якорь в полумиле от нас.

Солнце начало припекать, железная палуба нагрелась, следы босых мокрых ног исчезали на ней прямо на глазах. Потянул слабый теплый ветер, по воде пошли широкие темно-синие полосы, вдали под солнцем вода заблестела нестерпимо яркими искрами. Голубой волшебный шар исчез, морская даль стала ярко-синей, горизонт обозначился четкой линией. Незаметно пошла широкая волна, баржа стала лениво покачиваться, заскрипели якорные цепи. Баржи по-прежнему стояли посреди моря, никто не знал, почему мы стоим и долго ли будет это продолжаться. Никого не мучили подобные вопросы. Стоим – значит так надо. Одни продолжали купаться, другие растянулись гольми на согретой солнцем палубе и блаженно загорали. Мы, салаги, после купания стали считать себя крещеными, т.е. полноправными матросами и первой нашей акцией было то, что мы отказались бесценно выуживать купальщиков. Наш протест был признан справедливым, и с общего согласия установлена очередность.

Внезапно эта беззаботная идиллия была нарушена, война напомнила о себе решительно и строго. На нашей барже раздался всполошный, громкий и частый бой колокола, послышались крики: «Воздух! Воздух!» Купальщики торопливо вылезали на борт, люди поспешно натягивали на себя белье, верхнюю одежду, хватались за оружие. С соседних барж раздалась одиночные винтовочные выстрелы. Вначале в ослепительно сверкавшем небе ничего не было видно, потом послышался прерывистый тяжелый гул авиационных моторов, высоко в небе показались шесть самолетов, в голубизне неба сверкнул на фюзеляжах отраженный солнечный свет. Серебристые крылья со светло-желтыми концами были плохо различимы. Боевые машины шли на порядочной высоте с запада и направлялись явно в нашу сторону. С канонерки застучали зенитные пушки, ватные клубки разрывов стали пятнать небо. Не успев обуться, я тоже схватил винтовку, вогнал бронебойно-зажигательный патрон и прицелился в ведущую машину. Как учили в военно-морской школе, сделал упреждение и выстрелил. Отдача толкнула в плечо, а зеленая искра трассирующей пули метнулась ввысь, замедлила свой полет и ушла куда-то в сторону от самолета. Я выстрелил еще и еще раз. На барже захлопали громкие и частые выстрелы, с кормы застучал станковый пулемет.

– Ка-же, попал. Смотри, подыхать полетел, – подал свой голос скептик, но люди продолжали стрелять.

– Ребята, стреляй, стреляй! Не давай им снижаться, чаще стреляй! – кричал Подосенов и сам гнал выстрел за выстрелом.

Самолеты были уже над нами, и в этот миг воздух наполнил пронзительный свист падающих бомб. Тяжелые удары, грохот взрывов. Из моря взлетели белые, как снег, высокие кусты воды, они опадали, оставляя на этом месте серые размазанные клубы дыма. Недавно еще такие идиллические небо и море сотрясались от взрывов. Самолеты пролетели дальше, развернулись со стороны солнца и, заметно снизившись, пошли на второй заход. Пушки канонерки захлебывались от частого лая, без умолку били пулеметы со всех барж. Визг бомб на сей раз был короче и яростнее, тяжелые взрывы

вновь потрясли море и небо. Нашу баржу качнуло на поднятой волне, белые столбы воды выросли ближе к баржам и вокруг канонерки. В море прятаться негде и никто не думал прятаться, люди злобно стреляли из винтовок в охотившуюся на них смерть. Зеленые, белые, розовые трассы исчертили всё небо, сплошь испятнанное зенитными разрывами. Самолеты отвалили в сторону, ушли на запад, растаяли в голубом мареве. На железной, окрашенной охрой, палубе валялись медные стреляные гильзы. Баржи не пострадали, однако, купаться уже всем расхотелось.

– Надо думать еще придут, – заметил чей-то голос.

– Все может быть. Зевать не стоит, – ответил другой.

Самолеты больше не пришли. Стал крепчать ветер, небо побелело и по его белесому полю поплыли длинные серые полосы рваных облаков. По морю пошли сумрачные тени, поднялась волна, громче заскрипели, заскрежетали якорные цепи. Гриша Авдеев осмотрелся, прищутив глаза, и произнес:

– Н-да... Сегодня нас поболтает.

– А не перекусить ли нам? – предложил Костя Кудряш, и все сразу почувствовали приступы голода и волчий аппетит.

Предложение было принято большинством голосов при одном воздержавшимся. Берия никаким образом не выказал своего отношения и просто молча ждал, что будет дальше.

Медвинский и Костя аккуратно разделили на порции зачерствевший хлеб, всем досталось немного говяжьей тушенки, а потом пили из котелков тепловатую воду с сахаром. В общем, обед как обед. Что греха таить, каждый из нас съел бы еще, по крайней мере, пару таких обедов, но нужно было оставить на будущее. Продовольственных запасов нам должно было хватить и на ужин, и на завтрак, а уж дальше – будет видно.

Не прошло и получаса после нашего обеда, как там, за краем свинцового горизонта, появилась полоса синеватого дыма, размытого ветром. Потом показались какие-то неопределенные точки, а спустя немного времени все увидели белый высокий корпус теплохода, идущего курсом на нас. Подойдя ближе, теплоход коротко и хрипло гуднул, отработал винтом задний ход, подняв за кормой высокий белый бурун, остановился и загремел якорной цепью. К теплоходу сразу же двинулась одна из барж, встала борт о борт с теплоходом, и началась торопливая перегрузка людей и каких-то грузов. К теплоходу подходили баржа за баржей, и всё уходило в его бездонную утробу. Мы стояли к теплоходу ближе всех, подошли для перегрузки последними. Баржа и теплоход «Туркменистан» стояли на якорях, и тем не менее их нещадно раскачивала волна. С борта баржи на борт теплохода протянулись толстые канаты и они натянулись до звонкой упругости. После долгих и сложных манипуляций были опущены к нам на палубу узкие качающиеся сходни с зыбким веревочным ограждением с одной стороны. Над баржей нависла белая стрела подъемника, специальная команда грузила какие-то ящики, мешки – все это в огромной «авоське», сплетенной из могучих канатов, подымалось наверх, уплывало за высокий белый борт теплохода и исчезало в глубоких трюмах. А ветер всё крепчал, он уже посвистывал в такелаже; баржу и теплоход раскачивала волна, они качались по-разному, поэтому узкая сходня, опущенная к нам на палубу, плясала и выдвигала опасные пируэты. Между бортами теплохода и баржи оставалось примерно трехметровое пространство, в котором вскипала белой пеной, ошалело металась, высоко поднималась и мгновенно падала взбесившаяся морская вода. Над этой кипящей пропастью шатались хрупкие сходни с веревочными поручнями. Не знаю, как у закаленных моряков, но моё салажечье сердце невольно сжалось, ноги неуверенно и робко переступали по этой сатанинской, круто поставленной сходне.

Солдаты шли непрерывной цепочкой, подгоняли друг друга и каждый знал, что падение в воду между бортами теплохода и баржи не оставляло никаких шансов на спа-

сение. Наконец вот он, борт теплохода. Я шагнул на его просмоленную палубу и облегченно вздохнул. Качало здесь тоже не меньше. Какой-то матрос у схода командовал:

– Давай живее, братва, живее! В трюм не советую. Народищу там тьма набилась. Может, здесь на палубе примоститесь?

Даже я, салаженек, знал, что на палубе, особенно ночью, будет и холодно, и ветер, да еще проклятая качка, но в душном полутемном трюме, в забитых донельзя кубриках и каютах, даже просто в проходах – тоже не рай и еще неизвестно, где будет лучше. Все послушали Авдеева с Медвинским и решили пристроиться на открытой палубе. Берия снова воздержался, но он был привязан к нам общими харчами и невольно подчинился. Гриша Авдеев, Подосенов, Медвинский, Соловьев разместились на надстройке, куда выходили верхние люки машинного отделения. С этими ребятами примостился и я. Остальные расположились внизу, у стенки этой надстройки. Из люков машинного отделения вырывался наружу, как из вентилятора, густой, теплый масляный чад от работающих двигателей. Там, внизу, в глубокой пропасти неясно светились желтым светом лампочки, и ритмично грохотала огромной силы машина. Я лежал у люков вместе с отпетыми «морскими волками», и они терпели, не гнали меня вниз, отчего мое сердце исполнилось гордостью. Мне казалось, что понемногу меня стали вроде бы признавать за своего «морского брата». Я был почти уверен, что вот оно, наступает это нерушимое и прочное, как сталь, морское братство, когда на всех без исключения одна судьба; когда в бою одинаковы все: мотористы, пулеметчики, сигнальщики, комендоры* – все на своем строго определенном месте, все зависят друг от друга...

Тем временем закончилась разгрузка нашей баржи, она прогремела якорными цепями, задним ходом отвалила от борта теплохода, развернулась, стрельнула в небо черным моторным дымом и пошла обратно к волжским берегам. Наш теплоход постоял немного, словно раздумывая, куда ему плыть, потом тоже прогрохотал цепями и, не подав никаких сигналов, незаметно, удивительно плавно развернулся носом к волне и пошел в море. Это был мой первый в жизни морской рейс, и вообще всё было первое, как будто я начал какую-то совсем новую жизнь.

Я встал на ноги и смотрел во все глаза. Теперь-то я начал понимать, что такое «раскинулось море широко», оно действительно было невообразимо широким, его ничто не ограничивало, кругом вода на все 360 градусов. В лицо дул чуть прохладный, насыщенный морской соленой влагой ветер, он пузырем надувал на спине гимнастерку, трепал волосы, что-то насвистывал в такелаже – этот загадочный ветер дальних странствий. Движение теплохода было совершенно незаметно, он только мелко подрагивал от усилий работающего двигателя. На теплоход набегали волны, с плеском и грохотом разбивались об острый корабельный нос и белые сверкающие фонтаны брызг и пены взлетали в небо, а за кормой кипел бело-пенистый бурун и словно шрам оставался блестящий, вскипающий ключами долгий след. Только по этому следу и можно было определить, что теплоход «Туркменистан» движется. Мы лежали на покато́й поверхности фонаря машинного отделения, люки были открыты, нас обдавало горячим воздухом работающей машины, запахами нефти и масла, а мы с деланным равнодушием смотрели на рассерженный Каспий.

Солнце вначале белым кругом просвечивало сквозь пелену облаков, потом окончательно скрылось в низких, стремительно бегущих над морем синих тучах. Море потемнело, стало темно-свинцовым, на гребнях тяжелых волн кипели ярко белые пенные барашки. Бортовая и килевая качка заметно усилилась. Я очень боялся, что меня укачает – тогда позор! Я знал, что в абсолютном большинстве все, кто попадает на море, должен переболеть морской болезнью. Она, как корь – однажды переболел и тогда всё,

* Комендор – матрос-артиллерист.

уже ни один штормяга не свалит тебя на койку. Но морская болезнь, как я считал, это болезнь новичков, а я уже принят в компанию испытанных моряков, я должен быть таким, как они, меня не может укачать море! Надо держаться, и я держался.

А среди ребят шел обычный, спокойный треп.

– Говорят, нас в Иран, – слышался голос Бельтюкова. – Конечно. А куда ж еще?

– В Иран захотел! – рассуждал Медвинский. – Там без тебя сачков хватает! А воевать кто будет? Фрицы на Кавказ прут, к нефти рвутся, а он в Иран!

– Ну так что, на Кавказе войск что ли нет? Знаешь, на Кавказе народу-то сколько проживает. Что здесь, мобилизации что ли нет? – не сдавался Бельтюков.

– Во болтает, ну как салага! – возмущался Медвинский. – Здесь, на Кавказе, мобилизация знаешь когда прошла? Раньше, чем в твоём Кирове. Здесь уже в июле 41-го всех под метлу. Было бы здесь много войск, то не драпали бы. Вон наш эшелон под Сталинградом стоял, помнишь? К Сталинграду и то не повернули. Значит, здесь обстановка еще хлеще. А он – в Иран! Так тебя, мордатого, там и ждут в Иране-то!

– Это уж точно! – поддержал Медвинского Авдеев. – Там и без нас сачков хватает. На передовой воевать некому, а посмотришь – в тылах придурков ошивается – не повернешь, да еще вон один собрался!

Казалось бы, тема исчерпана, но ребята продолжали лениво спорить, незлобиво с подковыркой переругиваться. Просто было нечего делать.

Время шло, и начавшееся сильное волнение на море переходило в откровенный шторм. Окрепший ветер гудел и свистел в такелаже, в мачтах, он ухитрялся свистеть и шуметь даже в зубах, если повернуть ему навстречу голову и слегка приоткрыть рот. Теплоход то и дело задира к небу свой нос, а море перед ним проваливалось, уходило вниз, но через секунду оно заполняло собой почти всё небо. Нос теплохода падал, на него с шумом накатывался огромный зеленовато-серый, украшенный пеной вал, он с грохотом разбивался о корпус теплохода, корабль вздрагивал всем своим железным телом, белые брызги летели в стороны, вверх, белая пена обрушивалась на палубу и катилась по ней до палубных построек. Ветер срывал с высоких волн пену, нес её над взбесившейся водой, по морю стелились длинные седые волокна. Над морем стоял какой-то туман от брызг и пены, наша одежда, крашенная поверхность корабельных надстроек, вся палуба стали мокрыми. За грохотом, шумом и плеском волн не слышно стало голоса товарища, разговор погас сам собой. Все молча смотрели на разбушевавшийся Каспий, держались руками за какие-то скобы, упирались в выступы ногами. Изредка кто-нибудь громко говорил, так чтоб было слышно:

– Во дает! Во дает!

– Во чертов переполох!

А шторм все набирал силы, ветер крепчал. Я никогда в жизни не видел такого стремительного бега низких туч и такой свирепой стихии. Теплоход все круче задира нос, оседал на корму, переваливался с борта на борт. Горизонт давно исчез в седой мгле, из которой накатывались бесчисленные высокие и тяжелые волны.

«Вот и крещение! Через это надо пройти и это уже не шутки для салажат, даже опытные ребята притихли», – думалось мне. А ноги стали противно дрожать, стали ватными, непослушными, а в желудке, где-то под ложечкой, стал появляться какой-то неприятный комок. «Н-да, если так вот до самого Ирана, то осрамлюсь, ей-богу, осрамлюсь!» Что-то подсказывало мне, что надо двигаться, может быть, движение отодвинет угрозу морской болезни. Нашему пути, как и шторму, не было конца, а день явно заканчивался, небо потускнело, потемнели волны, только пена морская словно светилась белым огнем.

Подосенов осторожно предложил:

– Шут его знает, что ночью с морем будет? Надо бы узнать, что там в кубриках.

– Правильно. Кто смелый? Кто пойдет? – спросил Авдеев.

И здесь, конечно же, вынесло меня, салагу! Если бы это произнес Бельтюков или

Соловьев, мне бы не показалось постыдным ответить: «Нашли дурака», а здесь говорил Авдеев. Его авторитет незаметно как-то стал для меня непререкаем, мне очень хотелось, чтобы именно он заметил мою решительность и отвагу. С таким же чувством, как несколько месяцев назад я висел над пропастью лестничного пролета на 7-м этаже, как я шел по самой кромке крыши высоченного здания, приучая себя к чувству опасности и риска, так и сейчас – вынесло меня. Опытные, закаленные моряки не торопились с ответом, а я вот взял и выскочил, а теперь уж обратного хода нет.

– Давай, – согласился Авдеев. – Только осторожнее. Крепче за поручни держись, на ноги не очень надейся – палуба сейчас скользкая. А то, может, и не ходи.

– Да нет, я пойду, прогуляюсь, – ответил я как можно беспечнее и стал сползать вниз. Прямо под нашими ногами сидели ребята, прижимались к палубной надстройке, цеплялись за что-то. Я ухватился за начищенный медный поручень и пошел по палубе. Меня кидало на этот поручень, потом палуба уходила из-под ног, ноги скользили, их лизала шипящая пена. Что греха таить, конечно, было страшно. Палуба была пустой. Люди, которые не пошли в кубрики, лепились по надстройкам, было такое впечатление, что большой белый теплоход облепили какие-то насекомые и сосут из него кровь. Теплоход «Туркменистан» тащил на себе много людей и груза, очень много.

Ветер здесь оказался еще холоднее, еще злее. Я дошел до белой двери, опустил ручку защелки. За дверью, без всякой площадки, начиналась крутая лестница, уходившая вниз, в черную пропасть, где желтый свет электролампочек не освещал ровным счетом ничего. Теплоход качнуло, дверь громко хлопнула за моей спиной. Держась за поручни, я с трудом опускался по плавающим под ногами ступеням куда-то вниз. Глаза понемногу привыкли к темноте, я стал видеть какой-то длинный коридор, сплошь заваленный человеческими телами. Было душно, пахло чем-то кислым, на полу скользкие размазанные лужи содержимого рвоты. От качки люди ползали по полу, их тела сносило то в одну, то в другую сторону. Кто-то стонал, кого-то еще рвало, кто-то отчаянно матерился...

Нет, это не для меня! Я полез обратно вверх по лестнице, а она становилась дыбом, и я с трудом удерживался на руках, она падала куда-то вниз и становилась параллельной земной поверхности. Меня кидало из стороны в сторону так, что я не сразу поймал дверную ручку. Открыл дверь, ветер ударил меня в грудь и лицо, а впереди перед носом теплохода выросла горой волна, одетая ажурной белой пеной, и на её вершине лохматые вихры, они выются, их треплет ветер... Тяжелый удар о корпус, фонтаны брызг, грохот, плеск, шипение, пена летит прямо на меня, злобно лижет ботинки и кидается в сторону... Я добрался до своих ребят. Оказывается, мы нашли сравнительно тихое место. Когда я рассказал об увиденном в чреве нашего теплохода, все решили оставаться на месте до конца и будь что будет! К каким-то металлическим крючкам и петлям мы привязали свои вещмешки, винтовки, шинели постарались надеть на себя.

Ну и погодушка! Ну и Каспий! Наш теплоход стал казаться очень ненадежной скорлупкой среди взбесившейся стихии.

И тут закричал Авдеев, закричал громко, чтобы его слышал каждый:

– Братва! Сытому тунуть легче, чем голодному! Давай ужинать, пока не стемнело.

Мне это предложение показалось шуткой, но после недолгого колебания оно было принято. Мы спустились со своего люка. На сырой палубе расстелили шинель. Слава Богу, сюда долетали только брызги. Медвинский с Кудряшом решили готовить порции для каждого с таким расчетом, чтобы осталось что-то на утро. Медвинский развязал вещмешок, передал Кудряшу буханку хлеба и почему-то остановился.

– Ну, ты шо там застряв? – спросил Тарасенко, плечистый, рослый украинец.

– Шо, шо! Консервов нема, сахару нема! – недоуменно ответил Медвинский.

– Як нэма? Хто сховав?

Осмотрели еще один какой-то мешок, но и там ничего не осталось.

– Что случилось? Смело что ль? А сидоры все целы? – кричал Кудряш.

– Хлопцы, кто учудил? – уже строгим голосом спросил Медвинский.

Авдеев окинул всех каким-то недобрый взглядом, хмыкнул в бороду и выжидательно осмотрел каждого. Все молчали. Тогда он громко и решительно сказал:

– Мне не нравятся что-то такие шутки. А ну, без обиды, все вытряхайте свои сидора!

И первый вывалил содержимое своего вещмешка на шинель. Ничего похожего на продукты в нем не оказалось. Я тоже, как и остальные, отвязал от скобы свой вещмешок, спустился и стал его развязывать. И здесь вдруг мне стало страшно: а если продукты в нем? Я знал, что не убирал их туда, ну, а если? Сердце дрогнуло, когда я на долю секунды представил презрение, которым обольют меня мои товарищи. Дрогнувшими руками я развязал вещмешок. Авдеев взял его у меня из рук и вытряхнул все на шинель. Из мешка вывалилось вафельное полотенце, три книжки – сочинения Лермонтова и два учебника по морскому делу, одна общая тетрадь, пачка махорки, пара карандашей, портянки, мыло, носки... и все!

– Во, салага... Он еще учебники таскает, думает, что его чему-то учить будут – удивился кто-то из ребят, а Авдеев только махнул рукой – собирай мол!

Я быстро попихал все обратно в мешок. Страхи прошли, и возникло любопытство – где же продукты? Ребята один за другим вытряхивали мешки, но из продуктов только у одного Тарасенко оказался шматок сала. Сало нам не выдавали, поэтому он был вне подозрений. Тем временем Берия, остававшийся в стороне, как-то незаметно поднялся, отвязал свой вещмешок и, на подламывающих от качки ногах, побрел куда-то к корме.

– Эй, гусь, подожди-ка! – крикнул Авдеев, но Берия продолжал идти. Тогда Соловьев, как-то ловко подхватив беглеца за поясной ремень, водворил его в центр нашего круга. В нервных и злых криках Берии, в его прячущихся глазах было видно, что мы поймали вора. Он впился жилистыми руками в свой вещмешок, но Авдеев одной рукой уперся Берии в грудь, а второй так рванул мешок, что он оказался у него в руках. Мгновение – и из мешка на шинель вывалились банки с консервами, хлеб, сахар, в общем, всё наше добро. Берия пытался схватить хлеб, что-то кричал, ругал Авдеева, но его так же быстро вытолкнули из круга.

– Ничего себе! – удивился Подосенов. – Во гусь! Ну точно, вот она, банка, я её еще финкой процарапал, открыть хотел, да вы завопили, и сахар, и даже табак! И этот гусь еще такую фамилию позорит!

Когда успел этот несчастный Берия опустошить наш общий мешок? Зачем он это сделал, на что надеялся? Ведь всё равно, он должен был знать это, мы хватимся и будем искать пропажу. Единственно он мог посчитать, что в такой шторм нам будет не до ужина, а там видно будет. И ошибся. Авдеев оставил из продуктов примерно половину, остальное убрал в вещмешок Медвинского и сказал:

– Это на утро. Советую всё разделить на девятерых, а этому, – он кивнул в сторону Берии, – до утра жрать не давать! Что б знал!

– Пачему, пачему?! Отдая моя доля! Моя доля! – кричал Берия, но его уже больше никто не слушал. Ему бы подождать немного, ребята остыли бы от приступа злости. Но Берия еще что-то кричал. В это время поднялся Тарасенко и сказал так, чтобы его слышали все:

– Пиду ций шматок сала принесу.

Он поднялся, ухватился за поручни и неуверенно пошел к своему месту, а в это время рассерженный Берия, изгнанный из общего круга, наказанный тем, что остался без ужина, поскользнулся на мокрой палубе и отлетел туда, где лежали его вещи – шинель, винтовка, плащ-палатка и выброшенный из круга его вещмешок с какими-то узелками. Берия схватил винтовку, взял её как палку за ствол и сзади пошел на Авдеева. Потом всё произошло непоправимо быстро... Берия, не обращая внимания на занятого своим вещмешком Тарасенко, подошел на расставленных циркулем ногах сзади к Авдееву и

широко размахнулся винтовкой, норовя ударить его прикладом по голове, но в ту же секунду Тарасенко вскочил на ноги и вцепился в шейку приклада своими чугунными пальцами. Берия что есть силы рванул на себя винтовку, в этот момент борт стремительно стал падать вниз, Тарасенко не удержался на ногах упал и выпустил из рук винтовку. Берия отлетел к фальшборту, ударился о него спиной, в воздухе мелькнули его тонкие ноги в ботинках и серых обмотках. Борт опускался всё ниже, за ним горою выросла волна, борт снова пошел вверх, но... Берии не было. Я все видел и оторопел, не успел даже крикнуть. Всё произошло непостижимо быстро. Может быть, и Берия что-то кричал, но всё потонуло в тяжелых ударах и шуме волн. Тарасенко, я, еще кто-то кинулись к борту. Крен в это время выровнялся, но Берия исчез в море, его не было видно. Только грохочущие волны, только полосы растянутой по ним седой пены, соленые брызги, ошалелый ветер и ничего больше. Мы отошли от фальшборта и все стояли, словно онемевшие. Если хоть что-то было заметно в волнах, мы, конечно, подняли бы тревогу, но море мгновенно схватило свою добычу, море не умеет шутить.

– Братцы! Так что ж теперь? Я ж не хотыв... Вин же Грышу прыкладом... Вы ж усэ бачилы... Я ж не хотыв...

Бледный, перепуганный Тарасенко лепетал побелевшими губами. Позже всех разобрался в случившемся Авдеев – все произошло за его спиной и очень быстро. А время бежало: секунда, вторая, третья – мы, ошарашенные происшедшим, теряли эти секунды, ничего не предпринимали, а вместе с секундами возрастала вина, тяжелая вина каждого из нас. Что делать? Кричать – не услышат в этом содоме, стрелять – не сразу поймут.

– А-э-э! А-э-э! Человек! Чело-о-овек... – завопил Костя Кудряш, а в этот момент борт снова провалился в бездну, Костя ударился о люк головой, чуть не слетел и голос его оборвался, его никто не услышал.

Все понимали, что спасти упавшего за борт уже невозможно. Этот человек, носивший такую памятную фамилию, непонятно как оказавшийся в нашей компании, исчез таким страшным образом.

– Так! Давай тревогу, давай! – всё еще кипятился Костя.

Авдеев сам подошел к фальшборту, опасно перегнулся через него, вцепившись рукою в какой-то натянутый трос, и долго смотрел в волны.

– Все, братва. Конец этому Берии, – произнес Авдеев.

Никто с ним не спорил. Мы просто не знали, что ж теперь делать.

– Нажили приключений на свою задницу, – растянуто произнес Медвинский.

А время шло. Тарасенко считал себя виновным, с тревогой смотрел в наши лица. А время бежало и каждая секунда, как печать, утверждала непоправимость случившегося.

– Так что ж, братва, значит, следствие будет. Трибуналом все это пахнет – решил Соловьев.

Тарасенко чуть не плакал, он повторял бессвязно одно и то же на одной ноте:

– Так вы ж бачилы... Я ж ну ничего... Не бив я його...

Что ж делать? Бежать на капитанский мостик? Кричать? Конечно, будут теперь искать виновного. Попадет либо нам, либо команде теплохода – почему они разместили солдат на палубе! А поди ж знай, что разыграется такой штормяга... Еще секунда, еще.... Всё! Теперь время потеряно окончательно! Молчать? Так ведь человек погиб! Конечно, если бы не Тарасенко, то этот Берия проломил бы Грише голову прикладом! Но теперь каждому придется доказывать, что он не верблюд. Да еще эта проклятая фамилия у погибшего. Здесь каждый следователь мотать начнет – а вдруг родственника самого Берии загубили? Ох, и начнется же здесь! А теплоход теперь далеко уже ушел, к тому ж темнеет быстро.

– Что делать-то будем? – спросил Медвинский, но ему долго никто не отвечал.

Потом тот же Авдеев принял решение. Он начал издали:

– Хлопцы, вот честно скажите, среди нас лягавые есть?

Все недоуменно молчали.

– Да вы не бойтесь, – продолжал Гришка, – не бойтесь и скажите напрямую, кто завтра докладывать побежит? Если кто пойдет – пусть скажет честно. Я к чему. Можно, конечно, сейчас на капитанский мостик забраться. Что будет? Сейчас застопорят машину, развернутся, но человека уже всё одно не найти, время только потеряют. Будь он Авдеевым или Кудряшем, то и машины стопорить не стали бы – уже теперь всё, с концами! Но фамилия у него такая, что здесь даром ничего не пройдет, здесь всем нам могут дело состряпать...

– Это точно! – согласился многоопытный Соловьев.

– Так вот, если кто-нибудь пойдет докладывать, то давайте честно говорить, всё как было. Здесь нам придумать нечего, сам свалился и всё!

– А можно всё и по-другому, – Гришка всё время кричал, стараясь пересилить сатанинский шум моря. – По-другому можно! Страшно ему на палубе стало. Ну, выдали ему паёк и ушел он от нас. А дальше мы и ведать не ведаем. Поняли что ль?

Мы замотали головами в знак того, что поняли. Второй вариант нашего поведения понравился почему-то больше. Конечно, это свинство, может быть, но куда денешься от морского железного братства! Вот оно, первое испытание на прочность дружбы и характера.

Так в то время думалось мне, и я безоговорочно подчинился общему мнению, тем более что время ушло для объявления тревоги, да и этот Берия был несостоящим человеком.

– Тогда вот так, братва! Молчок! Поняли все? А ежели кто трепанет, то из задницы ноги сам поведу!

– А что поделаешь? Христос с ним. Но всем наука, – вздохнул Бельтюков.

Стало совсем темно. Шторм никак не унимался, всем было не до сна. Мы упирались ногами в какие-то выступы, онемевшими пальцами держались за какие-то скобы. Все понимали грозную опасность, которая нависла над каждым – сыграешь за борт почище Берии. Попытаться пройти вниз, в кубрики, сейчас в темноте и при такой качке трудно и рискованно, да и внизу, как вспомнишь этот темный коридор и заблеваный пол, так с души воротит. Не было конца нашим мучениям. Качка выматывала всю душу, отнимала последние силы. Кто-то из ребят в темноте матерился при особенно сильных кренах, кто-то стонал, но до утра далеко, а эта пытка, по крайней мере, до самого утра. Нестерпимая пытка! Мне даже не верилось, что я выдержу до утра, но иного выхода не было, иное – только гибель. В черной темени ночи, заполненной свирепым ветром, грохотом, плеском и шумом волн, были видны только мечущиеся белые призраки пены. В лицо летели брызги, одежда промокла, было холодно, но нужно держаться, а руки онемели, пальцев я вроде бы и не чувствовал. Среди этой сумасшедшей ночи, словно в бреду, мне показалось, будто две черные тени спустились вниз на мокрую палубу и через некоторое время снова выбрались на люки машинного отделения.

– Все в порядке!

– Добро.

Услышал я чьи-то голоса. Наверное, тоже пригрезилось. Глубоко под нами немолчно* стучали дизели, по-прежнему горели тусклые желтые лампочки, машинное отделение было заполнено каким-то голубым туманом, в нем, как призраки, появлялись и исчезали тени машинистов.

Ранним утром в разрывах туч проглянуло зеленоватое, холодное предрассветное небо. На западе стеной громоздились зловещие темные тучи. Мне показалось, что ве-

* Немолчно – непрерывно, не замолкая.

тер стал стихать, но волны продолжали реветь, бесноваться, горами вырастали за бортом и внезапно проваливались в преисподнюю. Теплоход раскачивало всеми видами качки и теперь действительно больше не доставало сил держаться возле этих проклятых люков. На душе было до того муторно, что сама смерть вдруг показалась избавлением от нестерпимых мучений, чувство страха как-то притупилось, неприятный шевелящийся комок под ложечкой стал большим, он заполнил весь организм, подступал к горлу. «Сейчас меня будет, наверное, рвать. Осрамлюсь. Ну и шут с ним, теперь уже все равно!»

Из-за нагромождения туч на западе вроде бы стал просматриваться берег. Рассвет наступал быстро. Море было зеленым и седым от пены. Один вид берега (и неважно, что он еще далек) все-таки вселял некоторую надежду на спасение, прибавил немного сил. Теплоход «Туркменистан» малым ходом приближался к гавани, но эта спасительная гавань почему-то нас не принимала. Теплоход остановился на внешнем рейде, и его трепали волны. Качка, сколь ни велик размерами теплоход, особенно по сравнению с нашей баржей, все-таки истрепала даже видавших виды моряков.

Наконец, теплоход «Туркменистан» выбрал якоря, гуднул простуженным голосом, и очень медленно к нам стал приближаться берег. Самым тихим ходом прошли неширокие ворота порта. Ночной шторм так раскачал нашу посудину, что она еще долго переваливалась с борта на борт и с носа на корму.

Мне до жути, если признаться честно, надоело море, шатающаяся палуба, но теплоход не спешил к причалу. Берег нас не принимал. Нам пришлось торчать на воде еще часа полтора. Причалы порта были пустыми. Незнакомый город прятался за листвою растрепанных ветром акаций. Солдатский телеграф сработал и на сей раз: кому-то и от кого-то стало достоверно известно, что город этот Махачкала, а не выгружают нас по той причине, что на борту холера. Еще перед Астраханью нам выдали винтовки, патроны, но принадлежим ли мы к какой-нибудь части, кто наш командир – нам было неизвестно. Совершенно стихийно своим командиром мы признали Авдеева, за него были готовы идти в огонь и в воду, выполняли все его распоряжения. Небо затянулось снова серой пеленою, там, за волноломом, ревели и билось море, а здесь было относительно спокойно.

Наступило то время, когда зашумели лебедки, и началась выгрузка. Из трюмов выползали солдаты с бледно-зелеными лицами, в перепачканных шинелях. Наша группа провела бессонную ночь, полную тревог, но по сравнению с трюмниками мы выглядели гораздо лучше.

По узким сходням бесконечной цепочкой спускались люди, завывал мотор лебедки, и из трюма выползали различные грузы, они проплывали над палубой и медленно опускались на каменный причал. Раздавались крики: «майна, майна» или «вира!» При последней команде пустой крюк отрывался от груза, поднимался вверх, стрела поворачивалась, и крюк опускался в бездонную глубину трюма. Когда на причале скопилось достаточно народа, Авдеев командовал:

– Пошли. Пора, братцы.

Я с большим трудом встал на ватные ноги, покачиваясь, прошел по сходням, и вздохнул, почувствовав под ногами милую и надежную земную твердь. Мне казалось, что сейчас налетят на нас какие-нибудь командиры, и все будут допытываться у каждого из нас, куда делся Берия. Но этого не произошло. Правда, кто-то крикнул нам:

– Эй, салаги, чего рты разинули! Давай все сюда!

На причале стояла походная армейская кухня, никаких лошадей, конечно, не было и мы должны были тащить эту кухню на себе, до самого места нашего временного расположения.

Гриша Авдеев деловито обошел кухню, поплевал в ладони и взялся за дышло.

– Пристяжными со мною Бельтюков и Тарасенко пойдут, а остальные сзади толкайте. И чтоб без придури! – командовал Авдеев.

Мы взялись за работу, и кухня неожиданно легко и быстро покатила по причалу. Провезли её по территории порта, выехали за ворота и оказались на улицах города, застучала наша кухня ошипованными железом колесами по булыжной мостовой. Город действительно оказался Махачкалой. На улицах народ почти не встречался, ветер шумел в листьях высоких акаций и гнал пыль по мостовой. Соловьев неожиданно затянул какую-то блатную песню:

*Ты ходишь пьяная,
Бледноусталая
По тёмным улицам
Махачкалы...*

Но эта блатная самодеятельность не нашла поддержки и угасла. Ванька Подосенов затянул более подходящую:

*Волга, Волга – мать река,
Широка и глубока,
Ай-да да ай-да, ай-да да ай-да
Широка и глубока!
Мы по бережку идем
Песню солнышку поем...*

Оказалось, что многие знают эту старую бурлацкую песню, а кто не знал, тот старательно подхватывал её немудреный припев. Акомпанементом нам служил громкий стук колес по мостовой. Со стороны это может быть выглядело смешно, но нас ничто не смущало. Таким манером мы довольно быстро прошли сонный одноэтажный городок, дальше тянулись каким-то проселком и пришли на самый настоящий виноградник, огороженный железной проволокой на деревянных столбах. Здесь мы оставили в покое свою кухню и стали располагаться прямо на пыльной земле под невысокими виноградными лозами. Видно, это был какой-то поздний сорт винограда, кисти висели с мелкими, чуть больше фасоли, матово зелеными виноградинами. Ягоды были нестерпимо кислыми, – скулы судорогой сводило. Никого не удивляло наше, мягко сказать, неудачное месторасположение – в армии всё бывает, могло быть и хуже. Вскоре на разостланной шинели стали делить оставшиеся продукты для завтрака. Авдеев посмотрел на порции и зло буркнул Кудряшу, раскладывавшему краюхи хлеба:

– Думай головой, а не задницей. Сколько порций нарезал?

– А что?

– А то!

Кудряш пересчитал, взял одну порцию, разрезал её на части и добавил к оставшимся девяти. Каждый невольно вспомнил вчерашнее страшное происшествие, но никто говорить об этом, вспоминать что-либо не стал. Молча и быстро мы справились с завтраком. После бессонной ночи, после завтрака мы все до единого завалились спать под виноградной лозой. В ушах у меня еще стоял грохот шторма, свист ветра, а перед глазами вздымались те страшные волны, украшенные морской пеной. Всё, что случилось, что я видел, было со мною впервые, в том числе и моя некоторая причастность к тайне человеческой смерти – всё впервые. Началась совсем другая жизнь и всё, что было до неё, казалось маленьким, очень давнишним и даже неправдоподобным.

Конечно, я видел, что Тарасенко не толкал этого несчастного Берия за борт, этот жулик рванул винтовку, а её уже Тарасенко не держал, а здесь борт пошел круто вниз от волны, ну вот Берия и сыграл за этот борт. Это стечение обстоятельств, это несчастный случай, здесь нет прямого виновника. Но... как теперь всё это обойдется? Вещей Берии,

в том числе и винтовки, я нигде не видел. Значит ночью. Те двое. Всё ясно. Улики тоже полетели в море, а оно умеет хранить тайну. В этом деле и сам Берия повинен: зачем он украл продукты, для какого шута полез драться? Вот если бы он ударил прикладом Авдеева, то его непременно и сознательно выбросили бы за борт. Тогда стоило бы! А сейчас мы просто виноваты в том, что молчим, а как не молчать: если бы утонул я, то в течение минуты всё списали бы на войну. А тут кто? Берия. Может, он и вправду родственник? Не может быть – был бы родственник, то не ошивался здесь вместе с нами, ходил бы в пенсне, покрикивал бы на кого-нибудь... А тревогу поднимать, так вон Кудряш кричал, да разве в этом аду услышишь?!

В войну у вооруженных людей складывается особый коллектив, и права у него особые, и правда тоже своя. Мне с этими людьми идти в бой – вот она и вся правда.

Меня разбудили уже за полдень. Август, но было немного прохладно. С моря всё тянул ветер, крутил на дороге пыльные смерчи, гнал по серому небу низкие синие волокна туч. Снова построение. Откуда-то взявшийся лейтенант построил шеренгу ребят, приказал рассчитаться, а потом Медвинский и Авдеев вместе составили список личного состава человек на сорок и отнесли его тому лейтенанту. Из нас сформировали взвод, и его командиром временно назначили не Авдеева, а Медвинского. Потом уже взвод разбили на отделения, и я оказался в отделении Подосенова. Ваня Подосенов собрал всё свое отделение и предупредил сразу: «если хоть одна душа без его ведома попытается уйти из виноградника в самоволку, то он жаловаться ни к кому не пойдет, он просто открутит виновному голову и скажет, что так и было».

Но никто и не рвался в самоволку, тем более, что за проволокой нашего виноградника почему-то ходили часовые с винтовками, и ими решительно пресекались все попытки не только удрать на дорогу, но и просто подойти к проволоке внешнего ограждения. Может, так нужно, но в связи с этим снова поползли слухи о случае заболевания холерой на теплоходе и о том, что нас посадили на карантин. Сколько будет продолжаться этот карантин, никто не знал. Но никаких других случаев заболевания холерой не было. Правда, случилось другое: вечером у многих начался понос, а ночью этим vulgarным поносом страдала половина всех тех, кто находился в винограднике. И всему виной был этот проклятый несозревший виноград. Кому-то пришло в голову давить из него вино. Эта идея оказалась заразнее холеры. Технология оказалась простой, как всё гениальное. Нужно было набрать этих зеленых и зверски кислых виноградных кистей в полотенце и выдавить сок в чей-нибудь котелок. Потом этот сок перелить во фляжку и закопать её в землю по горлышко. Через два часа вино готово! Конечно, это не благородный портвейн и даже не самогонка, но, говорят, что похоже на сухое вино. Что это такое – сухое вино, я тоже не знал и сроду его не видел, даже представлений не имел. Наши специалисты вроде Бельтюкова мне популярно объясняли:

– Подумаешь – вино! Ты знаешь, что не только вино, но и сухой спирт бывает?

– Слышал. Знаю.

– Вот и вино так же, как спирт. Возьмешь такую небольшую таблетку, в воде разведешь и готово, пей на здоровье. Конечно, кислое оно и крепости в нём никакой. Примерно так – полведра этого вина может заменить всего сто грамм водки. Понял?

Я догадывался, что познания наших технологов виноделия, по крайней мере, несовершенны, но по сравнению с моими и это уже что-то. Под каждой лозой были закопаны в пыльную землю фляжки, даже просто котелки стояли с мутно-зеленым соком. Часа через полтора у нас началась повальная пьянка. Мы пили напиток, который можно сравнить только с соляной кислотой высокой концентрации – глаза на лоб лезли, но мы терпели. Потом мы дружно пели морские песни. Большой популярностью пользовалась песня про Петьку с Кузькою. Я запевал, а последние две строчки пели все хором:

*Когда в гавани в сером саване
Спать на рейде легли корабли,
Петька с Кузькою сходней узкою
Шли на берег, считая рубли.*

*На разбавленный, спирт отравленный
Положили теперь они крест.
Шли в столовую, выпить новую,
По дороге зашли в пиццетрест.*

*Выпив первую, рыжей стервою
Петька Кузьку назвал в третий раз,
За язычество электричество
Кузька Петьке поставил под глаз.*

*Когда в гавани в сером саване
Просыпались от сна корабли,
Петьку с Кузькою сходней узкою
Кочегары-друзья волокли.*

Пусть не очень содержательная, но вполне популярная песня, вполне подходящая к тому моменту. Пели много, пели старые наполовину пиратские песни, пели «Варяга», тосковали и клялись в вечной боевой дружбе под «Раскинулось море широко». Вроде бы действительно опьянели. Но к концу дня всех, кто пил прохватил банальный понос. Мы подозревали причину, и тот технолог виноделия старался не попадаться на глаза, но вот начальство чего-то перепугалось, даже военврач приехал и осматривал всех. Потом нас поили слабым раствором марганцовки, и мучения к ночи кончились.

Уже перед утром нам сыграли подъем. В темноте всё перемешалось, временные взводные не знали еще своих людей, люди – взводных, толчея, крики. В нашем отделении оказалось теперь почему-то не девять, а одиннадцать человек. В конце концов и с грехом пополам построились в колонну по три, песен не пели, вконец измученные поносом шагали куда-то в поле. Наступивший рассвет прояснил обстановку. Мы были на большой товарной станции, где нас уже ожидали товарные вагоны.

* * *

Для солдата нет ничего приятнее езды в железнодорожных вагонах: во-первых, это не передовая, здесь совершенно спокойно, во-вторых, тебя никто не истязает строевой подготовкой и не мучит изучением правил подхода и отхода к командиру. Только иногда здесь проводятся читки газет, реже политбеседы, но это даже интересно, приятно побеседовать с информированным и умным человеком. Куда нас везут, мы не знали, это было военной тайной. Разговоры об Иране уже давно затихли, нас явно везли не в ту сторону.

Колеса равномерно и ритмично стучали, доски нар пружинисто покачивались, поезд шел медленно, но никто из нас не торопился, многие спали, у открытой двери собрались наиболее любопытные, а некоторые сидели на досках и слушали Гришу Авдеева. Это было странно, он был неразговорчив, никогда не исповедовался, а тут на тебе, разговорился. Я хотел перевернуться на другой бок, но рассказ показался мне интересным и я невольно прислушался.

– Да, это бывает. А за что тебя на берег-то списали? – спросил кто-то из ребят.

– За что? Списывают на берег всегда за громкое, но неумное поведение.

– А все-таки? Расскажи, что было-то?

– Вот так и было. У нашего брата это всегда просто бывает. Где-то перед войной мы в Данциг пришли, в ту распроклятую Германию, с грузом, конечно, – рассказывал не спеша Авдеев. – Погодка в то время на Балтике была хуже, чем на Каспии прошлой ночью. Всю душу вымотало. Отшвартовались, значит, начали разгрузку. Война-то уже на носу была, только мы того не знали, однако, заметили, что немцы какие-то не те стали, что-то не то у них. Военных кораблей полна гавань и в море на рейде маячат, одни грузятся, другие разгружаются. На берег сразу никого не пустили, а потом разрешили сойти пятерым. Я вот в той пятерке-то и оказался. Ребята все были крепкие, молодые, по силушке-то я у них в середнячках ходил. Да, значит, отпустили нас на берег, но предупредили, чтоб дальше порта ни ногой. Ну, в таком разе, что делать-то остается. Снабдили нас малость марками – так баловство одно, и закатились мы всей компанией в пивную, недалеко от причалов. Чистенько там у них, сигарами накурено и народу не то, чтоб очень. Мы, конечно, за столик и сейчас же к нам баба в фартучке – что, мол, господа матросы желают? Желание-то у нас конечно известное – попросили по 150 грамм водки и по два пива. А она, стерва, ну никак не понимает, что это такое сто пятьдесят грамм. Я взял этот стакан, показал ей примерно отметину и говорю: «Битте шнапс унд цвай биер», вроде все как надо сказал, а она, Европа окаянная, принесла нам по две кружки пива, поставила рюмочки малые и сто пятьдесят грамм водки на всех...

– Вот ведь стерва неграмотная! – возмутился Бельтюков.

– Не перебивай! – осадил его кто-то из ребят.

– Н-да! Смех нас, конечно, разобрал, – продолжал Авдеев, – втолковываем ей, что нужно фюньф шнапс. Она принесла быстренько. Потом встала за стойку и смотрит, как мы этот шнапс пить будем. Ну, мы, как и положено, тяпнули единым махом, и сидим пиво пьем, тихонечко разговариваем промеж себя. Ведем себя культурно, как нас учили, чтоб ни сучка, ни задоринки. Только было мы собрались еще по кружечке, смотрим за два соседних столика здоровые ребята-немцы пришли, человек восемь их было, все мордастые, молодые, в кожаных куртках, а на рукавах у некоторых значит эта повязка со свастикой. Сидят, что-то лопочут и на нас этак косо посматривают.

Эта шинкарка, которая нам подавала, из-за стойки куда-то скрылась, перед нами пустые кружки. Вот тут-то и начали эти субчики, то вроде бы нечаянно локтем толкнет или невзначай стулом спину нам давят. Чуем мы, что неспроста всё это, что они скандал затевают, ну от греха мы решили смотаться по-тихому. Положили мы, значит, деньги на стол, как это у них там положено, а сами к двери. А тут один этот хмарь вскакивает, дверь собою загородил и давай орать что-то. Первым к двери наш старший матрос шел, так он даже культурно так и говорит фрицу: «не болтайся, мол, как дерьмо в проруби, дай выйти по-хорошему». А фриц этот опять что-то кричит по-своему, да этого матроса за грудки схватил, тот по рукам его. А тот, гад, как вдарит чем-то нашего дружка по голове, он сразу со ступенек скатился, кровь у него по лицу, а остальные хмыри, как эту кровь увидели, так сразу, как акулы, на нас кинулись. Ну и пошло тут. Один гад мне в челюсть метил, да я его руку перехватил и в морду ему, он к стойке отлетел. Тут крики, визг! А на меня второй, я и ему под дых, он под стол. В моего кореша бутылкой кинул, тот как-то увернулся, зато один мой друг прямым как врежет ему промеж глаз, тот тоже на пол. А старший матрос-то, которому первому попало, очухался, встал на ноги, а здоров он был, ну, до невозможности, он еще одному врезал так, что тот через стол летел, кружки вдребезги. Один гаденыш за нож схватился, так наш Васька ему флотской пряжкой как врежет, а она у него с обратной стороны свинцом была залита, этот фриц сразу глаза закатил и на пол. Тут уж совсем пошло, только скулы трещат, посуда звенит вдребезги, визг, рёв – куда там. Раскидали мы этих фрицев, сами в дверь и бегом на свою коробку. Дождь здесь сильный был. Пришли с синяками, конечно, не без этого. Старпому доложили всё по-честному, как на духу. Он нас и выmaterить еще не успел, как к трапу

полиция на машине заявила. Наш старпом не дурак, он нас быстренько боцману сплавил и велел спрятать так, чтоб сам господь бог не нашел. Почти сутки мы сидели почти не жравши. Потом нам рассказали, что полиция требовала выдать нас, хулиганов, для предания суду. Двоих пострадавших фрицев привозили, но они из дежурных матросов никого опознать не могли, в общем, их как-то сплавил с корабля и замяли то дело. Как в море вышли, так нас на свет божий выпустили, накормили, а как на родной берег ступили, так нас милых сразу с корабля и списали. Одних разговоров было, не дай бог, даже с МГБэшником разговоры вели. Пришлось мне на берегу покрутиться, кем только не работал. Обидно, конечно, было. Самая большая обида она всегда от несправедливости бывает. Гриша замолчал и начал сворачивать сигарку.

– Так что ж, выходит ты в военморфлоте-то и не был?

– Вот, салага! Да я на флоте действительную отслужил. А война-то как началась, я сразу сам в военкомат с заявлением, хочу, мол, снова на море. Меня взяли, только вместо моря, вот топаю с вами, салагами.

– Во, брешет! – сказал кто-то из ребят, но Гриша не среагировал на грубость, он сосредоточенно прикуривал свернутую огромную сигарку. Мы въезжали в какие-то теплые края, небо от туч очистилось, какие-то золотистые клочья тумана висели над зарослями деревьев, проплывали назад скучные выжженные солнцем холмы. Состав тянулся на север и там, в небе, вздыбилась в голубом мареве огромная гора, склоны её сильно поросли лесом, а выше скалистые утесы, и к одному из них прилепилось снежно белое облачко и отбросило тень на склон той горы. Вот она... «тучка золотая, на груди утеса-великана»... Прямо как иллюстрация, только живая и чудно красивая. Вначале эту гору я за высокую тучу принял. А как не принять - впервые в жизни это диво видел. Опять впервые! Впервые и так красиво. Если бы еще и войны не было! Гора, по мере нашего движения, приближалась, воздух становился прозрачнее и невозможно было глаз оторвать от этого чуда. Солнце набирало силы, становилось в вагоне жарко, колеса мирно стучали, и теперь не верилось, что сутки назад мы болтались в свирепом море... И этот Берия! Опять Берия! Долго он будет ходить за мною?

Наше путешествие не было очень долгим. У совершенно маленькой станции Энгель-Юрт наш состав звонко застучал тарелками буферов, судорожно задержались вагоны, заскрипели колодки тормозов и вдруг всё оглушающая тишина вокруг, только далеко впереди паровоз стрелял горячим паром в голубой воздух. Мы полагали, что поедем дальше, но от вагона к вагону полетела команда: «приготовиться к выгрузке!» Так получилось, что у нас была открыта левая дверь, а выгружаться следовало в правую. С большим трудом, со скрежетом, визгом мы открыли правую и дружно попрыгали на совсем маленькую насыпь. Потом нам пришлось помогать разгружать из вагонов кухни, повозки, какие-то ящики, мешки, и все это перетаскивалось от дороги в посадку угрожающе колючей акации. После того, как вся работа была закончена, мы ждали очередной команды, сидели в пыльной траве, курили и гадали о том, что с нами будет дальше. Медвинский пошел к начальнику эшелона и вскоре вернулся с каким-то лейтенантом. Весь наш взвод построился в колонну по три и нас повели по пыльному проселку между бесконечно широкого поля, где стеной стояла высоченная кукуруза, кстати, эту живую кукурузу я тоже увидел впервые. Если честно сказать, то я очень походил на существо, только что свалившееся с луны – все для меня было впервые. На ярко-зеленых кукурузных листьях сверкало солнце, к стеблю лепились большие початки, укутанные в светло-зеленые, почти белые листья с коричневыми нитками на концах. Где-то в конце этого поля виднелись пышные кроны деревьев, похожих на старые деревенские ветлы, там, очевидно, был какой-то поселок.

Наша маршевая рота (как оказывается, мы именовались), остановилась прямо в этой кукурузе, отлично защищавшей нас от жаркого августовского солнца. Нам показалось, что в этой первозданной тишине, в зарослях кукурузы про нас просто забыли. Нас

начинал мучить голод, а эта неопределенность ребят раздражала. Послышались первые матюки в адрес всего начальства. Но вскоре появилась кухня. Заметив нас в зеленых зарослях, солдат-повар осадил рыжих лошадей и крикнул:

– Эй, славяне, Медынский у вас есть?

– Ну, я Медвинский.

Анатолий встал, надел на голову свою мичманку и направился к кухне.

– Сколько у тебя народу?

– Не у «тебя», а у «вас» – это во-первых, во-вторых, ты кто такой?

Солдат немного смутился, но потом доложил по форме, что привез обед по приказанию командира второй роты батальона автоматчиков.

– Ребята! К кухне бегом! – подал Медвинский не очень уставную команду.

Нас упрашивать не пришлось. Нас накормили супом-пюре гороховым из концентратов, на второе – каша кукурузная с маслом. В общем, здорово, я давно так не ел. Многие просили еще добавку. Повар не пожалел. Мне тоже перепало. Потом мы лежали в пятнистой тени кукурузных стеблей, курили, блаженствовали, и разговоры пошли другие. Коренастый Тазиев очень убедительно агитировал:

– Я вам еще перед Астраханью в поезде говорил, а сейчас время настало – предлагаю со мною в разведку. Там у них в разведке ведь как: или грудь в крестах, или голова в кустах. Кормежка это уже не забота. А потом задание выполнил и загорай дня два или три, и никто тебе ничего. Сам себе хозяин. Как хотите ребята, а я только в разведку.

Тазиева слушали. Слова Тазиева падали на благодатную почву. Опытные ребята знали, что именно сейчас идет сортировка людей по подразделениям, именно сейчас нужно не зевать. Конечно, им, опытным, хорошо! Им можно и в разведку! А я как? Кто меня, салагу, в разведку возьмет? Кто я такой, чтобы быть в разведке? Жалко с ними, с чертями, расставаться. Вместе вроде и недавно, а вот успел уже и привыкнуть. По какой-то ассоциации снова вспомнился этот Берия картинно и ярко. Видел я огромную волну, одетую дырявой пеленой белой пены, круто накренившуюся палубу, белый фальшборт, почти достающий эту гремящую волну, и мелькнувшие в воздухе две ноги в обмотках и ботинках. И все. Мгновенно и без крика. Полсекунды и нет человека. А ребята то ли успели уже забыть, то ли притворяются, делают вид, что забыли – хоть бы обмолвились намеком каким. И то странно, что этого Берия никто до сих пор не хватился, как будто и не было его, как будто он и в жизни нигде не числился. Неужто в армии, на войне вот так и бывает? Что ж, вполне вероятно. Война-то какая! Здесь всё зависит от коллектива, от товарищей, которые рядом с тобой. А если ты один и ни с кем не контактишь, то вот так и потеряешься, и некому тебя будет вспомнить.

В этот день было страшно много событий, поэтому и казался он необыкновенно длинным. После обеда пришли к нам старший лейтенант со старшиной. Старшина всех нас построил в одну шеренгу вдоль дороги, мы рассчитались, старшина проверил суммарный итог с какими-то записями в ученической тетради и скомандовал: «Вольно». Старший лейтенант прошелся вдоль строя, бегом осмотрел нас, вернулся на середину и объявил:

– Товарищи бойцы, вы, как пополнение, прибыли в батальон автоматчиков 60-й Краснознаменной отдельной бригады морской пехоты. Нам предстоят тяжелые бои с немецкими захватчиками. Я уверен, что вы не посрамите звания бойца Красной Армии, краснофлотского звания и чести нашего батальона. Сейчас вас старшина отведет в расположение батальона, вы получите новое оружие – автоматы и вас рассортируют по ротам. Всё ясно?

– Так точно, – ответил кто-то за всех.

– Тогда собирайте свои шмотки и слушайте команду старшины.

Мы вернулись в заросли кукурузы за своими шинелями, вещмешками и котелками. Вот здесь-то и начал снова Тазиев своим горячим шепотом:

– Ну что, братва! Кто не обкакался и не раздумал насчет разведки – давай в кукурузу подальше. Они уйдут, а мы в штаб бригады подадимся.

– А мне можно, как ты думаешь? – спросил я Тазиева.

Тазиев был значительно меньше меня ростом, но ухитрился посмотреть на меня как-то сверху вниз, еще больше сощурил свои глаза-щелочки и ответил:

– Насчет тебя не знаю.

Ответ меня обескуражил. «Куда там, мне и в разведку!» – мелькнула нехорошая мысль. Я взял свою винтовку, одел через плечо скатку, вещмешок с прицепленным котелком, Тазиев мгновенно исчез, а я постоял в нерешительности и собрался было выходить на дорогу, как вдруг сзади услышал горячий и низкий шепот:

– Пригнись, салага, и давай за мной!

Гриша Авдеев, несмотря на свою кажущуюся грузность и медвежью неповоротливость, ужом уходил в заросли кукурузы и тащил за собою меня. И... я остался. Остался с Авдеевым, Подосеновым, Бельтюковым, Тазиевым – всего нас было человек десять, никак не меньше. Тарасенко с нами не остался. На уговоры ребят ответил странно и коротко:

– Вы, хлопцы, гарные, тилечко мэнэ тепирь от вас усих подале треба держаться, мало ли там шо!..

Махнул рукой и пошел на дорогу. Так и расстались мы с хорошим товарищем, зря он нас побаивался. На дороге все построились, мы услышали команду: «Нале-во! Шаг-ом марш!» Послышались удаляющиеся шаги, всё стихло, а мы еще сидели в кукурузе. Через минут десять вылезли, дорога была пуста. И опять в душе шевельнулось что-то неприятное. Мне казалось, что мой поступок очень близко подходит под определение «бегство из части во время боевых действий» – дезертирство это, во всяком случае, мое поведение подошло близко к этой роковой черте. Потоптавшись на дороге, мы прямо через густые заросли кукурузы пошли к поселку, где, по нашему мнению, должны были находиться штаб бригады и бригадные разведчики.

Нам повезло, интуиция ребят не обманула. В небольшом поселке все дома были забиты военными, суетливо бегали с катушками связисты и сновали деловито связные. Один из них указал нам дом, где разместился разведотдел. Парламентерами пошли самые языкастые ребята – Тазиев и Подосенов. Мы стояли отдельной группой и ждали результатов. Парламентеры почему-то не возвращались долго. На душе у меня снова стало мутно: «Как быть, если меня не возьмут в разведку? Что тогда делать? Придет-ся возвращаться в батальон автоматчиков, искать его, шляться одному, как дураку, а потом у командира роты автоматчиков прощения просить, объяснять свое поведение... Позор!» Я нервно курил и ждал, что же будет дальше. Теперь я почему-то был уверен, что в разведку меня не возьмут, я уже прикидывал, как мне выйти на старую дорогу и шагать в том направлении, куда ушли все остальные ребята.

Вдруг из дома пулей выскочили наши парламентареры, прогрохотали ботинками по ступенькам крыльца и оба трусцой бежали к нам. Физиономия Тазиева светилась улыбкой:

– Я ж говорил! – воскликнул он и глядел на нас торжествующим взглядом победителя.

Подосенов подал команду:

– В шеренгу становись! Ра-авняйсь! Сми-ирно!

Умеет, дьявол. Как на параде у него получается. Мы мгновенно побросали сигарки, построились, подровнялись и замерли в строю, задрав подбородки. Я чувствовал, что вот оно и наступило, куда-то повернет теперь мою судьбинушку.

Из дома вышли щеголеватый, чернобровый, видимо южанин, старший лейтенант, перепоясанный многими ремнями, белобрый и остроносый лейтенант и вместе с ними какой-то старший сержант с автоматом на шее. Подосенов четко повернулся, печатая шаг, подошел к старшему лейтенанту, лихо, с каким-то вывертом ладони козырнул и, чеканя слова, доложил:

– Товарищ старший лейтенант, матросы и красноармейцы из маршевой роты прибыли для прохождения дальнейшей службы...

– Вольно!

Перебил его старший лейтенант. Подосенов заученно встал на правый фланг нашей шеренги. Старший лейтенант вдруг нахмурился и внимательно, осматривая каждого, прошелся вдоль всей нашей шеренги. Остановившись против Подосенова, он придирчиво осмотрел его, как цыган коня на базаре, склонил немного набок голову и спросил как-то необычно:

– Кто таков?

– Старшина первой статьи Подосенов, прибыл из Ярославского флотского экипажа, куда был направлен из госпиталя после ранения.

– С какого времени воюешь?

– С июня сорок первого.

– Награды имеешь?

– Был представлен к медали «За боевые заслуги».

– Этот годен! – сказал белокрысы лейтенант, стоявший рядом со старшим лейтенантом, и последний возражать не стал, перешел к другому.

– Фамилия?

– Рядовой Тазиев. Воюю с августа сорок первого.

– Коммунист?

– Никак нет. Был судим в гражданке за разбойное нападение, освобожден досрочно за отличную работу и уходом добровольцем в Красную Армию. – Тазиев знал, что докладывать – даже разбойное нападение себе приписал.

– Старший лейтенант, этот годен, – снова встрял остроносый.

Старший лейтенант согласно кивнул головой и подошел к третьему.

Соловьев, в самом деле имевший судимость, тоже прошел вне конкурса. Достоин и без особых вопросов прошел Бельтюков. Его орден «Боевого Красного Знамени» сыграл решающую роль. Такие ордена ох, как редко доставались рядовым в то тяжелое и невезучее для нас время. Такого ордена и у спрашивающих командиров еще не было.

Легко и уверенно прошли «мандатную комиссию» Авдеев, Медвинский, Кудряш, пошла и моя очередь.

Старший лейтенант как-то подозрительно и недоверчиво окинул мою долговязую фигуру.

– Та-ак, – протянул старший лейтенант и это его «та-ак» похоронным звоном откликнулось в сердце. – Давно воюешь?

Он у меня даже фамилии не спросил. Всё, значит, просто ищет предлог для отказа. Но, нужно набирать очки, иначе труба дело.

– Воевать начинаю, товарищ старший лейтенант. Поступил из Ярославского флотского экипажа. Закончил в Москве военно-морскую школу.

Старший лейтенант несколько секунд подумал и задал свой главный вопрос:

– Судимость имеешь?

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, но если нужно, то я это запросто!

Лейтенант фыркнул от смеха, улыбнулся и старший сержант, но лицо главного арбитра – этого старшего лейтенанта – было непроницаемым, только вроде в глазах какой-то теплый огонек мелькнул. Внешне он продолжал смотреть на меня довольно безразлично.

– Ну, ты хотя бы комсомолец? – спросил он снова.

– Так точно.

– Откуда родом?

– Из Москвы.

– Так вот из самой Москвы?

– Так точно. С Шаболовки улицы.

– Ну что с ним делать? – спросил старший лейтенант совета у востроносого.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант? – выскочил Подосенов.

– Что вам?

– Свой это парень. Мы его знаем.

– Ручаюсь за него, – пробасил Авдеев.

Добрые вы мои ребята, дорогие мои боевые друзья, вот оно, настоящее проявление боевого морского братства!

Старший лейтенант помолчал, потом отошел на три шага от нашего строя и громко сказал:

– Ну что ж, коли так – чего там разговаривать, лейтенант. Раз они добровольцы, давай всех брать, – вдруг неожиданно решил старший лейтенант и улыбнулся.

И все сразу заулыбались. Нет, что там говорить, хороший он мужик, этот старший лейтенант, да мы за него!.. Эх, да что там, закурить бы теперь!

– Смир-р-рно! – вдруг рявкнул старший лейтенант, и наш строй мгновенно замер, словно током парализованный, даже дышать перестали. – Запомните: легкой жизни вам не обещаю. Слова «не могу», «не хочу», «боюсь», «страшно» и прочие дамские штучки забыть и не вспоминать до самой своей смерти. Гонять я вас буду без всякой жалости. Это вот запомните на всю жизнь!

– Лейтенант Ласточкин, – старший лейтенант кивнул в сторону остроносого, – командир разведроты. Его слова, как и мои, – для вас закон и святое писание! Старший сержант Боев – ваш комсорг и утешитель, будет мне помогать с вас шкуру драть. Понятно?

– Так точно! – за всех ответил Подосенов.

– Командуй дальше, лейтенант! – старший лейтенант повернулся и пошел к дому.

Белобрысый лейтенант Ласточкин поправил складки на гимнастерке и пропел:

– На-апра-а-во! Ша-агом ма-арш!

Боев оказался впереди нашего строя, и мы пошли за ним, старательно печатая шаг. Рядом с поселком, у небольшого прудика, в тени древних высоких ветел расположилась разведрота. Мы издали еще увидели кухню, три пароконных повозки, распряженных лошадей, мирно помахивающих хвостами, несколько шалашей и палаток. Среди этого табора сидели люди у небольшого костра и с нескрываемым любопытством смотрели на нас.

– Давай, давай, ребята! С нами не пропадете. Главное, не бойсь, а то мы сами пужаемся! – весело и громко говорил какой-то коротко остриженный разведчик.

– Отряд, стой! – скомандовал Боев. – Вольно. Разойдись!

Тут уж и пошло: здоровый, плечистый парень с коротким смешливым носом подошел к Авдееву и весело проговорил:

– Здорово, браток! Откуда родом-то?

– Привет. Саратов слышал?

– Тю! Земляк!

– Что, саратовский что ль?

– Ни. Я из-под Новосибирска.

– Во, дает! А говорит – земляк.

– Все одно земляк. Табачком угостить?

Смех, шутки, подначки обрушились на нас градом. Ребята отшучивались, но ухо здесь надо держать остро – разыграют так, что потом век не забудешь. А у меня, между прочим, тоже земляк нашелся, настоящий. Серега Мартынов с Красной Пресни. Мы с ним в Ярославском экипаже были вместе, в эшелоне ехали, а в Москве он отстал от эшелона, домой решил сбегать. Потом только перед Астраханью нас догнал. Надо же, от Москвы до Астрахани и ни одному патрулю не попался, каким-то нюхом маршрут эшелона узнавал и раньше нас в разведроту попал. Как говорят солдаты: парень – оторви да брось!

Вскоре появился лейтенант Ласточкин. Он нас снова построил, отобрал у всех документы и передал писарю. Нас поименно вписали в список личного состава отдельной разведроты, 60-й отдельной Краснознаменной стрелковой бригады. Вот теперь как будто уже всё. Теперь и в краснофлотских книжках у нас значится, что мы не кто-нибудь, а разведчики.

Но на этом не закончилось, это было только начало. Потом Боев переписывал всех комсомольцев, старшина роты проверил у всех обмундирование и некоторым слету заменил обувь. Конечно, ребята сапог не получили, но новые ботинки им выдали. Этот же старшина отобрал у нас «винторезы» и выдал новенькие, в густой смазке, автоматы. Мы получили маскхалаты, эта вещь мне понравилась сразу: очень легкий из хлопчатобумажной ткани, зеленый с коричневыми пятнами, похожими на амёб в учебнике. Куртка с капюшоном. Капюшон можно откинуть на спину или натянуть поверх пилотки на голову и завязать шнурок под подбородком. В верхней части капюшона, прямо на лбу, есть еще марлевая занавеска, окрашенная в зеленый цвет, для маскировки физиономии. Шаровары маскхалата не очень широкие, но удобные, тоже на затягивающейся тесемке с прорезом для карманов. Штанины шаровар доходят до самых ботинок, и под ними не видны проклятые обмотки. У многих старых разведчиков были трофейные сапоги с низкими и уродливо широкими голенищами, конечно не очень уж шикарно, но все же не обмотки. Мотать обмотки занятие унижительное и некрасивое. Очень уж смешно человек в них выглядит, особенно если у него длинные ноги.

Потом нас «распиховали» по взводам и отделениям. В роте было два взвода и в каждом взводе три отделения. Я попал во второй взвод. Первый по своему составу был посильнее, что-то вроде правой руки у командира роты. В первом взводе, помимо основного костяка, оказались Авдеев, Медвинский, Бельтюков, Соловьев, Тазиев – весь цвет нашего общества; а вот я, Костя Кудряш, Мартынов и Ваня Подосенов оказались во втором взводе. Ваня что-то расстроился по этому поводу, но ненадолго, т.к. его тут же назначили командиром отделения. Я не сожалел. Тем более что «старички» сказали, что какого-то резкого разделения между взводами нет, часто поисковые группы создаются из ребят разных взводов. А вообще расположены все вместе, разницы почти нет никакой. Главное разведрота – шутка-ли. Примерно через час после нашего прибытия нам писарь вернул наши краснофлотские книжки, где было ясно написана наша принадлежность к братству разведчиков и приляпана синяя ротная печать. Если сейчас напишу вот письмо родным, знакомым, то как только глянут на обратный адрес – глазам не поверят: полевая почта № такая-то, отдельная разведрота.

Конечно, летчик-истребитель или даже танкист может и престижнее, но разведчик это тоже кое-что. Подумал немного и сам себя осадил – «не хвались идучи на рать!» Какое еще в бою будет, а то выгонят к черту из разведки, что тогда писать будешь?

Наш командир взвода младший лейтенант Данилов прибыл в роту еще под Москвой из госпиталя. Он был молод, лет двадцать не больше, среднего роста, в ладно подогнанном обмундировании. Он не расставался со своей полевой сумкой и револьвером, у него были большие темные глаза, тонкий нос и вьющиеся темные волосы. Мы уже успели узнать, что человек он вспыльчивый, нервный, говорят, что это следствие тяжелого ранения и контузии. До вечера мы возились с личным оружием, я освоил его довольно быстро, но этот диск набивать патронами – дело муторное: упадет в улитке малый медный патрон – намучишься, палец в улитку не лезет, канал очень узкий, пока ковыряешься, другой патрон упадет. Тогда рассыпай всё. А в этот диск нужно 72 патрона поставить. Конечно, в бою следует торопиться, можно ставить и меньше, чтобы быстрее огонь открыть, но меньше поставишь – быстрее патроны кончатся и опять начинай сначала.

Незаметно подкрался вечер. Занялись ужином. Каша была – дай бог – с мясом! Давно такой не ел, даже до войны и то редко такое пробовал. После ужина старшина потребовал котелки непременно вымыть, вытереть, нацарапать сбоку свою фамилию

и положить в общий мешок на подводу – не дело разведчику таскать на горбу такую посудину.

Вечером, после ужина, прозвучала команда «гасить костер». Костер загасили, но у кострища собралась почти вся рота. Сидели и трепались, пели песни, знакомились, начали меняться адресами, вспоминали свою жизнь в далёкой и мирной гражданке. Постепенно затихло все. Я лежал на разостланной серой шинели, укрылся плащ-палаткой, под головую тощий вещмешок, под боком автомат. Тихо. Всхрапывают рядом лошади, ленивым шагом прохаживаются вокруг нашего табора часовые, а сквозь ветки высоких вётел сверкают крупные, как горошины, яркие голубые звезды.

Неожиданно в темном небе послышался прерывистый, назойливый гул мотора. Немец летит. Ну, ей-богу немец! До сих пор было такое ощущение, что нас завезли куда-то очень далеко от фронта, а он вот напомнил о себе этим нудным гулом. Он вылетел о том, что никуда нам не деться, что фронт рядом и жадно требует людской крови. Самолет словно знал, что мы здесь находимся и еще долго кружил поблизости, но по небу не шарил прожекторы, не стреляли зенитки, на самолет просто никто не обращал внимания. Все знали, что этот враждебный гул мог закончиться визгом падающей бомбы, но никто даже не пошевелился. Вскоре бомбардировщик ушел в сторону.

Утром нас подняли рано, едва взошло солнце. Небо и воздух были чистыми и прохладными, луг поседел от росы. Уже давно дымила кухня, над костром повар приладил закопченный бак на подставленных камнях, из бака валил пар.

– Подъем! Ишь, разбаловались, забодай вас комарь, как у тещи! Подъем! – кричал и забавно ругался хриплым спросонья голосом командир роты Ласточкин.

Все быстро поднялись, стали торопливо обуваться и по пояс голыми побежали бегом через луг к роднику умываться. Неожиданно на лугу мы заметили какие-то листки бумаги, посмотрели – листовки! Самые настоящие немецкие листовки. Наверху листка черный орел с распластанными крыльями и с остроклювой плоской головой, в когтях орла венки с фашистской свастикой. Дальше крупными буквами было напечатано примерно следующее: «Бойцы и командиры Красной Армии! Перед вами непобедимая немецкая армия, покорившая всю Европу. Сзади вас восстания горских племен. Все ваши коммуникации перерезаны. Вы остались без боеприпасов, без продовольствия. Ваше дальнейшее сопротивление бессмысленно. Не лейте зря крови. Бейте жидов и коммунистов. Переходите на нашу сторону. Эта листовка служит пропуском».

Каждое слово этой фашистской листовки какой-то слякотной грязью капало прямо в душу, становилось мерзко.

– Во, б...и, что пишут, а! – возмущенно говорил Подосенов.

Возмущались все. Мы привыкли верить печатному слову, привыкли верить, что напечатанной может быть только правда, единственно правда. Иначе просто не может быть, иначе не выдержит сама бумага. А в этом случае правда попиралась похабно и нагло тем же печатным словом. Это само по себе было чудовищным, выходящим за пределы понимания.

– Ни, хлопцы, це ж и на раскурку брать не можно – отравышься, и на подтырку нельзя – швидко грязная! – заключил кто-то из разведчиков.

Однако листовки на лугу подобрали – их надлежало сдать командиру. Оставлять на земле такую грязь тоже было невозможно. Листовки, видимо, разбрасывали с того ночного бомбардировщика, а значит, противник знал, что в этом районе находятся советские войска. Вот это было загадочно и неприятно.

Родниковая вода была холодной и обжигала тело так, что дух захватывало. Ребята фыркали, мылись, кряхтели, брызгались водой и весело ржали – все, кроме Хорькова. Этот коренастый, остриженный наголо боец не любил шуток и холодной воды. Один парень из нашего пополнения плеснул, шутя, ему на грудь пригоршню воды, Хорьков отскочил, как на пружинах, и принялся остервенело материться. Ругался он отвратитель-

но, грязно и мерзко. Он бросился было с кулаками на новенького, но тот, обиженный грязной руганью, набычился и тихо сказал насковившему Хорькову:

– Отойди. Добром говорю. С тобой шутят, и ты шути.

– Я тебе, пада, пошучу!

Между ними быстро выросла немного грузноватая фигура рядового Потапенко. Он повернулся к Хорькову и негромко сказал:

– Слухай, Хорьков, сколько раз я тебе говорю, не поминай ты божью маты, поминай свою и отчипысь, бо ушибить могу.

Хорьков резко повернулся и, бросив через плечо вафельное полотенце, пошagal один в роту...

Перед завтраком состоялась политбеседа «Сталинская стратегия – залог наших побед». Говорил наш политрук убедительно, здорово. Только тема, само название ее не очень вязалась с нашим, мягко говоря, не очень выгодным положением на фронтах. Все мы, конечно, верили в нашу победу, верили даже в те страшные месяцы 1942 года. Нам нельзя было без этой веры и нас легко было убедить во всем, что ее укрепляло.

После завтрака нас почему-то не тревожили. Я вымыл котелок, сунул его в мешок на подводе и пошел вдоль заросшего тинной прудика. Здесь под ветлой неожиданно увидел Авдеева, тот сидел в кустах ракитника у заросшей зеленой ряской воды и смолил толстенную сигарку. Он был занят своими мыслями и, видимо, не сразу заметил меня. Я сел рядом с Гришей и попросил «сорок», т.е. оставить покурить – свой кисет я оставил в шинели.

– А, это ты. На, закуривай.

Гриша протянул мне свой кисет. Здесь, на Кавказе, нам давали не привычную махорку, а крепкий, настоящий душистый табак. В кисете оказался и газетный лист, сложенный специально так, чтобы удобно было отрывать от него четырехугольнички для сигарок. Я свернул средней величины закрутку и попросил прикурить.

– У тебя, как Федька Фролов говорит: «тетенька, дай напиток, а есть охота, аж пепеночевать негде».

Посидели некоторое время молча, покурили, а потом Авдеев вдруг спросил:

– Слушай, вот тебя там учили чему-то, так скажи, чего это у нас со стратегией получается? Украину, Белоруссию, всю Прибалтику прохлопали и сами вот аж до Кавказа добежали, Ленинград в блокаде оставили. А мы на политбеседах все о нашей хитрой стратегии толкуем. На хрена нам трепотня? Я не дурак, знаю: и под Москвой-то шею немцам намылили, а прокакали сколько! Кричим «ура» и драпаем. Ни хрена я не понимаю, что это у нас получается!

Накипело на сердце у старого матроса. Всерьез он осерчал и на немцев, и на наших трепачей, которые ему правды не говорят. А что ему я мог ответить?

– Не знаю, Гриша. Может, я дурак, а может, вопрос этот непростой. Откуда нам знать, сколько людей мы потеряли, сколько техники, куда наши сталинские соколы подевались, сколько оборонных заводов накрылось – только тогда что-нибудь понятно станет.

– А на хрена мне брешут?

– Бывает, Гриша, ложь во спасение. Скажи правду – не все поймут, да еще и драпать станут.

– Ишь ты, а брехню, по-твоему, все понимают? И что ж мы, не драпаем что ли?

Не знал я, что ответить Авдееву. Да и видел я, что Авдеев лучше моего мог бы ответить на все эти вопросы – он постарше и поопытнее. Просто захотелось ему собственные мысли сверить, а я тут и подвернулся. Мне-то лестно, что сам Авдеев со мной на откровенность пошел, а он, поди, раскаивается.

– Гриш, а ты в нашей победе что ль сомневаешься?

– Дурак ты, и салага впридачу. Весь народ не сомневается. У немцев в тылу партизаны воюют – вон где не сомневаются. Я просто знать хочу, почему мы до сих пор

драпаем, как такое случиться могло? Где это наше «малой кровью, могучим ударом!»? Я не хочу, чтоб мне туфту пускали, успокаивали, я правду знать хочу. Надоело с самим собой в прятки играть.

– Усек?

– Усек.

– Ну, тогда пойдем. Что-то там ребята галдят.

Оказывается, что в роту приехал уполномоченный Особого отдела и решил лично познакомиться с разведчиками нового пополнения. Он расположился в шалаше нашего политрука и вызывал к себе поодиночке. Остальным было приказано отойти метров на сто и вблизи не показываться. Политрук и тот ушел. Значит, разговор должен быть откровенным и доверительным. Вызывали по алфавиту, поэтому первым пошел всё тот же Авдеев. Беседа была с ним предельно короткой – пяти минут не прошло и выкатился из шалаша. Следующим пошел Бельтюков. В это время мы попытались узнать у Авдеева, что там происходит, что за разговор такой. Гриша говорить не стал. Сплюнул смачно и буркнул:

– Сходишь разочек и узнаешь. Проходя мимо меня, остановился, вроде прикурить и тихо сказал:

– Смотри, не ляпни что. Я на тебя надеюсь.

Потом Гриша решительно направился к обозу, всем своим видом показывая, что занят он каким-то неотложным делом.

Следующим из шалаша выкатился Гриша Бельтюков. Прошел мимо нас, обронил:

– Тоже мне, нашелся! Чирик-воробышек.

Пошел к затухшему костру искать горячий уголёк для раскурки.

Наступила и моя очередь. Я подошел к шалашу и бодреньким голосом спросил:

– Разрешите?

– Кто там? Входи. Фамилия?

Я ответил, как положено. В шалаше было сумрачно и душно. Вход занавешен плащ-палаткой. Постепенно глаза привыкли к сумраку. Дыра на задней стенке шалаша пропускала свет, в лучике солнца плясали пылинки. Черноусый лейтенант с усталыми, утонувшими в тёмных глазницах глазами, что-то заканчивал писать в своём полевом блокноте. Потом посмотрел на меня, проверил по списку мою фамилию, имя, отчество, все анкетные данные и потом поинтересовался, привлекался ли я, мои родители или родственники к судебной ответственности, если привлекались, то за что. Есть ли родственники на оккупированной территории – спрашивал даже такие вещи, о которых я и представления не имел. Вообще меня геральдика занимала в те годы мало. Вообще-то мой родной дядька по материнской линии, любимый мною дядя Сережа, когда-то работал завхозом в детском саду ХОЗУ МТБ. Не знаю, что уж он там натворил, но в 1937 году его арестовали. Его жена тетя Дуся обивала где-то пороги в казенных домах, бедствовала, наводила справки, но так ничего толком и не узнала. Только через год ей сообщили, что дядя Сережа погиб в результате несчастного случая и похоронен так далеко в Сибири, что проехать в это место невозможно и не разрешается.

Об этом я не стал рассказывать лейтенанту из особого отдела, но зато похвалился, что другой мой родной дядька, тоже по материнской линии, покойный дядя Федя, работал в ЧК и в ОГПУ, был послан на Кавказ самим Дзержинским в первые годы революции. Дядя Федя дрался с какими-то бандами, его уже посчитали погибшим, а он вернулся уже в 30-х годах израненный и совсем больной. Потом он жил в деревне на Рязанщине и в 1937 году умер в больнице. Лейтенанта явно заинтересовал этот рассказ, он даже записал что-то в своём блокноте. Потом я показал ему зачем-то справку об окончании Военно-морской школы боевой подготовки – это его интересовало меньше. Потом лейтенант сощурил глаза, вроде даже улыбнулся и спросил:

– Ясненько. А ты знаешь, в какое подразделение ты попал?

– В разведроту.

– Правильно. Ты разведчик. А вот если к немцам попадешь, знаешь, что с тобою будет?

– Догадываюсь, товарищ лейтенант, только не попаду я, не дамся.

– Во-от! – словно обрадовался лейтенант. – Запомни, никакой тебе пощады от немцев не будет и не надейся. А то есть некоторые, считают, что попадут они в плен, отсидятся там до конца войны, посмотрят, чья возьмет, а там уж видно будет! Как ты считаешь, чья возьмет?

– Чего там считать? Я давно сосчитал – наша возьмет. Я и в армию добровольцем пошел.

– Так-так, – одобрительно кивал головой лейтенант. – Ну как, с бойцами познакомился?

– Только с теми, с кем прибыл. Со всеми еще нет, конечно.

– Ну вот, например, что ты об Авдееве скажешь?

– Ничего плохого о нем сказать не могу. Да все ребята, как ребята. А там дальше война покажет.

– Ну ладно. Посмотрим. Ты вот, что... Как бы это... В общем, я на тебя надеюсь. И ты не забывай, что разведка это подразделение особое. Здесь люди нужны надежные, проверенные. Если заметишь, что не так – сразу ко мне. Понял? Даже к старичкам нашим присмотришься. И в случае чего... Понял?

Я понял. Что-то неприятно-холодное, колючее вползло в душу. Вползло такое, что невидимой стеною недоверия отдаляло меня от остальных ребят. Вот только что мне, новичку, вся рота казалась единой семьей, спаянной нерушимым боевым братством, и вдруг выростала стена отчужденности, подозрительности, обидного недоверия. Ответить чем-то резким лейтенанту я боялся, но и согласиться не мог, понимал, что смолчу сейчас – и тогда всё! Эти мысли пролетели в голове мгновенно, и я бодро ответил:

– Понял, товарищ лейтенант, если что замечу – сразу в морду!

– Ты что? Шутить изволишь? – в голосе прозвенели недовольство и удивление.

– А чего ждать-то? Я понимаю, время военное. А на большее, товарищ лейтенант, я не способен.

Лейтенант поморщился и каким-то уже безразличным голосом произнес:

– Ладно, ступай. О разговоре никому ни слова. Я найду время, еще поговорю с тобою. Вот пришли деятели!

В его голосе прозвучала досада. Я вылез из шалаша и, расстреливаемый взглядами своих товарищей, как и предыдущие, пошел к костру прикуривать. У колеса повозки сидел Авдеев и курил. Он поманил меня пальцем.

– Сядь-ка.

Я сел. Мы оба курили и какое-то время молчали. Трудно было начать разговор.

– Ну и как, побеседовали? – тихо спросил Гриша.

– Угу. Побеседовали.

– Меня заложил?

– Ты что? За кого принимаешь? И в чем я тебя заложить могу? Я тебя своим товарищем считал, а ты! Мало ли мне какой дурак, что скажет! Нет, Гриша, не того ты боишься. Я никого никогда не продал. С детства отцом так воспитан.

– Ладно, тебе. Зря обижаешься. После таких бесед настроение всегда хреновое. Ты как отбрехался-то?

– Так и отбрехался. Сказал, что не способен я на такие подвиги. А ты?

– Я тоже сказал. Только сказал, что я на подлость не способен. Но ты, салага, язык-то не распускай. Будь поумнее! Береженого бог бережет, как говорила одна монашка.

– Какая монашка?

– Подрастешь – узнаешь. Пошли, чего-то там загужевались.

Беседы были прерваны по какой-то причине. Наступило время для практических стрельб. Это мероприятие бесспорно нужное и было встречено всеми с пониманием. Ушли мы в глухое место. Неглубокая, но довольно широкая балка, дно покрыто зеленым мелкотравьем и сплошь усеяно белыми камнями. Все уселись на краю балки, и лейтенант Ласточкин тоже начал с общей беседы, но она носила более деловой характер.

– Ну, разведка, слушайте, что скажу, – начал Ласточкин. – Нам всем воевать придется одинаково, а в разведке без взаимовыручки никак нельзя, без неё дело пропащее. Действовать нужно дерзко и быстро. Войны без крови не бывает, но прямо вам скажу, что по сравнению с другими, наша рота несла куда меньшие потери, забодай вас комарь! Мы воевали под Москвой, и большинство уже знает, что самое тяжелое для разведки – воевать в обороне. Понятно? Ну вот, – продолжал Ласточкин, – разведчик должен привыкнуть и отлично знать своё личное оружие, он должен уметь ориентироваться, пользоваться трофейным оружием. Совсем неплохо знать немецкий язык, а вы, забодай вас комарь, кроме матерного ничего не знаете. Сейчас вы опробуете свои автоматы. На том краю балки поставьте мишени и вначале одиночным выстрелом пять патронов, а потом короткой очередью. Всё. Начинайте, забодай вас комарь!

Командиры взводов развели взводы в разные стороны, потом развели отделения, чтобы одно не мешалось другому. Получилось так, что мы заняли «оборону» по фронту никак не меньше половины километра. Потом каждый пристроил для себя на противоположном скате камень, который и будет мишенью. Мне повезло – попался небольшой плоский камень. Я был почти уверен, что не промажу. Стрелял я совсем неплохо. Потом Данилов скомандовал:

– Лежа, одиночным, пять выстрелов каждый. Начали!

Я лег на опаленную летним зноем траву, перевел автомат на одиночный выстрел, прицелился, как учили в школе, под нижний обрез камня и, затаив дыхание, плавно нажал на спусковой крючок. Хлопнул звонкий выстрел, а отдачи я даже не почувствовал – не то, что у винтовки! В камень я явно не попал. Внизу под камнем потекла струйка сухой земли. Низко взял!

Вокруг звонко хлопали выстрелы, раздавались торжествующие возгласы, в общем наша «оборона» вела себя так, как, видимо, бывает при отражении атаки. Я чуть приподнял автомат и прицелился не под обрез мишени, а накрыл её мушкой. От второго выстрела камень брызнул крошками и белой пылью. Ага! Значит, поправку на отдачу делать не нужно.

Отстрелялись одиночными, и Данилов дал команду открыть огонь короткой очередью в пять-шесть выстрелов. Вдоль нашей «обороны» шагал Ласточкин и смотрел, как мы стреляем. Я перевел автомат на очередь, прицелился и выстрелил. От камня снова брызнула пыль, и на камень сверху посыпалась земля. Данилов, стоявший сзади, лег рядом и недовольно заметил:

– Одна пуля в камне, остальные в молоке. Учти, когда из ППШ очередью бьешь, то последние пули выше немного идут. Понял? Вот смотри!

Данилов взял у меня автомат и ударил очередью выстрелов в десять.

Я видел, как первая пуля ударила чуть ниже камня, потом от камня брызнули белые крошки и пыль.

– Вот так и стреляй. Понятно?

– Понятно. Разрешите еще очередь?

– Валяй!

Я прицелился под обрез камня, плотнее прижал приклад к плечу и нажал на спусковой крючок. Хлопнуло три выстрела, и автомат неожиданно замолчал. Окно затвора было открыто примерно наполовину. Затвор не дошел до патронника. Я оттянул рукоятку затвора и увидел перекосившийся патрон. Задержка. Надо же! А если этак вот в бою?

– Что там у тебя? – снова поинтересовался Данилов.

– Да вот, перекося патрона.

– Оттяни затвор в боевое положение. Так. Теперь переверни автомат окном вниз. Так. Не вылетел? Тогда выбей диск и открой автомат. Вот так. Всё. Начинай стрелять дальше.

От следующей очереди мой камень раскололся, и его куски сползли вниз.

– Ничего, – заметил Данилов, – ничего. Из тебя толк выйдет, а бестолочь останется.

Стрельба по мишени у меня получалась. Обратно я шагал смело, уверенно и на равных разговаривал со всеми, У мальчишки появлялась уверенность. За километр до роты мы построились в колонну по три и пошли в ногу, чеканя шаг.

–левой, левой, раз, раз! Запевай! – скомандовал Ласточкин, и кто-то затянул родную, невесть откуда взявшуюся песню:

*Оружьем на солнце сверкая,
На рейде стоят крейсера
И только приказ ожидают,
Готовы поднять якоря.*

И тут же здоровые глотки грянули припев:

*Эх, марш вперед,
Друзья, в поход –
Все мы краснофлотцы,
Звук лихой зовет нас в бой,
Все на броненосцы!*

Припев не смолкал, он гремел призывно, на одном дыхании и не повторялся:

*Севастополь мы вернем –
Моряков столицу,
Через море перейдем,
Встанем на границу!*

*Ты не плачь и не горюй,
Моя дорогая,
Если в море утону –
Знать, судьба такая!*

Песня оказалась современной, нужной и актуальной, она жила вместе с нами боевой упрямой жизнью. Советские люди не могли мириться с оккупацией, не могли видеть Крым и Севастополь под пятою врага, тем более моряки. В песню вплетались ритмы непоколебимой уверенности в том, что скоро, очень скоро мы будем в Крыму и покараем захватчиков. Возраст, боевой и жизненный опыт подсказывали людям, каким непростым и трудным будет путь к Крыму, а бесшабашная молодость верила и звала в Крым немедленно, казалось совсем немного времени нас отделяет от того момента, когда наши ботинки загрохочут по севастопольской мостовой.

В роту пришли довольные. Никогда в жизни не ел я такого вкусного и жирного борща, такой аппетитной перловой каши.

После обеда снова на занятия. Мы должны были учебно брать «языка». Холостых патронов у нас не было. Решили стрелять боевыми, но только вверх. Ласточкин самолично предупредил каждого, что он шкуру спустит с того, кто в горячке саданет очередью хотя бы над голову товарища. В группе захвата ползли опытные ребята. Я был поставлен в группу прикрытия. Мы должны были пропустить к своей обороне группу захвата с «языком», а потом отсечь огнем преследователей или просто взять огонь на себя.

На учениях мы ползли по какому-то кочковатому лугу к зарослям ивняка и крапивы. Но «противник» сразу же нас заметил и открыл огонь. Ребята неподвижно лежали за кочками, а я не был уверен, что стреляют по мне и пополз вперед. Для чего я полз вперед, я точно не знал. Но тут же мне крикнули, что я салага и что я учебно убит, и должен вернуться назад, чтобы не мешать остальным. Я встал и пошел спокойно назад. Убитому чего бояться? На невысоком пригорке, где собрался весь командный состав нашей роты и куда сходились все «убитые», была пропасть ежевики. Ласточкин неосторожно сел и перемазал сзади брюки, у него сразу испортилось настроение, забодая его комарь. А я не растерялся и спокойно пассивно ел ежевику до посинения губ, пока наши ребята перестреливались.

Несколько человек убили условно, но меня – первого. Конечно, это случилось из-за моей непоправимой нескладности. Вообще-то я заметил, что ребята начинают проявлять ко мне несколько странное недоверие. Всё началось с того, что я еще в поезде пытался пересказать им содержание оперы «Фауст», которую я слушал в филиале Большого театра. Все ребята тешились, рассказывая анекдоты, привирали о своих победах на любовном фронте и, что странно, все чувствовали, где рассказчик привирал, но охотно прощали ему – пусть привирает, лишь бы интересно было. А тут вдруг какой-то Гёте, опера «Фауст», какие-то непонятные переживания. Но, мало того, я еще и за Печорина взялся, за его рефлексии и погубил себя окончательно. На меня стали смотреть как на чудаковатого интеллигента. Поднагадили мне классики мировой литературы. Не сумел я пересказать великие вещи так, как нужно, не поняли меня мои товарищи. Нужно было вначале себя в бою показать или в драке какой-нибудь, а уж потом про Фауста рассказывать. Я сделал наоборот, поторопился, да еще пытался пропеть куплеты Мефистофеля, чем довершил дело. Вначале я не понял, что горожу некстати, а потом на меня Бельтюков посмотрел недоверчивым и колючим взглядом и сказал: «Брось болтать-то! Тоже мне грамотного строит. Чему тебя только учили!» Так и прослыл я немного чудаковатым, пыльным мешком, из-за угла ударенным. Авдеев и еще несколько человек смотрели так: «Ну, что, мол, вы от него хотите? Молодой, необстрелянный еще, а тут шторм на Каспии – вот и напугало человека». Такие ребята, как Арабов, Бычков, Суменков – эти представляли, о чем я пытался рассказать, и были ко мне более снисходительны. Не знаю, почему, но больше всего я раздражал чем-то Хорькова, я чувствовал его непонятную неприязнь и ничего не мог с нею поделать. Вообще-то мои отношения были внешне вполне нормальными. Больше всего я сошелся со старым матросом Мишей Беляковым. Он начал войну под Одессой, был тяжело ранен под Керчью, лежал в госпитале в Нальчике (пуля прошла ему шеей, повредила позвоночник). После ранения Беляков, как крокодил, шеей ворочать не мог, поворачивался сразу всем туловищем в нужную сторону, но его не комиссовали, он воевал. В бригаду попал здесь, на Кавказе, из какой-то разбитой вдребезги другой части.

Покалеченных ребят в роте было много. Ротным писарем был тоже старый матрос, которому в своё время осколком разорвало брюшину и случилось так, что кишки у него не держались как надо, живот свисал вниз как полупустой вещмешок. Парень мучился и ни к какой строевой службе он пригоден не был. Вместе с двумя туберкулёзниками, которых собирались отправить в госпиталь еще под Москвой, но не успели, он должен был направиться на комиссию.

После «захвата языка» мы сразу же перешли к новой теме: «ночной бой». Здесь тоже у меня не прошло всё гладко. Командир роты вначале нам рассказывал коротко и доходчиво:

– Вот вы ночью напоролитесь на противника. Он открыл огонь. Как вы определите, откуда противник ведет огонь и как вы будете вести ответный огонь?

Ребята молчали. «Старички» ждали, что скажет молодежь из нового пополнения, а мы ждали, что скажут «старички». Вопрос-то был простым, но мы боялись подвоха и поэтому не спешили свою дурь выказать.

– Ну, вот ты! – Ласточкин кивнул на худого черноглазого Гелашвили.

– Чего думать! Я буду стрелять по вспышкам выстрелов.

– Правильно, – согласился Ласточкин. – И еще одно. Вы дадите очередь из автомата, а что сделает противник?

– Ну, вот ты! – кивок в сторону Бельтюкова, а тому такие вопросы – семечки. Для солидности он выдержал паузу, а потом спокойно ответил:

– Противник откроет огонь по вспышкам моего автомата. Поэтому надо дать очередь и откатиться в сторону.

– Вот! Совершенно правильно, – удовлетворенно сказал Ласточкин. – Необходимо откатиться в сторону, если, конечно, ты не на минном поле.

Бельтюков был польщен похвалой, и на его скуластом лице заиграла самодовольная улыбка. Он посмотрел на меня, подморгнул и всё в нем, казалось, говорило: «Вот как надо-то! А ты про Фауста мелешь!»

– Вот сегодня мы отработаем этот прием.

Мы снова ушли в степь, нашли невысокий бугор и решили стрелять с него вниз, чтобы все пули ушли в землю и по степи не гуляли. Ванька Подосенов, Бельтюков, Авдеев выделялись прямо-таки что-то акробатическое. Они лежали, вжавшись в землю, потом по сигналу приподымались, с колена давали очередь выстрелов в десять и мгновенно откатывались в сторону на метров семь или десять. Подошла и моя очередь. По команде «огонь!» я приподнялся, дал очередь в куст под нашим бугром, снял палец со спускового крючка и, переваливаясь сбоку набок, покатился в сторону.

– Плохо! Лениво перекатываешься. Считай, что тебя уже размолотили пулеметом. Давай снова! – скомандовал Ласточкин.

Я пробовал снова, но и снова у меня не получилось того, что требовалось.

– Бельтюков, помоги! Вон там в сторонке малость!

Мы с Бельтюковым отошли в сторону. Он встал со мною рядом и, как только я с колена дал очередь, он сильно толкнул меня в плечо. Я отлетел в сторону, получилось немного лучше.

– Ты что, салага! Сам-то не можешь? – возмущался Бельтюков.

– Ладно. Я еще разок.

Мне показалось, что уже что-то выходит, но Бельтюков отрицательно мотал головой:

– Нет. Хреново! Если девок валять, то сойдет, а если от немецкого пулеметчика уходить, то хреново. Давай сначала. Быстрей нужно!

Бельтюков встал возле меня. Я дал очередь и не успел приподняться для прыжка, как сильнейший удар в ухо отбросил меня в сторону. Я отлетел метров на десять, побив все ротные рекорды. Несколько человек всё это видели, им показалось что-то смешным, а я испытал внезапный прилив какой-то яростной обиды. Сам Бельтюков, по моему, даже испугался, он не ожидал такого эффекта.

– Ты что! Ты что! Да я тебя, гада, за такие дела!..

Мне кажется, что я даже замахнулся прикладом на товарища. Бельтюков отскочил и тоже принялся ругаться. Вмешался Данилов, и вспыхнувшая было ссора, быстро погасла.

Пройдет совсем немного времени, и эта горькая наука не один раз спасет мне жизнь. А тогда было обидно. Некоторое время я еще таил в душе эту обиду, до того самого времени, пока мы не вступили в бой.

В эту же ночь мы снялись с места.

Задача была простой. Нам предстоял марш к реке Аксай. Прослышав это название, многие уверяли, что такая река под Ростовом, но вот, поди ж ты, и здесь тоже Аксай. Марш километров на 45-50. Это уже не шутка. Но мне повезло: из разведроты взяли несколько человек, чтобы расставить на дороге маяками. В эту группу попал и я. Ласточкин пояснил, что нас повезут на автомашине и расставят на развилках дорог по одно-

му человеку, последняя машина нас всех соберет. Пропыленная полutorка уже была в роте. В кабине сидел незнакомый старший лейтенант, мы попрыгали в кузов, машина чихнула мотором, дернулась и полетела по проселочной дороге в залитой луною степи, волоча за собою клубящийся хвост пыли. Меня высадили последним. Машина остановилась, старший лейтенант вылез из кабины, встал на затекшие ноги и скомандовал:

– Разведчик, вылезай!

Я быстро перемахнул через борт кузова и подошел к командиру. Шофер стоял, не глуша мотора.

– Слушай внимательно, – сказал старший лейтенант. – Вот эта дорога идет на мост и в село, за рекою – конечный пункт нашего марша. Понятно?

– Понятно, но села не вижу.

– И не надо. Слушай, что тебе говорят. Все автомашины нашей бригады будешь поворачивать через брод вот по этой дороге, – лейтенант показал на еле заметную, заросшую травой дорогу, уходящую вправо. – Все повозки тоже туда, а пехота пусть топает по мосту. Всё понял? Повтори!

– Все машины и повозки нашей бригады буду направлять вброд по этой вот дороге, а пехота пусть топает по мосту.

– Всё точно. Ну, валяй. Оставайся и смотри не спать!

Лейтенант снова залез в кабину, шофер круто вывернул руль вправо и полutorка пошла по тряской дороге к броду. Вскоре пыль осела, над степью нависла тишина, только трещали какие-то кузнечики в траве, искрящейся от лунного света. Звездное небо из черного бархата, широкая степь и я, кажется, один в этой уснувшей степи. Весь взбесившийся мир остался где-то совсем далеко и стал нереальным. Реальна одна эта спящая степь.

Стащил с себя скатку, совсем тощий вещмешок, положил всё добро у края дороги в траву, сел и закурил. Ждать, очевидно, придется долго. Было безветренно, едкий табачный дым лез в глаза, а в душу мне внезапно закралось сомнение. Чего уж кажется проще – торчать маяком, а вот в этом простом деле оказывается есть свои вопросы. Старший лейтенант мне ясно сказал, что направлять я должен автомашины нашей бригады вброд через реку. Но как мне отличить машины нашей бригады от остальных машин, которые, возможно, тоже покатают по этой дороге. Может, им не нужно в то село, где будут части нашей бригады. Даже скорее всего, что не нужно. Как же мне быть? Дальше Ласточкин сказал, что я сам могу уехать с последней машиной, а как мне узнать эту последнюю машину? Может она и не последняя, а я покину пост, машины пойдут через мост и смотришь – провалятся. Что тогда? Интересно, а как остальные ребята, как поступят они? Может, их и не мучат подобные вопросы, может, ответы на них лежат на поверхности, а я их не вижу? Правда, я дурной какой-то! Стало прохладно, луна поблекла, там, где река, стал подыматься седой туман, гасли звезды, небо тронули первые предрассветные краски. Светать стало быстро. На западе нежно-розовым светом светились не то облака, не то дальние горы, за рекою на светлющем небе отрисовались черными контурами метелки тополей, там спросонья ошалело кричали петухи. Дорога стала различима в степи, словно белая лента. На дороге никого. Мучительно хочется спать. Так бы расстелил вот на траве шинель, но спаси боже. От табака уже с души воротит, подташнивает и пальцы дрожат, но лучше курить, спать нельзя!

Далеко в степи послышался шум мотора. Ну, слава богу, началось. Я встал на краю дороги и ответ на первый вопрос пришел сам собой: конечно же, все машины вброд – откуда здесь взяться чужим машинам и, что главное, мост, видимо, ненадежный, а так на хрена бы нужен этот брод.

Вскоре стал виден маленький контур приближающейся автомашины и огромный хвост пыли. Шофер заметил меня, притормозил, а я указал ему жестом милиционера-регулировщика направление к броду. Шофер крутнул баранку, машина заныла мотором,

затряслась, шлейф пыли стал опадать, на пыльной траве остались хорошо заметные следы объезда. Вскоре появилась вторая машина, третья... Еще немного и объезд стал отлично различим, водители смело поворачивали на него, не дожидаясь моих сигналов.

Взошло солнце, в траве засверкала роса, день снова обещал быть жарким и солнечным. Машины появлялись небольшими пачками, больше не возникало никаких вопросов относительно их принадлежности и вообще не следовало старшему лейтенанту говорить мне о том, чтобы направлять в объезд машины нашей бригады. Проще сказать – все машины в объезд и вопросов бы не было. За машинами появились первые шустрые подводы, дорога ожила, время побежало быстрее. Становилось теплее, захотелось пить, но уйти от развилки я не мог. До реки было метров двести, как уйдешь? Я знал, что такое пост. Пост – это подохни, а с места не сходи. Я и стоял.

Машины больше не появлялись. Я то стоял до ломоты в ногах, то садился на свою скатку. Пехота пока не появлялась. Часов у меня не было, время спросить не у кого, примерно только перед полуднем по дороге затарахтели обозные подводы, и появились первые нестройные группы солдат. Тяжелые километры давно сломали их строй, растянули людей по дороге. Я всем указывал нужную дорогу. Потом снова всё утихло. Из поселка через мост одинокий пастух перегнал отару овец. Овцы щипали траву в стороне, а потом как-то незаметно оказались возле меня. Пастух был совсем молодой парень лет 14, в огромной лохматой шапке, в старой одежде, в руках он держал старинное, типично горское ружье с маленьким инкрустированным прикладом. Это старинное ружье, бесспорно, могло украсить какой-нибудь краеведческий музей или смогло послужить бы добрую службу при съемках исторического фильма. Я подошел к пастуху, поздоровался с ним обычным мусульманским приветствием – «Салям алейкум!» В ответ парень слегка приподнял на уровень груди руку, ответил «Алейкум салям» и выжидательно смотрел на меня. Я попросил его показать мне ружье, но он не знал русского языка и не понял меня. Тогда я жестами стал ему объяснять, что хочу посмотреть его ружье. Наконец, он понял и доверчиво протянул мне ружье, а сам вроде бы невзначай дотронулся до моего автомата и что-то быстро проговорил. Я понял так, что он просит показать ему автомат. Я вышиб из автомата диск и протянул ему безопасное оружие. Он нерешительно взялся за шейку приклада, и в глазах его сверкнул огонь непреодолимой мальчишеской зависти. Как должно быть хотелось ему стать хозяином такого оружия... А я рассматривал его ружье, у которого ложе и приклад были инкрустированы серебром. Старинный курок и самая настоящая полка для пороха. Несомненно, это ружье помнило лихое время Шамиля. Да, музей, бесспорно, гордился бы такую находкой. В это время как-то неожиданно вблизи от нас на дороге появилась группа солдат, шагавшая прямо к нам. Я протянул ружье пастуху и взялся за ремень автомата. К моему удивлению, руки мальчишки буквально впились в оружие, он не мог разжать собственных пальцев. Я дернул за ремень, мальчишка свалился на бок в пыльную траву, но он не выпустил автомата. Я оказался спиной к идущим по дороге солдатам, услышал сзади тяжелый топот и словно с неба рядом со мною появился Авдеев. Он налетел на пастуха бурей и мгновенно мой автомат оказался у него в руках, потом недоуменно посмотрел на меня и спросил:

– Ты что, спятил?! Ты зачем оружие в чужие руки отдаешь? Тебе что – автомат или цацку выдали, салага! Еще раз увижу – шею сверну. Понял?!

– А ты, гусь, – он повернулся к пастуху, – топай отсюда и быстро, мать твою! Пастух понял, что его ругают, поймал на себе недружелюбные взгляды, поднял свое ружье и торопливо погнал в степь отару. Я поставил на место диск, повесил автомат на плечо и пошел вместе с ребятами через мост в поселок.

– А ты правда с заскоком, – пробубнил Бельтюков, – хлопнул бы он тебя сейчас – и с приветом.

– Как бы он хлопнул, когда диск у меня в руках?

– Дурак! Для него главное, что ты без оружия, а хлопнуть тебя прикладом в лоб не трудно. Баранов так и бьют.

– Да что вы, ребята, он мальчишка еще, ему просто посмотреть было любопытно... Неуверенно и пошло оправдывался я, хотя отлично понимал, что ребята правы и то, что появились они неожиданно – это было просто чудо. Конечно, я бы справился с мальчишкой, но дать ему «поддержать» автомат, хотя и без диска, было непозволительной глупостью, наказуемым делом.

– Дурак ты малохольный, интеллигент, мать твою за ногу, ты еще нам про своего Фауста расскажи! - совсем осерчал Гришка Бельтюков и больше не стал со мною разговаривать. Он махнул на меня рукой.

Следом за нами в поселок прибыл ротный обоз, нас накормили завтраком. Мы расположились во дворе какого-то дома, старались хозяевам не мешать, но они повели себя странно: мужчины, женщины, дети, старики - всё многолюдное семейство оставило свой дом, заперло двери и куда-то ушли. Странно. Мы ничем вроде бы не обидели их. Может, поступили вопреки их обычаям, но в чем? Поселок был большим, разместились все свободно, находились в основном в садах, в тени деревьев. Шло время, а новых задач нам не ставили. Ради любопытства выглянули на улицу и у нашего дома встретили неожиданно старого знакомого, автоматчика Тарасенко.

– А, разведка, привет! – расплылся он в улыбке.

– Привет, браток, ну как ты?

Ничего не значащий разговор. О Берии ни гу-гу. Как будто и не было ничего такого.

Перед обедом в расположение роты пришел тот бровастый старший лейтенант, который отбирал нас в разведку. Это был начальник разведки бригады Натынов. Был он мужиком красивым, форсистым. Козырек его новенькой фуражки сверкал лаком, гимнастерка выглажена, скрипучие желтые ремни перекрестили спину, синие галифе с кантом, словно только что из ателье, хромовые сапоги начищены до зеркального блеска – весь он был, как наглядное пособие из руководства о внешнем виде командира Красной Армии. Командира роты и замполита на месте не было, с нами находился младший лейтенант Данилов. Он подал команду «смирно!» и доложил Натынову, что разведчики отдыхают после пешего марша.

– Вольно! – разрешил Натынов, загадочно улыбнулся и философски заметил: – Значит, говоришь отдыхают. Сейчас отдыхать некогда! Отдыхать после войны будем, если уцелеем. Он сел на положенное к дереву седло и спросил ни на кого не глядя:

– Ну как? Никаких ЧП нет?

– ЧП в роте нет. Все в порядке, товарищ старший лейтенант! – отчеканил Данилов. Начальник разведки помолчал немного, а потом сообщил новость, которая была для нас и непонятна, и неожиданна:

– Слушай внимательно! Нам только что сообщили, что сегодня утром, в том поселке, где мы были, убиты ударом ножа в спину двое бойцов бригады. Я довожу до вашего сведения, что командование бригады приказало: повисить бдительность, запрещается ходить в населенных пунктах поодиночке, всегда иметь при себе готовое к бою личное оружие. Всем всё ясно?

Ребята молчали, и Натынов повысил голос, так как ему не ответили сразу:

– Я спрашиваю, всем ясно?

– Непонятно, кто ж их зарезал? – спросил кто-то из ребят.

– Если бы было известно, я бы сказал. Главное, у убитых похищено оружие. Убили одиночек. Погибшие были из разных подразделений и обнаружены в разных местах. Смотрите, чтобы среди вас лопухов не было! Понятно?

– Понятно.

Многие ребята, особенно Бельтюков, выразительно посмотрели на меня. У меня кровь прихлынула к голове. Действительно, лопух я и уши холодные! Ребята могли бы рассказать о моём дурацком поведении там, у развилки дорог, но меня не выдали, на

позорище не поставили. Хороший у нас все-таки народ, даже на Бельтюкова я больше не обижался.

После обеда по улице замельтешили связные, заурчали автомобильные моторы, опытные ребята решили, что это не к добру и оказались правы. Едва мы успели поужинать, еще было совсем светло, в роте появился Ласточкин, собрал всех командиров взводов, старшину, расстелил на траве карту и о чем-то говорили. Потом Данилов рысцой подбежал к нам и закричал:

– Подъем! А ну быстро! В шеренгу становись!

Вообще, я заметил за Даниловым одну непонятную странность. Он был каким-то всполошным, неуравновешенным. Он мог отдать тебе последний табак и сухарь, решительно вступить в защиту своего подчиненного и в этой защите он шел до конца. Но если тот же подчиненный не очень старательно выполнял его приказание, Данилов буквально свирепел. Его нервная возбудимость доходила до непредсказуемой крайности. Мне рассказывали, как он послал одного разведчика бегом исполнить какое-то пустяшное приказание. Разведчик не побежал бегом буквально, а пошел быстрым шагом выполнять это приказание. Данилов его вернул, выхватил из кобуры револьвер и, ткнув ствол в живот разведчику, зашипел от неуёмной злобы:

– Я кому сказал «бегом»! Ты что, пулю захотел?!

При этом ребята говорили также, что Данилов в принципе мужик, что надо – смелый и справедливый, а что-то находит на него – это после контузии, порою бывает он сам не свой.

Услышав команду Данилова и зная его норы, ребята кинулись строиться, некоторые оказались босыми, другие неподпоясанные, но все с оружием. Данилов поморщился и уже спокойно сказал:

– Приготовиться к маршу. Пять минут на сборы. Разойдись!

Через пять минут снова все были построены и готовы к маршу. Данилов доложил об этом командиру роты. Ласточкин обошел строй и коротко сказал:

– Предстоит тяжелый марш. Километров пятьдесят с гаком. На дороге не растягиваться. Чтобы ни одного отставшего. Не так, как в прошлую ночь! Шагом марш!

Вот и потопали. Снова вышли на тот хилый мостик, прошли развилку, где прошлой ночью я стоял маяком, и пошагали по уже знакомой пыльной дороге в обратном направлении. Смеркалось. Дорога медленно, одуряюще медленно уплывала из-под ног назад. Степь дышала теплом, снова трещали кузнечики. Справа началась бесконечно длинная посадка, слева широченная степь, впереди невысокие потемневшие холмы. Через несколько часов марша тело пропиталось пылью и нестерпимой усталостью. Ноги, словно деревянные, шагали независимо от воли, по какой-то тупой солдатской привычке. На небо выкатилась полная луна, в её свете пыль казалась серебряной и в этой белесой пыли покачивающиеся силуэты уставших людей. Привалы делали редко, люди засыпали на ходу. Я не знал этого раньше, не представлял, что вот так можно идти по дороге и спать. Правда, заснувший человек, как правило, вначале шагает как заведенный, потом его заносит в сторону, и он падает, непременно падает, споткнувшись о глыбку земли или о неровность дороги. Упавший человек просыпается и некоторое время не может понять, что произошло и почему он упал. Мне немного повезло, я умудрился положить руку на корму нашей обозной брички. Я шел и тоже спал, но не падал – рука не давала уйти в сторону. Я шагал и мне снились бредовые сны. Нестерпимо тяжелы эти марши, особенно ночные, невероятно утомительны и длинны солдатские пути-дороги. Редко, но всё же раздавалось: «Принять вправо. Привал десять минут».

Люди послушно сходили с дороги вправо и со стоном валились на не остывшую еще землю. Не успевала еще пройти тупая боль в пояснице, еще чудовищно болели ноги, но слышалась снова неумолимая команда:

– Подъем! Шагом марш! Посмотрите, никто там не спит?

После привала с особенным трудом давался каждый шаг. Нет конца этим дорогам и нет единицы измерения усталости. Наступало утро. Мы всё шли по пустынной степи, хотелось пить, но на нашем пути редко встречались человеческое жильё и колодцы. Перед утром потянуло прохладой. Когда ж конец этому маршу? Впереди какие-то деревья, дома... «Принять вправо! Привал!» Валимся на землю, и нет сил, чтобы снять проклятую скатку, надоевший вещмешок. Только лежать и ничего больше! Лежать и чувствовать, как из уставших ног уходит тупая боль, и это кажется самым главным в жизни.

Три ночи подряд, прихватывая и светлое время суток, мы были на марше. Днём удавалось немного поспать, но едва переставали нестерпимо болеть ноги, как снова начинался одуряюще тяжелый переход.

Перед каждым ночным маршем командир роты Ласточкин объявлял, что нам предстоит прошагать километров 45-50 с гаком. Вообще-то 45 километров это еще ничего, но «гак»! Мне казался этот «гак» никак не меньше половины основного марша. Это всегда злило. При одном упоминании о «гаке» многие ребята начинали материться.

Последний переход оказался особенно тяжелым, личный состав роты вымотался, кажется, до самого последнего предела. На большом привале, после того, как подтянулись отставшие, мы позавтракали, вымыли ноги в какой-то мутно-желтой луже, и нам удалось часа четыре спокойно поспать на разостланных на земле шинелях.

Потом команда: «Подъем! Кончай ночевать!»...

Командир построил всю роту, проверил по списку личный состав, он еще не всех знал поименно и нарочито бодрим голосом спросил:

– Ну как, орлы, выспались? Забодай вас, комарь!

«Орлы» ответили вразнобой, что «разве здесь выплещься!» и «еще бы минуток шестьсот для смеха»...

«Забодай тебя комарь» – было привычным и даже ласковым ругательством командира роты. Он его употреблял так же, как заботливый ездový погоняет любимую лошадь: «ну, пошла, падла!» Всё зависело от интонации, с которой произносились эти сакраментальные слова. Ребят даже забавляло это необычное и смешное ругательство. Чаще всего оно означало, что у командира хорошее настроение, в душе он ребят понимает и сочувствует им, но что делать – война!

После обеда Ласточкин объявил:

– Вот что, товарищи, отдыхать и спать на печке будете после войны, забодай вас комарь. Сегодня нам предстоит марш не очень большой, километров 45 с гаком. В пути не растягиваться и чтобы ни одного отставшего! Колонну ведет лейтенант Данилов. А сейчас, лейтенант, выделите одного бойца в распоряжение разведотдела.

– Что делать?

– Помочь вещи им на машину грузить и еще что-то там. Давай побыстрее.

Данилов осмотрел внимательно ребят и вдруг решительно ткнул пальцем в меня.

– Пойдешь в распоряжение Натынова. Ясно?

– Есть в распоряжение Натынова! А где он находится?

– Ты что меня спрашиваешь! Ты разведчик или кто?

– Разведчик.

– Вот и найди Натынова. И чтоб быстро! Потом поезжай с ним на машине.

Я взял свою похожую на хомут скатку, автомат, вещмешок и пошел в поселок в полукилометре от нашей стоянки. По дороге встретил нашего связного и тот указал мне, где искать Натынова.

Натынов, его ординарец и еще какой-то младший лейтенант собирали папки с документами, какие-то узлы и все это добро нужно было тащить в другой конец поселка, где стояла автомашина. Вместе с ординарцем мы тащили тяжеленный железный ящик, куда были уложены папки, помимо этого каждый повесил на спину по туго набитому вещмешку, и младший лейтенант тоже тащил вещмешок и какой-то узел из плащ-палатки.

После того, как все вещи были уложены в кузов крытого газика, в сумятице сборов про меня, видимо, забыли. Вместо того, чтобы решительно залезть в кузов, я, по неопытности своей, решил напомнить о себе Натынову. Старший лейтенант посмотрел на меня, как будто впервые меня увидел и спросил:

– А ты чего здесь крутишься?

– Так я вам докладываю, что все ваши вещи в машину погружены.

– А-а, молодец. Ну теперь давай догоняй своих ребят. В машине всё равно места нет. Жми быстрее в роту! А на всякий случай, вон дорогу видишь? Вот всё прямо по ней.

Вот это дела! Рота уже с час как ушла. Она давно пылит по этой самой дороге и прошла никак не меньше четырех-пяти километров. Поди, догони их теперь! На всякий случай я вернулся на то место, где стояла рота – куда там! Кроме помятой травы, никаких следов. Хуже нет догнать, да еще одному и по незнакомой дороге. Я шагал, выжимая из ног предельные возможности, шагал час, два, за это время меня обогнали несколько наших бригадных машин, но ни одна даже не сбавила скорости. Я обогнал каких-то пэтээровцев – усталые, взмокшие от пота солдаты в вылинявших гимнастерках по двое тащили свои длинные тяжелые ружья. Небо заволокло серой и ровной, без единой морщинки, облачностью. Жара спала, идти было легче, чем в прошлый день. Шли часы, но никаких следов нашей роты я не обнаружил. Снова болели ноги и не по кому было равняться в пути, хотелось есть, а вдоль дороги одна полынь – вот ведь место проклятущее. Горизонт в серой дымке и равнина, жиденькая лесопосадка справа от дороги. Прошло много времени прежде, чем я увидел слева какой-то зеленый клин – явно что-то посажено. Прибавил шаг и вскоре увидел невысокие широколистные растения с крупными зелеными коробочками величиною поболее сосновой шишки. Сорвал несколько штук и одну раскусил... Горько, внутри какая-то подозрительная волокнистая белая масса. Вата. Точно вата! Так это же хлопок! Поди знай! Я этого хлопка живым сроду не видел. Всё, что не увижу – всё впервые. Все-таки мне повезло: за этим хлопком я наткнулся на поле подсолнечника, срезал финкой самую большую тарелку семечек, с которой уже давно опали листья. Семечки были сырые, но по краям крупные, с черно-белыми полосами. В общем, ешь от пуза. Обедай! А вот проселочная накатанная дорога совершенно безлюдна, ни одной души. Закрадывалась беспокойная мысль: а туда ли я шагаю? Но вроде развилки никаких не было, да и следы машин видны. Подсолнуховое поле давно кончилось, и началась высокая пожелтевшая кукуруза. У дороги стоял ослик, запряженный в небольшую одноосную тележку. В тележке целая гора золотых початков. На краю поля пожилой мужчина обдирает початок. Я подошел к нему, поздоровался.

– Салям, – ответил мужчина.

Я спросил его, не видел ли он проходящих здесь солдат.

– Нэ выдыл, – ответил тот коротко, даже не взглянув на меня, и тотчас же скрылся в зарослях кукурузы.

Странно. Чудак какой-то. Шарахается от меня, как от зачумленного.

Шло время, и тянулась впереди эта бесконечная седая лента пыльной дороги. Страшно ныла поясница, болели ноги, а кругом голая степь, пустыня, и я один среди этого равнодушного к человеческим страданиям мира. Дорога утомительно долго и чуть заметно змеилась по покатоному, чуть заметному склону, потом пошла вниз и там внизу я увидел какой-то поселок, утонувший в темно-серой листве садов. Казалось, что он рядом, но до него пришлось шагать никак не меньше пяти километров. Поселок оказался большим, его пересекала довольно широкая грейдерная дорога. Конечно, наша рота непременно здесь должна отдыхать, но где она? Вдоль домов по каким-то делам сновали солдаты, стояли распряженные кони, а вот местных жителей никого не было видно. Время приближалось к вечеру, и я не на шутку забеспокоился, потому что ночью отыскать роту будет еще труднее. Неожиданно я встретил Хорькова, этого странного

парня с вороватыми глазами. Он тащил набитый чем-то вещмешок. На мой вопрос он небрежно кивнул куда-то в сторону головой и скороговоркой сказал:

– Давай, иди, иди, видишь – некогда мне с тобою здесь цацкаться. Ступай до первой улицы и третий дом направо.

Сам Хорьков пошел в другую сторону. Все-таки с подачи этого Хорькова, я быстро нашел ребят. Они валялись в саду на шинелях, многие спали, на меня не обратили внимания, только Данилов посмотрел на меня подозрительно и спросил:

– Где болтался?

– Не болтался я, товарищ лейтенант, а шагал пешком. Вас догонял.

– А тебя что – на машину не взяли?

– Не взяли. Натынов сказал, что места нет. Вещи им погрузил, а потом пешком всю дорогу.

– Ну, мать его! Дам я ему в следующий раз бойца! Иди на кухню, повар накормит.

Повар уже и котел вымыл. Мне выдали хлеба, небольшой кусок вареного мяса, кусок сахара и неограниченное количество холодного чая. Я не сетовал. И на том спасибо.

Темнеет на юге быстро. Зашло солнце, и через полчаса темень, а в облачный день и подавно. Не успели у меня отойти ноги от боли, еще каждая мышца ныла от усталости, а Ласточкин снова подает команду:

– Рота, становись!

Построились. Ласточкин обошел роту и начал в своем бодряческом тоне:

– Обувь у всех в порядке? Потертых ног нет?

Потертые ноги оказались у двоих. У меня тоже была мозоль, но небольшая. Я смолчал. Не умел я еще как следует портянки мотать. Один, вроде меня, потер немного, его в строй поставили, а на другого командир роты накинулся:

– Ты что? Забодай тебя комарь, портянки крутить разучился! Придем на место, целый день будешь портянки мотать, а я проверю. Тоже мне, разведчик!

Все-таки оставили парня при обозе – все полегче. На сей раз, обоз должен был следовать другой дорогой. Мы пойдем напрямки. Утром мы должны быть у железнодорожной станции Карабулак. На дорогу нам выдали зеленый заплечный термос, их было несколько у старшины, в термосе каша, и каждый должен был тащить этот термос по очереди. Конечно, старшина руководствовался самыми благими намерениями, но тащить этот тяжеленный термос – чистая пытка. Помимо всего, если один надевал на спину термос, то его товарищ должен был тащить на себе скатку и вещмешок несущего, потому что иначе этот термос на спину не оденешь.

Всё повторилось сначала. Снова бесконечная дорога. Облака расплзлись, выглянули звезды, потом взошла какая-то кроваво-красная луна. Каждый километр сухой и пыльной дороги уносил силы. В спине, в ногах, в плечах накапливалась свинцовая усталость. Шли как автоматы, ни о чем не думая, ничего не соображая. Из ночной тьмы наплывала пустая степь с серебряной полынью и проклятая прямая дорога. Потом стали попадаться очень пологие, чуть заметные балки, какие-то арыки, сплошь заросшие высоким репейником, шаткие мостики. Те, кто тащил термос, матерились и проклинали старшину и командира роты, которые так нелепо проявили свою заботу. Не дожидаясь утра, решили мы покончить с кашей, все-таки легче тащить пустой термос. Устроили капитальный привал и ели кашу ложками прямо из термоса, толкаясь и мешая друг другу (котелков-то всё равно у нас не было). В общем, тоже не ужин и не завтрак, а сплошное мучение. Ели по очереди, группами по 6-8 человек. Сколько нужно отъесть каждому никто не знал даже приблизительно. Последним двум партиям каши не хватило и, конечно, мне в том числе. Есть я не хотел, но всё равно было обидно. Наши две партии, обделенных кашей, категорически заявили, что термос мы нести не будем. Кто ел кашу, тот пусть и несет. Наш протест был признан справедливым и с термосом к нам больше не приставали.

Снова поползли из-под ног бессчетные километры, бесчисленные спуски и подъемы, пусть очень пологие, но непередаваемо нудные и бесконечные.

Пустой термос тем, кто нес его, казался почему-то теперь еще тяжелее, а главное, никто не видел в нем никакой пользы. В нём, видимо, удобно таскать горячую пищу на передовую, но в походе... тащить его, нескладного, десятки километров – это наказание господне. Все ж пришли к выводу, что «мавр сделал своё дело». Когда наступила очередь тащить термос Соловьеву, физически очень крепкому и бывалому бойцу, он протащил его от силы полтора километра, потом остановился, снял термос с плеч и решительно забросил его в сторону от дороги.

– А что теперь старшине скажем? – произнес чей-то наивный голос.

– Что хочешь, то и говори, а дальше я его все равно не потащу. Тащите сами, если хотите.

Охоты тащить пустой термос ни у кого не было. Так он и остался на обочине. Данилов и тот ничего не сказал. Промолчал и всё тут, наверное, был согласен. Конечно, может быть привалы нам нужно было делать почаще, а то разбежались, словно за нами кто гонится. Видел я, как на марше пулеметчики волокут на себе станины станковых пулеметов, минометчики тащат на себе тяжелейшие минометные плиты, а нам, видите ли, термос тяжел. Непонятно, разбаловали нас, разведчиков, или действительно нужен какой-то порядок на марше... Может быть, всё может быть... А сейчас, кажется, еще немного и я свалюсь. Это не переход, а дикая гонка по пересеченной местности. Куда, зачем гнать?! Ну понял бы я, если на передовую, но здесь передовой и не пахнет.

А Данилов топает как заведенный. Правда, ему полегче: у него ни скатки, ни автомата. На нашем пути балки начали попадаться всё глубже, а подъемы круче, дорога стала петлять по каким-то косограм. Внизу, в балках, воздух прохладный, тянет сыростью, поднимешься на взгорок – снова тепло, пахнет полынью, пылью, какими-то степными травами.

Прошли несколько спящих поселков, но Данилов даже не остановился, не пришлось даже воды попить. Молча, вразнобой проходили мы пустые, словно затаившиеся улицы, и провожал нас только собачий лай. Обычно накоротке мы останавливались в открытой степи. «Привал вправо», – командовал Данилов. Ребята со стоном опускались на пыльную обочину дороги, а наш командир взвода доставал из полевой сумки топокарту, они вместе с Медвинским накрывались чьей-то палаткой и там, в пыльной духоте при свете фонарика с севшей батареей, пытались соотнести пройденную дорогу с топографической картой. Под плащ-палатку они лезли с целью маскировки, хотя в звездном небе не было слышно самолетов, а передовая была в невесть какой дали, и до нас не доносилось её грозное дыхание.

С 1941 года привыкли маскироваться, где надо и где не надо. Маскировка стала обязательной и привычной, как дыхание, усомниться в её необходимости даже здесь, в этой глухой степи, было бы кощунством. На одном из таких коротких привалов я услышал, тоже впервые, далёкий вой шакалов, он походил и на плач, и на тонкий визгливый вой, переходящий в лай. Экзотика! Провались она пропадом.

Утро приходит здесь, мне кажется, не светом, а какой-то нечаянной прохладой. Будто сам воздух немного шевельнулся, тронул запотевшие лицо и спину прохладной свежестью. Вроде ветра нет, а меж лопаток, по взмокшей спине струится приятный холодок. Спать к утру тоже сильнее хочется. От усталости, от пытки бессонными ночами многие засыпают прямо на ходу. В это время наступает уже не усталость, это слово слишком слабое, оно не может оценить состояние человека, наступает какая-то прострация, отупление, отключение от всего происходящего. Если в таком положении человек упадет – он больше не встанет, его можно стрелять – он не поймет, что его стреляют и ему уже всё равно. Ноги, словно они чужие и неживые, продолжают механически переступать, и человек не чувствует их, ему безразлично куда, зачем он идет, просто безучастно ждет,

когда он свалится. Темп нашего движения резко снизился, Данилов видит это, но молчит – он и сам еле переставляет ноги. Все идут и молчат. Последние капельки силы уже израсходовали, их не осталось даже на то, чтобы произнести слово. По-моему, мы уже прошагали заданные километры и сейчас преодолеваем самое тяжелое расстояние, названное «гаком». Побледнела луна, на востоке еще даже не свет, а предвестник света, потускнели звезды, а потом на фоне неба становятся видимыми черные кроны деревьев, какие-то курганы, дорожная пыль становится чахоточно-бледной. Перед подъемом на какой-то косогор отдыхаем минут пятнадцать. Люди засыпают мгновенно, и это возвращает им малую частицу сил.

– Подъем! Подъем! Кончай ночевать!

Кажется, не успел коснуться земли, а невыносимо противный голос Данилова заставляет вставать на деревянные ноги. А восток посветлел, и его чуть тронули нежно-золотые краски. Шагать трудно по нескончаемому подъему. Ползет медленно и трудно белая однообразная лента дороги. Стало уже заметно, что по сторонам не серебряная степь, а рыжеватая, выгоревшая на солнце трава. Слева на высоте и по склону косогора стоят какие-то каменные столбы высотой в один-полтора метра. Многие из них покосились в разные стороны, и на каждом из них чуть заметен какой-то круг, вроде стилизованного изображения солнца. Да ведь это старые памятники, это местное кладбище. На земле уже не заметны могильные холмики, а может их и не было, одни белые каменные столбы хранили покой и тайну ушедших из жизни. Мы шли мимо и на этих белых камнях, источенных ветром и солнцем, изъеденных и почерневших от лишайников, можно было рассмотреть какие-то письмена, сделанные восточной вязью. Как картинка из сказки Шехерезады проплывало перед глазами это видение. Что-то невообразимо далекое от реальностей нашей жизни. Это кладбище не было осквернено помпезными скульптурными памятниками усопшим, нелепыми оградами с замками в дверцах и клумбами на могилах. Здесь было небо, свободный ветер, птица с распластанными крыльями, и отсюда виден Кавказ. Здесь был тот самый звон столетий, я словно слышал трогательную и загадочную восточную мелодию. Мудрый народ живет на этой земле, мудрый и древний. Спите спокойно, древние бесхитростные люди, честные в дружбе и гостеприимстве, непримиримые и грозные в бою. Спите! Пусть не потревожит вас наше жестокое взбаламученное время. Вам не разобраться в наших тревогах и мирской суете.

Мы прошли древнее кладбище, а дорога всё еще лезла по нескончаемому косогору всё выше и выше. На востоке из-за пепельно-серого простора широкой степи выглянул край сверкающего солнца.

Мы лезем по склону невысоких гор, этот склон становится всё круче. Мы потеряли всякий счет километрам и времени, ребята идут толпой и молчат. Впереди меня бородатый Авдеев, его гимнастерка промокла от пота, он еле переставляет усталые ноги, хотя у него нет скатки, куда он дел свою шинель – непонятно и спросить его как-то неудобно. Впереди всех – почерневший от пыли и усталости младший лейтенант Данилов, идёт и молчит, кажется, и он выжимает последние силы. Если есть здесь Бог и Пророк его – они должны прекратить эти невыносимые страдания! Нет больше сил терпеть их! Перед глазами только дорожная пыль, мелкая высохшая травка, низкорослая голубая полынь... Вот и вершина. Всё! Окончен подъем. Ребята невольно подымают головы и... видят новое необыкновенное чудо. Впереди широченная долина и из её голубого тумана в тёмно-синее небо в невообразимую высь взметнулся огромный, белоснежный Казбек. На всём белом свете я не видел ничего прекраснее и выше этого дива. Ничего не было чище ослепительных снегов на его заколдованной шапке.

Все ребята невольно остановились и молча смотрели на необыкновенное видение. Слабый прохладный ветер тонко посвистывал в стеблях сухой травы, большой орёл закладывал широкие круги в прозрачном небе... Вот она, сама вечность, сама вселенная. Стоило страдать, стоило жить, чтобы хоть на миг увидеть это видение. Вот он сказочный

Восток и белоснежный символ и идол его! Может быть, отсюда смотрел на Казбек Лермонтов, где-то здесь вырвались из его груди вечные строки:

*Спеша на север издалёка,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока
Принес я, странник, свой поклон.*

У Лермонтова тоже, видимо, перехватило дыхание от этого волшебства и на глазах сверкнули слёзы. Всё это даже не для песен – это для молитвы!

*Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвёздный край, в твоё владенье
К престолу вечному Аллы.*

Не мог Михаил Юрьевич и сказать иначе. Уж если мы, смертные, остановились и молчали, то что было в душе поэта!

– Перекур! – скомандовал Данилов.

Возражать не стали. Повалились на обочину дороги, стащили с плеч автоматы и скатки, закурили и по-прежнему молчали. Не хотелось говорить, да ничего словами и не скажешь...

И вдруг новые беспокойные мысли начали приходить в голову, мысли нашей невеселой, прямо сказать, реальности. Почему мы здесь, у самого сердца Кавказа? Почему мы, здоровые и вооруженные, идем ночами, словно голодные и гонимые шакалы. Как могло случиться, что гитлеровские войска заставили нас драпать «к престолу вечному Аллы»? У Лермонтова для нас припасено еще одно стихотворение, «Беглец» кажется, так вот оно больше для нас подходит. Драпаем ведь, драпаем! Гитлеровские солдаты уже видят этот седой Казбек. Не простит нам этого Кавказ, в могилах своих перевернутся те горцы и гордые горянки, не простят они нам, гяурам*, поруганной своей земли! Еще ведь немного, еще один хороший драп-марш и обернется здесь всё такой катастрофой, что и вообразить невозможно!..

Легко сказать: Кавказ, престол Аллы. Как будто ты один это понял! «Не хвались еще заранее» – тоже Лермонтов сказал, на тебя еще танки не лезли – вот наговоришь громких слов, а потом в штаны напустишь! Говорят, что первый бой всегда страшен! Надо выдержать его!

– Покурили? Хватит. Подъем! Теперь уже немного осталось.

Данилов поднялся первым, отряхнул гимнастерку и брюки и без всяких разминок пошел по дороге. Идти было намного легче – все-таки под гору. Еле дошли мы до Карабулака. Трое все-таки отстали – Хорьков и двое новых ребят, которые хороводились с этим Хорьковым. Данилов решил, что ночью уснули они, а никто этого не заметил. Вообще-то не страшно, придут. Никто с Даниловым спорить не стал, только Федя Фролов сказал Бельтюкову:

– Знаю я этого урку. Нарочно отстал и ребят подбил. Шаромыжник он.

– Угу. Я тоже заметил. Сволочь он, – подтвердил Бельтюков.

Мы дождались своей кухни, нас накормили и еще часа два мы отдыхали. Потом снова марш. Опять километров сорок с гаком. Нужно было идти в Ольгинское. И снова повторилось всё сначала. Добавились только жара и жажда.

* Гяур – у исповедующих ислам презрительное прозвище всех немусульман.

* * *

Станица Ольгинское расположилась около горной реки, разбросала вокруг огороды, поля, а сама утонула в густых садах. За этими садами вздымалась до самого неба синяя скалистая цепь гор Большого Кавказа.

Мы остановились на окраине станицы, на картофельном поле. Вокруг сады и высокие пирамидальные тополя. То, что рядом картофельное поле – это несомненная удача. Что греха таить, всем уже успела надоесть кукурузная каша, а здесь картошка!

Мы нахально копали картошку, пекли её в костре, варили в котелках, делали картофельное пюре и не задумывались над тем, что мы приносим кому-то ущерб. Готовить пюре было интересно, есть его – просто приятно, мы были довольны и были убеждены в том, что вместе с нами довольны и радуются все жители этой благословенной станицы. Спали мы на земле. Подстелили немного кукурузной соломы, на неё шинель и дом готов – много ли солдату надо! На почве картофельного промысла стихийно организовывались группки «колхозы». Такой «колхоз» образовался и у нас с Мишкой Беляковым. Жили мы с ним дружно и все заботы делили пополам – он копал и чистил картошку, я ходил по воду, он добывал топливо, я выпрашивал у повара соль – работы хватало каждому.

На следующий день по прибытии в Ольгинское в роту пришел старший лейтенант Натынов. Он был гладко выбрит – щеки и подбородок отливали благородной мужественной синевой, черный, как смоль, чуб выбивался из-под фуражки, сросшиеся на переносице брови нахмурены важно и строго, карие глаза смотрели на нас даже не властно, а державно. Красивым мужиком был наш Натынов, сохли по нему, наверное, девичьи сердца! Обмундирование на нем сидело так, будто он в нём родился. Скрипучие новые ремни выгодно подчеркивали грудь атлета. А сапоги! Где он только достал такие – хромовые, начищенные настоящим гуталином и голенища собраны в шикарную гармошку. Нет, мы не завидовали Натынову – мы им гордились!

Вот политрук нашей роты Попов внешне совсем другой: у него сутуловатая фигура, нескладные руки, которые он не знал куда девать, нескладно сидящая на голове фуражка – всё это до странности напоминало карикатуру на Натынова. Возможно, начальник разведки замечал это и явно недолюбливал политрука.

Командир роты лейтенант Ласточкин резко отличался от Натынова. Он не придавал особого значения своему внешнему облику, он даже фуражки не носил, а ходил в пилотке, и кубари в петлицах у него были не красные, а полевые, зеленые, и гимнастерка не из тонкого сукна, а обычная хлопчатобумажная, на ней и свежий подворотничок выглядел как-то не эффектно. Голенища на яловых сапогах потрескались, да и чистит он их, видимо, тем же солидолом, что и мы. Ласточкин был художав, жилист и улыбчив, коротко остриженные русые волосы у него выгорели на солнце до ярко-соломенного цвета.

– Рота, становись! –скомандовал Ласточкин.

Мы мгновенно построились, сразу забыв о картофельных хлопотах.

– Равняйся! Сми-и-рно!

Мы привычно замерли в строю, автоматы на шее, и вид у всех по возможности бравый, подтянутый.

Ласточкин четко повернулся, подошел к Натынову, печатая шаг, как к генералу, и доложил:

– Товарищ старший лейтенант, разведрота по вашему приказанию построена. Командир роты лейтенант Ласточкин.

– Вольно, – сказал Натынов.

– Во-ольно! – повторил команду Ласточкин.

Меня немного удивляла подобная театральность. Ну, ладно бы, приехал в роту командир бригады или генерал, но Натынов! Он же бывал в роте иногда на дню несколько раз. И такой спектакль! Я понимал, что армия не может быть без дисциплины, без этих

вот уставных правил, но малейший перегиб в этом деле приводит к «игре в солдатики», к нелепому фарсу, становится смешным. А Натынову нравится. Он не улыбнулся, нет, куда там – он выглядел еще более строже, но в его орлиных глазах сверкнули удовлетворенность и сознание собственной значимости. В окружении блестящей свиты из Ласточкина, политрука и ротного старшины он обошел строй, встал посередине напротив нас, большой палец левой руки засунул за поясной ремень, правую поднес к груди и начал говорить:

– Разведчики! Нужно, чтоб вы знали: на фронте сложилась напряженная обстановка. Враг под Ленинградом, недалеко от Москвы, он вышел к Сталинграду. Здесь, на Кавказе, ему удалось захватить Моздок, Нальчик, Прохладный и другие города. Верховный главнокомандующий недоволен вами!.. Наша Родина в опасности. Товарищ Сталин издал специальный Приказ № 227. Ни шагу назад, товарищи! Теперь все, кто будет драпать, будут расстреляны на месте. Создаются специальные отряды для борьбы с паникёрами и трусами...

Натынов рубил короткими фразами, и каждое его слово камнем ложилось на солдатские плечи.

– Дальше нам отступать некуда, – продолжал Натынов, – вы додрапали до того, что теперь рукой подать до турецкой границы. А те не сидят сложа руки, они уже войска стягивают. Поняли, чем дело пахнет? Правильно. Пахнет дерьмом. Наши передовые части ведут бои с танками и пехотой противника. Противник несет большие потери, но ему удалось выйти к Тереку. И это не всё! Пользуясь вашим разгильдяйством и ротозейством, батальон немецких автоматчиков, переодетых в нашу форму, спокойно перешел мост через Терек, порезал охрану и захватил плацдарм на другом берегу Терека. Сейчас мы ведем успешные бои по ликвидации этого плацдарма. Вы сейчас занимаете вторую полосу обороны, но это временно. Хватит просиживать вам штаны, готовьтесь к боям! Запомните на всю жизнь – товарищ Сталин и я вам приказывают: ни шагу назад! Знайте, будете отвечать по всей строгости и прямо на месте! Всё поняли? Вопросы есть? Тогда у меня всё!

Строй стоял тихо. «Народ безмолвствовал». Какие там еще вопросы. Мы и сами чувствовали, что происходит что-то грозное и неприятное, недаром гоняли по дорогам форсированными маршами! Конечно, Натынов рисует, говорит черт те что. Его послушать, так он только тем и занят, что товарищу Сталину свои донесения носит. Сообразил тоже: «Я и товарищ Сталин!» Сказанул! Слава Богу, Берия не слышал. Но дело не в этом, а в том, что немцы на правом берегу Терека, значит капитальная драка начнется со дня на день. Это уж, как пить дать.

– Разрешите мне еще немного сказать бойцам? – обратился наш политрук к Натынову.

– Валяй! – согласился Натынов. – Только мне еще в батальонах нужно быть.

– Я пойду, а вы продолжайте.

Натынов отвел в сторону Ласточкина и, уже стоя на дороге, приказывал ему что-то. А политрук, не распуская строя, говорил:

– Товарищи красноармейцы! Настал наш черед доказать на деле преданность партии и нашей Родине. Я уверен, что вы сумеете достойно встретить врага. Я уверен, что в наших рядах не найдется трусов и паникеров. Отныне спрос за дисциплину и стойкость будет тройне строг. Я это говорю потому, что встречаются еще и такие, которые воюют с оглядкой. Нам известны факты, когда отдельные личности сдавались в плен. Но никто из них не уйдет от ответственности. Их ждет справедливая кара и презрение советских людей. С сегодняшнего дня я ежедневно буду с вами проводить политзанятия. Вопросы есть?

– Разрешите? – Фролов вышел на шаг из строя. – Нам бы газетку. Хоть сводку знать.

– Газеты будете получать регулярно с завтрашнего дня. Понятно?

– Так точно.

Фролов встал в строй.

– Еще будут вопросы?

Вопросов не было. Вообще, мы какие-то чудные. Вопросов конечно много: о самолетах, о танках, об автомашинах, об эвакуации местного населения и оказании помощи этому населению, о качестве автоматов, которые отказывают постоянно, о рваных ботинках, о сапогах, о биноклях и топокартах – уйма разных вопросов. Но говорим мы о каких-то отдельных личностях, которые якобы прямо рвались в плен к фашистам. Мне хотелось спросить, для чего нас нужно пугать народным презрением, заслуженной карой, когда мы готовы к бою? Видимо, все-таки есть что-то очень большое и важное, что командиры знают, а солдатам знать не положено, одни знают и молчат, другие не знают и не догадываются. Наверное, так нужно.

Подошел Ласточкин. Он тоже говорил, но был деловит и краток:

– Приказываю: проверить оружие, получить у старшины запасные диски и гранаты. Командирам взводов проверить содержание оружия. Во-вторых, без разрешения из роты никаких отлучек. Отлучка самовольная будет рассматриваться, как ЧП, со всеми вытекающими последствиями. У кого не в порядке обувь – немедленно к старшине. И последнее: сегодня же получите у писаря эти, как их, вот – медальоны смерти. Каждому иметь при себе. Проверять буду. Вопросы есть? Р-разойдись!

Медальончики были из черной пластмассы, граненые, похожие на капсулу с губной помадой, может, чуть поменьше. Внутри такого медальончика бумажка, где написаны твои звание, фамилия, имя и отчество, год рождения, откуда родом. В общем, такая маленькая «анкетка». Не знаю, как другие, но я испытал какой-то суеверный трепет, так это неприятно – сердце вздрогнуло. Вроде бы меня взяли и наполовину исключили из числа живых и стало понятно, что это уже не шутки, что наступило именно то время, когда у меня и у каждого появилось очень много верных шансов быть убитым. Когда мне говорили раньше, что война без жертв не бывает – это воспринималось только теоретически, абстрактно, а вот когда выдали медальон – стало понятно, что война никак не обойдется без того, чтобы меня не убить. Как-то скучно на душе стало.

Однако, к концу дня накал страстей немного улегся, сердце успокоилось, и мы с Беляковым собрались варить картошку. Мне следовало принести воды. Нашлось сразу много охотников до варёной картошки, решивших, что топтать по воду с котелком – смешно. Уж если идти, следует взять ведра. Пришлось взять два ведра и идти к реке. Река была рядом: пройдешь по улице метров двести и вниз к воде. Без оружия ходить не разрешалось, поэтому я закинул автомат за спину и пошагал. Всей работы на пятнадцать минут. Набрав два ведра воды, я выбрался на знакомую улицу. Дома здесь высокие, богатые, с резными наличниками, крепкими воротами и надворными постройками. У одного дома ворота были отворены, а на скамейке, что у этих ворот, сидел дед в черкеске, в лохматой шапке. Он не торопясь и с видимым удовольствием курил свернутую из кукурузного листа сигарку. Её крутили в этих местах своеобразным методом: сдирали с кукурузного початка тонкий белый листок, высушивали его, и он становился похожим на листик папиросной бумаги. Потом бери его, сыпь табак и полный порядок. В Ольгинском было мало населения, много домов заперто, поэтому этот дед заинтересовал меня, пробудил мальчишеское любопытство. Старик выжидательно смотрел на меня. Подойдя ближе, я увидел, что там за воротами стоят оседланными три вороных лошади. Около них суетились два здоровых парня лет 20-25. Они тоже были в черкесках, малиновые бешметы за плечами, черкески перепоясаны тонкими наборными ремешками, на ремешках горские кинжалы. Эти парни настороженно смотрели на меня. Демонстрируя своё миролюбие и уважительность, я подошел к старику и сказал:

– Саям алейкум, отец!

– Алейкум ассалом, – ответил тот, с нескрываемым любопытством осматривая меня.

– Не богаты ли вы табачком? Угостите, если не жаль.

– Почему жаль? Садысь рядом. У меня хороший табак.

Я поставил на землю ведра, сел на скамейку рядом, оторвал от свернутой газеты аккуратный четырехугольник. Старик с готовностью насыпал мне большую щепоть тонко нарезанного табака. Мы закурили. В это время один из молодых парней поставил коня так, чтобы, не отрываясь от работы, не спускать с меня глаз. Это меня позабавило, но наши силы были неравными, поэтому я небрежным движением перетянул автомат из-за спины на живот, вроде бы там за спиной он мне мешал.

– Спасибо, отец. Табак, правда, хорош. А это твои сыновья? – я кивнул в сторону наблюдавшего за нами парня, а тот в это время делал вид, что всецело занят затягиванием какого-то ремешка на седле.

– Да, это мои сыновья. А у тебя есть отец?

– Есть, он на фронте.

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Вай, какой молодой! И много вас таких молодых?

– Много.

– Это плохо. На войне должны быть мужчины.

Я промолчал. Не нашелся, что ответить на занозистое замечание старика. А тот спросил снова:

– Тебе бывает страшно? Ты не думаешь, что тебя могут убить?

– Что делать, отец! Всех могут убить – и меня, и вас. От смерти не уйдешь.

Старик посмотрел на меня внимательно, даже на бок голову склонил немного.

– Да, да, это правильно, – сказал он. – Ты говоришь как мужчина. Но вы плохо воюете. Вы отступаете. Враг вас бьет. Скажи, что вы будете делать, когда враг придет сюда?

– Мы будем драться, отец. У нас есть силы.

– Да, да! Я это вижу. Жаль, что убивают таких молодых.

Старик говорил спокойно, с легким приятным акцентом, но в его словах чувствовался какой-то затаенный смысл, он не договаривал чего-то и это «что-то» едва держалось на кончике его языка. Он чего-то выпытывал, запугивал меня. Мне было любопытно и непонятно, чего он хочет. Он настойчиво повторил свой вопрос:

– Ну, если враг придет сюда, что будете делать вы?

– Мы не пустим сюда врага, отец, А если твои сыновья возьмут в руки оружие, то мы прогоним врага.

Конечно, вышло грубовато, но я тоже решил кольнуть старого, сыновья которого, по всей видимости, с готовностью предоставляли мне возможность расправиться с врагами без их участия. Однако, старик пропустил мимо ушей моё замечание, он вроде и не заметил его. Затянулся табачным дымом и все тем же тоном, не меняя выражения, спросил снова:

– Я знаю, что ты смелый. Хвала тебе. Но ты не ответил мне, куда вы пойдете, если враг придет сюда?

– Тогда мы пойдём вон туда, к Казбеку, – я кивнул головой в сторону высокой горы.

Старик улыбнулся, отрицательно помотал головой и даже ладонью, с зажатой в пальцах папиросой.

– Нет. Туда не пойдешь.

– Почему не пойду?

– Там дорог нет. Там есть тропы, а ты их не знаешь. И никто их не знает.

– Твои сыновья могут показать дорогу.

– Нет. Они их тоже не знают. Ты мне скажи, ты хочешь жить?

– Конечно, хочу.
– Молодец, что говоришь правду. Старики говорят, что мертвый лев всё равно мертвый и станет добычей шакалов. Зачем тебе умирать на чужой земле?
Вон оно что! Теперь почти всё ясно. Только что же он мне предложит?
– Ты угадал. Я не хочу умирать. Но что мне делать?
– Пойдем с нами. Я покажу тебе тропы, которых никто не знает.
– А потом что?
– Мы будем далеко в горах. Тебя не достанет ни один враг. Там есть добрые люди, они встретят тебя как сына. Ты будешь есть шашлык, пить хорошее вино. Ты будешь жить! Ну как?

Ну вот, теперь уже ясно всё: старик, его сыновья, оказывается, не знали, с кем им шашлык разделить, всё меня ждали! Он что, меня за дурака считает? Что делать? Стрелять? Грозить оружием? Куда мне его вести? Так тебе и дадут его вести – вон два лба каких! Сейчас «кынжал брухо и порадок»! Я бы никогда не решился поднять оружие на старика или на его сыновей, но они же бандиты! Что делать? И мелькнула одна мысль, которая мне показалась удачной. Мой план был прост и, увы, наивен.

– Вот спасибо, отец! – сказал я. – Век не забуду. Но у меня есть товарищ. Мы с ним давно решили того, уйти. Возьми нас обоих, мы и оружия прихватим побольше, ручной пулемет возьмем, пару автоматов, гранаты. Они понадобятся. Подождете? Я сейчас!

Молодой парень оставил коня и подошел к старику. Встал около него.

– Ну что ж! – ответил старик. – Можно и подождать. Давай своего товарища. Сколько тебе нужно времени?

– Да немного. Полчаса и мы придем. Мы сейчас.

– Нет. Полчаса много. Мы засветло должны быть в горах.

– Хорошо. Через двадцать минут с товарищем или один, я буду здесь.

– Что ж, мы ждем тебя.

Я подхватил полные ведра и семенящим шагом заторопился в роту. Вода расплескивалась мне на брюки и ботинки, а я спешил. В голове бились возмущенные и беспокойные мысли:

– Не упустить бы их, гадов! Ведь он меня, старый черт, к дезертирству подбивает. Они, здоровые сволочи, бегут, а их родную землю мы с Мишкой защищать должны. Гады. Шашлыком они кормить станут! Как же! Нам медальоны уже выдали, наши ребята на их земле умирать будут, а они, кобели здоровые, на Казбек тропы знают! Там у них добрые люди меня зажались.

Я прибежал в роту, расплескав почти всю воду из ведер.

– Мишка, бери автомат и за мной! – закричал я прямо с огорода.

– Ты откуда сорвался? – удивился Мишка.

– Бегом за мной, говорю тебе. Там один старый хрен и два молодых хлюста тикают в горы и меня подбивают. Бежим, дадим им сейчас шороху!

Недолго думая, Мишка схватил автомат, и мы побежали к знакомому мне дому. По дороге я отрывочно и бессвязно передал Мишке главную суть нашего разговора. Около дома старика на скамейке не было, и ворота оказались заперты. Мы стучали в калитку около ворот, но нам никто не отвечал.

– А здесь никого и нет, – предположил Мишка.

Недолго думая, я ударил, что было сил, по калитке ногой. Щеколда не выдержала и калитка резко распахнулась. Во дворе около крыльца ни души и лошадей нет.

– Да обдурили они тебя. Как милого обдурили. Они сразу поняли, что ты за гусь и зачем побежал.

Дом был пуст. Ставни на окнах закрыты.

– Товарищи бойцы, вы чем здесь заняты? Кто такие? – раздался сзади чей-то голос.

Оглянулись – посреди улицы стоит какой-то старшина. Ладно бы офицер, а то старшина и еще выпендривается.

– Н-да! Лопухнули. Ладно, пошли, Миш.

– Пошли, – согласился Беляков.

Мы было уже пошли, как тот старшина вдруг взялся командовать.

– А ну, вернитесь! – Громко, на всю улицу закричал старшина.

Мишка, не торопясь, обернулся (после ранения он не мог поворачивать головы, поворачивался всем корпусом) и ответил:

– Отцепись, старшина, не до тебя тут.

– Что?! Ты как разговариваешь? А ну вернись назад!

– А ты не нукай, не запряг!

– Приказываю вернуться!

– Пошли, Миш, не связывайся с дураком.

– Стой!

Старшина стал торопливо расстегивать кобуру нагана. Вот тогда мы оба повернулись и показательно взвели автоматы, демонстрируя старшине наше огневое преимущество. Мишка побелел от злости. Я боялся, что он действительно врубит очередь старшине под ноги.

– Убери, гад, свою пукалку!

Мишка разозлился серьезно. Старшина, видимо, это почувствовал, пошумел еще для порядка, погрозил и ретировался. Мы пошли к себе в роту.

– Надо было тебе их сразу, этих гадов, очередью. Сволочи! – досадовал Миша по поводу того старика и его сыновей.

– Скажешь тоже, очередью! Сдуру-то я мог, конечно, вlepить, положил бы я их всех троих! А потом? Вот вылетел бы такой старшина и что бы со мной сейчас было? Чем бы я и что доказал?! Взяли бы меня голубчика и под трибунал!

Могло быть и такое, конечно. Ну, что я стал бы говорить? Кто бы стал меня слушать? Мишка подумал и согласился со мной.

– Хорошо, что они уехали, гады, – решил Мишка. – Ну вот взяли бы мы их и что дальше? Привели бы в роту, а они от всего отказались бы сразу. Дураки мы. Особенно ты. Лезешь куда не надо!

Ни с чем мы вернулись в роту. А тут тоже приключение. Хорьков с двумя своими дружками, заметив, что стоят два ведра с водой и котелок начищенной картошки, решили немедленно воспользоваться этим. Хорьков взял ведро воды, а его товарищ котелок картошки, и они уже было направились к своему костру в дальнем углу огорода. А тут и появились мы с Мишкой. Беляков коршуном кинулся к жулику и стал вырывать котелок, а я схватился за дужку ведра.

– Ты что! – нагло возмутился Хорьков и стал дергать ведро на себя. Вода стала плескаться на меня и на Хорькова. Начался галдеж.

– Ты шо! Ты шо! Отпусти ведро и картошка это наша, я чистил! Завопил третий дружок Хорькова.

Двое насели на Белякова, а Хорьков остервенело вырывал из моих рук ведро с остатками воды.

– Застрелю гада! – кричал разозленный Беляков.

– Да я тебя, курву, прихлопну как цыпленка! – вопил Хорьков.

Бог весть чем бы это всё кончилось, если бы не вмешались Суменков и Авдеев.

– Эй вы, хмыри! Опять благуете!

Авдеев подошел к Хорькову и уставился на него тяжелым, недобрим взглядом. Суменков подошел к этим «дружкам» и, показывая пальцем на наше кострище, отдельно сказал:

– Поставь на место! Запомни, мать твою в оборот, я два раза не повторяю.

– А ты что! Твое что ли ведро? Ты чего не в свое дело, курва, су...

Хорьков не успел договорить. Он мгновенно был сбит с ног, и ведро отлетело, звеня дужкой.

– Ты чего меня злишь? Ты знаешь, что я человек нервный? – откровенно издевательски сказал Сашка Суменков.

Хорьков с друзьями ретировались. Они откровенно побаивались Суменкова и особенно Авдеева. Они признавали только власть силы, а в данном случае эта самая сила была не на их стороне.

Инцидент вроде бы был исчерпан, но на душе осталось что-то мерзкое и неприятное. Как вот с таким Хорьковым пойдешь на боевое задание? Не жаль картошки, злит подлость людская.

Поправил дело Подосенов. У него оказался небольшой кусок сала, и он решил вступить в наш с Мишкой «колхоз». Видя такое дело, вступил и Авдеев, а потом и Суменков. Картошки подчистили еще, чтоб на всех хватило. Картошка с салом – это ж мечта человечества!

В дальнем углу нашего картофельного поля или огорода гужевались Хорьков и его компания. Хорьков хрипловатым голосом тянул блатную песню, его дружки вразнобой подхватывали припев:

*А в тюрьме я выбил стражу,
Из тюрьмы я не вылажу,
Граждане, послушайте меня,
Га-га!*

Много отталкивающего было в Хорькове. Внешне это был довольно коренастый и сильный парень, его желто-серые, узко посаженные глазки из-под челки сальных волос всегда смотрели куда-то мимо тебя. Всю роту он делил на людей, которые должны были подчиняться ему и на тех, с кем не стоило связываться, принимая во внимание силу административную или физическую. Он был дерзок, упрям. Вместе с этим, он был не-исправимым оптимистом, даже получив по морде, что, кажется, он считал вполне естественной формой взаимоотношений, он через пять минут восстанавливал настроение и забывал о неприятностях. На последнем марше Хорьков и его дружки как-то незаметно отстали, их не было почти двое суток, потом появились – объяснение убедительное: устали очень, ногу потер, искал... Пришла эта компания с туго набитыми сидорами: было у них и сало, и рака (кукурузная самогонка), и чуреки – в общем, ребята не бедствовали, но и ни с кем не делились. Любимым занятием Хорькова в период вынужденного безделья была игра в ножичек, он часами мог сидеть и втыкать в землю свою финку самыми различными способами.

На следующий же день по прибытии в Ольгинское у нас началась «спецподготовка», как выразился лейтенант Ласточкин. Вначале мы полагали, что нас познакомят с приемами рукопашного боя, научат читать топографическую карту, владеть трофейным оружием, научат водить автомашину, мотоцикл, седлать коня, раскроют и другие, еще неизвестные нам, тайны разведчиков. Но всё было проще: командиры взводов выводили нас в поле за околицу, и мы занимались строевой подготовкой, отработывали каждый шаг, движение руки, взгляд в действиях бойца при отходе и подходе к командиру. Нас строили в шеренгу, приказывали сдвоить ряды, а потом выходить из второй шеренги, печатая шаг, подходить к командиру, останавливаться от него в трех шагах, брать под козырек и, съедая командира глазами, докладывать, что ты прибыл. По команде, «кругом», ты должен повернуться через левое плечо (упаси бог повернуться через правое), браво щелкнуть каблуками пыльных ботинок и вернуться в строй.

По-моему, командиры под благовидным предлогом, что строевая подготовка формирует бойца и укрепляет дисциплину, просто «играли в солдатики». Опытные ребята

знали, и я догадывался, что эта самая подготовка на передовой, в поиске, в тяжелом марше становится делом пустым, никчемным, практически неприемлемым. Такая подготовка нужна только для плац-парадов и в том случае, когда «солдат – есть механизм, артикулом предназначенный», как говорил недоброй памяти император Павел I.

Строевая у меня получалась, недаром дрессировали нас в военно-морской школе.

В роте проводились и политбеседы, было даже комсомольское собрание. Комсорг роты Вася Боев и лейтенант Попов вдабливали в наши головы истины о месте комсомольца в бою, о бдительности и беззаветной преданности Родине и Партии. Здесь возражать было нечего, и мы единогласно «принимали к сведению и исполнению».

Злоязычные ребята, вроде Подосенова, Арабова, Селиванова, потихоньку подсмеивались, зубоскалили по поводу слов Натынова, что товарищ Сталин и он, Натынов, нам приказывают... Попытка, хоть и неосознанная, поставить в один ряд своё имя с именем Сталина была карикатурной и смешной. В верноподданнических чувствах старшего лейтенанта никто не сомневался, но ребята чувствовали, что такие попытки не от большого ума, и могут стоить Натынову головы.

В промежутках между строевой дрессировкой и политбеседами у нас было время для трёпа и писем. Многие торопились писать письма, предчувствовали, знали, что наше спокойное житьё вот-вот оборвется. Я тоже писал и просил родных сообщить мне, что слышно о моих братьях, матери, отце, которых разметала война по разным углам. С тех пор, как я в армии, еще ни одного ответа на свои письма я не получил.

Вечером в тёмном небе розовый отсвет зари долго румянил снега Казбека, а потом эти снега сверкали голубым огнем в свете луны. К утру этот колдовской свет незаметно сменялся розовато-золотистым пламенем утренней зари. Красиво! Никогда и ничего подобного я еще не видел.

В сумерках, когда гасили костры, ребята пели песни. Чаще всего – «Распрягите, хлопцы, коней». Хорошая песня. Молодые звонкие голоса вели мелодию дружно, прорывались в ней нежные, грустные ноты, словно стон, словно вздох далёкой, оставленной нами Украины. Очень часто на полюбившиеся и запомнившиеся мелодии старых песен придумывали солдаты новые слова военного времени. Так переиначили старую шахтерскую песню:

*Гудки тревожно загудели,
Матросы шли в последний бой,
А молодого краснофлотца
Несли с разбитой головой.*

*Прощай, прощай, моя Одесса,
Тебя я грудью защищал,
И за тебя, моя Одесса,
Жизнь молодую я отдал...*

Еще стояли жаркие дни и сравнительно теплые ночи. Походная усталость прошла и настала пора песен, как пора молитвы перед тяжелым сражением.

Однажды ночью над нами кружил немецкий самолет, мы узнали его по прерывисто-нудному гулу мотора, он поболтался в звездном небе, сбросил над степью несколько мелких бомб и улетел. Утром мы снова увидели разбросанные листовки. Рота цепью прочесала это место, и листовки мы собрали. Лист бумаги чуть меньше половины стандартного листа. Наверху нарисован серп и молот и надпись: «Хочешь – жни, хочешь – куй, всё равно получишь...», потом мелкий текст, призывающий избивать коммунистов и евреев. Идиотски тупая назойливость, рассчитанная на самое примитивное извращенное сознание. Откровенная похабщина и цинизм.

Анатолий Медвинский, прочитав листовку, подумал и громко сказал:

– Знаете, братья, когда какая-нибудь власть приходит к краху, когда её конец приближается, она всегда призывает бить евреев и задуривает мозги похабщиной. Ей-богу, Гитлеру хана наступает!

Конечно, прав Медвинский. Такие листовки действительно к лицу только рушившейся политической системе.

Пронесся слух, что мы занимаем вторую полосу обороны. Не знаю, как в других местах, а здесь, в Ольгинском и в окрестностях, не то, что полосы, элементарных окопов нет. Брешут, наверное, до чего же падок наш брат на разную трепотню! Но, как говорил неугомонный Тазиев: «нам, татарам, хрен одна» и при этом добавлял, что и знать нам всего этого не надо, потому как «болтун – находка для шпионов».

Неожиданно нам выдали нарукавные нашивки с якорями для гимнастёрок и полосатые тельняшки. Выдавали всем, у кого имелись краснофлотские книжки. Тельняшкам особенно были рады. Гимнастерки носили с расстегнутыми воротниками так, чтобы была видна полосатая морская тельняшка. Носили, конечно, с перерывами для строевой подготовки. Всё это пробудило интерес к истории нашей Бригады, но эта любознательность была пресечена самым решительным образом, так как история представляла военную тайну. Не только истории, мы не знали своего высокого начальства, кроме Натынова, не представляли, кто командует бригадой. Ротные старички рассказывали, что бригада с декабря 1941 года воевала под Москвой, сформирована была из моряков Балтийского, Черноморского флотов и Каспийской флотилии; говорили также, что командиром бригады был у нас Ахриянов, а потом Добровольский (или наоборот), а начальником штаба был Пекарев – этого мы видели.

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

Нач. политотдела 5-й Армии батальонному комиссару Абрамову.

Ноябрь 1941 г.

Формирование 60-й ОСБр производилось в г. Пугачеве Саратовской области на основании Приказа НКО от 14.10.41.

...Партийно-комсомольская прослойка бригады должна быть не ниже 25%. В бригаду не зачисляли лиц, имеющих судимость.

Х Х Х

Политуправление Северной группы войск Закавказского фронта.

10.09.42 г.

10 августа 1942 г. Бригада направлена на Кавказ... По прибытию на ж.д. ст. Кади-Юрт бригада получила задание выделить 50 чел. добровольцев в десантную группу... Просились зачислить в десантники 82 чел.

Политуправление Северной группы войск Закавказского фронта.

10.09.42 г.

В соответствии с новым штатным расписанием бригаде увеличена численность.

Вновь созданы 4-й Отд. стрелковый батальон, батальон автоматчиков, пулеметный батальон. В каждом отдельном стрелковом батальоне созданы роты ПТР (противотанковых ружей), и роты минометчиков 82-миллиметровых минометов.

Пополнение получено 2262 человека, из них: 613 чел. морских пехотинцев 1115 чел. из Московской милиции, 506 чел. из разных мест Закавказья. По национальности: 70% русских, 30% других национальностей.

4-й Батальон создан из нового пополнения, в основном из морской пехоты.

Каждый батальон имеет 120 автоматов, 24 ручных пулеметов. Дегтярева, 72 станковых пулемета «Максим», 12 ротных 50-миллиметровых минометов и 8 батальонных 82-миллиметровых минометов.

Минометный батальон имеет дивизион 120-миллиметровых минометов. Батальон автоматчиков укомплектован полностью из моряков плавсостава и береговой обороны. Пулеметный батальон имеет 22 станковых пулемета и 12 противотанковых ружей.

В бригаде 925 чел. членов ВКПб,
593 чел. членов ВЛКСМ.

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 31.

11.09.1942 г. Базоркино.

I. Бригада находится в резерве командующего Закавказским фронтом.

Занимает оборону на рубеже гора Волчья, 1 км севернее Базоркино, 500 м севернее Ольгинское по шоссе Ольгинское-Беслан, мост через реку Терек по шоссе Беслан-Фарн с задачей не допустить прорыва пехоты и танков противника к г. Орджоникидзе с направления Альтиево-Верхние Ачалуки-Нов. Батако-Юрт...

Из политдонесений политотдела бригады:

Х Х Х

Нач. политотдела 5-й Армии

17.01.1942 г.

Части бригады продолжают наступать на с. Петрицево Московской обл. Противник отступает, оказывая сопротивление.

X X X

Политотдел 5-й Армии

23.01.1942 г.

Части бригады, преодолевая упорное сопротивление пр-ка, постепенно овладевают юго-восточной окраиной г. Можайск. Противник бросил на помощь своим частям самолеты.

20 января 1942 г. активными действиями всех частей г. Можайск был полностью освобожден. Воины, погибшие за г. Можайск, похоронены на центральной площади города.

* * *

Как-то вечером первый взвод подняли по тревоге, отобрали группу – человек десять, куда вошли самые опытные ребята, такие как Суменков, Авдеев, Боев, Соловьев. За ними прикатила пропыленная и видавшая виды полторка. Серый от пыли и белозубый, как негр, шофер, по-свойски кивнув ребятам, сказал:

– Ну, держись, орлы, на насесте, сейчас с ветерком прогуляемся!

Ребята вернулись вечером пропыленные, продутые ветром, усталые и веселые. Они были там, где шли бои, где проходила неведомая и грозная передовая. Ребята держали форс, с такими салагами, как я, даже и в разговор не вступали. Вначале умылись, вычистили одежду, поужинали (повар выдал им всем, конечно, усиленную норму), а уж потом начались разговоры. Самым словоохотливым был Федя Фролов, поэтому он был в центре внимания:

– Передовая – она от нас еще далеко, – рассказывал Фролов, – но заваруха там – дай бог, аж переночевать негде! Танками и авиацией, гады, давят. А шофер наш Чижик – этот молодец мужик. Его не придержи, так он на передовую прикатит. Минометами жарит так, что переночевать негде, в одну повозку как врежет – куда колеса, куда лошади, а Чижик проскочил. Как в кусты бампером даст, только треск пошел. Машину спрятал и не заметишь. В общем, ребята там воюют, не то, что мы – сачки. Во, что это такое?

Фролов достал из кармана брюк короткий и необычно толстый патрон с прямой железной гильзой, пуля черная калибром значительно большим, чем наши автоматные патроны. Фролов протянул патрон мне.

– Патрон, – сказал я Фролову.

Тот усмехнулся:

– Дурак знает, что это патрон. От чего патрон?

Я и правда не знал, поэтому вид у меня был скучающий.

– Не знаешь, салага? Вот то-то! От немецкого автомата Шмайсер этот патрон. Теперь на всю жизнь запомни.

– Где взял?

– На передовой. Пойдешь, и тебе дадут, сколько влезет, а догонят, так еще добавят! Фролова слушали уважительно. Кто-то высказал предположение, что ночью поедем на передовую и мы.

Я проверил еще раз свой автомат, протер масляной тряпочкой, в который раз убедился, что оба диска набиты патронами до упора. Я ждал и, откровенно говоря, побаивался того часа, когда окажусь на передовой. Я считал, что там, на передовой, люди совсем иного склада, там и жизнь другая. Все наши тяжелые ночные переходы, даже шторм на Каспийском море, все наши тактические занятия – всё это детский лепет, всё это пустое в сравнении с передовой. Там бой, там ставка – жизнь! Моя долгая Одиссея, начавшаяся в Смоленской области под Рославлем, тревожная военная Москва, воен-

но-морская школа и всё, что последовало потом, до настоящего дня было предтечей одного и самого главного часа – появления на передовой, предтечей боя не на жизнь, а на смерть! Я побаивался, что вдруг растеряюсь, вдруг там, на передовой я начну делать что-то постыдно детское, нелепое и не дай бог, вцепится в сердце страх! Опытные ребята говорили, что в первом бою всегда страшно и нужно собраться с духом, чтобы пересилить в себе этот страх. Говорят, что это сравнимо с ужасом не умеющего плавать человека, которому нужно прыгать головою вниз в ледяное бушующее море. Примерно так, только бой еще страшнее. Вбитые в сознание истины, что нужно собраться с духом, мобилизовать волю, проникнуться чувством долга, всё и прочее и прочее вселяло тревогу, а сумею ли я сделать сразу и так много, смогу ли я выдержать это испытание?

Стало быстро темнеть, погасли и перестали дымить наши костры, кто-то затаил песню: «Любимый город может спать спокойно»... А мы с Мишкой Беляковым решили по примеру любимого города, укладываться спать, т.к. утром обязательно поднимут с рассветом, а накануне мы с Мишкой ночь стояли на часах. Пусть поют, с песней и спать слаще!

Мы только задремали, а в нашем лагере поднялся какой-то шум. Вдоль тополей, под которыми мы спали, кто-то бежал, повторяя одно и то же всполошенное слово:

– Подъем! Подъем, ребята! Живей, живей!

Разведчики, успевшие улечься, нехотя вставали, протирали глаза, матюгались лениво и незлобиво.

– А ну, быстро! Скатки скатать, вещи собрать! Бегом, забодай вас комарь!

Это уже Ласточкин. Ну, вот и все! Снова марш, и это без всякого сомнения. Похоже, что окончилась наша спокойная жизнь.

– Попридуривались и хватит! – авторитетно заявил Арабов.

– Выходи строиться!

Строились мы всегда на дороге за тополями. Построились. Ласточкин лично проверил всех. Вся рота была в строю.

– Марш небольшой, километров пятнадцать с гаком всего. Конечный пункт – станция Назрань. Понятно? В походе не растягиваться и без дураков! Будем грузиться! Шагом марш!

Вот это новость! Мы привыкли к долгим путешествиям на колесах. Куда ж теперь?

ИЗ АРХИВА СОВЕТСКОЙ АРМИИ:

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 32

13.09.42 г. Базоркино.

1. Противник силою до батальона пехоты и 40 танков ведет бой в районе Малгобек. Западнее силами до батальона пехоты и 20 танков переправился через реку Курп.

2. Сосед справа – части 9-й Армии.

3. 60 ОСБр отдельными узлами сопротивления занимает оборону в полосе Кескем, Лакисово, Прикурпский, Илларионовка, Плановское с задачей не допустить прорыва противника в направлении г. Орджоникидзе и на юго-восток.

* * *

Марш и вправду не был очень долгим. Этой же ночью мы были на притаившейся станции Назрань. На запасных путях стоял состав товарных вагонов. С коротким, как

кашель, свистком ползала по рельсам маневровая «Овечка». Ни искры света. Курить категорически запрещено. Вдоль путей снуют черные силуэты железнодорожников и военных. Небо затянуло облачной пеленой, луны не видно. Темень. Из топки маневрового паровоза падают на шпалы красные искры. Очень долго мы ожидали чьей-то команды, сидели в стороне от путей на пыльной и чахлой траве, пахнувшей мазутом. Наконец, нам указали открытую платформу и три товарных двухосных вагона, куда мы должны были погрузиться. На платформу мы быстро погрузили повозки, кухню; в вагон завели лошадей, сложили какой-то обозный скарб и потом погрузились сами. Для нас в вагонах оборудованы досчатые нары, можно лежать на первом и на втором этажах. Грузили дружно, погрузку закончили быстро, еще и светать не начало. Теперь эшелон стоял словно мертвый. Может, кто погрузиться не успел, может, еще какая причина, но стало казаться, что нас и не собираются никуда везти. Втайне каждый был доволен, что предстоит путешествие на колесах, это всегда очень интересно, очень беззаботно и спокойно.

– Ну, что, хлопцы, мабуть в Иран повезут? – вроде бы пошутил Арабов.

– А что? – протянул Фролов. – А ты что думал, тебя на передовую в вагоне привезут? Здесь на передовую и пешком дойти можно. А тут ночь уже прошла, можно сказать, так какая тебе еще передовая!

В рассуждении Фролова логика была, но зачем нас все-таки в вагоны?

– Ну, даёт! Так тебя и ждут в Иране. Иранский шах с шахинею все глаза проглядели, где это Федька Фролов пропал! – съязвил Арабов.

Многие ребята уже спали на нарах; робкий серый рассвет тронул небо, когда вдоль состава пробежал звонкий перестук буферных тарелок. Вагон дернулся и медленно, вначале едва заметно, но постепенно, убыстряя движение, покатился по рельсам, робко колеса начали свой извечный перестук. В проёме открытой вагонной двери было видно, как проплывают черные силуэты деревьев, каких-то станционных построек, еще не расцветенных дневным светом. Колеса стучали веселее, поезд набирал скорость.

– Ну, шо, дывысь, дывысь куды идимо! Мабудь и вправду в Иран! – радовался Попапенко.

А поезд действительно катился в обратную от фронта сторону. Вообще это даже озадачивало, – может нам не доверяют?

Мы этак проехали километра полтора и снова загрели буфера, заскрипели колеса и поезд остановился. Сразу неживая, странная тишина, только резкие голоса людей:

– Что там за остановка?

– Столб телеграфный.

– Долго стоять будем?

– Вот, сапог! Как соскучишься, так и поедем.

Простояли совсем недолго. Снова пробежал звон буферов вдоль состава, и эшелон пошел теперь вперед, к Назрани и почувствовалось, что вышел он теперь на главную линию. Проехали станцию, низенькую выщербленную платформу, на которой суетились теперь уже другие солдаты. Наш состав даже не притормозил, он шел вперед, на север, но по сравнению со всеми нашими прошлыми переездами, он шел подозрительно медленно.

– Ну, шо! В Иран поехали? – торжествовал Арабов, и никто не понял, чему он радуется, что торжествует. Нас везли к фронту, и в этом не было больше сомнений. Вот оно, начинается! У нас в вагоне была открыта одна левая дверь. Стало быстро светать. Мы видели проплывающие то ли пустые, то ли не проснувшиеся еще поселки, потом поползла бесконечная лесопосадка возле полотна. Гор Большого Кавказа не было видно, всё заслонила равнодушно-серая облачность. Паровоз тянул нас со скоростью не более 25-30 километров в час, и мы не могли объяснить подобные черепаши темпы. Проехали город Беслан с большим темно-серым элеватором у полотна железной дороги. Много

раз вагоны лязгали буферами, скрипели колёсами, предвещая остановку, но и Беслан, и еще какие-то станции проехали мимо. Подъехали к большому, поросшему лесом, крутому горному хребту, который обрывался серыми скалами к пенистому и мутному Тереку. Вот он какой, этот Терек! Думал, что он шире. По обоим его берегам промытые водой светло-серые камни. Ласточкин потряс своею белесою головой и объявил:

– Эльхотовы ворота, забодай их комарь, теперь и фронт недалече. Значит, все-таки на фронт везут и прямо в эшелоне. Значит, подошло время, значит, нужно срочно! Состав, крадучись, вполз в большую станицу, а может быть даже город, Эльхотово. Остановился у красного небольшого вокзальчика, постоял не более двух минут и снова тронулся, даже не гуднув, даже дыму не напустив. Правда, не едем, а крадёмся. Проехали Эльхотово и остановились прямо посреди пути, между двух довольно густых посадок. Снаружи раздалась команда:

– Приготовиться к разгрузке на правую сторону!

Ребята подналегли плечами, открыли правую дверь. Мы немного не доехали до станицы Плановской, не более полутора километров. Ребята прыгали из вагонов на желто-серый песок полотна. Кто-то уже бегал, командовал, покрикивал. Разгрузка началась торопливо, дружно, на ура! К платформе приставили специальные брусья с крюками из полосового железа. Первой стащили кухню, потом повозки, по настилам свели лошадей. Одни прямо из вагона подавали обозные мешки на крепкие солдатские плечи, другие бегом их тащили к посадке.

– Быстрее, быстрее! Всё маскировать в посадке! – подгоняли какие-то командиры.

Где-то в районе Плановской слышались тяжелые, трескучие взрывы. Нет, это не бомбы, непохоже. Вначале слышался надрывный вой, потом взрыв. И так каждый раз. Так это же снаряды, конечно снаряды!

Здесь отчетливо слышалось дыхание недалекого боя. Впереди, в станице Плановской, что-то горело, черный дым поднимался к серому небу и там его размывал подоблачный ветер. Разгруженный состав не ожидал более ни секунды. Вагоны, также крадучись, сдвинулись с места и быстро, набирая скорость, побежали назад к Эльхотову. Теперь машинист торопился, спешил скорее увести состав из опасной зоны, и правильно сделал. Последние вагоны еще не успели скрыться, как раздался короткий мощный рев снаряда, и тяжелый удар взрыва потряс землю. Я не видел, где разорвался снаряд, мешала посадка около полотна, но вслед за взрывом послышался чей-то строгий крик:

– Какого шута болтаетесь на открытом месте! Бегом в посадку!

Придорожная лесопосадка была довольно густая, и росли здесь акации с огромными пучками колючек прямо на стволах. Каждая колючка была просто устрашающих размеров, примерно до 10 сантиметров длиной, и твердая, как сталь. Воздух наполнился коротким и злобным визгом нового снаряда, и вновь тяжкий удар разрыва. Снаряд взорвался в поле за лесопосадкой, и взметнувшиеся сизый толовый дым и бурая пыль медленно оседали на землю.

– Вилка. Сейчас по полотну или по посадке врежет. Уходить отсюда надо, – предположил Данилов.

Минуты не прошло и снова вой снаряда, вой ни с чем не сравнимый, непередаваемый, от которого сжимается сердце, и удар тяжелый, страшный. В воздух снова взлетают дым, земля и опадает вниз бурыми космами. Еще один взрыв грохнул с другой стороны железнодорожного полотна, метрах в двухстах от нас, на шпалы упали сучья акации с ободранными ударной волной листьями. Может быть, немецкие наблюдатели видели наш эшелон и теперь открыли запоздалый артиллерийский огонь? Снаряды рвались в поле, в посадках у железной дороги, но всё ближе к Плановскому. Мы обреченно и беззащитно, как мне показалось, лежали в посадке, многие ребята внешне спокойно курили и только обозные лошади при каждом близком взрыве испуганно вскидывали головы. Я не испытывал панического страха или растерянности, может быть потому, что

я еще не научился чувствовать реальную угрозу собственной жизни, мне было даже любопытно. Меня несколько удивляло, что мы просто ничего не предпринимаем для собственной защиты, что наша артиллерия не ведет огонь на подавление батареи противника. Но особенно много думать над этим не приходилось, от каждого близкого взрыва элементарно путались мысли, а мне казалось, что подобное я уже видел, видел много раз в кино, видел на полотнах художников.....

– Воздух! – раздался чей-то крик, и в ту же секунду над железной дорогой вихрем промчались два тонкокрылых, узкофюзеляжных самолёта. Я же успел рассмотреть, что концы их крыльев, середина фюзеляжа за фонарём летчика были бледно-желтыми и на этом фоне яркие, чёрные стилизованные изображения крестов, а на хвосте самая настоящая, тоже черная, свастика, обведенная по контуру полосой белой краски. Мессершмитты. Точно мессеры. Нам в военно-морской школе показывали плакаты с контурами вражеских самолетов. Вот, гады! Летают низко, как у себя дома. Им вдогонку хлопнуло несколько бесполезных винтовочных выстрелов. Куда там! Они исчезли из вида словно привидения. Не успели мы опомниться, как эти мессершмитты где-то развернулись и теперь летали прямо над нашей посадкой.

– Ложись! – успел кто-то крикнуть.

Самолеты промчались с каким-то тонким свистом, и тут же раздался стук их пулеметов. Оставаться в посадке около железной дороги было опасно, и нам скомандовали, чтобы мы перебирались в кукурузное поле, видневшееся метрах в трехстах от нашей посадки.

Только мы перебрались в кукурузу, как появился еще один странный самолёт. Он летел низко и медленно. Немецкая артиллерия огонь прекратила. Двухмоторный тихоходный пассажирский самолёт шел на высоте не более 200-250 метров. Было отлично видно, что его фюзеляж из гофрированного металла, квадратные окошечки по фюзеляжу и у этого концы крыльев с крестами, а на хвосте свастика. Он не торопясь летел параллельно железной дороге, буквально над нами, в сторону Эльхотово. Я вскинул автомат и закатил по этому самолету очередь выстрелов в 25, автомат неожиданно замолк – задержка, утыкание патрона. Я вышиб диск, выбросил перекосившийся патрон, но в это время самолет успел улететь довольно далеко, и я не знал, стоит ли стрелять ему вдогонку.

– Ты что, падла, делаешь! Ты ж, гад, всю роту демаскируешь! – услышал я злобное шипение рядом.

Оглянулся – Хорьков, глаза сощуренные, злые.

– Демаскируют его! Ты что, воевать пришел или в кукурузе прятаться? Огрызнулся я и даже почувствовал некоторое превосходство над ним.

– Но-но салага! Я тебе, мать твою!

– Ты лучше свою. И отстань. Раскомандовался тут. Без тебя хватает! – перебил я Хорькова.

– Смотри, салага, я тебя предупредил.

– Ну и все. Теперь иди подальше!

Я решил больше не давать спуску Хорькову. Это такой гусь, что один раз стерпи, а потом от него не избавишься. Правда, он был немного постарше и, видимо, покрепче меня, но у обоих в руках было оружие, а это уравнивает физическое превосходство.

Тем временем транспортный самолет ушел далеко к Эльхотову, там где-то застучал станковый пулемет, и зеленые искры трассирующих пуль рванулись в небо. Самолет развернулся и над железной дорогой пошел обратно к фронту. Улетает, гад – транспортник, и сидят в нём гитлеровцы не простых, видно, рангов, а у нас ни одной зенитки, из винтовок лупят солдаты и мажут, стрелять не умеют. Да что это такое?! Все понимали, что этот пассажирский самолёт – необыкновенно легкая добыча для наших зенитчиков

и истребителей, а их не было, и что хуже всего, противник знал, что их нет, поэтому летал так нахально и нагло.

Недаром торопились нас доставить сюда, привезли в вагонах чуть ли не на передовую. События развивались быстро, непредсказуемо. Противник действовал активно: бросал в наступление танки, подвижные отряды мотопехоты, авиацию. Наша бригада без раскачки, без подготовки с ходу вступила в бой, ее стрелковые батальоны начали прибывать на этот участок фронта еще ночью.

Мне неизвестно, как чувствовало в эти часы командование бригады, но до настоящего времени проводной связи с батальонами не было, радики, если они существовали, то по каким-то причинам бездействовали. Вступив в бой, командование полагалось только на силы своей бригады, её не поддерживали ни авиация, ни зенитная артиллерия, ни танки. Батальоны бригады были растянуты по фронту более чем на 85 километров, это продиктовало необходимость организовать оборону бригады опорными пунктами, узлами сопротивления, но между ними были никем не занятые и ничем не прикрытые бреши в несколько километров каждая. В условиях непрекращающихся атак противника, жестокой бомбежки, применения врагом большого количества танков, необходима была маневренность, нужны были резервы, а связи не было! Страшно вспомнить, что в те самые первые дни боёв нашей бригады на Кавказе вся связь осуществлялась посредством пеших и конных посыльных. В таких условиях разведке отводилась важная роль, но и наша информация оказывалась запоздалой. Проходили долгие часы, прежде чем она потом доходила до штаба, и потом с конным связным поступало необходимое распоряжение в стрелковые батальоны и роты. За это время обстановка менялась самым неожиданным образом. Бригада сражалась, она несла потери, но при этом наносила ощутимый, чувствительный урон противнику, подразделения бригады сами переходили в наступление, бросались в контратаки, теснили врага. Это было удивительным для той обстановки, удивительным и непостижимым.

Мы ждали действий, конкретных и понятных в масштабе хотя бы нашей роты. Противник возобновил методичный артобстрел станицы Плановской, снаряды рвались в станице и, судя по всему, обстрел велся откуда-то из-за Терека, видимо, здесь противнику удалось продвинуться довольно глубоко. Наша рота продолжала сидеть в этой несчастной кукурузе, а обоз по-прежнему жался к посадке. Правда, ездовые уже впрягли обозных лошадей в повозки, все вещи были погружены и затянуты разлохматившимися веревками. Ласточкин ожидал, видимо, распоряжений, и они не заставили себя долго ждать. В такой обстановке, конечно, быстро вспомнили, что в бригаде имеется отдельная рота разведчиков.

Вдоль посадки, что отгораживала нас от железной дороги, размашистым галопом неслась серая лошадь. Опытный всадник чуть наклонился вперед и нетерпеливо погоял змыленного коня. Натынов. Конечно же, он.

Увидев нас, он умело придержал норовистого коня и уже рысью подкатил к кукурузе. Натынов артистически красиво и ловко соскочил с коня, бросил поводки-уздечки стоявшему разведчику и тот не менее ловко поймал их, потрел змыленного коня по крутой шее, а Натынов, расставив ноги, набычившись смотрел на нас исподлобья, и взгляд этот не обещал нам ничего хорошего.

– Та-а-ак! – протянул начальник разведки. – Это вы, голубчики. В кукурузе сидите. Хороши, нечего сказать! Батальоны насмерть дерутся, а они в кукурузе. Они в гости на пироги приехали! Ну, я научу вас свободу любить! Ласточкин и командиры взводов, ко мне!

Анохин и Ласточкин виновато одернули гимнастёрки и подошли к Натынову, я заметил, что Данилов ведет себя более независимо. Натынов отвел всех в сторону от бойцов, чтобы не компрометировать командиров в глазах их подчиненных, но находились они всего метрах в десяти, а говорить тихо Натынов не умел. Мы все притихли и Натынова слышали отлично.

– Ты кто такой, лейтенант? Ты командир разведроты или кто, я спрашиваю! Почему не прислал связного, почему не доложил, что рота выгрузилась и где она находится? Когда послал? Что значит «не дошел»? А ты сам будешь соображать?! Он послал, называется! Я знаешь, куда тебя пошлю за такие дела?! Ну, не ожидал... А ты меня не учи!.. Молчать! Я тебе говорю... Верхом надо было посылать... В общем так: одна группа – Лакисово, Кескем, вторая – Верхний Акбаш, Дейское. Первая группа возвращается завтра утром... А ты карту, карту смотри... Нашел Лакисово? Ну еще правее. Видишь? Кукурузу так он увидел, а Кескем не видит! Конечно, на правом фланге... Уточнить обстановку и взять «языка». Вторая группа тоже. Взять «языка» обязательно! А ты что, не знаешь? Сухой паек... Без разговоров, понял?! Теперь слушай... Да, небольшое ущелье такое, километра два или полтора от Эльхотова... И запомни: документы и «язык» должны быть, без этого вам в бригаде делать нечего!

Каких-то слов оправданий или возражений со стороны Ласточкина мы не разобрали. Был слышен только нервный, взвинченный голос Натынова, видимо, ему тоже попал там, в штабе бригады.

После того, как Натынов лихо вскочил в седло и наёмом пошел в сторону Эльхотова, расстроенный Ласточкин собрал всю роту. Прежде всего он приказал старшине выдать нам сухой паек на сутки и принять в обоз наши шинели. Было тепло и шинели только мешали. Вещмешки пришлось брать, а то сухой паек девать некуда. Правда, решили на двоих-троих брать один мешок. Я взял свой, а Беляков и Подосенов с готовностью уступили мне право таскать его до конца. Шинели свернули в скатки и сдали старшине. К искреннему своему удивлению я увидел, что у Авдеева тоже шинель, и он ее собирает крутить в скатку. Еще более удивительным было то, что на зеленых выгоревших петлицах его шинели были яркие следы трех шпал, знаки различия подполковника, к тому же я хорошо помнил, что в Ольгинском у него не было шинели вообще.

– Гриш, ты откуда шинель взял? – спросил я Авдеева, и тот посмотрел на меня так, как будто я спросил его, откуда у него глаза или руки.

– А ты что, салага, не знаешь, откуда шинели берутся? Вот и помалкивай.

Больше я ни о чем его спрашивать не стал.

Далее Ласточкин нам объявил, что рота будет расположена в небольшой щели на склонах Сунженского хребта, в двух километрах от Эльхотова. С обозом уходили человек десять разведчиков, чтобы как-то обустроить место расположения роты, а остальные разделились на две группы по двадцать с лишним человек каждая, одна отправлялась на самый правый фланг бригады, откуда вообще не было никаких вестей, а группе, в которую попал я, предстояло действовать на участке Верхний Акбаш–Дейское. Старшине роты было приказано прислать две пустые подводы к 17.00 на южную окраину Плановского. В составе нашей группы при выполнении самого первого боевого задания, будут находиться Ласточкин и политрук Попов. Мне казалось, что было бы для нас лучше, если бы они осчастливили своим присутствием первую группу. Правда, наша группа состояла в основном из бойцов нового пополнения, видимо, это и было причиной для принятия такого решения.

Заметно расстроенный Ласточкин повел нашу группу по какому-то заброшенному проселку краем неглубокой балки, дно которой было усеяно камнями. Шли молча. Впереди и слева гремел приглушенными взрывами фронт, где-то шел бой, а здесь было спокойно и не верилось, что может что-нибудь с нами случиться. Мне казалось, что вот этак походим, устанем, вернемся в роту, повар нас накормит кашей и на этом все кончится. В общем, как на тактических учениях, только с шумовым оформлением. Прошагали мы километров пять, давно свернули с проселка и где-то в открытом поле, в степи увидели два разоренных и покинутых жителями домика. Белённые мелом саманные стены, пустые оконные проемы без рам, соломенные крыши, большой запущенный сад, огород с необранной картошкой. Здесь не было ни наших солдат, ни противника, а где-то не

очень далеко гремел бой. Ласточкин приказал выставить часовых и не зевать. Меня поставили у куста сирени с пожухлыми от жары и безводья листьями, как раз возле окна дома. А в доме, как на военном совете в Филях под Москвой: собралось все начальство, даже Суменков там, расстелили на столе карту и что-то рассматривают.

Вначале разговаривали тихо, а потом страсти, видно, разгорелись.

Политрук стучал по карте карандашом и говорил что-то, а Ласточкин спорил с ним:

– А чего тут думать! В этом чертовом Акбаше сейчас уже вполне могут быть немцы. Береженого бог бережет, забодай вас комарь, идти надо только вот здесь, чтобы на огороды и на сады выйти.

– Ну в итоге – ты командир, ты и решай! – раздраженно проговорил Попов.

– Тут и думать нечего! Я и головной дозор обязательно вышлю.

– Твоё дело. Только на хрена он днем-то тебе?

– В данном случае он ночью ни хрена не даст, в темноте его и не видно, а днем другое дело.

Это Данилов поддержал Ласточкина.

– И знаешь, Попов, у нас так ни шута не выйдет! Давай лучше ты своими делами занимайся, а я своими. Я ведь не лезу в твои вопросы!

Ласточкин зашуршал картой, видимо, складывал ее и, считая все разговоры оконченными, сказал Суменкову:

– Ты как, главстаршина, пойдешь головным дозором?

– Кого взять еще?

У Суменкова голос немного глуховатый.

– Кого хочешь бери. Возьми, например, Соловьева – это крепкий парень, возьми Дубинина, Осейкина, ну и хватит с тебя.

– Ну вот Осейкина-то вовсе ни к чему, – снова встрял Попов.

– Осейкин разведчик и должен выполнять все, что положено разведчику. Давай, Суменков, выполняй! Да смотри в оба, будь осторожен – в таком бардаке там не только немцы, там японцы могут оказаться, забодай их комарь! Давай, Данилов, отправляя Суменкова, и минутки через три мы за ними.

Суменков и Данилов загрохотали каблуками по досчатому полу крыльца. А из комнаты снова донесся голос Попова:

– Эх, лейтенант, лейтенант! Осейкина! Додумался, кого послать!

– А что?

– Да я ничего. Просто предупредить хочу: погубишь ты роту, лейтенант, наживешь ты себе приключений. Что ты всё с этим Осейкиным возишься?

Явно невзлюбил политрук этого Осейкина, а Ласточкин за этого парня. Здесь не мне судить. Конечно, этот Осейкин, как я заметил, немного вроде чудноватый какой-то, замкнутый и молчун, слова из него не выдавишь. Может Попов и прав. Осейкина то он лучше знает, они вместе и под Москвой воевали. Сейчас первая боевая операция, мало ли что. А Ласточкин всё еще спорит с Поповым:

– Что тебе этот Осейкин – соли на хвост насыпал?

– Ты брось эти штучки, лейтенант! Ты не хуже моего знаешь, почему я так говорю. Забываешь, что ты разведчик, а не хрен собачий. С нас с тобой спрос особый.

– Здесь у меня совесть чиста. А тебя я вот не пойму, что ты этого урку всё время опекаешь. Он каждый день бузу в роте устраивает.

– Ну, знаешь! Имей в виду, самый верный в дружбе это урка, да Хорьков голову за нас с тобою положит...

– Хрен он за нас положит...

– Ладно. Теперь бои покажут, кто чего стоит. А кричать не надо. Криком дела не решишь. К тому же вон еще один твой подопечный под окном торчит, делает вид, что ничего не слышит. Тоже мне тип! А ведь это всё твои, лейтенант, заскоки – набрал интеллигентов и воевать с ними думаешь? Ну, да ладно. Пошли что ль?

Ласточкин вроде и не ответил ничего. Оба вышли на крыльцо, оставили дверь открытой и пошли в сад к ребятам. Застёгивая на ходу полевую сумку, Ласточкин бросил, на меня не глядя:

– Ступай к ребятам.

Последние слова политрука там, в доме, без сомнения, относились уже ко мне. «Интеллигентиком» меня окрестил! Что он во мне увидел такого очень интеллигентного? Школы я окончить не успел, работал и электромонтером, и пожарным; почему прилипло ко мне такое обидное, по нашим временам, прозвище? Бельтюков, так тот меня «Паустом» величает... Постой, а кто ж меня из ребят «интеллигентом» называет? Хорьков. Точно Хорьков! От кого пришло ко мне это прозвище, от Хорькова или от политрука?

Не ожидал я от Попова этакого! Обидно, конечно.

Ребята собрались быстро, побросали окурки и снова цепочкой, друг за другом пошли к Верхнему Акбашу, где, по мнению Ласточкина, могли быть немцы. Ласточкин и Данилов шли впереди, замыкали цепь Попов и Медвинский. В походе, а особенно в поиске, замыкать цепь дело ответственное, не менее важное, чем возглавлять группу. Замыкают отряд проверенные и опытные бойцы.

О нечаянно услышанном там, около дома, я решил помалкивать и никому ни слова. А с Хорьковым, выходит дело, нужно быть осторожным, он умеет гадить любыми способами. А еще урка, называется!

Сейчас он идет сзади меня. Вообще-то парень он здоровый, выносливый, умеет выдерживать тяжелые марши, но чувства товарищества в нем нет никакого. Наглец он и одиночник. Соловьев, говорят, тоже сидел за что-то, но этот парень другого склада, с ним можно идти на любое задание.

Да ладно, сейчас не до того, хватит думать об этом! Верхний Акбаш уже рядом. В самом поселке или где-то за его окраиной рвутся мины, иногда слышна частая дробь пулеметов. А наш головной дозор шагает смело, без остановок. Суменков парень опытный, на рожон не полезет и просто по дурасти рисковать не станет. В роте с ним считаются, ребята ему верят.

Наша группа давно уже свернула с проселка, спасительная балка осталась в стороне. Мы шагали напрямую, полем, где прямо на земле валялись краснобокие и никому не нужные помидоры. Впереди за частым гребнем жидких тополей виднелся нужный нам поселок.

За головным дозором мы вышли огородами прямо на широкую улицу Верхнего Акбаша. Дома стояли то ли покинутые своими хозяевами, то ли люди просто попрятались. Несколько воронок посреди улицы, стены ближних домов побиты осколками, невдалеке исходит синими струйками пепелище. На месте бывшего дома закопченная печь, обгорелая железная кровать, горшки, битое стекло.

К моему удивлению, никто нас не остановил, никто не поинтересовался, кто мы такие. Противника здесь явно не было. Цепочка наша сломалась, образовалась просто группа вооруженных людей. На улице появились двое спешащих куда-то солдат. Ласточкин остановил их:

– Ребята, вы из какого батальона?

Ласточкин, как и все мы, был в маскхалате, пилотка на нём такая же, как на всех и знаков различия не видно, поэтому солдаты ответили на вопрос неохотно:

– А какой тебе нужен? – вопросом ответил долговязый, и собрался было шагать дальше, но тут в разговор вступил Попов, его командирская фуражка, видимо, произвела нужное впечатление:

– Товарищ боец, к вам обращается командир. Где нам найти комбата? – голос Попова звучал непререкаемо и властно.

– Где комбат не знаем, а командир роты вон там, впереди, на окраине, – долговязый показал рукой.

Пошли на окраину. Нашли командира роты. Уставший, с провалившимися глазами, с перевязанной рукой, он сидел на бруствере окопа. В окопе связист с натянутой на уши, словно ночной колпак, пилотке, держит трубку аппарата и бубнит сорванным голосом:

– Ракита. Ракита. Ракита.

Лейтенант посмотрел на нас, поправил фуражку и спросил:

– Кто такие? А ты давай, давай вызывай! – кивнул он связисту.

– Командир отдельной разведроты Ласточкин, – представился наш лейтенант.

– Не знаю такого. Документы есть?

– Вообще-то, на задания с документами не ходят, – заметил Ласточкин, – но на сей раз есть.

Ласточкину неудобно было доставать из нагрудного кармана удостоверение, мешал маскхалат, пока он копался, командир роты язвительно заметил:

– Вообще, разведчики выполняют задания обычно впереди пехоты и командира стрелкового подразделения об этом заранее ставят в известность.

– А ты в бутылку не лезь, лейтенант, мы не на кухню к тебе пришли. Мне ведь тоже непонятно, что ты здесь сидишь? Связи у тебя с Ракитой нет, тыл никем не прикрыт, – парировал Ласточкин, протягивая лейтенанту своё удостоверение, но не выпуская его из рук.

Лейтенант, мельком взглянув на раскрытое удостоверение, устало махнул рукой и миролюбиво спросил:

– Да ладно. Это я так просто, для порядка. Чего нужно-то?

– Да вот обстановку здесь хотим понять.

– Ишь ты, какие быстрые! Я бы её тоже хотел понять. С самой ночи мы здесь. Я уже восемнадцать бойцов потерял и одного командира взвода, вот так вот! Вы не маячите все-то здесь! Вон посадку впереди на взгорке видите? Оттуда чуть свет автоматчики и два бронетранспортера на нас пошли. Отбились. Весь день минами нас долбал, а сейчас вон затих, не иначе что-нибудь еще удумал.

– Связь с бригадой имеешь?

– Была, да вся вышла. Вот этот нерв армии, – лейтенант мотнул головой в сторону связиста, – дует в трубку, а толку нет.

Связист, чуть было приумолкнувший, словно спохватился, снова стал монотонно повторять:

– Ракита, Ракита, отвечай, Ракита...

Ракита молчала. Наверное, и сам связист уже не ждал появления на проводе «Раки-ты», а повторял просто так, чтобы видели его старания.

– На линию-то кто-нибудь пошел? – спросил Данилов из сострадания к этому лейтенанту, который до нашего появления уже успел повоевать с противником.

– А что?

– Да чего он впустую «ракита, да ракита». Обрыв на линии, его устранять нужно. Чем трубку мусолить, по линии бы пробежался.

– И то правда! – будто спохватился лейтенант. – Слышал, нерв? А ну, дуй по линии!

Связист, не скрывая досады, крикнул, взял винтовку и вылез из окопа.

– Ладно, лейтенант! Мы сейчас на Дейское подадимся, а ты, будь друг, если связь появится, может, в штаб бригады прорвешься, сообщи Натынову, что Ласточкин мол был и подался дальше, – попросил Ласточкин.

– И всё? Ну, брат, не богато. Этак и говорить неудобно. А в общем, что ж, скажу: был, увидел и пошел. Однако, мой совет, на той дороге тоже поосторожней, там какая-то заваруха на рассвете была, и еще учтите, здесь у противника эсэсовские части действуют. Мы на поле их убитого подобрали. Документы в батальон отправил. Поняли?

– Всё ясно, лейтенант. У тебя дорога на Дейское прикрыта? Дай провожатого, чтоб там недоразумений не было.

– Не разведка, а красны девицы, – проворчал лейтенант и закричал: – Тарасенко! Тарасенко, будь тебе пусто!

Из-за куста бузины, что была метрах в двадцати от нас, появился рослый, широкоплечий парень с автоматом на шее и направился к нам.

– Тарасенко, ты? Живой? Привет, друже!

– Ось, туточки я.

Первый раз я видел у Авдеева такую широченную улыбку. Честно говоря, я тоже был искренне рад этой встрече. Хороший мужик этот Тарасенко.

– Что, знакомые? – поинтересовался командир стрелковой роты.

– С одного пополнения, дорогой познакомились – скупко ответил Авдеев.

– Вот и хорошо. Тарасенко, проводи разведчиков до первого взвода, к дороге и предупреди там, чтобы своих не постреляли.

– Есть проводить до первого взвода и предупредить! – с готовностью ответил Тарасенко.

Мы пошли на окраину посёлка, туда, где начиналась дорога на Дейское. По пути узнали, что Тарасенко сейчас связной роты, командир у него парень что надо. В общем, всё в порядке.

Командир стрелкового взвода, младший лейтенант, был черняв и худ, вместо офицерских сапог на его ногах были солдатские ботинки с туго намотанными серыми обмотками, а командирский его ремень сильно оттягивался кобурой с револьвером и перекосялся на бок. Он сидел под кустом смородины и аппетитно добивал банку с тушенкой. Тарасенко доложил ему всё, как положено, потом крепко пожал нам руки, бросил: «Бывайте, братва!» и быстрым шагом пошел обратно. Узнав кто мы, комвзвода мотнул головой – садитесь мол, не маячьте, и выскреб ложкой из банки остатки желе, белого жира и мяса. Глядя на то, как этот младший лейтенант аппетитно расправился с банкой, мы вспомнили, что со вчерашнего вечера еще ничего не ели и нам чертовски захотелось перекусить. Ласточкин разрешил прикончить половину сухого пайка. Вся наша группа расположилась здесь же в кустах. В мгновение ока был нарезан хлеб и вспороты финками банки с такой же тушенкой, одна банка на троих. Маловато, конечно, но что делать... Терпи, казак!

Тем временем Ласточкин, Попов, Данилов вместе с командиром стрелкового взвода уточняли обстановку.

– Как у вас здесь? – спросил Попов.

– А на кладбище всё спокойненько..., – словами какой-то песенки отвечал младший лейтенант. – Но драчка на дороге была, километра полтора отсюда. Видно какая-то часть на немцев нарвалась или те на неё. Похоже, за речку они драпали.

– Кто драпал?

– А кто сейчас драпает? Вам известно сие, товарищи разведчики?

Быстро там у них всё получилось. Помочь ничем не смогли, не успели бы и далеко.

– Много там наших было? – поинтересовался Данилов.

– Да хрен их знает. По полю драпало человек, пожалуй, пятнадцать, может и поболее.

Похоже, заблудились ребята и пробивались к своим.

– А потом не ходили туда?

– Нет.

– А чего? Страшно, что ль?

Младший лейтенант поёрзал и съязвил:

– А зачем? Мы ж знали, что разведчики придут, они и узнают всё...

– Ну ты не язви, ни к чему это...

– А ты, лейтенант, не задавай таких вопросов, и сам понимать должен, – командир взвода нарочито изменил ударение в последнем слове, – что ежели мне с моим взводом и с пэтээровцами наступать, так сил маловато, а ежели самостийно оставлю дорогу

неприкрытой и не дай бог что случится, меня комбат без всякого разговора к стенке поставит и, между прочим, правильно сделает. Усёк?

– Усёк.

– Ты, разведка, ты давай и иди вперед. А мое дело – здесь сидеть и ни шагу назад! По дружбе я вас предупреждаю, чтоб ушами не хлопали, будете близко – помогу.

В общем, всё ясно и командирам нашим, и нам. Покурили после сухого обеда, отдохнули малость, и Ласточкин подал команду «вперед!» Первым пошел головной дозор, их четверо: двое идут слева от посадки, а двое справа. Мы их за посадкой не видим. Это Суменков придумал правильно. Небольшая грейдерная дорога с двумя мелкими кюветами, слева от дороги луг с небольшим уклоном, там дальше редкие кусты, может, речка или арык какой. На дороге ни души. Идем цепочкой вдоль кювета, это правильно. Головной дозор мы не выпускаем из виду. Ребята шагают метрах в 150-200 от нас. Об усталости никто не думает, о ней просто забыли, не до нее сейчас, в этой пустынности и тишине на дороге чувствуется настороженность. У меня за плечами вещмешок. Сухой паек я тащил. Подосенов с Беляковым говорили вначале, что тащить будем по очереди, но до сих пор никто из них рвения не проявил, а я и не настаивал: кроме сухого пайка у меня были и другие вещи, в том числе два учебника из военно-морской школы, знал ведь, что в плавсостав я уже никак не попаду, ан нет, таскал, была и общая тетрадь в клеточку, русско-немецкий разговорник, несколько карандашей... Ну попробуй, объясни любопытным ребятам, для чего мне эти учебники нужны. Смеяться будут, а с меня и одного «Фауста» хватит. Поэтому я терпеливо тащил мешок, не напоминал, что сменить пора, тем более что осталось от нашего сухого пайка немного хлеба, да несколько кусочков сахара.

Впереди далеко слышен бой и сзади, видимо, по Акбашу, минами садыт. На дороге тоже воронки, сваленные телеграфные столбы, перепутанная ржавая проволока. От ветра шумят ветки акаций... Для засады здесь действительно место подходящее: из посадки, если лупанут, так костей не соберешь!

Головной дозор шагает вперед. Они, конечно, знают, что в случае засады, первые пули достанутся им, и даже мы им вряд ли успеем помочь.

А шагают ребята спокойно, уверенно, будто это не война, а очередные тактические учения, да и на учениях-то они бы чувствовали себя скованнее. Ничего не скажешь, волевые ребята, закаленные, а без риска в разведке всё равно не обойдешься.

Но вот головной дозор неожиданно остановился. Суменков с Соловьевым вышли на середину дороги, один из них оглянулся на нас и машет рукой. Что-то они нашли. Все пошли побыстрее. Вначале я не понял, что это такое и только когда подошел, увидел, что на обочине дороги лежал наш убитый солдат. На нем шинель, обмотки, пыльные потрескавшиеся ботинки, пилотка валяется посередине дороги. Лежит на боку, поджав ноги, лицо загорожено неживыми серыми руками, коротко стриженные волосы, затылок в запекшейся крови... Вот она, первая визитная карточка войны! Неужто к этому можно привыкнуть? Рядом с солдатом валяется его винтовка самого последнего 4-го выпуска – ложе с незачищенными заусенцами и покрашено оно простой морилкой, а уж до лака дело и не дошло, да и на черта он, лак-то! Ребята окружили убитого. Смотрят и молчат, потом кто-то сказал:

– А вон там еще лежат.

В поле, недалеко от дороги, лежало не менее десяти трупов, и всё наши солдаты, – ни одного немца. Неужто их избивали здесь как баранов?! Откуда здесь взялись немцы? Что здесь произошло несколько часов тому назад? Вот лежит человек на обочине дороги, еще недавно он дышал, на что-то надеялся... Он убит. Его уже нет... Кто-то стал, может быть, сиротой, вдовой, кто-то лишился сына и всех надежд, но этого еще никто не знает. Страшное горе, беда еще только пошли по белому свету, вот с этого места пошли, здесь их точка отсчета. На лугу разбитая и опрокинутая на бок повозка, две убитые лошади с задранными ногами. Около повозки неподвижные люди в бинтах. Они тоже мертвы

и, похоже, их просто доби́ли: не стали бы наши бойцы везти покойников, не то сейчас время.

Ласточкин приказал проверить, не остался ли здесь кто живой. Проверяли Данилов и еще несколько ребят. Раненых не было. Здесь только убитые.

– Раненых доби́ли, – заявил Данилов. – У некоторых две, три пули в голове. Стреляли в упор, пороховые ожоги на коже.

Да что ж это такое, господа! Вот здесь ходили здоровые, молодые люди и добивали других, раненых, беззащитных!

Смерть изуродовала всех, кто остался на этом поле. Это вовсе не те чинные покойники в красных гробах, здесь валялись люди на спине, на боку, на животе, скорчившись, раскинув руки, валялись в самых неестественных позах, с залитыми кровью лицами, с вытаращенными глазами, в которых, кажется, и сейчас еще был виден ужас.

В газетах много пишут о жертвах и зверствах фашизма, читают это все, а представляют не многие. И я не представлял, не мог представить такого. То, что мы видели воочию, было следами дикого, страшного преступления. Это страшнее, чем след войны, это след фашизма.

– Нужно осмотреть хотя бы этого убитого. Может, документы у него, – указал Попов на убитого на обочине дороги.

Слова Попова ни к кому конкретно не адресовались, поэтому все молчали и не изъявляли готовности обшаривать карманы убитого.

– Ну, кто смелый? Чего молчите? – уже громче сказал Попов и снова не получил ответа.

– Давайте я, – вдруг вызвался Хорьков. – Подумаешь, чистоплюи!

«Чистоплюи» стояли молча. А Хорьков, что ж, парень без предрассудков – он быстро перекапнул труп на спину... нам открылись светлые, невидящие глаза убитого, его открытый рот, половина лица залита кровью. Он словно еще кричал, молил, требовал помощи...

В карманах убитого документов не было. Хорьков нашел треугольничек письма, медальон смерти, кисет, зажигалку, сделанную из медной гильзы нашего винтовочного патрона. Зажигалку и кисет он сунул себе в карман, а остальное барахло передал Попову, тот убрал найденное в полевую сумку.

– Все, товарищи, хватит. Пошли вперед! – скомандовал Ласточкин. Вперед первыми снова пошли разведчики головного дозора.

* * *

Справа от дороги, прижимаясь к посадке, шагали Суменков и Соловьев. Крепкие, уверенные в себе ребята, и шаг у них неторопливый, широкий, твердый. Мы видели их спины в зеленых маскхалатах с коричневыми, похожими на амёб пятнами. Справа от посадки шли Осейкин и Дубинин. Осейкин – парень среднего роста, плечистый сибиряк, голова коротко острижена, лицо все в небольших белых шрамах. На чалдона* ёлка упала, всего исцарапала – шутили ротные острословы. Осейкин был парнем молчаливым, немного замкнутым, но на шутки не обижался. Он и в этот раз шагал молча, сосредоточенно поглядывая вперед и вокруг, шагал, стараясь не отставать от ребят, которые шли от него слева за посадкой, и не забегать вперед. Идти было тяжело: шагни вправо – и под ногами какая-то развороченная земля (видно, весной трактором пахали), шаг влево – и бьют по лицу колючие ветки акации, стоит крепкий, как дерево, высокий репейник. За маскхалат уже зацепились вездесущие репы и множество еще каких-то мелких серых семян. За Осейкиным шагает Дубинин – худой, жилистый и выносливый парень лет двадцати трех, по нашим ротным меркам уже старик. Дубинин, единствен-

* Чалдон – название коренных русских в Сибири.

ный в роте, не расстается со своей винтовкой СВТ. Самозарядная полуавтоматическая винтовка очень капризна, отказывает при стрельбе постоянно, если в её сложный механизм попадет хоть одна песчинка. Бойцы не любили этого оружия. Упрямый Дубинин, в гражданке хороший слесарь, решил довести эту винтовку «до ума», каждую свободную минуту он разбирал её, что-то точил напильником, даже клепал – не расставался он с полюбившейся СВТ, и она его не подводила.

Шли, конечно же, молча: в поиске, а тем более в головном дозоре, болтать смертельно опасно. То, что осталось там, на поле после разгрома нашего отряда, настораживало и испортило настроение. И мы тоже – гуси. Оставили убитых. Будут тлеть их трупы возле этой проклятой дороги...

А погода портится. Из серых туч посыпал мелкий дождь. Ветер усилился, раскачивалась и шумела акация. Дорога плавно, широкой дугой поворачивала влево. Впереди, что-нибудь около километра, перпендикулярно нашей – еще посадка. Деревья там на равном расстоянии друг от друга, так всегда бывает около большой дороги.

Дождь словно туманом всё подернул, даже зелень впереди стала серой. Брюки маскхалата у ботинок становятся сырыми и грязными. От Верхнего Акбаша прошли, наверное, километра три, а дорога по-прежнему пуста. Это, может быть, и хорошо, но чувствовалась опасность в этой безлюдности. Осейкин человек опытный, он повидал многое, поэтому идет осторожно, не вылезает в открытое поле.

Он не знал, откуда ведет та дорога, что была за перпендикулярной посадкой, да это и неважно, но, похоже, что там еще и ручей или речка какая-то, значит, мост должен быть, вот здесь-то и надо смотреть – место для засады и для мин самое подходящее.

Внимание Осейкина привлек внезапно возникший неясный шум.

Он поднял руку, остановился, вошел под ветки акации и стал смотреть. Дубинин мгновенно последовал его примеру. А шум, похожий на треск многих моторов, стал слышен более явно, он приближался.

Еще немного и ребята заметили, как там, впереди, за посадкой замелькали между деревьями мотоциклы и еще что-то большое и серое. Треск моторов стал слышен отчетливо, и сомнений не было – большой моторизованный отряд движется к нашей дороге, и он непременно свернет по ней либо к Дейскому, либо в нашу сторону. Всегда следует ориентироваться на худший вариант, поэтому Осейкин ужом проскользнул колючую посадку, за ним Дубинин, не теряя времени.

– Полундра, – Осейкин не крикнул, а сказал это Суменкову.

Соловьев с Суменковым тоже услышали моторы и остановились. Они еще не видели противника за своей посадкой.

– Что там?

– Мотоциклисты и броневик какой-то, не разобрать сколько. Они выезжают на нашу дорогу.

– Давай, ребята, жми со всех ног. Нужно предупредить группу, а то вяпаемся, – решил Суменков.

Мы сразу заметили, как ребята нашего головного дозора, часто оборачиваясь, торопливо не шли, а бежали к нам и по всему поняли, что там у них что-то случилось. Шума моторов мы еще не слышали, может, ветер глушил эти звуки, может, шаги скрадывали звуки, мы остановились и тут до нас донесся треск мотоциклов.

– Впереди моторизованный отряд противника. Нам навстречу идет. Ближе уже. Его численность установить не удалось, посадка мешает.

Доклад Суменкова был предельно краток.

– Всем в посадку! Развернуться цепью! Оружие к бою и без команды не стрелять! – скомандовал Ласточкин.

В течение нескольких секунд дорога опустела. Мы укрылись в посадке, залегли цепью метрах в двух друг от друга, защелкали затворы автоматов.

– Не стрелять без команды! Я первый стреляю! – снова повторил Ласточкин.

Я лежал в посадке у ствола довольно крупного дерева, вжимался в землю и, видимо поэтому, плохо видел дорогу, к тому же куст высокого репейника мешал обзору. Шум моторов был слышен хорошо, и этот звук нарастал с каждой секундой. Противника пока не видно, а в голове вихрем неслись сумасшедшие, обрывочные мысли: «Началось!... Неужто это и вправду немцы? Может быть, я сплю, может быть, всё это кошмарный сон, бред?.. Нет, я сейчас увижу их... Первый раз в жизни увижу живых немцев! А если они меня увидят первыми?.. Мне нужно будет стрелять!.. Это не просто враги, это живые люди, а я в них буду стрелять!.. Неужто они и вправду сейчас будут здесь?»

Эти немцы, которых я был должен сейчас увидеть, вдруг показались мне неуязвимыми, вездесущими и всевидящими. Мне казалось, что им отлично известно, что мы, как последние дураки, затаились в этой несчастной посадке. Мы, конечно, будем в них стрелять, но это же немцы, и наши пули не принесут им никакого вреда, а они будут нас расстреливать из своих «шмайссеров» и пулеметов... Наши пули будут от них отскакивать, как горох от стенки. Они остановятся, будут громко смеяться и показывать на меня пальцами... Для меня это первый бой, а эти фрицы пришли сюда из самого Берлина... Неужто я бессилён? Неужто я жалок? Неужто я трус?!.. А, черт возьми! Скорее бы уж, скорее бы! Страшна не столько пуля, сколько её ожидание. Держись! Главное, теперь держись... Где же ребята? Где они?

– Не крутись! Лежи спокойно! – цыкнул на меня Подосенов.

Гул и треск моторов нарастал... Оказывается, вот чем может обернуться эта предательская пустыньность дороги! Чужало сердце! Сторона дороги, где были мы, была чуть повыше её полотна, на другой стороне посадки не было, там луг с небольшим уклоном в сторону дальних кустов.

Треск мотоциклетных моторов слышен отчетливо, кажется, они уже совсем рядом... Вот они! Немцы!!! Самые настоящие немцы!!! Это теперь уже не шутки, не кино, не захватские рассказы... Вот они! По дороге неторопливо катило машин десять-двенадцать. Я видел их совсем рядом. Они не торопились, внимательно рассматривали нашу посадку... По всему видно, что они тоже изготовились и едут, чтобы убить меня и их больше, чем нас, они лучше вооружены, с ними бронетранспортер, который неуязвим для нашего оружия...

Я боялся поднимать высоко голову, поэтому не мог рассмотреть все как следует... Вот они, мотоциклисты! Я вижу их по пояс, они все в касках, сытые, крепкие рожи, серо-зеленые френчи у одних, некоторые в накиннутых плащ-палатках. Все мотоциклы с колясками, на каждой машине трое немцев, у многих впереди на колясках укреплены пулеметы... Что будет! Что сейчас будет?! На дороге синий дым от выхлопных газов... Едут медленно сукины дети... От меня до них не больше 20-25 метров... Я вижу их лица! В голове вдруг пропали все мысли. Я лежал с взведенным автоматом и ждал команды...

Всё! Больше ни слов, ни мыслей! Здесь я, а рядом со мной испытанная, проверенная, жестоко-равнодушная, безотказная и умело устроенная машина убийства, она готова расстрелять и вдавить колеса меня в эту чужую землю... А я тоже неожиданно почувствовал себя затаившимся хищным и злым зверем... Проклятый репейник, он мешает мне видеть цель! Переползать поздно, шевелиться нельзя. Малейшее неестественное движение ветки, и мы сразу лишимся главного своего преимущества – внезапности. За мотоциклистами бронетранспортер с крупнокалиберным пулеметом впереди... Внезапность! Такая ли уж это внезапность? Похоже, немцы приготовились к неожиданностям. Каски, защитные очки, плащ-палатки, мундиры, руки в перчатках... Вот они! Рядом, за стебельками тонкой рыжей травы... Всё! Теперь только бой! Уже поздно что-либо менять! Только бой!.. Сплошной треск моторов, синий дым над дорогой... Тела своего не чувствую, одни напряженные, струною натянутые нервы, одно ожидание страшного момента первого выстрела... Автомат взведен, приклад у плеча, палец на

спусковым крючке, обрез прорези и мушка на плече первого мотоциклиста, его серый контур проплывает мимо меня... Немцы что-то громко кричат друг другу, стараясь перекричать треск моторов. Не боятся, сволочи, катают как дома, по нашим дорогам!

Первый, второй, третий мотоциклы проплывают мимо меня. Вот он и бронетранспортер, здоровый, серый с белым крестом на борту. Как шляпки поганых грибов на пеньке торчат над броней открытого верха каски. А одного видно по поясу. Он в своём зеленом мундире стоит за щитком пулемета... Этого нужно сшибить сразу, этот может дать нам шороху! Я держу его на прицеле... Ну же, ну! Почему не стреляют?! Что там молчит Ласточкин, они же сейчас проедут. Может, он пропустить их хочет? Я веду ствол автомата, не спуская с прицела пулеметчика в бронетранспортере... А может, действительно их лучше пропустить, там пэтээровцы...

И вдруг очередь – хлесткая, длинная, и с первыми ее выстрелами вся наша посадка словно взорвалась этими очередями. Я нажимаю на спусковой крючок. Стрелять мне удобно, с моей стороны этот пулеметчик не защищен броневым щитком. Автомат лихорадочно бьется в руках. Пулеметчик в бронетранспортере взмахнул руками и исчез внутри машины. Бронетранспортер остановился, один мотоцикл почти воткнулся в нашу посадку и заглох, второй отвернул в другую сторону, перепрыгнул мелкий кювет и, виляя, покати в поле, третий опрокинулся в кювете на бок и крутится колесо его коляски. Кто-то выскочил из посадки и швырнул в бронетранспортер гранату, она не долетела, рванула сбоку машины. И всё это в одно мгновение. Еще один мотоцикл развернулся, замер посреди дороги, с него стали падать люди, а он вспыхнул пламенем, вначале без дыма, а потом потянулись языки копоти. Прошла еще секунда-другая и по посадке ударили длинные, пулеметные очереди. На меня посыпались листья, ветки, внезапно сама земля брызнула искрами, песком прямо в лицо, в глаза. Глаза запорошило, я ничего не видел, но куда-то стрелял... Еле протер глаза... Бронетранспортер откатывается назад, какие-то мотоциклы прячутся за его броней, две машины, подпрыгивая, несутся назад по лугу. На дороге валяются солдаты в серо-зеленой форме, один из них приподнимается на руках, но вокруг него пули клюют дорогу и он падает лицом вниз.

– Бей сволочей! – кто-то кричит в нашей посадке.

Не успел замолкнуть этот голос, как басовитый, оглушительный треск крупнокалиберного пулемета заглушил, подавил все остальные звуки. Он бьет разрывными, молотит нашу посадку. С деревьев падают, повисают на белых жилах разломаченной древесины целые сучья, посадка наполняется синим дымком от разрывов этих пуль. Я буквально вжимаюсь в землю, а пулемет бьет, не умолкая, стреляют пулеметчики с мотоциклов. Опомнились, гады! Нашу посадку буквально косят пулеметным огнем, и я чувствую, что дальше опасно оставаться на одном месте. Бронетранспортер отошел от нас метров на сто и с этого расстояния, как в тире, поливает нас струей разрывных пуль. Мы ничего не можем теперь поделать с этим бронетранспортером, автоматные очереди не причиняют ему вреда. А он вдруг взревел мотором, выбросил клубы выхлопного дыма и медленно двинулся вперед, ближе к нам. Я не могу глаз оторвать от стального чудовища, меня поражает сознание собственного бессилья. Кто-то толкает меня в бок. Гогаберидзе молодой совсем парень, машет мне рукою и ползет в глубину посадки. Всё ясно, мы отходим. Теперь мне нужно тоже предупредить соседа справа. Как доползти до него? Невозможно поднять головы, это просто какая-то дикая молотба. Кажется, сейчас больше и деревьев не останется.

Был бы хоть малый окопчик! Но, шут его знает, где тебя достанет пуля! Отполз чуть правее. Дубинин стреляет из своей СВТ бронебойно-зажигательными... Махнул ему рукой, он увидел, кивнул головой – понял... Мы укрываемся за посадкой, быстро отползаем. Здесь спасает нас от пуль канава на краю вспаханного поля. Немцы продолжают обстреливать то место, где мы только что были, а мы ползем, потом, пригнувшись, отбегаем вдоль посадки. Пули пронзительно и злобно свистят, визжат от рикошета, нас подгоняют пулеметные очереди. Откатились метров на 250 и снова залегли в посадке.

На огонь противника мы пока не отвечаем. Бронетранспортер остановился против того места, где мы лежали в засаде и продолжает истязать посадку. Уцелевшие мотоциклисты бьют из пулеметов веером, пули щелкают по веткам, снова падают сбитые листья, но огонь уже не такой плотный. Видно, как немцы, прикрываясь этим огнем, торопливо подбирают своих убитых и раненых. Что потом предпримет противник? Пустится за нами в погоню? Тогда плохо, я не представляю, как мы справимся с бронетранспортером – больше они не пролопоушат. Лежим, не шевелясь, и огонь противника начинает стихать. Бронетранспортёр стоит на дороге и водит стволом пулемета для остратки, бьет короткими очередями вдоль посадки. Похоже, немцы нас потеряли. За бронетранспортёром немцы торопливо суетятся, потом срываются с места мотоциклисты, они уходят назад. Бронетранспортёр на прощание закатил длинную очередь по посадке, отошел задним ходом, развернулся и покатил вслед за мотоциклистами. Покалеченные мотоциклы они бросили. Снова становится тихо. В этой неожиданной тишине слышен чей-то голос ...бинта не хватило. Кровь садит. Давай еще пакет... Перетяни ему руку...

Голос говорящего неестественно громок, а кто говорит – узнать не могу, в ушах всё еще звенит от стрельбы. У нас один разведчик ранен, пуля попала ему в правый локоть. Рана, видно очень болезненная, он стонет, глаза зажмурил и зубы оскалил. Яркое красное пятно расплывается на бинтах, рукав гимнастерки разрезан ножом.

– Раненого нужно отправить немедленно, – это, по-моему, Попов говорит.

– Ты ногами идти сможешь? – спрашивает раненого Ласточкин. А что спрашивать! Куда ему еще деваться? Ласточкин отправляет в качестве сопровождающего одного салажонка, что покрепче. После ухода раненого еще минут десять мы пролежали в посадке. На дороге снова было тихо и пустынно, дождь вроде перестал, против того места, где была наша засада, догорал мотоцикл...

Это был мой первый бой! Выдержал я его или нет? Кто скажет, кого спросить? Об этом не спрашивают, об этом молчат. В ушах еще звон стоит от стрельбы и руки дрожат мелкой противной дрожью. Испугался? Если честно, то конечно. Особенно этот бронетранспортер проклятый!

Что теперь решит Ласточкин? Идти, как шли – опасно, можно нарваться на засаду... На дороге дымит один мотоцикл, около нашей посадки стоит второй, на противоположной стороне дороги – третий, дальше в поле, метрах в двухстах от дороги, на лугу четвертый. Все машины с колясками...

Неужто, мы им врезали? Это мы и я, салага, в том числе!? Получилось здорово, но радости я почему-то не чувствую. Ребята ждут: что сейчас еще предпримут немцы, не может того быть, чтобы вот так они и смылись умытыми.

Ласточкин послал Медвинского с тремя разведчиками осмотреть мотоциклы, собрать документы, письма и прочую муру. Мы ждем ребят в посадке и пока не сменили позиций. Ласточкин в бинокль рассматривает дорогу, дальнюю поперечную посадку, откуда появились немцы.

– Товарищ лейтенант, перекурить бы это дело, – гудит Авдеев.

– А потерпеть нельзя?

– Больно уши пухнут. Да и ребятам пора нервы успокоить.

– Курите, забодая вас комарь, только без фокусов, на дорогу и в поле не вылезать!

Над головой шумят на ветру ветки акаций. Ребята понемногу успокаиваются, и слышно как Костя Кудряш кому-то говорит торопливо и возбужденно: – ... а я, значит, как врежу ему, как врежу, фара у него вдребезги и сам с машины!

– Ага, я видел, – отвечает кто-то, – а я тому, что в бронетранспортере, в морду очередь...

– Ладно вам! По фаре, в морду!.. Хватит трепаться! – это Данилов говорит. – Только вы и стреляли? Стреляли все и на этот раз здорово. Если бы не этот гад, бронетранспортер, мы бы их всех здесь оставили...

Разговор перебил чей-то тревожный возглас:

– Ракета!

Из-за дальней поперечной посадки взлетела в серое небо яркая мерцающая розовая искра, на секунду она зависла в воздухе и стремительно упала.

– Вон они где, гады! Что там еще этот Медвинский копаются! – сразу чего-то занервничал Ласточкин.

А Анатолий не видел ракеты и действительно не очень торопился.

Теперь становилось ясно, что для врага была неожиданностью наша засада. Немцы обескуражены, и возможно, напуганы, но далеко они не ушли, они где-то рядом и не оставят нас в покое... Что же копаются там Медвинский!? Все понимают, что нам нужно, как можно скорее, сматывать отсюда удочки.

Наконец ребята вернулись. Оказывается, немцы успели собрать не только всех своих раненых и убитых, они успели пулеметы снять с мотоциклов, пока нас бронетранспортер держал под огнём своего пулемета...

– А у них это дело здорово поставлено. Порядочек у сволочей, – сокрушенно сказал разведчик Курочкин, и все невольно вспомнили брошенные трупы наших солдат там, сзади нас, у дороги.

– Внимание! – громко оказал Ласточкин. – Впереди за лугом кусты видите? Похоже они вдоль канавы какой-то. Вот туда группами по четыре-пять человек бегом!

Первыми побежали разведчики головного дозора, за ними остальные. Здесь действительно какая-то канава, по краям заросли кустов, похоже, пересохший арык. Вдоль этого арыка мы и пошли дальше, снова вперед. Теперь дорога от нас справа и на порядочном расстоянии. Идём осторожно, противник здесь где-то рядом, и если на этот раз пролопушим мы, то заплатить за это придется жизнью. А ребята идут спокойно. Может, они не понимают?

Шли молча минут пятнадцать и вдруг снова стремительно нарастающий шум моторов.

– Воздух!

Над дорогой низко летели два странных самолёта. У каждого два фюзеляжа и сзади кабины летчика толкающий винт между тонкими фюзеляжами. Самолеты летели совсем низко над дорогой и ударили из пулеметов по посадке примерно в том месте, где мы вели бой. Потом самолеты где-то развернулись, снова пронеслись над дорогой и мелко стучали их пулеметы. Вовремя мы убрались. Ребята затаились в своих кустах и молча наблюдали, как штурмовали, прочесывали огнём придорожную посадку два истребителя, два Фоке-Вульфа-198.

Самолеты ушли, затих шум моторов.

– Кончай ночевать. Пошли! – снова подал команду Ласточкин и снова мы двинулись цепочкой, напряженно вслушиваясь в шум ветра, в шелест листьев, старались заблаговременно поймать звуки приближающейся опасности.

Вскоре дорога как-то незаметно приблизилась к арыку, вдоль которого мы шагали. Здесь был небольшой деревянный мост и развилка дорог. На непросохших досках настила следы шин. Нам нужно шагать к Дейскому, а что делать с этим мостом? Оставить его фашистам? Толовых шашек у нас не было, костер разложить было невозможно.

– Погодите! Шагайте вперед. Оставьте мне пяток гранат и пусть Осейкин останется.

Мы пошагали вперед, а двое ребят остались. Вскоре послышалось несколько звонких взрывов гранат. Мы остановились, подождали ребят.

– Порядок. Без ремонта не проедут, – доложил, вернувшись, Сашка Суменков, а Осейкин уже потом добавил:

– Мы по настилу гранатами – только пыль да щепки летели.

Ребята устали. Большой переход, напряженный бой, нависшая над нами опасность изрядно вымотали силы. Шли молча.

Только сейчас я заметил, что фуражка у Попова прострелена, голова перевязана и по лицу размазана кровь. Зацепило мужика, а он храбрится, не показывает вида,

держится. Ребята, видимо чуя опасность, не проявляют особого желания долго сидеть в этом неудобном месте, поэтому команда «кончай ночевать» выполняется без промедления. Впереди снова головной дозор, но теперь повышенное внимание уделяется и арьергарду, где шагают Попов с Медвинским. Если мост, от которого мы ушли, станет непроезжим, то увеличится вероятность того, что немцы двинутся за нами следом. Здесь уж не зевай! Дорога снова пустая, безлюдная, чуть слышно звенят бездействующие телеграфные провода. Тучи над головой светлеют, появляются яркие белые просветы.

Шагали не менее часа, и пришли в Дейское. Станица это или поселок, нам неизвестно, но это большой населенный пункт. По всему Дейскому грохочут взрывы мин и снарядов, на северной окраине что-то горит, черные клубы дыма сносит в сторону ветер. Где-то там, на окраине, захлебываются от длинных очередей пулеметы – бой идет. Обстановки мы не представляем и спросить не у кого, изуродованные воронками улицы пусты, здесь, похоже, и жителей не осталось. На дороге перепутанная железная проволока с телефонных столбов, обрубленные осколками ветки деревьев, камни от разбитых плитняковых изгородей.

Наконец увидели двоих связистов, которые, опасливо прислушиваясь к визгу и близким разрывам мин, тянули связь.

Связисты народ особенный, к ним подход нужен. Они знают все последние новости, им известны расположения штабов, частей, артиллерии, от них нет секретов, недаром же наши ротные старики говорят, что нет более ценного языка, чем связист.

Первым к связистам подкатился Суменков, здесь, в Дейском, он шел с основной группой, надобность в головном дозоре отпала.

– Привет, братья!

Братья ответили неохотно, подчеркивая собственную занятость. Опасаясь, что Суменков ничего от них не добьется, к разговору присоединился Попов. Его командирская фуражка, перевязанная голова, пистолет на боку, полевая сумка, видимо, произвели некоторое впечатление, но не настолько, чтобы они стали разговорчивыми.

– Товарищи бойцы, где ближайший штаб? – спросил Попов.

– А вы кто такие? – в свою очередь поинтересовались связисты.

– Я бригадный разведчик.

– А-а! Не знаем.

– Не валяйте дурака, ребята, у нас очень важное дело, – снова начал Суменков.

– Сказано, не знаем.

– Куда ж вы, охламоны связь тянете?

– А это наше дело.

Тут произошло непредвиденное и немного смешное:

– Отойди, лейтенант! – вдруг грозно выступил бородатый и очень солидно выглядывший Авдеев. Он небрежно локтем отстранил Суменкова и командирским, не допускающим возражений, тоном скомандовал связистам:

– А ну, встать, как положено!

– Товарищ подполковник, разрешите я сам... – мгновенно подыграл Суменков голосом услужливого подчиненного.

– Лейтенант, встаньте в строй! – снова скомандовал Авдеев и, указав потом пальцем на пожилого связиста, строго произнес:

– Боец, подойдите сюда!

Естественно, что под маскхалатом не было видно знаков различия, но весь вид Авдеева был серьезным и внушительным. Немного напуганный видом Авдеева, связист подошел к Авдееву, козырнул и доложил:

– Рядовой Тузенко.

– Плохо! Очень плохо, рядовой Тузенко! Кто так докладывает? Что за вид? Забыли, как к командиру подходят?!

Авдеев Гришка явно входил в роль.

– Виноват, товарищ подполковник...

– Отставить! Куда связь тянешь?

– На батарею, товарищ подполковник.

– К старшему лейтенанту Митрофанову? Тогда передайте ему, что подполковник Климашевский..., – Авдеев нарочито потянул время, т.к. решительно не знал, что следует передать выдуманному старшему лейтенанту.

Выручил его сам связист:

– Виноват, товарищ подполковник, мы не туда... мы к лейтенанту Вовченко, к сорокопятчикам, на батарею...

– Ну, тогда другое дело. А где Вовченко?

– Да ось, метров триста отсюда, справа от дороги.

– Ладно. Не болтай лишнего! Давай связь быстрее. Из-за вас, разгильдяев, только морока одна! Коли через двадцать минут вы мне связь на батарею не дадите, всех к чертовой матери, в пехоту направляю. Больше терпеть не буду! Хватит с меня!

– Виноват, товарищ подполковник...

– Отставить! Виноват, виноват... Заладил как попугай. Бегом связь давайте! Чего рты поразинули?!

– Слушаюсь. Разрешите идти?

– Разрешаю.

Авдеев повернулся и пошел к ребятам.

– Ну, ты даешь! – искренне удивился лейтенант Попов.

Теперь мы знали, что впереди есть еще батарея сорокопятков лейтенанта Вовченко и она от нас в трехстах метрах справа от дороги. Мы и пошли в этом направлении.

Батарея противотанковых сорокопятимиллиметровых пушек (сорокапятков) разместилась возле полуразрушенного домика, справа от дороги за плитняковой оградой. Ограду артиллеристы тоже почти всю раскидали, чтобы можно было просунуть низко посаженные стволы пушек. Две пушки стояли здесь под деревьями, а одна правее, на соседнем участке. Командир батареи, до смерти уставший, небритый лейтенант встретил людей в масках слегка немного подозрительно.

– Кто такие?

– Лейтенант Вовченко? – в свою очередь осведомился Ласточкин.

– Я.

– Тогда, здравия желаю. Лейтенант Ласточкин, командир разведроты бригады. Имею специальное задание. Как у вас здесь обстановочка? Связи еще нет?

Вовченко рассказал, что противник здесь рядом, передовые части немцев закрепились по существу на окраине Дейского. С утра удалось отбить две атаки противника и с тревогой ожидают очередную. Держаться нечем, снаряды почти все израсходованы. Связи нет ни с арtdивизионом, ни со штабом бригады. Люди у него голодные, с самого утра на подножном корму. Часа три назад ушел в дивизион связной и как в воду канул. В свою очередь, мы тоже не утешили лейтенанта. Он никак не мог поверить, что по дороге на Верхний Акбаш, т.е. в нашем тылу, свободно разъезжают немцы, мосты оставлены им целыми и на дороге ни единой нашей души. Командир батареи был уверен, что дорога эта надежно прикрыта нашими стрелковыми батальонами.

По словам Вовченко, рядом с батареей возле дороги окопались два пулеметных расчета, левее еще какие-то части, но связи с ними нет. Что и говорить, обстановка невеселая. Лейтенанта особенно беспокоило направление, где находилась школа, по его словам здесь вообще никого не было. Ласточкин пообещал артиллеристу, что это направление временно прикроют его разведчики, т.е. мы, а как только появится связь, лейтенант даст нам знать.

Недалеко от школы, по обеим сторонам дороги действительно были огневые двух станковых пулеметов. Пулеметчики тоже жаловались, что патронов маловато, жрать нечего, но главное, не осталось совсем табака, а пушки сами разбираются. Мы, конеч-

но, поделились табаком и снабдили ребят хлебом. Пулеметчики были уверены, что наше появление это только начало и за нами непременно придут и пехота, и автоматчики, и даже их старшина с кухней.

Около школы мы устроили капитальный перекур, добились остатки сухого пайка и ждали, что скажет Ласточкин.

– Ну вот что, забодай вас комарь: Суменков, Данилов, ну и еще Курочкин с Гогаберидзе – все пойдете со мной. Нам нужно связь с соседями установить и понять, где противник. Медвинскому – расставить ребят в оборону здесь, возле школы, а вы, – Ласточкин обратился к лейтенанту Попову, – попрошу, возьми двоих разведчиков и быстро в роту. В Эльхотове доложите всю обстановку, не стесняйся. Расскажи про весь бардак, который мы видели. Потом нужно узнать, доставлен ли раненый в медсанроту. Проверь, как там старшина, мать его за ногу, чтобы ужин был готов часам к девяти вечера и еще передай, чтобы немедленно две повозки послал за нами, и пусть они ждут нас здесь, у дороги, при въезде в Дейское или в крайнем случае на северной окраине Ивановского. Если Анохин вернулся, без меня штабу о результатах не докладывать. Вот насчет санинструктора поговори, – что ж это за порядок, забодай их комарь, до сих пор у разведчиков санинструктора нет. Да, бабу в случае чего не бери – тут наши жеребцы взбесятся. Всем всё ясно?

– Ты, лейтенант, пошли в роту Данилова или Медвинского – они не хуже моего управятся. Я хотел бы сегодня в роте побыть, – запротестовал было Попов, но Ласточкин стоял на своём. Вообще-то он был прав. Попов, ко всему прочему, был ранен. Терпел лейтенант, но ведь всем было видно, что мучает его рана.

Политрук взял с собой Хорькова и еще одного молодого парня из салажат, и они все трое двинулись в обратный путь в направлении Плановского. Предстояло им проделать немалый путь, но Хорьков парень ушлый, какую-нибудь попутку он непременно поймает.

Когда ушел Попов и скрылся с глаз Ласточкин, меня послал Медвинский зачем-то осмотреть школу. Длинное одноэтажное здание с высокими окнами, открытое крыльцо без навеса, на выкрашенных охрой дверях амбарный замок. Вот первое препятствие. Ударил в дверь ногой, но она и открывается наружу, поэтому мои удары ровным счетом ни к чему не приводили. Увидев мою беспомощность, поднялся на ноги Бельтюков, выплюнул окурок и, не торопясь, подошел ко мне:

– Салага ты и Пауст! Чему тебя только учили? Смотри как надо!

Гришка взялся обеими руками за дверную ручку и, что было силы в его железных мышцах, резко рванул её на себя. Ручка двери отлетела, а Гришка, не удержавшись на ногах, скатился со ступенек крыльца. Бельтюков растирал ушибленное колено, а ребята держались за животы от смеха.

– Ух, трактор! Ух, ЧТЗ проклятый!

– Салаги чертовы, – проворчал Авдеев. Он встал, подошел к двери, осмотрел замок и петли, потом достал руками верх доски и рванул её на себя раз, другой, и заскрипели ржавые гвозди. Авдеев чисто по-медвежьему корежил дверь и доски не выдержали, он их выдрал от поперечных планок вместе с замочными петлями.

– А ты боялась! – ухмыльнулся Авдеев.

Глядя на нас, ребята покатывались со смеху. Мы трое, каждый по-своему, старались приложить свои знания и силы к тому, чтобы разломать дверь, а Медвинский под дружные взрывы хохота комментировал наши старания. Когда Авдееву удалось руками сломать дверь, смеялись буквально все. Почувствовав какой-то подвох, Гришка Авдеев смотрел на ребят, пытаясь понять, над чем они смеются. А Анатолий Медвинский показывал рукой на Авдеева и сквозь смех говорил:

– Долбяк, охламон бородатый... Ой, не могу больше... Нет, вы только посмотрите на него! Чертов ты медведь, тухес* надо иметь, – при этом Медвинский постучал себя по

* Тухес (пер. с иврита) – задница.

лбу костяшками пальцев. – Все окна настезь, стекла в рамах выбиты – иди, не хочу, а они, долбяки, стараются, они дверь ломают! Нет, вы посмотрите на них! Кого в разведку берут, а?!

И снова сплошной смех. Бельтюков хмыкнул и пробурчал:

– С этим Паустом только свяжись...

И опять взрыв хохота. А ведь действительно! Вот же окно, рамы распахнуты и без стекол. Я ухватился за подоконник, подтянулся и вот уже в школьном коридоре, а ребята заливаются еще пуще:

– Нет, все! Я пошел, ребята! Я не могу больше, – смеялся Медвинский. – Вы только посмотрите на этого салага. Это ж надо – сломать дверь, а потом лезть в окно!

Да, и впрямь нескладно вышло. Теперь они, гады, мне проходу не дадут.

Школьный коридор, напротив несколько дверей в классы. Ни одного целого стекла, ни одной неповрежденной рамы. На крыше школы, видно, взорвалась мина, разворотило взрывом железные листы, пробило потолок над коридором. На полу крошево обрушившейся штукатурки, битое стекло скрежещет под ногами. Классные двери не заперты, растворены настезь...

Сколько времени я не видел школьного класса! Мне нестерпимо захотелось немного посидеть за партой. Я уселся на светло-коричневую скамейку, на черный покатым столиком положил свой автомат. Вот так вот – автомат вместо учебников и тетрадей! Неожиданная точка в моём школьном образовании. На секунду мне показалось, что я в нашем 9-м «А» классе московской 584-й школы. Вот сейчас войдут мои одноклассники, вот сейчас, я и голоса их услышал – такой привычный и милый сердцу нестройный гам... Нет, не открылась дверь. Господи, сон какой-то! А что сон? То, что было или то, что есть? Как оказывается дорога, как мила эта древняя музыка далеких школьных дней! Даже горло сдавило что-то. Неужто всё бывшее утрачено теперь навсегда? Суждено ли увидеть кого-нибудь из моих старых школьных друзей? Почему я не догадывался, какими дорогими они могут быть все, все до единого! Конечно, в московской школе классы попросторнее, чем здесь, и света в них побольше, и парты в три ряда, а здесь в два. Здесь, в классной комнате, вдоль стены, напротив окон, шкафы со стеклянными дверцами. Стекла почти все треснутые или вообще выбиты, хрустели осколки под каблуками. В среднем шкафу я заметил чудом уцелевший и всеми забытый школьный гальванометр – деревянный ящик, за его стеклом большая белая шкала с яркими черными делениями, серебристая, с красным концом, длинная и легкая стрелка, красно-синий массивный магнит, никелированный сердечник и тонкий волосок пружинки – ну всё точно такое, как в кабинете физики в нашей школе. Гальванометр! Это был предел нашей мечты с Юркой Ковалевым – моим товарищем. Как нам хотелось иметь такой гальванометр – он нам был нужен просто дозарезу. Без него мы не могли поймать слабое движение электрического тока, которое должны были дать наши самодельные приборы. У нас с Юркой было общее хозяйство: электромоторчик, трансформатор, прорва катушек с проволокой, электродинамик и тот был, а вот гальванометра не было. А здесь вон он стоит – бесхозный и уже никому не нужный, всеми забытый и обреченный. Может быть, в следующую минуту разнесет его взрывом мины.

Я подошел к шкафу и потянул дверцу с треснувшим стеклом за жестяную штампованную ручку, дверца скрипнула и открылась. Взял я в руки гальванометр, а он тяжелый – еще бы, вон какой магнетище с литым сердечником...

Вдруг случилось что-то со мной. Вначале вроде бы машинально, безотчетно, толком не соображая, что и зачем я делаю, я поставил гальванометр на учительский стол, поддел финкой крышку, а потом, страшно торопясь, поминутно оглядываясь на классную дверь, стал снимать с доски сердцем прибора. Я вывинчивал финкой шурупы и винты, снял магнит с сердечником, обломил у основания тонкую и хрупкую стрелку, потом завернул магнит с сердечником в чистую запасную портянку и сунул это добро в веще-

шок. Всё это я проделал торопливо, воровски, пугаясь, что кто-нибудь из ребят сейчас войдет в класс и застанет меня за этим неблагоприятным и непонятным занятием... А вдруг сюда войдет учитель этой школы или даже ученик? Что я им скажу? Нелепо, стыдно – я понимал это, но... «Ну, а что? Что здесь такого?!» – кричал во мне какой-то голос. «Вот влезет сюда какой-нибудь фриц и ударит автоматной очередью по всем этим шкафам! Или просто выбросит всё это добро, как ненужный хлам, в яму»... «Может еще индукционную катушку взять? В ней прорва отличного провода самого нужного сечения! Да нет... Шут с нею. Таскать тяжело. А гальванометр – такого второго случая может и не быть во всей моей жизни!» Примерно такие мысли точили душу, и гальванометр оказался в моём вещмешке.

Закончив своё «черное» дело, я подошел к окну, выходящему в школьный огород. Вся рама покалечена, ни одного целого стекла. В огороде несколько свежих воронок. Взрывами искромсано всё, что было на том участке. Чуть в стороне высокий подсолнечник с черными тяжелыми лепешками семечек, кое-где молодые побеги сверкали золотыми цветами, словно солнечные искры.

В классную комнату заглянул Костя Кудряш:

– А, это ты здесь? Чего это ты здесь ломал? – Костя кивнул головой на растерзанный ящик гальванометра.

– Да так я.

– Ну, валяй! Только посматривай, что-то немцы там зашевелились. Слышишь, как долбать начали?

Кудряш вышел. Мины действительно рвались часто и где-то правее нас. У нас было относительно тихо, но Кудряш прав – зевать не следует. Пока я решил дозарядить диск. У меня в карманах были рассыпанные патроны. Ничего нет удобнее, сидеть за партой и заряжать автоматный диск! Едва я успел справиться с этой работой, как послышались всполошные голоса: «Воздух! Воздух!»

За окнами нарастал прерывистый гул бомбардировщиков. Ветер разогнал низкие дождевые тучи, но вначале я ничего не видел – мешали деревья, а потом на фоне облачности я увидел тройки юнкерсов. Их зловещие косяки шли сравнительно низко и прямо над нами. Машины проплывали над школой... вот если сейчас они сбросят бомбы, то они будут нашими, вон их сколько и всё выплывают из-за деревьев! Вот сейчас завизжат и... и никуда уже не убежишь.

Юнкерсы прошли мимо, но через какие-нибудь пару минут раздались глухие, тяжелые взрывы где-то за Дейским или на его южной окраине. Земля и воздух задрожали от той бомбежки. Потом всё смолкло. Обрато юнкерсы прошли стороной и мы их не видели.

Я ждал, что сейчас вернется Ласточкин с ребятами, и мы куда-нибудь уйдем, потому что в один день не может быть несколько таких испытаний, как там, на дороге, так мне вначале казалось.

Мины рвутся и слева, и справа от нас, частой дробью заговорили пулеметы. А они, эти проклятые мины, оказались легки на помине. Воздух разорвал пронзительный визг, и он внезапно оборвался сразу тремя оглушительными взрывами. Не успел смолкнуть стон осколков, а в небе снова визг и снова взрывы. Ударили немецкие пушки. Вой снаряда короткий, злой, резкий. Взрыв грохнул рядом со школой. Снаряды и мины начали рваться непрерывно. В воздухе повисла пыль и едкий толовый дым. Впереди, на окраине, всё грохочет от взрывов, что-то горит, грязно-синий дым стелится над поселком. Взрывы, взрывы... Они сливаются в один грохот, без конца тяжелые взрывы! Я встал в простенок между двумя окнами и чувствую, как дрожит школьное здание, позвякивают в школьном шкафу какие-то колбы, весь мир в сплошном грохоте. «А, чертов переполох! Вот ведь лупит, вот долбает, вот даёт жизни!» Наших ребят что-то не слышно. Может, они отошли, а я сижу здесь, как дурак, жду, когда меня миной накроет... Вновь близкий, оглу-

шительный взрыв. Зазвенели и рассыпались стёкла шкафа, на потолке закачалась на проводе мертвая электрическая лампочка, в окно рванулись пыль, дым. И еще взрыв, где-то здесь, рядом. Я бросился бежать вон из класса, потому что мне показалось будто в школе никого, кроме меня, уже нет. Заглянул в соседний класс там несколько человек, в том числе и Медвинский. Посмотрел на меня, будто впервые увидел, спросил:

– Ты чего?

– А вы чего? Словно вымерли все!

– А ты что, один?

– Один.

– Беляков, ступай с ним. Одному не годится.

Беляков сидел у окна, я его и не заметил сразу. В это мгновение снова взрыв. Рядом! Ребята пригнули головы, со стены брызнула известковая пыль.

– Во! Это уже про меня! – Медвинский потряс головой, видно уши заложило, и вдруг пропел:

*Друзья, скажите маме,
Что нет сильнее драмы,
Чем поп у пса свинину отымал.*

У дороги залились очередями станковые пулеметы, посыпались звонкие, короткие очереди автоматов.

– Браты, к бою! Патроны беречь. Давай к окнам!

Мы с Беляковым побежали в свой класс. На полу известковая пыль и крошки, парты в белой пыли – осколки крошат штукатурку. Беляков у одного окна, я у другого. Стоим на полу на одном колене, стволы автоматов на подоконнике. Снаряды и мины рвутся рядом, осколки гудят шмелями, стонут, около шкафов на полу битая лабораторная посуда, искалеченные приборы. Справа начинают хлестко, со звоном, стрелять наши сорокапятки. Я ничего не успел увидеть и сообразить, как изо всех окон ударили дружно наши автоматы. Мишка Беляков тоже стреляет, и по полу катятся медные стреляные гильзы.

– Ты какого хрена не стреляешь?! – кричит Мишка. Лицо у него злое, желваки ходят под кожей.

– Куда стрелять? – кричу ему в ответ.

Тот дал короткую очередь и снова кричит:

– Тебя сейчас фрицы за задницу возьмут, мать твою!

А я, правда, еще ничего не видел. Вот там, на дороге, я видел цель, я знал куда стрелять, а здесь?.. Сидеть с автоматом в руках перед окном и молчать, когда все стреляют, – неприлично! Я это понимал и слышал, как разгорается перестрелка. В звонкую скороговорку наших автоматов стали вплетаться более редкие и глуховатые очереди немецких автоматов. Я не видел цели, но чтобы не молчать, вlepил короткую очередь в тарелку подсолнуха – брызнули черные искры семечек, и отвалился белый мясистый кусок подсолнуховой тарелки. Вроде бы ничего, не мажу... Пули взвизгнули рядом, ударили в стену, зазвенело стекло в шкафу. Стреляли в нас откуда-то из-за низенькой ограды, что за школьным огородом. Следующей очередью я ударил уже туда. Мне показалось, что кто-то перебегает в саду, за той оградой, и я стал стрелять туда, по этим движущимся целям. В наш класс залетели какие-то солдаты с винтовками, видимо из стрелковой роты. Они смотрели в окна шальными глазами и один всё твердил:

– Жмут, гады. Транспортёрами жмут! Всю передовую минами измолотили...

– Какого хрена торчишь против окна? Жизнь надоела? – ругается Миша.

Солдаты по чьей-то команде убегают. Ружейно-пулеметная стрельба раскатывается всполошным звонким треском, она заметно перемещается на левом фланге. Похоже, что там сбили наших ребят с занятых позиций.

– Вперед! Полундра-а-а! Мать их в господа бога!!! – кричит Медвинский так, что его слышно во всей школе.

Разведчики прыгают из окон, выбегают из-за углов школы, прыгает Мишка Беляков и все бегут через огород к каменной низенькой ограде. Я тоже вскочил на подоконник и прыгнул из окна вниз, а окно оказалось неожиданно высоким. Я не удержался, упал под этим окном и в это мгновение – взрыв. Оглушительный, страшный взрыв, что-то невыносимо больно ударило по ушам, в глазах полыхнуло красное. В первое мгновение не мог понять, на каком я свете, а потом снова услышал крики и стрельбу... Еще взрыв – этот чуть подальше. Я поднялся и увидел на земле человека в маскхалате – наш разведчик. Ноги его согнуты, рукой держится за живот, а пальцы в крови. Другой разведчик лежит между каких-то грядок на спине, а над бровью у него дыра, струйка крови через весь лоб на висок. Ребята подбегают к изгороди, на ходу стреляют и кто-то кричит:

– Раненых! Раненых оттащите!

Сплошной автоматный треск. Я нагнулся было над раненым, а земля словно взорвалась от автоматной очереди, пули рядом подбрасывали землю и мелкие камешки. Пришлось растянуться за грядкой. Показалось, что автоматчик ударил слева из-за заборчика. Послал туда несколько очередей, потом схватил раненого в живот и поволок его за школу. Его ноги волочатся по земле, он кричит надрывно и хрипло. Здесь, за школой, разрезал финкой раненому маскхалат, брючный ремень и невольно отшатнулся: страшная рана – распорота, видно осколком, вся брюшина, кровь течет живыми пульсирующими ручейками, голубые кишки и кровь, кровь! Как его перевязывать? Разорвал прорезиненную ткань своего перевязочного пакета и пытаюсь обмотать его марлевым бинтом. «А-а-а!» – воет раненый, и крик у него какой-то нечеловеческий – сама смерть кричит! А я его и фамилии не запомнил, новый парень, это у него тоже первый бой был.

За школу забегает еще один в маскхалате – разведчик Айнулин. Он держится за левое плечо. Постоял секунду, опустив голову, и осел у кирпичного фундамента дома. Как умел, перевязал одного, положил его на землю, а он хрипит и дышит отрывисто, кадык у него дергается.

– Ранен, друг? – спрашиваю Айнулина.

– У-у!

Этот ранен в плечо. Входное отверстие чуть больше горошины, а у лопатки вывороченное мясо и кровь по спине полосой. Глаза сумасшедшие, остановившиеся, ничего не выдающие.

– У-у-ух!

Рвется из kloкочущего горла надсадный стон. Видно, боль у парня непереносимая. У него в кармане два перевязочных пакета, одним перевязываю ему плечо, а вторым думаю замотать еще живот первому раненому. Стрельба идет сумасшедшая. Из-за школы появляются наши ребята, какие-то пехотинцы с ними – все они пятились назад и беспрерывно стреляли, не обращая на меня никакого внимания, словно не замечая меня... Тогда я тоже закричал. Закричал не от страха, а от злости, от негодования. Мне показалось, что все они сейчас убегут, а я останусь один с двумя ранеными, которых я не могу защитить и не могу оставить. Я кричал, ругался:

– Стой! Стойте! Ребята, помогите! Стойте, мать вашу!

Ко мне подбежал Подосенов, откуда-то взялся Пашка Давыдов.

– Чего орешь?

– Драпаете, сволочи, а здесь раненые!

– Ванька! – кричит Давыдов. – Бери на себя Айнулина, а этого мы двое потащим!

– Ребята, прикройте! Огоньком прикройте! – кричит Подосенов.

Кто-то из ребят тащит, волочит по земле убитого. Подосенов ловко приподнял Айнулина, ухватил его за здоровую руку, взвалил на спину и побежал мелкими семенящими

шагами подальше от школы. Давыдов схватил тяжелораненого за ноги, а я за руки, мы тоже старались бежать, но я еле удерживал безжизненные, беспомощные руки, они выскальзывали у меня. Мои руки почему-то в крови и поэтому всё кажется очень скользким.

– Давай, тащи его боком! Боком тащи! – кричал Давыдов.

Взрыв мины, еще взрыв... Нужно скорее, скорее уйти из-под обстрела! Мы оба почти бежим. Впереди узкая улочка, каменный заборчик, перелезаем через него и перетаскиваем раненого. Скорее! Пули щелкали по камням, по сучьям. Кругом горит что-то, смрадный дым сносит туда, к передовой. Немецкие минометы били по школе, дым и пыль стояли над тем местом, от взрывов взлетали в воздух палки, камни, сорванные с крыши листы железа. Хорошо ушли вовремя! Еще бы минуты три и хорошо! Где же остальные ребята? Куда все подевались? Главное, подальше отсюда!

Мы шли садами, а параллельно проходила какая-то улочка. Там послышался натужный гул мотора и басовитая дудукающая очередь крупнокалиберного пулемета. Сквозь ветки деревьев и пелену дыма мы увидели бронетранспортер. Он шел медленно по улице и непрестанно хлестал тяжелыми пулеметными очередями. Нас, пробирающихся садами, немцы не видели.

– Давай за забор вправо! – кричу я полуоглохшему Давыдову и тот понял, быстро повернул вглубь сада.

Мы перелезли через несколько заборов из каменных плит, а в той стороне, где мы были, звонко бьют наши сорокопятаки, стреляют прямой наводкой: выстрел – взрыв, выстрел – взрыв. Замолчал, осёкся крупнокалиберный пулемет. В той стороне какие-то крики и еще взрывы, над деревьями поднимается столб угольно-черного дыма.

– Горит, сволочь! Горит! – торжествует Пашка.

– Пашенька, давай, давай, не останавливайся! Нам бы ребят поймать!

В это время весь мир наполнился тугим, прерывистым гулом многих моторов. В небе шли двухмоторные юнкерсы, шли, как и прежде, тройками. Их было много. Мы невольно остановились, положили раненого на землю и задрали головы. Пересчитать самолеты мешали деревья. Где-то захлопали одиночные винтовочные выстрелы – наша пехота пыталась защищаться от этой хищной стаи. Они были почти над нами, когда я заметил, как отделились от них маленькие черные точки и стремительно понеслись вниз. Бомбы! Конечно же, бомбы!

– Ложись! – закричал я Давыдову и плюхнулся сам под какую-то яблоню.

В это мгновение даже минометы и вся стрельба смолкли, всё замерло в напряженнейшем ожидании страшного удара. Весь мир распорол, придавил оглушительный свист падающих бомб. Всё сознание, вся жизнь сжалась в точку под этим адским визгом. Земля вздрогнула от тяжелого грохота, еще и еще. Всё вокруг обвалено загрохотало, земля задрожала, запрыгала, словно в припадке... Оглушающая, горячая, смертельная волна бомбовых взрывов накатывалась на нас, на то место, где мы лежали. Вот она! Вот сейчас!.. Взрыв и снова визг. Тяжелые удары рядом, и свет померк. От земли отрывает, земля подбрасывает... Взрывы гремели, кажется, бесконечно долго, больше самой жизни. В ушах всё звенело, грохотало... Вокруг чадный дым, пыль, пахнет взрывчаткой. В нашем садике поваленное дерево, срубленные осколками сучья и ветки, комья земли... Внезапно все смолкло. Давыдов хмурит брови, шевелит губами – ранен он что ли!

– Ты что, оглох? – наконец доносится до меня его крик.

Да я и вправду оглох – голос Давыдова слышу, словно сквозь подушку.

– Ты ранен? У тебя руки и морда в крови, – снова кричит Давыдов.

Я отрицательно мотаю головой. Тащим раненого. С трудом перелезаем через ограду, а дальше они все, эти ограды, разбиты и раскиданы. Горят дома, валяются срубленные взрывами деревья, глубокие воронки, комья земли, камни, тяжелый смрадный дым,

коричневый туман от оседающей пыли. Ноги дрожат, они стали вдруг непослушными, ватными, словно чужими.

Нам навстречу попадает группа солдат с автоматами, с винтовками, в касках. Они идут быстрым шагом в сторону школы и чего-то кричат. Я слышу крик, но не могу разобрать еще их слов. В той стороне, где школа сплошной дым.

– Давай отдохнем, – прошу я Давыдова, и он соглашается сразу, у самого сил больше нет.

Мы осторожно опускаем раненого на землю. Нести его на спине боимся – кишки у парня вывалются, ранение больно хреновое. Опустили его на землю, а у него голова безжизненно сваливается на бок, рот полуоткрыт, на белке глаза какая-то соринка, а глаз не моргает.

– Готов, – говорит Давыдов.

К нам через искореженный сад подходит Костя Кудряш. Он без пилотки; лицо серое от пыли, грязные струйки пота на лбу и висках, на щеке кровь. Подошел к нам, посмотрел на убитого, спросил:

– Готов?

– Готов, – Давыдов кивает головой.

– Помочь? – спрашивает Кудряш.

Давыдов отрицательно крутит головой, берет тело товарища на спину и мы шагаем туда, где должны быть остальные ребята. Понемногу мы начинаем соображать, и нас пугает догадка, что ребята попали в самую кашу бомбежки. В ушах всё звенит, но я начинаю слышать. Вскоре мы нашли остальных разведчиков, здесь уже были Ласточкин, Данилов. Ребята выскользнули из зоны бомбежки, но всё равно есть раненые и убитые.

Ласточкин посмотрел на нас и сказал:

– У, забодай вас комарь, где вас носит? Мы вас искать идем! Ладно, нашлись. Медвинский, организуй – нужно осмотреть раненых, поправить перевязку, там шины, кому нужно, остальным не расходиться, перекурить и подумать нужно.

У меня табак кончился, один диск пустой, во втором патронов штук пятнадцать – на одну хорошую очередь. Табаком угостил кто-то из ребят, а патроны у всех на исходе.

– Что будем делать-то? – спрашивает Суменков Ласточкина.

Ему можно так спросить командира, с ним считаются. Ласточкин затянулся дымом, подумал, глотнул воды из фляжки и ответил:

– Раненых эвакуировать в первую очередь. Нужно сборный пункт найти. Трое убитых и шестеро раненых – шутка что ль. Вон Данилов тоже!

Данилов сидит молча. Маскхалат у него на спине порван, лицо серое, на щеке кровь, он ничего не слышит, молчит, – контужен, видимо, серьезно. Вот он, мой первый бой, первый боевой день, он еще не закончился, но в нем уже произошло что-то трагическое, большое и значимое: сегодня погибли и покалечены мои товарищи, а сам я уцелел только по чистой случайности, да и не я один, многие так. Было ли страшно? Конечно же, было. Не один раз сжималось от страха сердце, но, слава богу, я не испытал одуряющего, панического ужаса и этим был уже доволен, это позволяло мне поставить себя еще на одну малую ступеньку повыше и, если повезет, я смогу когда-нибудь сравняться со своими опытными товарищами. В общем, сегодня досталось. Эти проклятые мины, да и бомбы, и пулеметы тоже – да всё дай бог, на пасху!

Противник продолжает перемешивать минами нашу передовую. Обстрел сильный, но не похоже, чтобы готовилась атака. Атаку отбили. Теперь просто злобствуют фашисты.

Эвакопункт для раненых располагался на окраине Дейского.

Раненых сдали медикам. Здесь же нашли лопаты, вырыли братскую могилу, положили на дно своих погибших товарищей, накрыли чьей-то плащ-палаткой. Сделали небольшой холмик, на куске фанеры написали их фамилии, инициалы и дату, когда они были убиты. Хотели написать, что они разведчики 60-й ОСБр, но Ласточкин не разрешил – на-

менование части, это военная тайна. За один день мы потеряли сразу десять человек, если так пойдет дальше, то при всей везучести, моя очередь не за горами. Мы были на окраине Дейского, у шоссе на дороге, которая шла на Плановское. Данилов отказался ехать в медсанроту, он остался с нами, а остальных раненых ребят довольно быстро погрузили на повозки и увезли в тыл. Сюда, к дороге, пришли и уцелевшие пулеметчики, всего один расчет, по словам бойцов, второй расчет разнес бронетранспортер вместе с пулеметом. Перестрелка в поселке вроде стала стихать, только пожаров прибавилось, над поселком висит дым, его сносит ветром на север. А время бежит... Вроде даже смеркаться стало. Из поселка выехала упряжка с сорокопяткой. Знакомый командир батареи лейтенант Вовченко без каски, без пилотки, голова перевязана почерневшим бинтом с бурыми пятнами крови, рука на перевязи. Увидев нас, коней придержали.

– Живой? – спросил Ласточкин.

Вовченко досадливо сморщился:

– Толку-то что! Две пушки потерял вместе с расчетами. Ни одного снаряда больше!

Лейтенант слегка заикался. Тоже схлопотал вроде нашего Данилова.

– Да-а, – понимающе протянул Ласточкин. – Куда ж теперь?

– В Плановское. Надо дивизион найти. Связи так и нет.

– Ты бронетранспортер-то спалил?

– Я их два спалил и один танк. Мы им тоже дали прикурить. А в вашей школе немцы.

Да, считай, половина Дейского уже у них. Завтра утром нас вышибут. Вот посмотришь, вышибут. Как без связи-то?

Артиллерист помолчал, а потом снова спросил:

– Что, разведка, оборону будете здесь держать или вместе пойдем?

– Двигай, лейтенант. Мы подождем малость.

– Ну, бывайте.

– Валяй. Счастливо тебе.

Артиллеристы уехали. А мы всё сидели на окраине, и мне показалось, что Ласточкин просто не знает, как поступить дальше. Он подошел к молчаливому Данилову, тронул его за плечо, спросил:

– Ну ты как, Данилыч, забодай тебя комарь?

Данилов поднял на Ласточкина голову и с трудом отвечает:

– П-п-по-орядок. Ж-жи-ивы б-б-будем н-не п-п-по-омрем.

– Ладно. Подождем еще малость. Старшина, паразит, куда-то пропал.

– П-по-ора. А-а т-то т-те-емно с-сов-всем.

Данилов отвечает невпопад – видно плохо слышит.

– Ты до Плановского дойдешь?

– Ч-что?

– До Плановского, говорю, дойдешь?

– Я-я д-до Б-берли-ина д-дойд-ду.

Ласточкин присел рядом с Даниловым, помог ему свернуть папиросу. Закурили. Бой заметно затих, а вот правее нас и где-то слева еще гремит. Так вот случилось, что из нашей многочисленной группы осталась половина. В общем, повоевали. Надо сказать, что там, на дороге у Верхнего Акбаша, у нас как-то складнее получилось. Суменков сидит и молчит, а Подосенов Иван, тот дергается:

– Чего сидим-то? Жрать до смерти охота. Надо навстречу старшине двигать.

Я с Подосеновым согласен. Без толку сидеть у дороги смешно. Раненых мы отправили, убитых похоронили, боеприпасы на исходе...

У командира роты Ласточкина были свои заботы, для него прошедшие события дня выглядели в ином свете: обстановку на этом участке мы примерно знаем, однако, мы потеряли половину группы убитыми и ранеными. Там, на дороге, мы упустили реальную

возможность выполнить основную задачу – взять «языка», а здесь, в Дейском, вообще всё перепуталось – командир роты оставил почему-то группу, а та ввязалась в бой. С кем воюет бригада, разведке неизвестно, а пехота в Верхнем Акбаше какие-то документы немцев отправила в штаб. Что по этому поводу скажет Натынов и командование бригады? Много неприятных мыслей было у Ласточкина, но и выхода он больше не видел – ребята вконец измотаны, связи со штабом нет...

– Подъем! Пошли понемногу, – вздохнув, сказал Ласточкин.

Уставшие ребята молча поднялись на ноги и неторопливо пошли по дороге к Плановскому. Нужно было прошагать километров девять. Над нашими головами уже не висела прямая угроза, прошла нервная взвинченность и теперь все почувствовали чугунную усталость. Мы шли нестройной группой по обочине широкой дороги, обсаженной по обеим сторонам деревьями. Нам навстречу тащились груженные повозки, кухни, шагали молчаливые солдаты. Дорога вся разбита, покалечена бомбежкой. Кругом воронки, поломанные деревья, сваленные телеграфные столбы, комья земли, камни, сучья деревьев, обрубленные осколками – здесь сама смерть оставила свой след.

Стало быстро темнеть. В небо полетели первые осветительные ракеты. Теперь эта иллюминация на всю ночь. Убийственно хочется спать. Сколько же прошло дней с тех пор, как мы вышли из Ольгинского? Действительно, сколько? Когда мы выгрузились из вагонов? Утром? Сегодня утром? Не может того быть! Это было очень давно, тогда еще не было войны!

Мы прошагали не менее трех километров, прежде чем повстречали ротные повозки. Дальше мы уже ехали по невыносимо тряской дороге, так что зубы стучали. Лошади шли рысью.

Поздней ночью мы были в роте. Ветер действительно разогнал тучи, в их разрывах появилась яркая луна. Группа Анохина еще не вернулась.

* * *

Разведрота бригады расположилась в довольно глубокой щели на склоне Сунженского хребта, километра в двух от Эльхотова. Старшина ухитрился привезти сюда несколько повозок кукурузной соломы, и ребята оборудовали себе подобие куропаточьих гнезд, каждое на два-три человека. Только командиру роты, политруку и командирам двух взводов поставили совсем маленькие шалаши из двух плащ-палаток каждый.

Мы расстелили с Мишкой Беляковым шинель под высокими кустами, положили в головы вещмешки, поужинали на скорую руку и завалились спать. Оба словно провалились в черную бездну. Спали как убитые после вчерашнего тяжелого дня.

Группа Анохина, которую посылали к черту на куличики – в Кескем и Индиево, вернулась утром. Ребята в одном только марше вымотались до самого крайнего предела, и то сказать, километров тридцать пять в один конец отмахали. Никакого «языка» они не притащили. Какой там «язык»! Дал бог, еще своего не оставили. Немцы жмут мотопехотой, наши части только появились, местность незнакомая, никакой подготовленной обороны нет, пушки и минометы поставили, не оборудовав даже простейших огневых позиций... Еле отбились. Группа Анохина тоже попала в переплет – один убитый и двое раненых. Раненые кое-как дошли, им сменили повязки уже в роте, а убитого похоронили там, на месте, на окраине Кескема.

Подъем сыграли рано. Утро еще только расцвечивалось своими красками, а уже все были на ногах. Каждому хотелось узнать, с чем столкнулись разведчики группы Анохина (их вчерашнее вполне могло оказаться сегодняшним для многих бойцов). Да еще, несмотря на раннее утро, по нашему оврагу растекался дьявольски вкусный запах чего-то мясного – тут уж невольно встанешь.

Вскоре и повар застучал половником по баку и закричал:

– А ну, бери ложки, бери хлеб! Живо!

«Бери ложки, бери хлеб, выходите на обед!» – эти солдатские слова, придуманы на сигнал горна «на обед». Разве здесь улежишь! Самый ленивый понимал, что в этом случае промедление смерти подобно. Мишка Беляков решительно сбросил с себя уютную шинель и побежал на кухню. Ходить на кухню это было Мишкиным делом. Ему удалось установить добрые, приятельские отношения с поваром, а это было серьезным преимуществом. Мне оставалось, по морскому закону, мыть котелки, и я мыл, тер их песком и полоскал водой.

Мишка ушел, а я принялся перетряхивать шинели, повесил их на сучки высокого кустарника, чтобы отвиселись, а то после ночевки у них вид такой, будто их теленок жевал. Я решил, что сейчас после завтрака и мытья котелков, немедленно дозаряжу диски, почищу и смажу автомат и займусь письмами, непременно займусь.

Я привел себя в порядок, нацепил поясной ремень и ... обомлел. В голову ударила горячей волною кровь: у меня исчезли обе гранаты – одна лимонка и другая – тротильный стаканчик. Они были привязаны на шнурках к поясному ремню, и вот... от лимонки остался один шнурок, а от тротильного стаканчика РГ-42 остался один взрыватель на шнурке, а самой гранаты не было. Я хорошо помнил, что когда мы сидели на окраине Дейского, я полез за кисетом и мне еще мешались эти гранаты, они были же тогда на этом самом ремне... Я обшарил всё кругом, развязал зачем-то вещмешок, хотя знал, что их там нет, и вообще гранаты в вещмешке не носят ... Случилось, как я представлял себе, самое страшное, что могло случиться с бойцом Красной Армии – потеря боевого оружия во время боевых действий... Мне сразу вспомнилось строгое выражение лица капитана третьего ранга, начальника Военно-морской школы боевой подготовки Москвы Цветкова. Он умел придавать особое многозначительное звучание своему голосу, когда вдалбливал в наши головы основные положения Устава. Тогда он говорил нам, что «утеря или утрата боевого оружия, личного оружия бойца Красной Армии, расценивается как передача этого оружия врагу, как предательство и измена Родине со всеми вытекающими последствиями»...

«Предательство»... «Измена Родине»... «Вытекающие последствия». Последствие в этом случае может быть только одно – это, бесспорно, «ЧП» и сегодня же мне предстоит объяснение с Особым Отделом бригады. Надо же, чтобы случилось это самое страшное и дурацкое именно со мной! «Вот тебе и первый бой!» «Обрадовался, дурак, салага, что не испытывал в бою животного ужаса перед врагом!» Что же теперь будет? Неужто я действительно раззява и предатель?!

Какая-то внезапная слабость заставила меня сесть на землю, что-то засосало под ложечкой. Я еще шарил в соломе, вокруг нашего лежбища, хотя знал, был уверен, что потерял гранаты, когда мы ехали на повозке вчера вечером... «Вот сейчас ребята нашей роты первыми произнесут свой приговор. Скажут: недотёпа ты, Пауст, вечно с тобой что-нибудь случается. А может быть, еще жалеть будут, ведь каждый поймет, что меня может ожидать, скажут – «как же это ты, а?» А это совсем не легче, это, пожалуй, еще хуже!

В это время я увидел, что от кухни идет Мишка Беляков. Он нес котелок и чему-то улыбался. Тоже нашел время для улыбок! Беляков поставил котелок на траву, пристроил на вещмешок краюху хлеба и достал из кармана складную немецкую ложку с вилкой.

– Жора, рубай компот – он жирный! – обратился Мишка ко мне с какой-то одесской присказкой. Он уселся около котелка с желтой кукурузной кашей, из которой торчали большие куски варёной свинины, подцепил ложкой кусок побольше и вцепился в него зубами.

– Давай, начинай, чего ждешь-то?

А мне было совсем не до каши. Есть я просто не мог.

– Ты что? Случилось чего? Ты что, как пыльным мешком ударенный? Письмо что ль нехорошее получил?

Мишка перестал есть и вопросительно смотрел на меня, ожидая объяснения такого непонятого и несуразного, с его точки зрения, поведения.

А у меня неслись в голове сумасшедшие мысли: «Нужно молчать, никому ни слова. Может быть, что и придумаю, может, как-нибудь всё образуется». А Мишка ждал ответа. И я решил Мишке рассказать. Я ему верил, он не выдаст, не побежит сейчас вот докладывать командиру роты, а может, что и посоветует. И я решил:

– Знаешь, Миш, беда у меня. Только пока никому, хорошо?

– Ладно. Что случилось-то?

– Оружие я потерял.

Мишка удивленно посмотрел на меня и спросил:

– То есть как потерял? Какое оружие?

– Гранаты. Не заметил как. Только сейчас вот и хватился. Наверное, когда на повозке ехали...

– Я что-то тебя ни хрена не пойму. Какие гранаты?! Ты что, серьезно?

– Да не кричи ты, как дурак! Я ж просил пока никому.

– А ты не валяй дурака и говори толком.

– Чего непонятого! Гранаты нам выдавали?

– Ну, выдавали.

– Вот их-то я вчера и потерял, когда в роту ехали. У лимонки шнурок развязался, а другая вывернулась наверное.

– Ну и что?

– Ты что, не знаешь что ль, что утеря оружия во время боевых действий...

– А-а, вон оно что! Ты, значит это всерьез.

– А ты как думал? Знаешь, что в Уставе-то по этому случаю написано? А ты тут с кашей! Миш, только пока не трепани никому. Может, я что и придумаю, а?

Мишка помолчал, доел кусок свинины, подумал, посмотрел на меня как-то косо и протянул:

– Да, действительно! Как же ты теперь, а? Это, брат, серьезно, это «ЧП» – ты прав. А ну, сиди здесь и ни шагу не смей ступить! Понял?

– А ты что?

– Не твоего ума дело. Твое дело телячье – жди, когда вытрут!

Мишка положил на край котелка ложку, поднялся и неторопливо пошел к повозкам, к ротному скарбу, сложенному под кустами.

«Всё! Неужто доложит? Пошел-то в ту сторону... Не может быть! Такие, как Мишка доносчиками не бывают»...

Вскоре Мишка появился из-за кустов. Он тащил тяжелый ящик с веревочными ручками и шел прямо ко мне. Подошел, поставил ящик на землю, открыл крышку и самодовольно произнес:

– Вот решил выручить тебя. Так уж и быть. Пользуйся моей добротой. Обвешайся теперь ими, как дурак, и ходи. Может, поумнеешь!

В ящике лежали гранаты – лимонки без запалов, а в специальном отделении этого ящика в коричневой промасленной бумаге были взрыватели.

– Ты откуда взял?

– Хватит с тебя? Или еще притащить, пока я добрый?

Я не знал, что сказать. Я был удивлен, ошарашен, несказанно обрадован и начинал познавать бездну собственной глупости. Я лепетал что-то бессвязное, а Мишка сел снова около котелка с кашей и вдруг расхохотался:

– Ладно, уж! Хрен с тобой, никому не расскажу, а то Бельтюков узнает, так он тебе, Хавасту, проходу не даст. Ешь кашу, остыла ведь. Вечно я с тобой мучаюсь!

Да, этот давящий страх позора, страх перед грозным наказанием прошли, я неестественно громко смеялся над собой и над собственным испугом, смеялся от радости, что есть у меня такой друг, как Мишка Беляков, матрос береговой обороны, смеялся потому, что в роте много таких ребят, как Мишка... Вместе с тем на душе осталась какая-то неосознанная горечь от сознания, что долгое, очень долгое время забивали мне голову пустыми, никчемными «истинами». Глупцы и пустомели писали уставные благоглупости, писали люди, которые и представить себе не могли современную боевую обстановку, которые не способны были понять то, что повседневно и ежечасно происходит на поле боя.

После завтрака, я дозарядил диски, отволол обратно тяжелый ящик с гранатами, оставив себе две лимонки. Рядом с повозками, возле своей палатки увидел лежащего на траве младшего лейтенанта Данилова. Спросил его, не нужно ли чего? Данилов посмотрел на меня и только теперь я заметил, что у него очень большие, тёмные и какие-то грустные глаза, он мотнул головой и, заикаясь, ответил:

– Сп-па-асибо. Н-нич-чего не н-на-адо!

В госпиталь бы ему, а он не едет. Говорят, что это у него не первая контузия. Может быть, поэтому он такой нервный, горячий, но в принципе он парень добрый и неглупый.

Начальство всё куда-то разъехалось, ребята сидели вокруг костра и «травили баланду», многие просто спали. А я уговорил Мишку Белякова сходить в разведку вверх по нашему оврагу, посмотреть, что там такое. Мы шли по руслу высохшего ручья и вскоре попали в кизилловые заросли. Конечно, мы еще не знали, что это за кусты с мягкими бледно-зелеными листьями и сплошь облепленные красными продолговатыми ягодами. Попробовали – ягода кислая, но приятная. Очень много было осыпавшихся ягод, они усеяли всю землю под кустами, были более темными, как спелая вишня. Они были особенно хороши и совсем не кислые. Где-то на этикетке конфет я видел нарисованную похожую ягоду – барбарисом называлась, но Мишка упорно называл её кишмишем. Наелись ягод досыта, набрали по полной пилотке и вернулись в роту ребят угощать.

В ягодах нам помог разобраться опытный в этих вопросах парень – Гогаберидзе. Он посмотрел на ягоды, понимающе улыбнулся и безапелляционно произнес:

– Слушай, какой тебе кишмиш! Не знаешь – не говори. Это обыкновенный кизил.

Вот даёт! Кизил для него обыкновенный! Да я его сроду не видел, не пробовал, он мне и не снился, а для него «обыкновенный»! Вот буржуй!

В нашем овраге было на удивление спокойно. Грозный грохот войны долетал до нас как гром далекой грозы, в общем, живи, отдыхай и поправляйся. Многие уселись писать письма. И я тоже написал письма в Москву, двум своим тёткам, и еще одно на работу, на последнюю свою работу, здесь я не пожалел красок для описания патриотических чувств всех бойцов нашей роты, о том, что мы полны решимости разгромить ненавистного врага и, конечно, после своей полевой почты каллиграфически вывел: «отдельная разведрота», по-моему, это звучало почти как «отдельная истребительная авиаэскадрилья». Политрук предупреждал нас, что в письмах мы не имеем права писать о месте своего нахождения, о том, когда и в каких боях мы участвовали, нельзя называть фамилии и звания своих командиров и начальников и т.д. Можно было сколько угодно писать о сердечных муках, о любви и дружбе, о семейных заботах и неограниченно можно было писать о патриотизме. Письма складывались треугольничком, на котором указывался адрес получателя и обратный адрес. Те письма, которые получали мы, обязательно имели штамп: «проверено военной цензурой». Ответов на свои письма я пока не получал. Видно почта не торопилась или не могла спешить по какой-то причине. Да что там почту винить! С самых первых чисел августа у меня сменилось за месяц с небольшим столько адресов, что некоторые я вообще и не знал: Московский, Ярославский флотские экипажи, сколько времени катил в эшелоне из Ярославля в Астрахань и еще месяца не прошло, как обрел я постоянную полевую почту и то надолго ли? А как идут к нам эти письма? Ведь сухопутной дороги к нам нет. Через Сальские степи к Астрахани, говорят,

не перейдешь, там песок один, от колодца до колодца десятки километров. Фашисты на что народ настырный и те туда не лезут. Подохнешь там без воды, и все танки и автомашины их встанут, и солдаты подохнут. Там, если воевать, то только на верблюдах.

Мы не успели еще проголодаться, а повар начал кормить нас обедом. Красно-коричневый густой борщ необыкновенной жирности, на второе снова каша кукурузная со свиной варёной. Наш старшина не растерялся и где-то добыл пару больших свиной. Поэтому нас кормили «на убой», как выразился Тазиев. Многие запасливые ребята брали котелок борща на ужин, в таком котелке к ужину застывал жир и тогда котелок можно было опрокидывать – слои застывшего жира на три пальца не позволяли выливаться борщу. После обеда, пользуясь тем, что Ласточкин где-то пропал, многие решили вздремнуть. «О, если б навеки так было!» – пел когда-то Шаляпин. Дремлешь и слышишь дальний гром, и он действует как-то усыпляющее, хрустально чистый горный воздух, сытный обед, родниковая вода...

Наше «сачкование» было пресечено самым решительным образом. В овраг бурей влетели два всадника – Натынов и Ласточкин. Оба спрыгнули с разгоряченных коней, бросили поводки подбежавшим ездовым, а сами, разминая ноги, направились прямо к костру, где сидела группа разведчиков. Из своего шалаша вылез наш политрук Попов, отряхнул обмундирование от налипшей соломы и, будучи старшим по команде, деловито доложил Натынову, что разведчики после обеда отдыхают и чистят оружие. У начальника разведки презрительно скривились губы, а Ласточкин даже плечами передернул, как будто ему на спину холодной водой плеснули.

– Ну, ты даешь, лейтенант, – процедил Натынов, обращаясь не столько к Попову, сколько к командиру роты, стоявшему рядом. – Бригада бой ведёт, батальоны от атак отбиваются, потери несут, а они откушали и отдыхать изволят! И это разведота называется! Ну и порядочки у тебя в роте, лейтенант! Не ожидал. Ну, никак не ожидал. Отдыхать изволят, а! На курорт они приехали. А ну, построить роту!

Ласточкин не просто скомандовал, он просто завопил:

– Рота, становись!

Мы похватили автоматы и в мгновение построились.

– Направо равняйся! Смирно!

– Товарищ старший лейтенант, рота отдыхала после выполнения боевого задания и сейчас...

– Вольно.

Натынов досадливо махнул рукой и пресёк попытку Ласточкина поправить впечатление от неудачного доклада Попова.

– Вольно! – повторил тот команду Натынова.

Натынов смотрел на нас раздраженно и зло. А мы стояли в строю, готовые к выполнению любой команды, чувствовали себя под этим презрительным взглядом Натынова, как нашкодившие мальчишки. Натынов помолчал немного и продолжил свою разносную речь:

– Значит, отдыхали? Загораем, спим после обеда... Значит, пусть дядя воюет, а вы придуриваться будете. Хватит! Я этого больше терпеть не буду! Вчера поставленную задачу вы не выполнили. Это не рота, а сборище разгильдяев и трусов! Бегаете от немцев, как зайцы от легавой собаки. Кто так воюет?! Вы зачем в маскхалаты вырядились? Зачем вам автоматы выдали? Позор! Предупреждаю: цацкаться я с вами не буду. Командир роты! Отобрать человек десять и направить в Верхний Акбаш. Задача – взять языка. Вторую группу, человек пятнадцать, направить в район Нижнего Курпа. Действовать совместно со стрелковым батальоном и взять языка в районе Нижнего Курпа. Языка немедленно доставить в штаб. Если вы и на этот раз думаете воевать так же как вчера, то сюда, в роту, не возвращайтесь. Здесь, в таком случае, делать вам больше нечего! Всем понятно?

– Понятно, – за всех ответил Ласточкин.

Строй распустили. Натынов ускакал в Эльхотово, а мы были в какой-то ошарашенной растерянности, Я еще не мог дать оценки вчерашнему дню, но все-таки был бой, мы понесли потери и нанесли урон врагу. Зачем же называть нас трусами – это самое тяжелое обвинение для солдата. Да, мы не знали обстановки, местности, но это был первый поиск и первая встреча с врагом лицом к лицу, по крайней мере, для меня. А как на всё это смотрят другие опытные ребята, для которых бой это уже знакомое дело?

Суменков сплюнул, махнул рукой и сказал:

– А хрен с ним! Дальше пехоты всё равно не пошлют. Тоже мне, напугал бабу!..

А вот Гриша Бельтюков, этот раскипятился не в меру:

– Это я трус? Я?! Да я в Севастополе немцев руками душил, да он, гад, и не видел того, чего я насмотрелся. Да пошел он к матери! Это он мне такое, а!

Действительно, негодование Бельтюкова было понятно всем. У него, у единственного в роте, был орден, да какой орден! Орден боевого Красного Знамени. Ох, как тяжело, как непросто доставались рядовым солдатам и матросам такие ордена в 1941-м году! У Гришки от обиды, от перенесенного незаслуженного оскорбления даже глаза засверкали. Бурчал в бороду Гриша Авдеев:

– Сказал бы хоть одному мне, ну дал бы в морду... А то всей роте в душу плюнул.

Вася Боев, комсорг роты, молчал. Сидел у потухающего костра, исходящего тонкой струйкой синего дыма, смотрел в одну точку и молчал. Ласточкин с Поповым залезли в одну палатку и о чем-то тихо спорили. Не унывал особенно Хорьков. Он стоял возле троих разведчиков и говорил громко, чтобы слышали его все:

– А какого хрена сидеть и бурчать по углам, будто им жрать не дали! А мне черт с ним! Пусть треплет, я еще и не то слышал. Я без него перебыюсь, а вот он без роты, да кому он будет нужен!

На сей раз, видимо, прав Хорьков.

Наш ротный связной и он же почтальон вместе с пачкой писем принес в роту новые тревожные сведения. По всем дорогам с севера идут беженцы, гонят табуны лошадей, стада, отары; скотина орет непоеная, недоеная, некормленная, плачут малые ребятишки, а навстречу им идет артиллерия, стрелковые части, автомашины, а кругом воронки, убитые лошади и коровы со вздутыми туловищами, смрад стоит страшный – это дурной признак.

Повар разрубил на куски почти целую свиную тушу и варил её в котле по приказанию Ласточкина. Тоже неспроста.

Перед ужином Попов собрал роту на политбеседу. Разведчики сидели, надувшись, они тоже не могли Попову простить его нескладный доклад: «отдыхают после обеда» – нашел, как доложить, голова садовая! Попов зачитал сводку Совинформбюро, рассказал, что тяжелые бои идут под Сталинградом, где бой идет за каждый дом. Здесь, на Кавказе, особенно тяжелые бои под Туапсе и под Малгобеком. Не упустил возможности отругать нас за то, что вчера мы не взяли «языка».

– Ну, у кого будут вопросы? – спросил Попов.

– У меня.

Суменков встал.

– Я вот что хотел сказать. Для выполнения главной задачи нам нужно две вещи: знание обстановки и время. И не надо нас называть трусами. Вчера, товарищ лейтенант, вы были вместе с нами, скажите, кто из нас трус? Вчера был бы «язык», если бы нам не пришлось ходить по незнакомым дорогам неведь зачем. Доверьте нам лист топокарты, чтобы мы хоть местность себе представить могли, а как взять языка – мы сами сообразим. Про это в уставах не пишут, здесь всегда всё по-разному. И потом: зачем нас пугать? Не нужен я в разведке, так переведите меня по-хорошему в любую другую часть, мне от этого хуже не будет..

Потом говорил Ласточкин:

– А вы думали как! – почти кричал командир роты. – Здесь фронт, здесь воюют, а не только кашу едят, забодай вас комарь! А они обиделись. Тоже мне! Девушки нашлись! Сегодня в бой пойдём. Задача прежняя – обстановка и «язык». Одну группу в Верхний Акбаш сам поведу. Вторую, человек пятнадцать не меньше, поведет Анохин в Нижний Курп. Обстановка там пока неясная. Туда выдвигается второй батальон Марёнова, связи с ним пока нет еще. Действовать в тесном взаимодействии с батальоном. Специальную записку об этом получите у меня. Сейчас подготовить оружие, взять побольше боеприпасов, на сутки получите сухой паёк. Всё! Анохин, ко мне в палатку, остальным приготовить оружие. Разойдись!

Группе Анохина выделялись даже транспортные средства, учитывая, что до Нижнего Курпа никак не менее двадцати километров. Транспортными средствами у нас были две пароконных повозки.

Данилова решили оставить на сей раз в покое. Пусть малость отлежится парень. Стукнуло его изрядно, нужно время, чтобы прийти в норму.

Я попал в группу Анохина вместе с Авдеевым, Суменковым, Медвинским, Бельтюковым, Тазиевым, Федькой Фроловым... Группа собралась сильная. А вот Мишка Беляков угодил в группу Васьки Боева, Бергалиева, Дубинина и других опытных ребят, которыми будет командовать сам Ласточкин.

Нашей группе приказано поторапливаться – дорога дальняя. В качестве сухого пайка получили по большому куску варёной свинины, хлеб, соль; завернули всё это добро сначала в листья лопуха, которого в нашем овраге были заросли, потом уже в чистую портянку. Ребята предчувствовали, что ожидает нас непростое задание. Разговоров было мало, все были заняты делом. Помимо двух автоматных дисков насыпали патронов в карманы брюк и в вещмешки. Когда укладывались, я хотел как-то незаметно вытащить и спрятать магнит от гальванометра, но всё время кто-то рядом крутился, заметят ребята, смеяться будут, просто забросить жалко – гальванометр всё-таки. Так и оставил его в мешке.

Все мы уже были готовы и к походу, и к бою. В ожидании команды сидели двумя группами около погасшего костра. Наконец, появился Ласточкин. Скомандовал:

– Анохин, построить группу.

– Группа, становись! Направо равняйся! Смирно! Товарищ лейтенант, разведгруппа по вашему приказанию построена.

– Вольно.

– Вольно! – повторил Анохин.

Ласточкин обошел группу, придирчиво осмотрел экипировку каждого. Поинтересовался, нет ли у кого жалоб на здоровье, обувь, не потерты ли ноги. Не услышав ни одной жалобы, отступил от строя на пару шагов и сказал громко, чтобы слышали все, кто в то время находился не только в строю, но и просто поблизости:

– Действовать решительно, с разумом и быстро. Чтоб одна нога здесь, другая – там! Свои действия скоординировать с действиями всего батальона. Марёнов на этот счет указания получит. Вернетесь – не обижу. Старшина! К их возвращению припаси и выдай каждому по 200 грамм вина, забодай их комарь. Всё понятно?

– Понятно, товарищ лейтенант, – за всех ответил Анохин.

– Тогда по машинам, едрена вошь!

Машин, конечно, никаких не было. Нас ожидали две пароконных обозных повозки.

От расположения роты до Нижнего Курпа было далеко. Телефона в роте не было, поэтому связаться со вторым батальоном бригады, который должен был в этом районе занимать оборону, было совершенно невозможно. Обстановки не только на этот час, но и на этот день мы не представляли. Видно, такова судьба разведчика. Что здесь поделаешь? Если бы начальству было всё ясно, тогда и разведка бы не потребовалась.

Я ехал на первой повозке вместе с Суменковым, Анохиным, Фроловым – компания самая подходящая. Мне в этом отношении просто везло. Наш ездовый – добродушный

татарин Садыков, у которого страстная любовь к лошадям осталась еще от его прапрадедов-кочевников – чмокал губами, пошевеливал вожжами, и лошади шли рысью по забытому богом просёлку.

Наша Одиссея началась. Не исключено, что кто-то в этом поиске будет убит, кто-то ранен, а я и писем не успел получить. Давно читал, что обычно письма пишут перед боем, но перед боем как-то и времени не находилось. Мне казалось, что в бою я уже бывал. Теперь вот поиск. Что такое поиск разведчиков? Что-то романтически опасное, рискованное или снова придется с пехотой в бой? На войне, на передовой, не бывает легко, везде тебя караулит опасность, это я уже успел понять.

Лошади шли рысью, повозку трясло так, что при разговоре голос вибрировал и самокрутку свернуть было невозможно. А Садыков всё погонял, поторапливал послушных лошадей.

Справа от нас тянулись горы со склонами, поросшими лесом, слева – равнина, перечеркнутая струнами степных дорог и посадок. Бескрайние поля помидоров, осыпающегося и склонившего тяжелые головы подсолнуха, неубранной кукурузы – всё было безлюдным, брошенным, пропадало добро! Опалила война своим смертоносным дыханием это благодатное место. Километров в семи от нашей роты повстречалась нам отара овец. Большая отара. Гнали её куда-то два седобородых пастуха в лохматых шапках и горских бурках и мальчик-подпасок лет двенадцати. Две тощие серые овчарки охраняли отару. Овцы запрудили дорогу, и Садыков остановил лошадей, ожидал, когда пройдет отара. Старики что-то гортанно кричали, подгоняли отару длинными палками, похожими чем-то на посох папы римского.

Самым языкастым и прилипчивым, как репей, был у нас Федька Фролов – среднего роста, худощавый, скуластый парень лет двадцати пяти. Он не мог пропустить стариков так просто, не вступив с ними в переговоры.

– Салям Алейкум, деды! – закричал Федька.

Старики остановились, и самый старый из них подошел к нашей повозке, остальные продолжали подгонять отару.

– Ассолом Алекум, – ответил подошедший. Он вытащил из кармана штанов серую тряпицу и вытер со своего лица пыль и пот.

– Издалёка идете? – поинтересовался Федька.

– Далеко. Степ идём.

– А чего сюда отару гоните? Здесь война!

Старик отвечал с сильным акцентом, но было понятно:

– Наш прысыдатыл говорил, горами ыды, а здесь кургом война.

– Ты, отец, не ходи вдоль гор. От Илларионовки через горы гони. Здесь наживешь беды, голову вместе с отарой потеряешь. Иди на Заманкул, но и к Малгобеку не ходи – там бой идет. Через Эммаус на Брут гони, к станице Ольгинской идите. Там тихо пока, – вмешался в разговор Анохин.

– Спасибо. Всо поныл. Спасибо тэбэ, солдат. Ты хороший чыловек.

– Через Нижний Курп отару гнал?

– Нэт, дорогой, Ныжны Курп, Верхны Курп вызде немец ест, вызде стрыляют. Стороной утром еще прошлы. Сычас тыхо. Утром сильно стрылял.

– Ты не путаешь, отец? Какой немец может быть в Верхнем Курпе?

– Может, может, сын мой. Наш рускы солдат в балке сыдыт, а в Курпе и на горах нэмыц.

Анохин замолчал в недоумении, подумал, а потом снова сказал:

– Давай, дед, иди через горы. К Эльхотову не ходи – разбомбят вас вместе с отарой.

Отара освободила дорогу для проезда, и пастухи остановили её на лугу, усталые овчарки легли возле овец и высунули длинные языки. Второй пастух и мальчик стояли поодаль и не приближались к нашей повозке, видимо, стеснялись вступать в разговор тогда,

когда вел беседу их старший. Молодцы горцы, умеют они уважать старость! По-моему, это их национальная черта характера, не грешно её перенять всем народам Союза.

Тут бы нам и разойтись по своим дорогам, но Федьку Фролова снова бес за язык потянул:

– Слушай, отец, продай барана.

– Продай, говоришь? Зачем продай! Зачем деньга давай! Бери так. Сколько хочешь бэры. Толко бумага дай, что Красный Армию взяла. Все бэры!

Старик смотрел на нас строго, без улыбки и не похоже было на то, что он шутит. Пожалуй и правда, что за любую сомнительную расписку он был готов отдать хоть всю отару. Обе стороны понимали, что здесь прифронтовая полоса и здесь уже не действуют общепонятные человеческие законы: мы могли взять одного или нескольких баранов, могли дать, а могли и не давать никаких расписок – все можно было списать на войну, на внезапный минометный огонь или налет авиации. За дни, проведенные в пути с отарой, старики понимали это, поэтому были серьезны их лица...

Мне почему-то стало стыдно, и ребята молчали, никто не поддержал Фролова. Стыдно от сознания незащитности этих пастухов, было как-то неловко перед ними, прошагавшими может быть более сотни километров с этой отарой. Рискую своей головой, они спасали отару, берегли колхозное добро, это по нашей прямой вине они снялись с привычного места, оставили свои дома и бредут невесть куда... Федька Фролов так просто, шутя, ляпнул, не нужен нам никакой баран, мы со свининой не знаем, что делать. А старик смотрел на Фролова, не принимая его слова за шутку. Стараясь смягчить обидную нелепость вопроса, Фролов неловко помялся, а потом сказал:

– Спасибо, отец! Пошутил я. Думал, что пожалеешь, не дашь, А ты вон оно как...

– Почему так говоришь? Мой народ не жадный, и я не жадный. Нада кушат – беры, кушай. Сила будыт. С немцем воеват будыш. Тогда я с отарой домой пойду.

– Ладно, старик. Вот кончится война, тогда приду в гости.

– Правильно говоришь. Прогонишь немца – приходи. Дорогим гостем будыш. Прогонишь немца – сам барашка резат будым, шашлык делат будым и вино найдом. Прогони немца. Поныл, да?

Федька Фролов аж крякнул, поёжился от дедовых слов. Вроде и вежливо и уважительно, а вот заноза где-то воткнулась.

– Спасибо на добром слове, отец. Смотри, будь сейчас осторожен. А насчет немцев не сомневайся – турнём мы их скоро, – сказал Анохин и подтолкнул в спину Садыкова. Тот шевельнул вожжами. Повозки тронулись, а старики и мальчик всё стояли и смотрели нам вслед.

– Ну и как баранинка? – ядовито спросил Суменков у Фролова.

– А! – Фролов досадливо махнул рукой и стал сосредоточенно крутить сигарку.

Табак от тряски сыпался с листочка бумаги, и Федька злобно матерился, ругал, на чем свет стоит, войну, Гитлера, божью мать и командование нашей Краснознаменной бригады.

Ехали долго, начинало смеркаться, по равнине пополз седой туман, на фоне закатного неба четко отрисовывались крутые горбы ближних гор. Темнело быстро. Впереди взвились в небо первые осветительные ракеты, завязалась ленивая ружейно-пулеметная перестрелка. По нашим прикидкам, до Нижнего Курпа было еще далеко, а тут, на тебе, стреляют рядом. Выходит, что тот старик-пастух прав: обстановка в этом районе изменилась самым решительным образом. Осторожный Садыков стал придерживать лошадей, и те пошли неторопливым шагом. По словам Анохина, примерно в полутора километрах от нас должна быть широкая балка, за ней Верхний Курп и за ним, километрах в пяти, Нижний Курп. По той ориентировке, которую мы получили от Натынова, наши части должны были обороняться именно там, а тут вдруг вот она, пулеметная перестрелка и ракеты летят!

Из зарослей и кустарника появились трое бойцов. Один из них вышел на дорогу и поднял руку – сигнал «стоп» на солдатском языке. Обе повозки остановились. Стоявший на дороге солдат, не приближаясь к нам, спросил пропуск.

– Мушка, – назвал пропуск Анохин и спрыгнул с повозки.

– Мурманск, – ответил «отзывом» боец и тут же любопытствовал:

– Кто такие?

– Ишь любопытный. Свои. Где начальство?

– Бельметдинов, проводи, – скомандовал боец. Он, очевидно, был старшим. Невысокий боец повесил винтовку на плечо и предложил следовать за ним. Анохин взял с собой Суменкова и оба они ушли по чуть различимой тропинке. Разведчики соскочили с повозок и устроились под кустами возле дороги. Ездовые завели повозки в кусты «от греха». Солдаты, охранявшие дорогу, попросили угостить их табаком, устроились вместе с нами и с удовольствием закурили.

– Что здесь происходит? – спросил Медвинский.

– Как что? Война происходит. А вы кто такие?

– Разведчики мы.

– А-а. Так какого дьявола вы к немцам едете?

– А вы сами-то здесь давно?

– Вы вообще-то поворачивайте оглобли – дальше дороги нету! – затягиваясь дымом, говорил небритый солдат. – Здесь уже с утра на повозках не ездят. В Верхнем Курпе немцы.

– Как немцы?

– А так вот и немцы. Днём еще они дали нам зигу так, что еле ноги из балки унесли. Они Курп захватили и на той вон высоте тоже они. Им, гадам, оттуда ну прямо всё видеть. Утром-то здесь еще были кто-то не из нашей бригады, так фрицы её всю раздолбали и нас умыли. Народу побили – страсть.

Незнакомый боец прищурился от едкого табачного дыма, замолчал.

– Дела-а! – протянул Тазиев. – А Натынов-то, мать бы его в лоскуты, «языка» ему только из Нижнего Курпа подавай. Ему бы еще из Берлина!

Сложилась действительно неприятная и неожиданная для нас обстановка. На месте оказалось совершенно не то, к чему мы готовились, на что были ориентированы.

Быстро темнело. В кустах фыркали и хрустели овсом в торбах наши обозные кони. Балку, что была впереди нас, незаметно стал наполнять седой туман. За балкой потонул в вечерней дымке Верхний Курп, оттуда раздавались дежурные пулеметные очереди. Звук выстрелов у них был какой-то чудной – то ли эхо их повторяло, то ли фрицы что удумали: тр-р-р-р – слышалась пулеметная очередь; др-р-р-р – тоном пониже разносилось по балке. Правее, у подножья невысоких гор, гремели редкие и раскатистые минные взрывы.

– Что это у них, гадов, звук пулеметного выстрела дублируется? – поинтересовался кто-то из ребят.

– Разрывными лупит. Слышь – с другого места вроде отдается, – предположил другой.

– Не похоже. Скорей всего, эхо.

– Может, и эхо. Только почему от мины эха нет, а от пулемета эхо?

Разговор неторопливый, вроде бы ленивый и скоро смолк. Мы лежали в кустах, курили, слушали очереди шалого пулемета.

Анохин с Суменковым пропали на КП батальона, не возвращались долго. Слышался негромкий голос Арабова – пел он свою любимую украинскую песню, кто-то неуверенно ему подтягивал:

*За Сибиром солнце всходит,
Хлопцы, не зевайте,
Вы на мэнэ Кармелюка
Всю надию майте.*

Анохин с Суменковым пришли поздно, их сопровождал незнакомый старшина в фуражке.

– Ребята, вещмешки свои разобрали? Тогда все, приехали. Садыков, ты на повозках за старшего. Сейчас заберете раненых и аллюр три креста отсюда. Раненых сдадите на сборном пункте в Эльхотово, там разыщите потом Натынова, скажите ему, что в Верхнем Курпе немцы, мы продолжаем выполнять боевую задачу во взаимодействии с батальоном. Ясно? Вопросы будут? Сейчас двигайте с этим старшиной, он покажет, где раненых взять. Садыков, на обратном пути не зевать – сплошной обороны тут нету!

Ездовые засуетились, скрипнули повозки, застучали колеса и всё, будто и не было наших повозок.

Анохин, убедившись, что повозки уехали, а все разведчики в сборе, уточнил поставленную задачу:

– Обстановка хреновая, – говорил младший лейтенант, – наступают здесь эсэсовцы. Второй день тяжелая драчка идет. Днем врезали нашему второму батальону и частям девятой бригады. На рассвете наш батальон контратакует противника. Наша задача, значит, такая: мы должны зайти в тыл немцам, что сидят в Верхнем Курпе, и по сигналу красных ракет ударить по ним, перемешать все, устроить панику. Главное, сшибить их с обороны, а дальше они сами покатятся. В общем, нам пошуровать у немцев нужно, как только можно повеселее и погромче. Для усиления нашей группы сейчас к нам придет взвод батальонных разведчиков. Это еще человек тридцать, не меньше. Командовать всей разведгруппой приказано мне. Ясна задачка?

Ребята помолчали, все понимали, что задача не из простых и не из легких, потом послышался голос Тазиева:

– Совсем хорошо, все понял, а кто через ихнюю передовую дорогу знает?

– Ты разведчик? Вот ты и покажешь дорогу, – ответил Анохин

Всё, в общем, ясно: поможет нам определить брешь в немецкой обороне его величество случай, наша везучесть и собственная сообразительность. Кажется, начинается то, что называется настоящим поиском. Для меня это еще одно новое испытание, да только ли для меня! На что уж Гришка Авдеев, Суменков – ребята опытные, и те что-то примолкли, голоса не подают.

Мы сидели в канаве возле самой дороги под кустами и ждали батальонных разведчиков. Ночной прохладный воздух заставлял ребят жаться друг к другу. Конечно, здесь юг, днём жарко, а вот ночи становятся холодными. Вообще, «придавить жучка» (на солдатском жаргоне «вздремнуть») – дело совсем не лишнее. Я прижался спиной к Тазиеву, положил под голову вещмешок, но уснуть никак не мог: этот проклятый гальванометр, хоть и был завернут в запасную байковую портянку, всё равно каким-то острым углом давил в висок. Связался я с ним, как с фальшивой монетой! Многие спят уже, а я всё никак не пристроюсь.

Мне показалось, что наступило самое подходящее время выбросить этот магнит так, чтобы никто не видел. Конечно, по мирному времени это была бы ценная штука, но сейчас это все смотрится, как непростительное детство. Пора поумнеть! Давно пора! И как это меня умудрило только! Просто смешно. Нужно только незаметно как-нибудь. Если ребята увидят – насмешек не оберешься. Я приподнялся и хотел развязать вещмешок, но тут же недовольно заворчал Тазиев:

– Ну, какого хрена крутишься? Только задремал, а он крутится...

Я решил подождать. Тазиев уснет, сейчас уснет и тогда я тихонько достану. Но случилось так, что я как-то незаметно сам задремал и проснулся от громкого топота ног, много людей шли прямо к нам. Поднялся на ноги Анохин, он тихо спросил «пропуск?» и откликнулся обусловленным отзывом.

– Разведка? – спросил чей-то голос.

– Разведка. А вы кто?

– Батальонные разведчики. Командир разведгруппы старший сержант Купоросов.
– Привет, Купоросов. Ждем вас. Я младший лейтенант Анохин. Сколько вас?
– Восемнадцать вместе со мной, – ответил Купоросов.
– Как восемнадцать?! Марёнов весь разведвзвод обещал, тридцать человек!
– Тридцать это нас вчера утром было, а сейчас вот, все что осталось, – невозмутимо отвечал Купоросов.

Что поделатъ. Мы считали, что нас будет человек 45, а оказалось 33 богатыря, как в сказке, но по тем временам и это совсем неплохо. Анохин, Суменков, Купоросов и Медвинский вместе с ними отошли в сторону и в кустах о чем-то советовались, светили на топокарту тусклым светом фонарика с севшей батареейкой.

Противник вел ленивый методический минометный огонь по балке. Со стороны Верхнего Курпа слышался хлопок минометного выстрела, в воздухе долго и нудно стонала мина, потом этот стон обрывался, и по балке прокатывался хлесткий взрыв. Невесть куда продолжал стрелять немецкий пулемет короткими очередями: протрещат выстрелов пять-шесть, прокатится непонятным эхом звук выстрелов и минут пять молчит немец. Ракеты взлетают в небо чаще и неизменно падают в молоко седого тумана, заполнившего всю балку.

Те ребята, которые спали, ёжятся от сырого прохладного воздуха, на голой земле ночью зябко, шинели в роте остались, на нас только летнее обмундирование, да маскхалаты. Меня спасает тельняшка под гимнастеркой – практичная штука.

Что-то нас ждет сегодня? Первый неожиданный бой вроде бы я выдержал, но сегодня первый поиск. Сегодня нужно незаметно и нахально пролезть прямо к немцам. Сегодня нужно будет не обороняться, а наступать, лезть в открытую драку. Что греха таить, не было у меня абсолютной в себе уверенности, а тут еще невеселые и сумасшедшие мысли лезли в голову. Вон сколько земли немцы у нас оттяпали! Только вчера еще были мы в Верхнем Акбаше, а сейчас и Акбаш, и Дейское, и все эти Курпы захвачены немцами. Справа по фронту где-то далеко грохочет бой. Словно гроза мерцает зарницами и громовыми раскатами в стороне Ивановского. Положение напряженное, неустойчивое, против нашей страшно растянутой по фронту бригады какие-то части «СС», отборные части фашистов. От них можно ждать жестоких ударов, их непременно поддержит авиация, танки... Неужто дело новым драп-маршем закончится? Все понимали, что мы могли ворваться в Верхний Курп, устроить немцам панику, даже захватить этот поселок, но продержаться долго без средств поддержки не удавалось еще никому – будь ты хоть трижды героем! Ребята, которым довелось уже повоевать и пережить дни отступления здесь, на Кавказе, рассказывали страшные вещи.

Те наши немногочисленные части, на которые обрушились стальной лавиной танковые дивизии и сотни самолетов врага, не выдержали этого удара и покатались по степям Кубани и Ставрополя, покатались на юг по почти безводной равнине к самым Кавказским горам. Жара, безводье, дороги, запруженные беженцами, стадами скота, повозками и автомашинами с ранеными, с боеприпасами и всё это в чудовищном хаосе, в дикой неразберихе валом покатилося на юг, а сзади в сатанинской пыли сотни немецких танков и мотопехоты, а в небе сотни немецких самолетов. Пыль, грохот, огонь, стоны, дым, горящие дома и автомашины, разбитые повозки, брошенное военное имущество, сама земля стонала и содрогалась от страшной беды. Отступавших подгоняли чудовищные слухи о вражеских десантах, о диверсионных отрядах и шпионах... На всём огромном пространстве от Батайска до Нальчика ни одного подготовленного оборонительного рубежа... Как могло такое случиться? Кем допущен такой страшный просчет? Где была наша разведка, куда смотрело наше большое начальство?!

Вот, не дай бог, просчитаемся в сегодняшнем поиске мы, так с Анохина шкуру спустят, его несчастный кубарь с петлиц может слететь запросто. А в высоких штабах на целый Кавказ просчитались! В сентябре 1941 года в Москве, на Серпуховской (ныне Добрынинской) площади, на брандмауэре старого трехэтажного дома между Люсинов-

ской и Большой Серпуховской улицами висело огромное панно «Три богатыря». Художники, работавшие в окне ТАСС, используя композицию Васнецова, изобразили трёх богатырей, посадив на коня Ильи Муромца Клима Ворошилова, по правую от него руку – Тимошенко, а слева – Буденного. Очевидно, по мнению его авторов, три знаменитых маршала должны были расправить свои богатырские плечи и уж тогда непременно «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом»..., как тогда пелось в очень популярной песне...

Что ж, уже не секрет, что богатыри оказались битыми, показали свою беспомощность в руководстве войсками. Мы многие годы говорили о неизбежности войны с фашистами, но на деле дальше болтовни мы не ушли в подготовке своей обороны. У немцев оказалось больше автоматического оружия, неизмеримо больше танков и авиации, пушек и минометов, у них четко поставлено взаимодействие. Мы смогли противопоставить всему этому только море собственной крови, в которой захлебывались сами и топили своего врага.

Тимошенко еще в довоенное время казался мне больше бюрократом от инфантерии*, чем боевым маршалом. Ворошилов, Буденный были хороши в своё время, в 1918 году, когда наша конница с пиками наперевес и с шашками ходила в атаки. К тому времени мы недалеко ушли от средств и стратегии Золотой Орды. Но сейчас совершенно не то время, сейчас эта конница уже явный анахронизм. Нам еще в школе твердили, что грядущая война будет войной моторов! Значит, понимали это, а не готовились к делу серьезно, а в песнях славил «тачанку-ростовчанку, все четыре колеса». Суворовское правило «пуля дура, а штык молодец» снова стало расхожим в начале войны, хотя это и было сказано полтора столетия назад! Всё у нас отстало, всё устарело, ничему не научились хвалёные маршалы. Как-то получилось, что более или менее толковые маршалы оказались врагами народа, а оставшаяся бестолочь прохлопала войну. Интересно, что Сталин думает по этому поводу? Говорил ведь тоже, что «еще полгода, еще может быть годик и Германия рухнет под тяжестью своих преступлений!» Прошел годик, а она не думает рухнуть. Если немцам хребет не переломить, то они, пожалуй, сами и не рухнут. А чего бы им рушиться?! Вон она, Германия, теснит нашу непобедимую, которая «от тайги до британских морей»... Да нет, богохульство всё это. Что винить Ворошилова, когда драпаем мы сами! Просто чего-то мы еще не понимаем, просто не знаем большой военной тайны!..

Тоже мне! Каждый солдат если начнет философствовать, тогда воевать будет некому! Стратег нашелся!..

...А все-таки непонятно... Конечно, насчет оценок это я лишку хватил, но все-таки расплачиваться приходится мне и моим товарищам за просчеты маршалов. Чего их только Сталин держит на таких постах? Привык к ним? Жалеет их? Так не время сейчас для жалости! Такая жалость во вред народу! Сейчас нужны по-настоящему думающие командиры вроде Жукова, Рокоссовского... Ох, невеселые, ох опасные мысли лезут в голову! Вот так брякнешь, кому не следует... «Ну, а что с тобой сделают?! – не унимался в душе упрямый голос. – Что, передовой напугают? А ты где сейчас находишься?..» Да нет, пожалуй, передовой пугать не станут за такие мысли. Тут дело хуже обернется, тут найдется, кому сказать, что боец такой-то сознательно разлагал боевую дисциплину, сеял неверие и панику, действовал на руку нашему лютому врагу. В общем, «по изменнику Родины, залпом...» и чирик-воробышек, как скажет Бельтюков. Даже фанерной дощечки не поставят, а домой напишут, что ваш сын такой и разэтакий расстрелян за трусость в бою и за предательство... Вот это будет номер!.. Правда, ну её к черту эту всю философию! Опасное это дело, опасное и ненужное. После войны разбираться будем, кто уцелеет, конечно, а сейчас не до этого. Сейчас бой впереди!

* Инфантерия (устар., воен.) – пехота.

А время к полуночи. Сон ломает, веки слипаются... Главное, прижаться спиной к спине товарища, тогда теплее... Нужно письма написать. Если останусь живым, завтра же напишу... А ночь прохладная... Вместе с дремотой приходят старые, пережитые еще в начале войны картины. Тогда тоже была прохладная ночь, роса на траве и зенитки гремели, а перепуганный Андрюшка, мой младший брат, бежал босым по огороду, тянул вперед ручонки и кричал: «Ай, Федя, боньба, боньба!»... И средний брат Лёвка бежал из леса по тропинке возле реки. Там, в лесу, была огромная воронка. Ночью грохнуло так, что земля закачалась... Испугался мальчонка... Лёвке в то время едва исполнилось шесть лет, а Андрюшке было всего-то три года, и их уже придавил слепой не детский ужас. Завтра же напишу письма... Только бы живым остаться в этой передрыге...

Всех подняла на ноги негромкая, но настойчивая команда:

– Подъем! Кончай ночевать!

Ребята поднимались с земли, дергали плечами от ночной сырой прохлады, застегивали пряжки тяжелых поясных ремней, огруженных запасными дисками и гранатами... «А я ведь уснул... Надо же, незаметно получилось».

– В две шеренги становись!

Анохин командует тихо, вполголоса. Все привычно построились. Анохин коротко повторил задачу:

– Слушать внимательно! Всей группой команду я. В случае чего, меня заменят Суменков или Купоросов. В общем, тогда разберетесь. Главное, мы должны незаметно просочиться сквозь оборону немцев. Сплошной обороны здесь нет ни у нас, ни у немцев. Главное, дуриком не напороться. Зайдем в тыл к Верхнему Курпу. Серия красных ракет – начало атаки и для нас, и для батальона. Мы ударим по фрицам с тыла, главное, нарушить связь, посеять панику, подавить огневые точки. Учтите, что если мы пролопушим, то всех наших бойцов из стрелковых рот положат в этой проклятой балке. В общем, будем действовать по обстановке. В головной дозор Суменков с Соловьевым. В общем, разведка боем у нас с вами. «Языка» взять обязательно. Все понятно?

Разведчики молчали. Вопросов не было. А чего здесь не понять? Разведка есть разведка – всего здесь не предусмотрить.

– Пошли! Головному дозору далеко не отрываться.

Небо вызвездило. Ковш Большой Медведицы висит низко над Верхним Курпом и скоро уже польется вода из этого ковша через его ручку – значит за полночь уже, глухое время. Из-за гор выползла яркая луна и ни облачка на небе – это плохо. От этой дурацкой луны длинные черные тени на росистой седой траве. Луна блестит на касках батальонных разведчиков. В нашей роте ни у кого касок не было, нам их не выдали – блестят они при луне и при свете ракет, а это опасно. Мы цепочкой шагаем к балке, по-прежнему слышен треск пулемета, а вот минометный огонь прекратился. Немецкие ракетчики освещают балку перед Верхним Курпом.

Засветло мы не смогли ознакомиться с местностью, не изучили топографической карты, нам неизвестна насыщенность переднего края обороны противника огневыми средствами. Мы надеемся на батальонных разведчиков – они уже двое суток здесь, а батальонные разведчики, видно, полагаются на нас – все-таки бригадная разведка, она к начальству ближе и обстановку должна знать лучше. Опаснейшее заблуждение, а вообще-то как повезет: не напоремся на боевое охранение врага, значит, сумеем пройти в тыл, а там уж будет видно; обнаружат – вся операция провалится, перебьют наших ребят из батальона, в лоб этих эсэсовцев не возьмешь, что уж там говорить – воевать они умеют!

У края балки остановились, чтобы еще раз послушать, сама балка эта неглубокая, склон здесь крутой, но не более 25-30 метров. В балке тихо, она кажется пустынной... Кажется! Обманчивой может оказаться эта пустота. Там, среди редких кустов, под пологом тумана могли затаиться секреты противника, его боевое охранение, могли быть мины, да мало ли еще что. Правда, Суменков высказывал предположение, что в балке вряд ли кто есть, так как здесь немцам морду еще не мылили, поэтому они довольно

беспечны и ведут себя нахально и самоуверенно, они только утром могут зашевелиться.

Может быть, Суменков и прав, он мужик опытный, немцы вряд ли ожидают с нашей стороны активных действий, привыкли они к тому, что Иваны либо драпают, либо сидят и не рыпаются. Сейчас этой самоуверенности по уши у каждого фрица, поэтому и «секретов могли не поставить». Сейчас для них важно отдохнуть, выспаться, чтобы утром с новыми силами гнать нас в горы.

Тихо в балке, вроде и вправду нет никого. Впереди идущие взяли влево наискосок через балку. Где-то завыл шакал, рядом воет и непереносимо противно. Стегануть бы его очередь, да нельзя. Зверь воет, словно плачет, это чаще всего, когда чует человека. Немцы этого не знают, у них там в ихней Германии шакалов давно уже нет.

В балке сырой неподвижный воздух, плотный белесый туман, как пар какой. Это хорошо, это нам на руку. Немецкий пулемет теперь слышен правее и почти за спиной у нас, его огонь не доставляет нам беспокойства...

Помню, мой дед Терентий ходил ночью сторожем по деревне с деревянной колотушкой. Я тогда его спрашивал: дедушка, зачем ночью ходят и стучат колотушкой? Дед отвечал: «Чтобы добрые люди спали спокойно, они услышат колотушку и будут знать, что их покой оберегают, а уж если злой человек услышит, то и не пойдет в деревню, учует, что в ней сторож не спит». Милый и наивный дед Терентий хранил древнюю традицию тех времен, когда злой человек на Руси был большой редкостью, когда и замки-то были только у людей более или менее состоятельных...

А немец тоже для порядка долбит, только не в колотушку, а лупит, дурак, из пулемета, жжет патроны, нас пугает. Ох, и много же этих патронов Германия наделала! А наши солдаты с передовой даже не отвечают на дурацкий пулеметный огонь. Они, видно, забеспокоились бы, если немцы вдруг замолчали, это показалось бы непривычным и странным. А так что ж, редкие пулеметные очереди, осветительные ракеты – все как надо, все привычно, значит, живет передовая.

Идём по балке. Обильная роса на траве, она кажется серебряной в лунном размытом свете, на этом серебре заметна темная полоса наших следов – это вот плохо. Впереди меня маячит полурастворенная в тумане черная тень впереди идущего товарища, я иду за ним, слеую каждому его движению. Главное, не потерять из виду идущего, за мной идет еще кто-то, он следит за моими движениями, за шумом моих шагов. Из тумана странно торчат макушки отдельных деревьев, высокого кустарника. Ребята шагают осторожно, часто останавливаются, особенно перед кустами, все слушают ночную тишину, которая мгновенно и неожиданно может взорваться пулеметными очередями и ярким светом ракет... Тихо. Даже шакал замолк. Шакал не дурак – он в этой балке долго расхаживать не будет, зверь чует, что его здесь погибель ждет... Сюда только человек может пойти...

Прошли еще метров двести и вдруг вся цепочка замерла. Никаких команд, но никто не двигается с места, замерли ребята. Упаси бог кашлянуть, споткнуться – рискуешь не только своей головой, но и жизнью товарищей!

Что-то насторожило наш головной дозор. Слева размытый в тумане контур какого-то куста, впереди спина товарища, и все словно дышать перестали. Тихо. Вдруг справа от нас звонко и оглушительно громко хлопнул выстрел ракетницы. Белая искра стремительно рванулась вверх и вспыхнула ярким магниевым огнем. В тот же момент почти бесшумно вся наша цепочка упала на землю, лежим неподвижно, не дыша. Над нами змей шипит ракета, туман в балке наливается ярким дрожащим светом, по траве плывут тени. Ракета упала в траву в стороне от нас и короткое время еще продолжала шипеть, разбрызгивать белые искры и исходить белым дымом. Снова хлопок ракетницы и яркий шевелящийся свет. Справа раздалась оглушительная и длинная пулеметная очередь. Розовые трассы перечеркнули балку над нашими головами, сверкнули в тумане пламенем. Потом пулемет перенес огонь правее, и теперь туман впереди нас окрасился

розовыми сполохами. Что это?.. Обнаружили нас? Услышали шум или лупят просто для порядка? Вся цепочка разворачивается в сторону пулемета, автоматы наготове... Пулемет дал несколько очередей и затих, немцы пустили еще несколько осветительных ракет и снова абсолютная тишина в балке. Прошло несколько минут. Тихо. Видимо, здесь боевое охранение у немцев, а может просто патруль. Выстрелы не повторились. Мы пролежали, как мне показалось, не менее получаса. Наконец, впереди меня поднялся с земли разведчик, в тумане видна его согнутая черная тень. Я тоже встал, оглянулся, за мною стал приподниматься кто-то из ребят. Предельно осторожно вся цепочка двинулась снова вперед... Неожиданно кто-то споткнулся, приглушенно звякнуло оружие.

– Тихо, мать твою! – зашипел злой голос, а весь строй замер, все ожидали тревоги... Нет, не всполошил немцев неожиданный шум, тихо в балке. Мы повернули левее, прошли еще не менее километра. Ракеты взлетали сзади нас. Неожиданно справа снова ударила длинная пулеметная очередь, и снова в молочном тумане балки розовые сполохи. Теперь мы все почти уверены, что немцы стреляют по балке просто для порядка, но все-таки залегли в сырую траву среди каких-то кочек. Пулеметчик явно не видел определенной цели. Ухо уже научилось отсеивать дежурные пулеметные очереди от прицельного губительного огня, оно настороженно ловило что-то неожиданное, грозящее, направленное против нашей группы. Видно, немцы пока не подозревают о нашем присутствии, но нужно быть начеку, ох, как нужно быть осторожным!

Мне абсолютно непонятно, каким образом наш головной дозор определяет направление нашего движения, но мы продвигаемся довольно быстро, место здесь стало более ровным, а туман вроде бы реже. Похоже, мы подошли к противоположному краю балки, забрав много левее по фронту. Если здесь на склоне немцы, то они нас вполне могут заметить – тридцать человек это не шутка. Прошли немного и снова залегли. Слушаем. А вокруг всё тихо, даже пулеметчики замолчали, только много в стороне ракеты. Эта натянутая настороженная тишина беспокоит, кажется подозрительной, будто кто-то караулит нас. Осторожно поднялись и прошли еще немного вдоль молчаливого склона балки, потом круто повернули вправо в какой-то овраг. Овражек вроде неглубокий, весь зарос корявым и жестким терновником, здесь темно, под ногами ветки, корни и камни. Шуму от нашего движения сразу заметно прибавилось. Головной дозор останавливался через каждые десять метров, но вокруг явно никого не было, иначе бы нас давно обнаружили – шума много. Наконец, заросли кустарника кончились, виден край оврага. Тумана здесь нет и луна такая, хоть газеты читай. Наверное, прав этот хитрый мужик Суменков: немцы здесь попались уж очень самонадеянные, считают, что перепуганные Иваны сидят и дрожат от страха в своих окопах, ожидают покорно своей горькой участи. А мы вот они! Мы еще поцарапаемся.

Овражек стал совсем мелким, и мы выбрались на его правый склон. Залегли на самом краю оврага и снова долго вслушивались и рассматривали залитое луной поле. Широкая балка теперь осталась справа от нас, в ней по-прежнему молочно-белый туман. Мы, похоже, уже на немецкой стороне, но только здесь почему-то нет никого. Ракеты видны далеко впереди, они теперь служат для нас хорошим ориентиром.

– Вперед, – шепчет Анохин.

Первым снова пошел головной дозор, за ним поднялась вся группа. Мы забирали теперь влево, подальше от края балки, где могли быть дозоры противника. Впереди голая степь, травинки сверкают от лунного света... Стоп! Вся цепочка разведчиков падает на землю, словно косточки домино, хотя совершенно не понятно еще, что там впереди, почему тревога? Вокруг тихо. Оказывается, головной дозор обнаружил линию проводной связи и кто-то поднял левую руку – сигнал тревоги. Провод. Судя по скользкой пластиковой изоляции, это немецкая полевая связь. Анохин не разрешил резать провода – внезапно нарушенная связь могла преждевременно насторожить противника, а нам до самого рассвета ничем нельзя себя обнаружить, сейчас вся наша группа должна

быть невидимкой. Редкие пулеметные очереди теперь слышались сзади и справа. Хрен его знает, куда зашли! Страшно? Нас, конечно, много, мы можем вступить в бой, можем дать отпор, но в тылу врага не бывает не страшно, осознанное чувство смертельного риска холодит спину. Любой поиск разведчиков это в первую очередь риск, серьезный риск – на то она и разведка! Что делать, назвался груздем – полезай в кузов! Идем совершенно открытым полем, нигде ни кустика – поле, лунный свет и черные тени шагающих ребят стелятся по земле. Шагаем быстро, нужно скорее убраться с открытого места. Под ногами шуршит жнивье, потом пошла трава, бурьян какой-то, шуму прибавилось... Вдруг все валяется на землю. Тихо. Мне пока непонятно откуда грозит опасность. Пальцы у всех на спусковом крючке автомата... Во всем мире только проклятая луна и до крайности напряженные нервы... Проходит всего несколько секунд и стал слышен чей-то непонятный разговор впереди. Слов не разобрать, но голоса все ближе. Что делать? Это, конечно, немцы – кому ж еще здесь быть. А мы лежим неудачно – в случае чего, стрелять придется над головой товарища. Похоже, не уйти от драки. Неужто бой? Тогда может вся задуманная операция сорваться! В лунном свете там, впереди, видны несколько человеческих фигур, каски блестят, идут они прямо на нас. А они все еще нас не видят, хотя Суменков теперь от них совсем рядом! Никто из ребят не шевелится, стволы автоматов, как магнитные стрелки, повернуты в сторону идущих... Семеро немцев не дошли до роковой черты, когда уже больше нельзя было бы лежать молча, когда для всех оставалось только одно – стрелять и броситься вперед, они не дошли самую малость. Продолжая спокойно разговаривать, семеро взяли в сторону и прошли мимо нас... Анохин и Суменков не открыли огня, не крикнули идущим «хальт!» Никто не бросился на них... Всё правильно – мы должны быть в Верхнем Курпе, должны появиться там неожиданно для врага и только там мы обретем право на собственное слово. Пахнет на земле полынью и пылью. Голоса немцев постепенно смолкли. Снова тихо. А сердце ошало стучит в груди, кровь бьется в висках... Впереди что-то чернеет, полоса какая-то, похоже, посадка. Суменков предусмотрительно меняет направление движения, огибая то место, откуда появились семеро немцев. Молодец Суменков, хитрый и осторожный он мужик, уходит от неоправданного риска. Возле посадки тяжелый смрадный запах. Здесь проселочная дорога и возле неё неубранные человеческие трупы, убитые лошади со вздутыми животами и неестественно растопыренными ногами. Трупов много, не менее тридцати. Видно, какая-то наша часть напоролась на немцев, её здесь и положили всю, на этом неведомом поле. Дни стояли жаркие, трупы разлагаются быстро. Картина просто чудовищна, мороз продирает по коже. Возле посадки разбитые повозки и снова трупы, земля исполосована танковыми гусеницами. Раненых здесь не было, смерть управлялась со всеми, у неё было достаточно времени.

Все невольно остановились возле той посадки и смотрели молча, никто не проронил ни слова. А небо тем временем понемногу и незаметно наливалось густой синевою, и луна потускнела. Нужно было торопиться, мы прибавили шагу, стал слышен нестройный топот ног по сухой земле. Тридцать три человека и все спешат, конечно, будет шум. Прошли с километр и снова посадка, и опять та же картина: опрокинутые повозки, на земле искореженные ящики из белых досок, воронки от снарядов, убитые лошади с растопыренными ногами и трупы, трупы солдат. Сколько же здесь положили нашего брата! Посреди дороги молодой стриженный мальчишка лежит, раскинув руки, возле него винтовка, через плечо скатка...

Нам некогда даже документов собрать у убитых. Анохин торопится, скоро будет светло, и если мы не найдем до света надежного укрытия, тогда беда!

Прошли и эту посадку, за ней поле, небольшой овражек, снова поле. Справа в посиневшем небе стали видны тёмно-серые громады гор. Мы торопимся, а Верхнего Курпа всё не видно. Куда мы зашли?! Может, с дороги сбились? Впереди еще какая-то небольшая посадочка, за ней полоса неубранной кукурузы. Желтые высокие, в человеческий

рост, стебли предательски громко шумят, трещат, раскачиваются метелки стеблей, указывая наше местонахождение. Светает заметно, небо посинело, на востоке его уже тронули рассветные краски. Полоса кукурузы оказалась неширокой и вскоре мы оказались на её краю. По цепочке передается команда «стоп!» Теперь мы лежим на самом краю кукурузной полосы, нам здорово повезло на сей раз. Впереди не очень широкий луг, всего метров сто пятьдесят, а за ним огороды, контуры деревьев, крыш – это и есть Верхний Курп. Вышли точно! Всё в легком голубом тумане, там, за Курпом, довольно высокая гора и небо, расцветченное светло-золотистыми и зеленоватыми красками. Пулеметов не слышно, и ракеты уже не взлетают. Тихо кругом, но мы знаем, что там впереди, в Верхнем Курпе, полно немцев, и вокруг немцы, и мы у них в тылу, за их линией обороны; теперь без злой, смертельной драки нам никак не обойтись и отсюда не выбраться. Нервы напряжены, главное нас еще не обнаружили, и мы нашли укрытие. Теперь всё дело во внезапности и во взаимодействии.

По вершинам синих гор разливаются золотые солнечные блики, а мы лежим и стараемся не прозевать сигнала красными ракетами, сигнала, когда поднимется в атаку наша пехота. Мне кажется, что лежим долго, вокруг тихо и тут, в напряженной до крайности тишине, раздаётся откровенный и залихватистый храп.

– Какой дурак!.. дайте ему по балде, чтоб затих! – яростно шипит Анохин.

Через секунду храп обрывается, видно, «дали по балде». Впереди луг стал седым от росы, стала видна проселочная дорога перед огородами, низкие каменные заборчики. Теперь бросок через этот луг, теперь только бой, назад пути уже не было. Друг от друга мы на расстоянии вытянутой руки, автоматы у всех взведены, все готовы к любой неожиданности. Главное, не прозевать серии красных ракет. Тихо. Зверски хочется спать. Перед восходом солнца всегда так – самый сон. К тому же ребята устали до предела и немного прошло нервное напряжение. Предательская тишина размагничивает, притупляет. Чтобы не уснуть, перебороть навалившуюся дремоту, стараюсь взбудоражить себя нагнетанием чувства опасности, мобилизовать внимание, пытаюсь представить себе, что все мы на краю пропасти – один неверный шаг и... Вообще-то, добром нам отсюда не выбраться. Мы в тылу врага и это не просто расхожая фраза, истертая на страницах боевиков и военных кинофильмов, это уже не романтический загиб на встрече воинов с пионерами, это суровый факт, и никто не знает, чем все это кончится, и ведь наверняка кто-то будет убит, а кто-то ранен. Только сейчас вот внешне выглядит всё до странности обычно и буднично: рассветное спокойное небо, высокая желтая кукуруза, четко отрисованные метелки стеблей на фоне неба, белесая низенькая трава на лугу... Внешне всё так тихо и мирно... А что, если комбат вдруг отменил наступление, если, пока мы сюда шли, изменились планы командования, у нас тогда не останется больше никакого выхода, нам придется идти на прорыв и совсем неизвестно, что из этого у нас получится. Может быть, всем нам тогда конец, если роты не пойдут в атаку... А земля здесь тёплая, прокаленная солнцем, она не успела остынуть за ночь. Солнца еще не видно, а уже светло и листья кукурузы больше не кажутся тёмными контурами, они стали золотыми. Вон, по одному листу прямо перед моим носом ползет божья коровка... Вот глупая! Погибнет она здесь вместе с нами. Она даже не представляет себе, что её здесь ожидает. Вот ползёт и воображает себя здесь хозяйкой. Ей вон туда нужно... там зеленый луг и на нём ослепительно яркие, золотые пятнышки цветущих одуванчиков... Так это же старая пасека в деревне и над ней ласточки, ласточки...

– Какая там сволочь снова храпит?! Придушу сейчас!

Неужто это я? Точно я! Тоже мне одуванчики, божьи коровки с ласточками!.. Надо же, никогда не храпел во сне, а тут как назло...

Справа видна балка, там еще туман держится, а вершины гор облиты золотом восходящего солнца. На холмах его золотые и розовые блики, сейчас оно брызнет нам в глаза ослепительным светом... Впереди в поселке не слышно ни петухов, ни собачьего

лая, вымер поселок, не осталось в нём жизни, там затаилась настороженная и злая вражеская сила и сейчас схлестнемся мы с ней.

В этот час справа, оттуда, с нашей стороны, ударила полковая пушка, эхо прокатилось по всей округе. Снаряд с тугим напористым воем распорол воздух и грохнул взрыв где-то на окраине поселка. Следом ударили сразу несколько орудий, захлопали минометы, громовые разрывы прокатились по окраине Курпа перед балкой, рвануло в самом поселке, и над садами пополз дым, подкрашенный солнцем. Здорово лупят! Мне еще не приходилось слышать такого многоголосья нашей артиллерии. А фрицы не отвечают, не проснулись еще, гады! А наши пушкари на сей раз не жалели снарядов и особенно старательно обрабатывали огнём окраину со стороны балки. Несомненно, наши начали арподготовку, значит, сейчас могут быть ракеты! Нельзя нам тянуть дольше – немцы опомнятся. Вон, уже откуда-то из поселка послышались выстрелы немецких минометов. Мы видели, как по окраине пробежало в сторону передовой человек пятнадцать немцев. Наши пушки еще не смолкли, а в золотистое небо взлетели маленькие и яркие, словно снежинки в солнечный морозный день, розовые искры трёх ракет. Мы их заметили сразу.

Ну что ж, теперь пора! Анохин привстал на одно колено, взял автомат и тихо сказал: – Без шуму и что есть духу вон в те огороды и к домам! Полундра, ребята!

Он первым выскочил из кукурузы на открытый луг и побежал вперед. За Анохиным дружно и молча высыпали все ребята, бежали что есть духу, легкая пыль летела из-под ног. Ребята быстро обогнали Анохина... Я бежал, как на спринтерской дистанции, выжимал из ног всё, на что они были способны. А в них появилась непонятная сила, они упруго отталкивались от земли, они словно летели над нею... Скорее, скорее, не дай бог задержаться, отстать... Главная задача этих секунд, как можно скорее добежать до крайних садов, зацепиться за ограды из камня-плитняка. Рядом топот ног, частое дыхание, скорее! Скорее! Под ногами серо-зеленым полотном бежит земля... Каждую секунду можно ожидать встречного губительного огня... Скорее! Вот они, огороды! Дорога. Не глубокий кювет, ограда... Секунда и мы уже за этой оградой... Прозевали нас фрицы, ей богу прозевали! На спине у меня подпрыгивает вещмешок, кроме сухого пайка и прочего солдатского барахла в нем проклятый гальванометр, магнит больно бьёт по позвоночнику, дурак! Надо было выбросить его там, в кукурузе. Огород, рыхлая земля, увядшая картофельная ботва... Справа, на окраине, видно: яростно трещат немецкие пулеметы, а впереди откуда-то из поселка, от нас совсем рядом, слышны выстрелы минометов. А мы уже в саду и по нам еще не стреляют, нас еще просто не видят! Сквозь ветви деревьев пробивается золотое солнце... Вот первый дом, он пустой, а за ним вдоль улицы на земле целых два провода в темно-красной пластиковой изоляции. Бородатый Авдеев пытается их перерезать финкой, но под изоляцией прочные стальные жилы.

– Гришка, погоди! У ребят ножницы! – кричу я Авдееву.

– А где там ребята!

Но кто-то появился из разведчиков батальона с ножницами и провода связи перекусили мгновенно, выстригли из них по несколько метров. Разведчики бежали дальше вглубь поселка... Скорее! Скорее! Взрывы наших снарядов и мин грохочут рядом. Этак под свой снаряд угодить можно, но никто не допускает и мысли, что свой осколок заденет своего бойца... Анохин ведёт всю группу левее.

– Минометы тут, минометы! Скорее! – хрипит Анохин, и все бегут на звук частых минометных выстрелов.

Какой-то пустой луг среди садов, на краю дом, а на лугу минометная батарея. Здесь суетятся немцы, а один из них стоит позади батареи и что-то кричит минометчикам. При каждом выстреле минометчик, опускавший в ствол мину, отворачивался и закрывал ладонями уши при выстреле. Минометчики не ожидали нашего появления, они сразу

даже не поняли, кто перед ними, когда мы оказались на этом лугу. Дружный треск автоматов дробью раскатился по всему поселку. Первым упал тот немец, что стоял позади батареи. Остальные падали, бежали, да куда там – тридцать автоматов не шутка!

– Полундра!!!

Ребята бросились вперед, стреляли прицельно короткими очередями. Батарея была уничтожена в несколько секунд. Кто-то разнес вдребезги ударом ботинка пластмассовую коробку полевого телефона... Сине-зеленые куртки, черные петлицы, каски с двумя белыми молниями – всё мелькало словно в калейдоскопе.

– Что делать с минометами?

– Сыпь земли в эти трубы, сыпь скорее!

– Может, по фрицам стрельнем?

– Сыпь, тебе говорят! Некогда! Скорее!

Наши снаряды и мины рвались по всему поселку, а мы снова побежали куда-то садами, здесь небольшая улочка, а на углу несколько немцев ставят противотанковую пушку... Анохин молодец – он действует напористо, нахально и ребята не отстают. У пушки расставлены сошники, рядом у заборчика ящики. И все живое сметено бешеным автоматным огнём, чей-то сумасшедший крик, на дороге возле пушки немец с окровавленным лицом.

– По прицелу бей, по прицелу! – кричит кто-то из разведчиков.

– Падажды! Падажды! Разворачивай пушка, там машины в саду! – кричит неугомонный Тазиев, но пушку развернуть не успели – впереди появилась еще какая-то большая крытая брезентом автомашина... А Купоросов оказался парень что надо – успел бросить в казенник пушки снаряд, клацнул стальной челюстью замок – и выстрел! Пушка подпрыгнула, одновременно с выстрелом грохнул недалёкий взрыв, и машину окутало облако грязного дыма, мелькнули в воздухе какие-то рваные железки, и пламя мгновенно охватило машину.

– Заряжай!

Второй выстрел и снова взрыв. Горели посреди улицы останки тяжелого «Бюссинга». Откуда-то прозвенела автоматная очередь, пули ударили в оружейный щит, полетела белая крошка от забора. Немцы, видимо, начали приходить в себя, теперь к нахальству нужно добавлять немного осторожности. У нас еще никого не задело, а Купоросов под автоматным огнём ухитрился искалечить прицел пушки и бросить горсть дорожной пыли и песка в открытый замок.

– Ребята! Давай сюда, скорее!

Все бросились на крик в сад. Там к белому домику в глубине тянулись телефонные провода, рядом с широким крыльцом стояла еще одна небольшая автомашина. Раздумывать некогда... Из дома выскочило двое немцев и тут же оба свалились, срезанные автоматными очередями. Крики, стрельба. Из разбитых окон замелькали искры выстрелов нескольких автоматов, в ушах от стрельбы сплошной треск. Стреляют в нас. Кто-то из ребят упал, а мне повезло – промазали. Я падаю на землю и стреляю длинной очередью по окнам, от саманных стен фонтанами брызжет пыль. В саду возле дома раненый эсэсовец лежит на животе, пытается приподняться, отползти за дом... Чья-то хлесткая очередь и у немца подломились руки, он упал лицом вниз и больше не шевелился. А разведчики уже «оседлали» два окна, теперь они стали для ребят бойницами. Несколько секунд и у этого дома бой закончен, небольшая автомашина с железными бортами словно решето исклевана пулями.

– Вперед! Вперед!

Я не узнал голоса кричащего, но какая-то сила понесла меня к соседнему дому. Я выстрелил наудачу по окнам дома, а справа за оградой снова тесная улочка, по ней торопливо бегут четверо немцев, они часто оборачиваются и стреляют куда-то назад из автоматов. Вокруг стрельба, и я с колена стреляю по бегущим. Двое немцев упали, а

третий стоял, схватившись обеими руками за живот, шатался и не падал, а в него лепили за пулю пулю, потом он запрокинул голову и тяжело осел возле каменного заборчика. Я побежал за угол дома. Впереди меня оказался Гогаберидзе, он, пригнувшись, бежал вдоль забора и стрелял по убежавшему немцу. Я тоже вскинул автомат, а сзади очередь, оглушительная автоматная очередь... Что-то сильно ударило в спину, и звон какой-то... Я отшатнулся, а Гогаберидзе мгновенно выстрелил длинной очередью куда-то, краем глаза я увидел падающего с крыльца дома немца, а Гошка отпрыгнул в сторону и снова очередь – у него не ноги, а стальные пружины!

По мне больше не стреляют, но я вначале свалился от внезапной очереди сзади, потом вскочил и выстрелил по бегущему фашисту. На улице сплошной автоматный треск и жестокая стрельба справа. Я обежал дом, рядом со мной оказалось еще несколько разведчиков, и вдруг длинная пулеметная очередь.

– А-а! – послышался крик рядом. А я возле какого-то брошенного на землю бревна, рядом странный, круглый сарайчик с плетневыми стенами, раненый разведчик возле него, а пулемет бьет так, что головы не поднять. Мне показалось, что пулеметчик в небольшом домике в углу сада и стреляет из глубины помещения в окно. Окно распахнуто наружу и я стреляю в него снова длинной очередью, вижу как рассыпается стекло... Кто-то из ребят бросил вперед гранату, она взорвалась недалеко от дома, пулемет на несколько мгновений смолк.

– Сейчас я его заткну, мать бы его!

В руках у Суменкова ракетница, он выстрелил из неё в соломенную крышу этого дома. Ракета, прочертив в воздухе легкий дымный след, воткнулась в крышу, и по ней пополз белый дым. Снова пулеметная очередь, ребята под огнём начинают отползать назад.

– Гончаренко ранен! Оттащи его за дом! – кричит кому-то Медвинский. Ремешок его мичманки оборвался и болтался возле уха. Дом мы взяли в кольцо, уцелевшие в нем немцы продолжают стрелять, а крыша дома быстро занялась огнём... Рядом в доме тоже немцы, да их здесь прорва! В окруженном доме пулемет смолк, к соседнему дому побежали грузный Авдеев, тонкий и злой, как пантера, Гогаберидзе и еще несколько человек. Из дома выскочил немец и побежал через сад.

– Гад! Дыржи его! – кинулся за ним Гогаберидзе, но возле убежавшего оказался еще один здоровый, плечистый эсэсовец в каске. Гогаберидзе оказался рядом с ним и немец не выстрелил, а сильно ударил Гошку кулаком в лицо. От неожиданного и сильного удара Гошка отлетел в сторону. В ту же секунду возле немца оказался Авдеев, а немец был ловок, он наотмашь ударил набежавшего Авдеева, Гришка отлетел на шаг, а потом с каким-то звериным рёвом бросился на немца и оба они покатались по земле. Бежавший впереди немец обернулся и хотел выстрелить в поднимавшегося с земли Гошку, я успел ударить по фрицу очередью, опередил его на полсекунды. Немец рухнул на землю, а Гошка бросился на катавшихся по земле немца и Гришку. У немца в руках был пистолет, Гришке удалось вывернуть немцу руку, а Гошка вцепился немцу в горло своими руками. Вначале я даже не сообразил, что я убил человека, того, который обернулся, чтобы выстрелить в Гошку. Похоже мы влипли в кашу! А Гришка Авдеев уже верхом на лежащем немце и своим чугунным кулаком бьёт его в лицо. Подбежал Тазиев, и они уже троём связывали руки за спиной у поверженного немца, а тот вдруг стал кричать протяжно и громко. Вскочивший на ноги Гогаберидзе ударил ногою в бок немца, тот сразу замолчал, потом перевернулся на спину и обреченно смотрел на Авдеева. Физиономия у немца была разбита, кровь стекала по щеке. Телефонным кабелем немцу связали также и ноги... А вокруг стрельба. За заборчиком у самой улицы дом, у стены мотоцикл, в саду полевая громоздкая кухня... Из двери дома выскочил немец, буквально впрыгнул в седло мотоцикла и резким толчком ноги завёл мотор. Мотоцикл стрельнул голубым дымом, сорвался с места, но немец вдруг выпустил руль, машина вильнула, ударилась

о забор и упала. Воздух наполнился синим, едким дымом пожаров, а из дома рядом стреляет кто-то из окон из винтовки. Мы с Гогаберидзе стреляли короткими очередями по этим окнам. Выстрелы затихли. Гошка подозрительно посмотрел на меня и спросил:

– Вай, ты правда живой?

– Что?

Уши заложило от стрельбы, я плохо слышал.

– Ты живой?

– Живой. А что?

– Савсем хорошо. Этот гад тэбэ в спыну очерыд всадыл. Сам видыл. Давай пыры-выжу.

– Да я не ранен.

– Ты в горячке ны чуешь.

Я и сам понимал, что лопухнул, не заметил немца сзади и если бы не Гошка... Но как фриц мог промазать?! В упор, гад, стрелял! Появился Авдеев, под глазом у него расплылся синяк. Бой откатился немного в сторону.

– Что у вас? – кричит Авдеев.

– Да фриц какой-то стрелял из дома.

– Ну и что?

– Больше вот не стреляет.

– Так чего сидите?

Рядом с нами появился Анохин и еще несколько разведчиков. Парень из батальонной разведки тащит в руке черный немецкий портфель с никелированными замками.

– Разведка, чего здесь торчите? Давай вниз, к балке! – закричал Анохин.

– Фриц у нас здесь связанный.

– Где?

– В соседнем саду.

– Какого ж хрена вы его бросили?! – негодовал Анохин, и мы снова вернулись в сад соседнего дома.

Немец лежал по-прежнему на земле под охраной Тазиева. А вокруг снова сумасшедшая автоматная стрельба, треск пулеметных очередей. Над нами с тяжелым шелестом и воем летели наши снаряды, а грохот взрывов, кажется, гремел по всему поселку.

Мы побежали в сторону, где особенно жарко вспыхнула перестрелка. Впереди ограда и с неё брызнули от пуль каменные крошки. Стреляли откуда-то из-за дома. Я приподнялся и с колена ударил из своего автомата в том направлении, но мой автомат делает два выстрела и замолкает – задержка! Я падаю на бок, выбиваю диск, но патрон застрял и не вываливается из автомата. Такая задержка может стоить жизни! Ответная очередь заставляет влипнуть в землю. Стреляют явно из-за противоположной ограды... Подвёл, подвёл проклятый автомат! Чья-то звонкая очередь рядом. Наконец патрон вывалился, снова вгоняю сильно опустевший диск – очередь! Стреляю над оградой, стреляю по окнам... Стоп! Всё, диск пустой. Быстро ставлю запасной, а рядом Гогаберидзе почему-то лежит на земле...

Неожиданно справа от нас послышался мощный рёв мотора. Из-за соседнего дома окутанный грязно-синим дымом и пылью появился танк. Под его гусеницами, словно скорлупа, рассыпалась каменная оградка, какое-то деревце отчаянно встряхнуло кроной, мгновенно упало, с силой хлестнув ветвями о землю. Я схватил Гогаберидзе и мы оба мгновенно перемахнули через изгородь – авось не заметит. Ребята, что были с нами, куда-то уже исчезли. А там, где мы только что были, связанный и оставленный всеми немец пытался подняться с земли на колени, он что-то кричал отчаянно и громко, кричал, стараясь перекричать рёв танкового мотора.

– Очередью его стреляй! Стреляй, говорю, чего смотришь! – кричал на меня Гогаберидзе. Он, видно, боялся, что танкисты подберут своего собрата, но те не заметили немца. Танк ушел, а поднявшийся на колени немец снова рухнул на землю. А у Гошки

рука в крови, с пальцев капаят на землю огненно-красные капли. Появились Тазиев, Селиванов, еще кто-то. Немец продолжает выть.

– А, паскуда, добыю я этого гада!

– Погоди, дуrolом, это «язык» все-таки!

Снова крики, автоматная стрельба и уже трудно разобрать, кто куда стреляет. Танк ушел, рев его мотора растворился в очумелой стрельбе, немец еще продолжал выть на земле, а Тазиев торжествующе кричал:

– Ву, что я вам говорил! Умыли мы их, умыли!

На узкой улочке и в нашем саду появляются бойцы стрелковых рот. Они бегут в нашу сторону небольшими группами, на ходу стреляют куда-то.

– Браты! Сюда, славяне! Нашего фрица не добейте, он нам нужен! – громко кричит Анохин, но родные братья, заметив нас, быстро укрылись за ближайшей оградой и кто-то из них пронзительно нам кричал:

– Хальт! Хенде хох, сволочи!

Кому-то из бойцов показались подозрительными непривычные маскхалаты, а всё, что непривычно или непонятно в бою воспринимается как враждебное.

– Пошел ты к едрене маме, да! Куда, дурак, целышь?! Зачем голова целышь?! – остервенело кричал Бергалеев.

– А вы кто такие, мать бы вашу?

– А вы что, охламоны, раздолбаи, своих разведчиков не признали?! Кричал Анохин, размахивая наганом.

– Так бы сразу и говорил. Ребята, это, кажись, разведчики вчерашние.

От дома к дому бежали вперед наши бойцы из стрелкового батальона. Вроде бы ленивой трусцой бежали, осторожничали, но уже теперь стало ясно, что атака удалась, что не удержались немцы в Верхнем Курпе.

Над поселком стелется дым пожаров, пороховая гарь, черный дым от горящих автомашин поднимается над садами...

А Гогаберидзе ранен в правую руку, чуть ниже локтя. Ребята его перевязывали, Гошка морщился от боли. Пулевая ранка вроде небольшая, а кровоточит сильно, на белом бинте быстро расплзается красное пятно и маскхалат у парня в крови, к тому же синяк под глазом.

Когда перевязали, Гогаберидзе кивнул на меня головой и сказал:

– Панымаешь, этот гусь, праворонил фашиста, тот ему в упор в спину попал, а меня зацепило, когда вроде и стрелять перестали. Обыдно, цхе!

– Ладно, Гоша, мы свои люди, сочтемся. А ты меня спас сегодня.

Все мы еще не остыли от боя, движения у ребят порывистые, резкие. Стрельба откатилась куда-то к окраине, но пули бьют по сучьям деревьев, тонко и коротко свистят над нами. Двое разведчиков принесли Гончаренко, положили его под дерево. У него дела плохи – в пах ранен. Легко ранен Костя Кудряш, у него два ранения и оба легкие, касательные на боку и на руке. Рана на боку кровоточит. Его тоже перевязали. Костя воюет с 1941 года, уходил на эсминце «Артём» из Таллина, у него столько ранений, что и сосчитать трудно. Всё его тело в шрамах. После боя он неестественно говорлив и всё рассказывает ребятам, что теперь у него девятнадцать ранений. У батальонных разведчиков раненых трое, двое из них – тяжело.

Анохин приказал обыскать связанного немца. Федя Фролов вытащил у пленного бумажник, солдатскую книжку «зольдбух», тонкую пачку сигарет, зажигалку, вытащил из кармана френча небольшую пачку любительских фотоснимков, рассматривать их не стали, и это спасло фашиста от немедленной мстительной пули. Немец затравленно и испуганно смотрел то на Федьку Фролова, то на бородатого Авдеева.

Появился Суменков, в его руке трофейный пистолет «Вальтер», где-то уже успел подцепить его. Ребята, словно по сигналу, собирались возле дома, где сидел на крыльце усталый и чумазый Анохин.

Анохин отправил раненого Гончаренко вместе с ранеными батальонными разведчиками на сборный эвакуопункт. Гошка не ушел, сгоряча, наверное. А меня, видно, бог спас в этой страшной свалке, иначе и не объяснить случившееся – две пулевые пробоины в вещмешке, а на вылете пули разодрали ткань так, что лохмотья байковых портянок наружу вылезли и на боку маскхалат прострелен. Кто же молился за меня в этот день?!

– Ну ты, Пауст, даешь! – восхищался чем-то Бельтюков.

Долго нам хороводиться было некогда – еще шел бой, на окраине Курпа жестокая ружейно-пулеметная перестрелка, в балке и в самом поселке рвутся мины, слышны выстрелы танковых пушек. Нам нужен был все-таки минутный перерыв, небольшой перекур. Ребята уселись у ограды и жадно глотали едкий табачный дым. Сумасшедшее напряжение ночного поиска, горячая беспощадная схватка, что только закончилась, требовали перекура. Не успели мы накуриться, как возле дома, где мы обосновались, появился лейтенант с зелеными кубарями в петлицах пыльной гимнастерки и с автоматом на шее. Его сопровождали трое рослых автоматчиков, они тоже еще не остыли от боя. Лейтенант увидел нас и весело закричал:

– А, разведка, мать вашу за ногу! Вы что придуриваетесь – бой не закончен. А вообще-то вы молодцы – подмогнули! Потери большие? Эт-то еще ничего, на войне бывает и хуже. А мы уже за Курпом. Приходите в гости! У меня канистра спирта есть. Угощу героев!

– Это уж точно, придём. Куда топать, товарищ лейтенант? – подхватил Селиванов.

– Вот правильно! Топайте в сторону противника, там, на окраине и встретимся.

– А чего это вы сами-то не в ту сторону?

– К комбату, хлопче. Сначала к комбату, а потом еще повоюем, поищем себе чести, а нашему князю славы. А это кто?

Лейтенант кивнул на лежащего связанного немца.

– Да вот фриц в гости пришел, а нам и угостить человека нечем, улыбнулся Анохин.

– Как так нечем? Я по его морде вижу, что уж не обидели – угостили чем бог послал.

Что теперь вы с ним делать-то будете?

– Посмотрим. Может, пригодится.

– Давай его мне. Я его сейчас до комбата доставлю, что ж добру пропадать, – предложил лейтенант.

– Нет, мы с этим управимся сами, – несогласно мотнул головой Анохин.

– Как знаете. Только ведь дорого яичко-то знаешь когда?

– Да кому как. Потому и бережет каждый свои яички. А где комбат?

– Шукайте его на южной окраине.

Веселый лейтенант ушел, а Анохин подумал и обратился к раненому Гогаберидзе.

– Гоша, как твоя рука?

– Нормально рука, только не гнется и пальцы не шывелятся.

– Худо, брат. Нужно тебя в госпиталь отправлять.

– А что, мы в роту не пойдём?

– Не пойдём, Гоша, да и из роты тебя всё равно в медсанроту отправят. Гоша помолчал. Он и сам не знал, как ему лучше поступить: конечно, ранена правая рука, значит, вести бой он уж никак не может, а уходить из роты ему тоже не хотелось, он привык и сроднился со всеми ребятами, и разведчики относились к нему по-доброму, ценили его за верность дружбе и бескорыстие, а командиры взводов, и даже сам Ласточкин, старались щадить парня за его молодость – едва семнадцать ему исполнилось... Называли его все по имени – Гоша, наверное, это и было его настоящее имя. В роте нередко переименовывали имена, так вот окрестили Костю Кудряшева – просто Кудряшем, благо у него и волосы вились, как у цыгана, мелкими завитушками, все привыкли и называли его просто Кудряшем.

– Слушай, Гоша, а ты до роты дойти пешком сможешь? – Вдруг спросил его Анохин.

– Конечно, дойду. Рука ранена, а не нога. Почему не дойти!
– Подумай, Гоша. Дело одно есть.
– Чего думать! Нужно дойти, значит дойду.
– Я хочу дать вам с Кудряшем одно важное задание. Вот нужно взять этого пленного и доставить его к самому Ласточкину. Задание, повторяю, важное. Справитесь? Только чтобы без дураков, ясно? Берегите этого фрица, как родного брата.

Горячий Гоша тут же взвинулся:

– Какого брата! Зачем брата?! Ты не трогай, командир, моего брата. Мой брат не может быть фрицем!

– Ладно, Гоша, не придирайся. Сам знаешь, какой кровью «языка» добывают. Живым и невредимым его в роту нужно доставить. Понятно что-ли?! – теперь уже Анохин повысил голос.

– Вот теперь понятно, – согласился Гогаберидзе.

– Кудряш, возьми у Фролова все документы, все фрицевы бумаги и давайте в роту. Смотрите мне оба! Развяжите этому гаду ноги.

Пленный лежал на боку. Когда ему развязали ноги, он поморщился и сел, привалившись спиной к дереву.

– Не рискуй, лейтенант, сдай ты этого фрица в батальон и хрен с ним, – посоветовал Суменков.

– Сдай... – проворчал Анохин. – А ты подумал, что нам с тобою Натынов скажет? Документов целый портфель – батальону, «языка» – батальону, а нам опять шишки! Они ж по своему тылу пойдут, на дороге попутных машин и повозок полно... А ты, Кудряш, не зевай – лови на дороге любой транспорт. Так как, доберетесь?

– А как же, товарищ лейтенант, всё будет в полном ажуре. Порядок на Балтике!

Кудряш расплылся в довольной улыбке. Он был откровенно рад этому поручению: что там греха таить, в тыл идти намного приятнее, чем торчать на передовой, да еще нужно вести такого пленного. Пленный немец в то время был большой редкостью, вызывал всеобщее любопытство, а Костя был честолюбивым человеком. Пленного подняли, Костя взял у Фролова все бумаги, и ребята пошагали по узенькой улочке к балке, которая теперь уже стала нашим тылом. Впереди шел Гоша, держа раненую руку на перевязи, свой автомат он повесил на шею так, чтобы в случае необходимости можно было стрелять с левой руки. За Гошей, опустив лохматую голову, шел пленный, пальцы рук у него посинели, видно, туго перетянули за спиной у него руки. Последним шагал Костя, по-морскому, с легкой развалочкой.

Ушли ребята, а мы докурили свои сигарки, и Анохин повел всех к штабу батальона.

Части испытанной в боях, лучшей дивизии Гитлера «Викинг» были выброшены из Верхнего Курпа неожиданной атакой нашего батальона. Операция удалась. И мы не преуменьшали своих заслуг, напротив, Фролов весь успех операции приписывал нашей группе и его полностью поддерживал Тазиев. Они разговаривали между собой, чтоб слышали все, и будто спорили:

– А что ты думаешь, – говорил Федька, – мы им врезали, аж перночевать негде. Хрен бы что получилось, если бы не мы!

– А я что говорил! – кипятился Тазиев. – Да за такую операцию все должны медали получить, Анохину орден дадут!

– А ты что думаешь! И получим! Такое не каждый день бывает.

– Правильны! О таком в газете писать нада, как отважный разведчик Гришка Авдеев по прозвищу подполковник Климашевский взял «языка»...

– Хватит трепаться! Гришке под глаз медаль уже подвесили, – остудил всех Медвинский.

КП батальона нашли быстро. Анохин, Купоросов и Суменков ушли к комбату, а мы устроились в неглубокой канаве у огорода. В поселке рвались мины, у нас было сравнительно тихо. Пока было время, мы решили перекусить.

* * *

В жизни иногда случается такое, что и представить себе невозможно. Такое может случиться, что сам себе не поверишь!

Никто из нас и представить себе не мог, что этот проклятый день принесет нам еще столько потерь и мучений.

В то время, когда наш батальон вышиб эсэсовцев из Верхнего Курпа, Гогаберидзе и Кудряш конвоировали пленного. Здоровенный детина со скрученными за спиной руками покорно шел следом за Гогаберидзе, а Кудряш шагал следом за немцем с автоматом на шее. Они сравнительно спокойно перешли через широкую балку, вышли из зоны минометного обстрела и неторопливо пошагали к горам, по той самой дороге, по которой вчера вечером ехали сюда на повозках. Встречные бойцы с любопытством рассматривали рослого и здорового немца со связанными руками. В то время пленные фашисты были еще в диковинку, поэтому вызывали острое любопытство. Солдаты отпустили в адрес пленного и его фюрера соленые шутки, а тот шел молча, не реагируя на них и вроде бы даже не понимая. Пилотку он потерял в драке, физиономия была разбита, длинные светлые волосы растрепаны, падали на лицо, на губах, на щеке засохла кровь, кровью был испятнан его френч и брюки. Всю дорогу Костя Кудряш настырно высматривал какой-нибудь попутный транспорт, но откуда было ему знать, что еще с вечера командир бригады строжайше запретил всякое движение по этой дороге в дневное время. Стало жарко, хотелось пить. Раненая рука у Гогаберидзе опухла и сильно болела, он терпел, но каждый километр ему давался с трудом, его особенно мучала жажда. Костя Кудряш понимал, что товарищу тяжело и начал присматривать место для привала. Они шли вдоль склонов гор, поросших лесом, справа широкая, залитая солнцем, долина. Прошагали еще километра два. На пути им попался разросшийся куст колючего шиповника с красными крупными ягодами, здесь они и решили сделать короткий привал. В стороне в степи двое связистов возились с телефонным проводом – то ли связь тянули и сращивали два конца, то ли обрыв на линии нашли. Костя подошел к связистам, заинтересовался насчет воды, но и у них фляжки оказались пустыми, правда, они сообщили, что километра через два будет овражек с небольшим родником. Ребята решили просто отдохнуть. Кудряш вытащил из кармана тощую пачку немецких сигарет, решили попробовать. Сигареты оказались кислыми, безвкусными и совершенно слабыми. Костя сморщился и решительно заявил:

– Ни-и, это не по мне. Я такую гадость курить не могу. Пусть ихний фюрер это дерьмо курит. Фриц, ты курить будешь?

– Мой имя есть Клаус. Их виль раухен, – ответил немец, с трудом шевеля разбитыми губами.

– Надо же! Русский язык усвоил. Хочет, паразит, чтобы его по имени величали. Влеплю вот между глаз – будет тебе Клаус! – проворчал Кудряш, но воткнул немцу в рот зажженную сигарету, а сам соорудил себе самокрутку из привычного отечественного табака.

Война еле доносилась сюда раскатистыми взрывами снарядов, словно дальняя гроза. Было тихо, почти безветренно и жарко. В небе, правда, появились редкие ватные облачка, но они словно отекали яркое солнце и не давали тени. Ничего не предвещало неприятных неожиданностей, война осталась далеко позади. Но вдруг из синевы неба свалился на землю звенящий вой авиационного мотора. До бреющего полёта снизился небольшой двухфюзеляжный истребитель с толкающим винтом ФВ-198. Он летел вдоль дороги, по которой только что прошли разведчики, стремительно приближаясь к кусту шиповника, в котором они укрылись. Кудряш, Гогаберидзе прижались к колючим веткам, ожидая неминуемой пулеметной очереди. Пленный немец даже не шевельнулся, он лишь выплюнул дымящуюся сигарету и Кудряшу показалось, что губы пленного скривились в презрительной усмешке, а этот двуххвостый змей вдруг отвернул немного в

сторону, где-то развернулся и пошел на копавшихся с проводом связистов. Те слишком поздно побежали в сторону. Прогремела гулкая пулеметная очередь. Самолет стремительно, со свистом пронесся вперед, еще развернулся, заложив крутой вираж, снизился и пошел обратно. В это время двое связистов вскочили на ноги и побежали к нашему кусту. Наши бойцы ничего не могли поделать с этой двухвостой кометой. Связисты бежали рядом, и по ним полоснула пулеметная очередь. Оба упали, а самолет взмыл вверх и ушел в сторону Верхнего Курпа.

– Сиди здесь! – крикнул Костя Кудряш и побежал туда, где лежали оба связиста.

Тогда немец вдруг заговорил торопливо, обращаясь к Гогаберидзе:

– Иван, расфяши рука. Мне есть ошень болит.

– Терпи, терпи, фриц, мне тоже «есть ошень болит», а я терплю. Вот и ты потерпи.

– Я не есть бешать.

– Я тоже так думаю. Вот видишь? – Гогаберидзе погладил левой рукой свой автомат. – Пуля догонит, как ни беги.

– Тфой товарищ ист офицер? – снова спрашивал немец и Гогаберидзе искренне удивлялся его внезапной словоохотливости.

– Мой товарищ солдат. Он просто мой товарищ.

– О, йя понимайт. Слюшай, зольдат, я буду тебе сказаль один ошень фашный слов.

Ты нихт пук-пук?

– Валяй. Говори. Не бойся, мы не стреляем пленных.

– Я тебе делайт ошень хорошо. Ты спасайт дойче зольдат. Мой офицер довайт тебе свобода и ошень много денег. Ферштейн?

– Если ты будешь еще так говорить, я тебе буду «делайт» по морде. Ферштейн?

Немец замолчал, но потом начал снова:

– Тебе надо думайт, зольдат. Криег аллес капут! Сталин капут. Думай, тфой жить. У тебя есть хороший шанс.

– У тебя, гада, тоже есть хороший шанс. Во, видал?

Гогаберидзе приподнял автомат и покрутил его ствол перед носом немца. Он встал с земли и посмотрел в сторону, куда пошел Кудряш. Он увидел, что Костя тащит на плечах раненого связиста. Гогаберидзе не мог ему ничем помочь: он сам был ранен и не решился оставить одного этого здоровенного немца, который подбивал его на злое дело. У Гоши появилось настороженное недоверие к эсэсовцу, но он был молодым солдатом и добрым, доверчивым человеком. Гогаберидзе был опасен в бою, но здесь он считал, что игра окончена, немец проиграл и теперь должен покорно ждать своей не очень уж страшной судьбы.

Подойдя к кустам, Кудряш осторожно опустил на землю раненого.

– Понимаешь, а тот готов... пуля в спине и другая в затылке, а у этого нога перебита и бок прострелен. Пакет у тебя есть?

Пакет оказался один у Кости, другой у связиста. Его перевязали, израсходовали все перевязочные средства. Раненый связист тихо стонал.

– Что ж теперь делать-то? – сокрушался Кудряш – Ладно. Пошли что ль?

Гогаберидзе снова шел впереди, за ним немец, а последним Костя тащил на своей спине связиста. Через полкилометра Костя выдохся окончательно и, как на грех, сколько прошли и ни одной попутной подводы. Кудряш злился. Он представлял себе, что они без особых трудностей и забот придут в роту, а тут на вот тебе!

– Пристукнуть бы сейчас этого гада. Идет такой боров здоровый, а тут!..

– Ты с ним осторожно. Он, гад, русский язык знает.

– С чего ты взял? – удивился Кудряш.

– Он мне советовал отпустить его, большие деньги, между прочим, обещал. Всё равно, говорит, войне капут и Сталину капут.

– Я его, гада, научу свободу любить. Он у меня узнает, какой Сталину капут, он у меня сейчас своего фюрера вспоминать будет!

Костя затрясся от злобы, его слова немец понимал и теперь боялся, что его прикончат. Он начал что-то бормотать по-немецки.

– Слушай, – примирительно начал Гогаберидзе, – подожди, дорогой. Мне командир взвода говорил, чтобы я эту сволочь как брата берег. Хрен с ним. Положи мне раненого на левое плечо, я сильный, я его немного понесу, а там увидим.

– Нет, Гошка, это не дело. Давай отдохнем и пошли дальше. Ты только винтовку раненого возьми, не бросай ее.

Прошли еще с полкилометра и снова в изнеможении опустились на землю. Раненый стонал и просил пить. У всех ребят тоже губы от жажды потрескались, во рту пересохло. Как назло ни одного встречного на дороге.

– Потерпи, потерпи, браток! Там впереди где-то овражек, вы сами говорили, пройдем и напоим тебя. А сейчас нет у нас воды.

Костя сам еле держался на ногах. Раны у него были пустяшные, но здорово саднили, а главное, он уже был здорово покалечен войной, и сейчас от напряжения ныли старые раны, всё тело разламывалось от тупой боли. В чисто физическом плане лучше всех себя чувствовал и был здоровее всех пленный.

– Слушай-ка! – Косте пришла в голову гениальная мысль, – какого хрена этот бугай идёт себе и прохлаждает, а мы тащи?! Они же, сволочи, покалечили человека – так они и отвечать за это должны. Пусть тоже тащит – не маленький. Давай развяжем ему руки и пусть тащит. Никуда он не уйдет, я его, гада, в случае чего, первой пулей свалю.

– Хитрый он. Ему верить совсем нельзя, – пробовал возразить Гогаберидзе. Но и он понимал, что положение их сильно осложнилось, бросить раненого невозможно и дотащить его они тоже не в силах. В итоге Гогаберидзе согласился, и Кудряш принялся развязывать на руках пленного узел. Немца связали телефонным кабелем, и тугие стальные жилы очень больно стягивали ему руки. Ну а что было тогда делать? Немец, морщась, растирал себе затекшие руки, на его припухших запястьях были глубокие синие рубцы.

– Ты, ариец, у нас кто не работает – тот не ест. Ферштеен? Ты будешь нести раненого. И смотри – без дураков. Стреляю без предупреждения. Ферштеен?

Немец понял. Он согласно кивнул головой, взял раненого за руки, сноровисто положил его себе на спину, и вся процессия двинулась дальше, по пыльному и пустынному проселку, сквозь изнурительный зной и ослепительный свет южного солнца.

Вообще, и Кудряш, и Гогаберидзе понимали, что таким манером и с такими темпами они доберутся в роту только к вечеру. Если бы не раненый связист, то другое дело. Попутного транспорта не было, даже пешие солдаты их не нагоняли. Все были хорошо знакомы с манерами фашистских летчиков и старались без особой нужды не маячить на открытой местности. Даже учитывая физическую силу немца, приходилось делать непредвиденно частые остановки для отдыха. Ребята выбирали тенистое место, лежали неподвижно на земле, курили, по их лицам стекали соленые капли пота, оставляя на пропыленной коже грязные следы. Раненый связист всё просил пить. Немец тоже, по всей видимости, умаялся окончательно и буквально валился на землю на привалах. Немецкие сигареты давно кончились. Разведчики делились с немцем своим табаком. У немца не получались самокрутки, он удивлялся тому, что русские кладут табак в газету, считал это признаком отсутствия культуры.

Шло время. Мучительно медленно тянулись километры, все продолжительнее становились привалы. Ребята помнили, что Анохин собирался позвонить в роту, чтобы их встретили, но, похоже, связи снова не было, и они не надеялись на встречу. Клаус явно сдавал. Он тяжело дышал, чаще стал останавливаться и просил: «айи минутен». Измученный ношей, голодный, переживший тяжесть собственного пленения, измученный жаждой не меньше разведчиков, он со стоном опускался на землю. У Гогаберидзе все сильнее болела рука, он стойко, мужественно переносил страдания, а сейчас даже лицо у него стало землисто-серым, и Костя начинал побаиваться, что Гоша не сможет дотянуть до роты. Одна повозка все-таки встретилась, сидевший в ней ездовой сказал, что

он сам едет за ранеными, но пообещал, что непременно сообщит, что им всем нужна срочная помощь или захватит их на обратном пути.

Разведчики не знали, что и это обещание было невыполнимо, потому что днём эта дорога считалась непроезжей, а всех раненых в Верхнем Курпе везли через Лакисово на Старый Батако-Юрт. Ребята надеялись, что помощь подоспеет скоро. Разведчики шли самой короткой, но и самой безлюдной дорогой, не многие отваживались передвигаться по ней – здесь разбойничали немецкие истребители, гонялись буквально за каждым солдатом. Разведчики упрямо шагали вперед, и судьба-индейка вроде бы щадила их, если не считать того фокке-вульфа. Вражеские истребители появлялись еще пару раз, но в каждом случае ребятам удавалось укрыться от глаз немецких ассов.

Время давно перевалило за полдень, когда они подошли к неглубокому, но обрывистому овражку. Внизу рос ольшанник, перевитый колючками. Дорога здесь сворачивала вправо в объезд, а слева подступали заросли леса. Через овраг тянулась крутая тропинка.

– А ведь там должно вода, – предположил Костя.

Решили остановиться здесь, у края оврага. Кудряш молча полез по ступенькам тропинки вниз, а Гоша в изнеможении опустился на землю чуть в стороне от немца и раненого связиста. Голос Кости раздался откуда-то из-за кустов:

– Лужа здесь мутная и лягушка в ней, мать бы её!

– Пройди немного вверх, может, там родник, – посоветовал Гоша.

Костя что-то буркнул, на дне оврага затрещали сухие сучья, застучали камни. Костя медведем лез по валежнику и бурелому в поисках чистой воды. Гогаберидзе поднялся с земли, подошел к краю оврага, чтобы посмотреть, где его товарищ и в тот же момент сильнейший удар в спину сбил его с ног, он закричал и покатился вниз по глинистому обрыву. Всё произошло непостижимо быстро. Всего на две-три секунды Гогаберидзе упустил из вида эсэсовца, тот подошел сзади и сильным ударом сшиб Гошку вниз, он ударил его сапогом в поясницу. Разведчик, не ожидавший такого удара, выпустил из рук ремень винтовки и покатился вниз. Немец успел подхватить винтовку, он передернул затвор и выстрелил в Гошку метров с десяти. Свинцово-тяжелый удар огнем и болью парализовал все тело, припечатал его к земле, погасил сознание.

Кудряш, услышав крик товарища, выстрел, понял, что произошло что-то непредвиденное и недоброе. В ту же секунду Костя выскочил из зарослей ольхи, краем глаза заметил неподвижного Гогоберидзе, но на поверхности немца уже не было. Какое-то чудо стальной пружиной выбросило Кудряша на поверхность из этого оврага. Он сразу увидел бегущего по краю оврага к лесу немца и закричал:

– Стой, мать твою, стой!!!

И, не дожидаясь ответа, наверняка уже чувствуя, что немец не остановится, Костя ударил по бегущему короткой очередью и, видно, промазал, поторопился. Немец обернулся и выстрелил из винтовки. Пуля зло взвизгнула рядом с Кудряшом. Тогда Костя прицелился с колена, остановил дыхание, накрыл поясницу бегущего мушкой автомата и ударил длинной очередью. Очередь настигла эсэсовца, он словно зацепился ногой за что-то невидимое и упал вниз лицом. Кудряш подбежал к немцу, держа палец на спусковом крючке. Немец лежал на животе почти на самом краю оврага. Он, видно, хотел прыгнуть вниз и не успел. Рядом с ним валялась винтовка связиста. Костя перевернул немца на спину, и он застал, на его губах заплыла розовая пена.

– Думал уйти, сволочь?! – кричал Костя.

Злоба, досада душили его. В иступленной злобе Костя поднял автомат и ударил короткой очередью в голову умирающему немцу. Потом он бегом вернулся к Гогаберидзе. Тот был без сознания. С уголка губ стекала ему на шею бледно-розовая струйка крови. Перевязочных пакетов больше не было, Костя содрал с себя маскхалат, гимнастерку, разодрал финкой полосатую тельняшку и перемотал ею грудь товарища. Ранение было тяжелое. Гогаберидзе еле дышал. Двоих раненых Костя тащить не мог. Он стрелял из

винтовки, чтобы кто-то услышал, стрелял одиночными выстрелами из автомата. Прошло немало времени, прежде чем на дороге показалась повозка, это была та самая, что повстречалась ему еще утром. Костю Кудряша и двоих раненых доставили в разведроту перед вечером. Гогаберидзе почти не проявлял признаков жизни. Костя свалился на свою шинель, его бил какой-то приступ, его ломало, трясло, он долгое время не мог толком объяснить, что с ним произошло.

* * *

Стрелковые роты батальона, поддержанные батареей семидесятишестимиллиметровых пушек и минометами, к полудню полностью очистили Верхний Курп от противника. Однако, в полутора километрах за Верхним Курпом наступающие наткнулись на организованное сопротивление противника. Плотный пулеметный огонь и минометный обстрел вынудил бойцов стрелковых рот залечь и спешно окапываться под огнем противника. Роты понесли серьезные потери. Раненых удавалось оттащить в поселок и уже оттуда эвакуировать повозками на перевязочный эвакуационный пункт.

В душе Анохин соглашался с Суменковым, что разведчики свою задачу выполнили: неожиданным ударом во фланг обороняющимся эсэсовцам они способствовали успеху наступательной операции, взяли язык, захвачен какой-то портфель с документами. Правда, этот портфель передали батальонным разведчикам (они участвовали в общей операции), вроде можно было бы возвращаться. Но... Анохин понимал, что уйти вот сейчас из батальона было бы очень похожим на предательство. Фашисты не смиряются с потерей Верхнего Курпа, с часа на час следовало ожидать контратаки, а он, лейтенант Анохин, в это самое время поведет свою группу в тыл, поведет в то время, когда уже потрепанные стрелковые роты собирают все имеющиеся силы, когда в строй возвращаются раненые для отражения контратак противника. Анохин не уходил из Верхнего Курпа и вынужден был напомнить «любителям легкой жизни», что Натынов приказал действовать совместно с батальоном, а «языка» взять не где-нибудь, а только в Нижнем Курпе, к тому же комбат приказывал, ссылаясь на того же Натынова, оставаться разведчикам в батальоне, а в случае неповиновения, грозил жаловаться комбригу и даже расстрелять Анохина.

По этому поводу «народ безмолвствовал», но духом не падал и не терялся, многие ребята прибрахлились и щеголяли в немецких сапогах. Федька Фролов вообще учудил: нашел рыжий немецкий ранец с новым немецким обмундированием, хотел он было сейчас же вырядиться под немца, но Анохин не разрешил – свои ненароком пристрелят. По приказу комбата батальонные разведчики оставили нашу группу, а мы отправились на окраину, где встретили и того пропыленного лейтенанта – командира роты, который обещался угостить нас спиртом. Мы сидели в каком-то ровике.

– А, раз-звездка! И в-вы здесь?

– Здесь, – подтвердил Анохин. – А вас где-то черти носят. Ни комбата, ни командиров рот – никого не найдешь.

– К-кто ищет, т-тот всегда н-найдет! Жрать х-хотите?

– И выпить тоже. Кто-то обещал даже отметить заслуги разведроты.

– Н-ну вы даете! Хрен с-с вами, п-пошли.

Мы послушно пошли за лейтенантом. Он привел нас в небольшой овражек на окраине поселка. На краю оврага был отрыт глубокий окоп, там сидел телефонист, а на дне оврага лежало несколько вещмешков, канистра и брезентовые сумки с дисками к ручному пулемету.

– Захаров! – крикнул лейтенант.

Из зарослей терновника тут же появился усатый дядька с длинными руками и неестественно тонкими и кривыми ногами, перетянутыми серыми обмотками.

– По вашему приказанию рядовой Захаров явился, – отчеканил усатый дядька, козырнул и замер по стойке «смирно».

– С-смотрите н-на него. Иис-сус Христос яв-вился. Яв-вление Хри-иста н-народу, – ворчал добродушно лейтенант. – Ск-олько я теб-бе гов-ворил, что Хрис-стос являет-ся, а боец в-сегда п-прибыв-вает!

– Виноват, товарищ лейтенант, рядовой Захаров прибыл.

– Ты, ряд-довой Захаров, в-видишь этих геро-оев-сув-воровцев? Это и есть т-те чу-до-богаты-ыри, которые г-гонят врага от Рос-стова до Ка-азбека. Выд-дай им все-ем по полкружке сп-пирта, а их к-команд-диру и вон еще т-тому боро-одатому с с-синяк-ком на морде да-авай без ог-граничений! Т-ты ребят накорм-мил?

– Всех накормил.

– Т-там у т-тебя что о-осталось?

– Осталось, товарищ лейтенант.

– Н-накорми ра-азведчиков.

Рядовой Захаров оказался весьма расторопным дядькой. Буквально через пять минут мы уже ели полуостывший гороховый суп. Каждому было налито примерно по сто грамм спирта трофейного немецкого, а полюбившийся лейтенанту Авдеев хватил почти кружку. Спирт пили, не разбавляя, только потом, проглотив последний глоток огненной жидкости, запивали водой. Потом нам выдали по куску вареной баранины. Мы финками срезали с костей остывшее жирное мясо и с наслаждением ели. Никогда в жизни не приходилось мне есть такого вкусного мяса. Вообще ребят здесь здорово кормят, правда, в сравнении с нами, их ряды значительно быстрее редеют.

К нашей пехоте подтягивались тылы, меняли огневые минометчики и артиллеристы, тянули связь. Передовая жила своей очень напряженной и опасной жизнью.

Наевшись до отвала, довольный Авдеев развалился на траве, блаженно затыкнул цигаркой и сказал, обращаясь к командиру роты:

– Ну бывают же хорошие люди на белом свете! Слушай, лейтенант, хочешь, я тебе часы подарю? Хорошие часы, еще тепленькие.

– Хочу.

Авдеев достал из кармана наручные часы с черным циферблатом и на черном ремешке и протянул их лейтенанту.

– Держи на память.

– См-мотри-ка, золот-тые, – говорит лейтенант, рассматривая подарок.

– А что ж ты думаешь, барахло не держим!

– Ну ты даешь, борода! Не жалко?

– Тоже удумал – жалко! Да мне фюрер знаешь, чего еще приготовил. Всё ждет, бедолага, когда я к нему в Берлин загляну. Надо будет заглянуть!

– Эт-то точно. Хочешь, я тебе еще в-водки налью?

– Товарищ лейтенант, разве об этом спрашивают старого матроса?

– А пьяный н-не будешь?

– Могу. Только для этого мне нужно всю эту канистру выпить.

– Ну, ты даешь! Ладно. Наливай и пей п-по п-потреб-бности.

Над передней линии обороны наших стрелковых рот гремела ружейно-пулеметная перестрелка. Наши части, напорившись на организованную оборону противника, больше не предпринимали попыток для наступления, ожидая огневой поддержки наших артиллеристов и минометчиков. А немцы, видимо, накапливали силы для контратаки. Вот в это время и появились тяжелые двухмоторные «Юнкерсы». Они шли на порядочной высоте, их серебристые со светло-желтыми концами крылья растворялись в голубом сверкающем небе. Самолетов было много, и их грозный моторный гул заполнил собой всю вселенную.

– Ну, сейчас дадут, аж переночевать негде! – проговорил Фролов.

Все замерло, все затаилось, попряталось в ожидании бомбового удара.

– Двадцать два самолета. Ни хрена уха! Если сейчас вдарит, то чирик-воробушек! – констатировал Бельтюков.

Самолеты прошли вроде бы даже курсом правее Верхнего Курпа, потом развернулись и высыпали груз бомб куда-то за окраину поселка, похоже, ударили по его южной окраине и по балке. Многоголосый свист и рев бомб сменился обвальным тяжелым грохотом взрывов, все гудело, грохотало, и вся планета дрожала словно в лихорадке. В синее небо мгновенно подымались с земли серые лохмы разрывов тяжелых бомб и медленно оседали, оставляя в воздухе пыль и клубы дыма. Отбомбившись, самолеты пошли на север прямо над Верхним Курпом, и мы все ждали, что они не все бомбы сбросили в балку, но и для нас оставили. Гулом моторов они придавили к земле всё живое, даже деревья стали ниже, но бомб не сбросили, ушли в дальние степи, растаяли в голубом мареве неба. Спустя некоторое время, низко над землей прошли два двухфюзеляжных истребителя «Фокке-вульф-198» с толкающим винтом между двумя хвостами, пролетели над Курпом, над балкой, ушли к дальним вершинам Сунженского хребта.

– Любуются, сволочи! – сказал кто-то из ребят.

Я заметил, что бойцы как-то стали привыкать к безраздельному господству в воздухе вражеской авиации и редко кто материл сталинских соколов и удалых зенитчиков, которые словно сквозь землю провалились.

В роте появился связной командира батальона, сухощавый форсистый парень в маскхалате и с полевой сумкой на боку. Он передал, что командира роты и командира разведгруппы срочно вызывает к себе командир батальона. На сей раз Анохин взял с собой Суменкова и Тазиева, а мы по-прежнему сидели в овраге, курили и «травили баланду». На передовой начали рваться немецкие мины. Опытные ребята говорили, что это еще цветочки, это пристрелка, которую ведут батареи с новых огневых позиций. «Вот сейчас пристреляются, а потом уж и влепят». Действительно, минометный огонь противника усиливался, несколько мин перелетели наш овражек и рванули в поселке. Особенно жаркая перестрелка слышалась правее Верхнего Курпа, у высоты 488.

Вскоре появился весь красный, разгоряченный лейтенант, который угощал нас водкой. Он спрыгнул в овражек, увидел нас и сразу же зашумел:

– Разведка, мать ваша перечница, курортный сезон закончился! Какого хрена сидите! Война идет, а они в яме сидят! Захаров! Собирай шмотки, пойдем в окопы, там непременно скоро начнется! Не бери пример с разведки...

– А, товарищ лейтенант, мы без дела не останемся, прощаться даже не будем, скоро увидимся. Разведку не забудут и без дела не оставят, – ответил Медвинский.

Анохин появился минут через десять. Они с Суменковым и Тазиевым свалились словно с неба и привели с собой еще троих саперов с туго набитыми вещмешками.

– Кончай загорать! – выпалил Анохин с ходу. – Славяне, сейчас идем к дороге, что на Верхний Акбаш. Там фланг ничем не прикрыт. Задача: разведать обстановку, заминировать эту дорогу. В случае опасности дать серию белых ракет и отойти к окраине Верхнего Курпа, не драпать, а отойти!

Какие здесь могут быть вопросы? Все предельно ясно. Снова пошли цепочкой, настороженно вслушиваясь в надрывный и угрожающий визг падающих мин, в некоторых местах двигались короткими перебежками, а потом пошли уже в открытую полем к дороге на Верхний Акбаш и как-то повезло – по нашей группе не стреляли.

* * *

Горячий и вспыльчивый начальник бригады разведки, старший лейтенант Натынов, был рассержен на командира разведгруппы Анохина, на командира разведроты Ласточкина и обижен на командира батальона майора Марёнова. Как же не рассердиться: он знал, что Ласточкин со своей разведгруппой на пути к Верхнему Акбашу напоролся на немцев, попал под сильный пулеметный огонь, потерял двоих ранеными и одного уби-

тым и откатился, не выполнив задания; командир взвода Анохин действовал в Верхнем Курпе, сведений о нем никаких не было. Разведчики Марёнова доставили в штаб бригады портфель с немецкими оперативными документами. Документы очень ценные, по ним можно было судить, что основная гроза собирается здесь, в районе Плановского, чтобы подтвердить всё это, нужен язык, а Анохин не дает о себе знать и не возвращается из Верхнего Курпа. Обстановка в Верхнем Курпе пока непонятная, связи с батальоном нет. Марёнов, тот самый Марёнов, который выпрашивал у него разведчиков, теперь оставляет его без информации, не желая даже связного прислать, и он, Натынов, оказался в смешном положении перед штабом.

Натынов полагал, что всеми разведчиками бригады и даже батальонов в первую очередь мог распоряжаться только он сам, у разведчиков свои задачи. Разведданные о противнике должен представлять начальнику штаба только он, Натынов, и никто другой, и ответственность за достоверность сведений о противнике возложена на него. А в это время Марёнов в обход его, Натынова, присылает какие-то сведения о противнике непосредственно начальнику штаба, задерживает самовольно разведчиков у себя в батальоне – на чужой шее в рай въезжает, а его, Натынова, оставляет в дураках.

Здесь нужно проявить характер, но как? Штаб бригады расположился на южной окраине Эльхотова, а отсюда до Верхнего Курпа около двадцати километров! Связь с батальоном еще ранним утром оборвалась и до сих пор не восстановлена. Разведотдел (Натынов, его заместитель, переводчик и связист) находились в заброшенном домике на окраине Эльхотова. Натынов метался по комнате, матерился, ругал связиста, а тот с завидным спокойствием, видимо, привыкший к шумливому начальству, беспрестанно покручивал ручку телефонного аппарата и безразлично-монотонным голосом говорил в трубку:

– Алло! Ракита, ракета. Алло, ракета!

– Тоже мне – ракета! Дерьмо, а не ракета!

– Хиба я шо? Ну, нэма связи... Алло, ракета, ракета.... Це ракета? Какого хрена молчишь, мать твою! Давай сосну! Шо? Соедыняй, говорю, бо сам десятый будэ балакаты! Як нэма? Та вы шо! Хто там на линии?

– Слухай, як пробьется, соедыни!

Связи не было, но что-то там происходило в этом Верхнем Курпе. Штабу уже было известно, что батальон перешел в наступление, бои идут в самом посёлке. Натынов был уверен, что разведгруппа действует совместно с частями батальона, но ничего не знал о том, что там происходит. Связь на короткое время появилась еще ранним утром, ему доложили, что Анохин ушел «туда»... И вот до сих пор ни звука! Конечно, во многом виноват Ласточкин. Это он инструктировал разведчиков и уж нарочного они могли бы послать, и вообще, чего там Анохин делает! Сейчас уже полдень...

– Давай, давай связь! – подгонял связиста Натынов.

– Ну, нэма звязи... Алло, ракета, ракета... Це ракета? Де сосна?..

«А этого Анохина с Суменковым нужно убирать из разведки», – приливы праведной, как казалось Натынову, злости мучили его. – «Да и насчет Ласточкина пора подумать. Самое место для них в пехоте. Тоже стратеги нашлись! И Данилов хорош: ранен – так крути в госпиталь, на его место всегда человека найти можно. А то взял моду – лечиться в роте! Нашел санаторий! Тоже мне деятель! И Купоросов хорош: целый портфель с документами передать командиру батальона, а не ему, Натынову! Всему виной мягкотелость, шлепнуть бы одного за невыполнение боевого задания – остальные бы поняли».

Связист всё гудел и гудел в свою трубку, мало обращая внимания на мечущегося старшего лейтенанта. И вдруг... Слава богу! Связист торопливо, боясь, что связь снова пропадет, закричал:

– Алло! Сосна? Алло! Семнадцатого давай! Ты шо, зчумыв? Давай, говорю, семнадцатого! Оглох мабуть! Семнадцатого... Товарыш Семнадцатый?

– Десятый на проводе!

Связист торопливо протянул трубку Натынову:

– Марёнов у аппарата, товарищ старший лейтенант!

Натынов торопливо вцепился в трубку, так что пальцы побелели:

– Алло! Семнадцатый? Привет. Десятый говорит. Слушай, какого хрена ты моих ребят там держишь? Дураков нашел? Что? Громче говори! Я не кричу, я говорю. Что? Ты не обижайся! Алло! Семнадцатый? Не обижайтесь, говорю. Мне здесь другую задачу ставят, а людей нет. Посылай сюда моих. Что? Как до вечера? Слушай, ты меня без ножа... Что? Давно? Кого? Повтори, я не понял. Эсэсовца?.. А вы как думали! Плохих не держим! Вот и я говорю! Но, ребят мне верни!... Ребят, говорю... Алло, алло, ракета! Ракита, мать твою!.. Давай сосну... Что?! Давай, тебе говорю!..

Натынов снова приказал связисту непременно найти «Сосну», а сам стал метаться по комнате, материть связь, Марёнова, Ласточкина, Анохина и всех, кто попадался ему на язык. Но сердце его уже начало дрожать от еще не осознанной вполне радости: как же, на второй день боевых действий – и уже «язык», и не какой-нибудь, а эсэсовец. Радость и одновременно злость брала, от злости и праведного гнева трясло Натынова – взять «языка» и чего-то еще тянуть. Чего-то болтаться там, в батальоне, который вполне мог обойтись и без бригадных разведчиков!

Натынов уже начисто забыл или не хотел вспоминать, что, ставя задачу разведчикам, он подчеркнул, что действовать они должны в тесном контакте с батальоном, что «языка» они должны были взять не где-нибудь, а в Нижнем Курпе. А вот к этому Нижнему Курпу разведчики не могли пробиться, накануне этот населенный пункт был захвачен противником.

Но, как бы там ни было, «язык» есть! Это хорошо. Это очень хорошо. Теперь по всей армии, по всему фронту пойдет разведсводка... Бесспорно, что значимость разведки бригады, а это в первую очередь его личная значимость, возрастут.

Натынов немного подумал и бросил связисту значительно:

– Соедини меня с Пекаревым.

Начальника штаба бригады майора Пекарева Натынов немного недолюбливал, считал его «штабной крысой», штабным бюрократом, но одновременно он понимал, что от Пекарева многое зависит, т.к. сам Натынов, будучи начальником разведки, являлся структурным подразделением этого штаба и был подчинен Пекареву. Всегда шумливый и вконец задерганный майор был способен задергать и других, отчитать, даже накричать. Только утром он отчитывал начальника связи бригады и его, Натынова. Пекарев требовал немедленно точных сведений о противнике, о его замыслах, о расположении его частей и резервов...

Группа Ласточкина ночью напоролась на противника, разведчики понесли потери и едва убралась из-под пулеметного огня. Когда до Натынова дошли сведения о том, что не только Нижний, но и Верхний Курп заняты противником, он был почти уверен, что и группу Анохина ждет неудача... Однако, вот... Не будет же комбат врать. Разведчики конвоируют в штаб бригады пленного да еще эсэсовца, а у самого комбата еще какая-то пачка захваченных оперативных документов противника... Это успех! Это несомненный успех!

– Товарищ старший лейтенант, восьмой у телефона!

Сказал связист, протягивая Натынову теплую телефонную трубку.

– Товарищ восьмой? Десятый докладывает. Разведгруппа бригадных разведчиков взяла языка, задание выполнила... Да-да... Нет, его еще конвоируют сюда... Понимаю... Так точно... Сейчас же доложу.

– Вот так-то!

Последнее Натынов самодовольно бросил связисту, возвращая ему телефонную трубку, и потер руки.

Натынов приказал связисту разыскать по связи переводчика, который был в Плановском и непременно дозвониться до Ласточкина – пленного он должен сразу же до-

ставить сюда в штаб и «без всяких там выкрутасов». Натынов взял со своей постели трофейную алюминиевую фляжку, обтянутую серым сукном, потряс её возле уха, потом отвернул крышку и сделал пару больших глотков. Огненная река перехватила дыхание. Он закусил куском кукурузной лепешки и вслух произнес, ни к кому не обращаясь:

– Ну, начало положено. Разгильдяи они, в руках их держать нужно, но как поднажмешь, так ничего – работают.

Часа через полтора на взмыленном коне к дому, где размещался разведотдел, прилетел лейтенант Ласточкин, прогромыхал сапогами по крыльцу и ввалился в комнату. Вытер взмокший лоб и плюхнулся на пристенную скамейку. Натынов по одному виду его понял, что стряслось что-то неприятное и непредвиденное. Он выжидательно смотрел на командира разведроты, и в душе его уже начинала подниматься волна безотчетной злости.

– Плохо дело-то! – выпалил Ласточкин.

– Что еще?

На щеках у Натынова желваки заходили.

– Языка ребята прикончили.

– К-как это прикончили? Что значит прикончили? Вы там, что, в своем уме?!

– Да при попытке...

– Что «при попытке»? Да я вам головы всем поотворачиваю! Под трибунал! В штрафроту всех! Ты этого хочешь?! Ты чего расселся? Где группа? Какого черта твой Анохин там крутится?!

Натынов уже кричал. В голове не умещалась эта страшная новость – прикончить «языка» – уму непостижимо!

– Да, что вы шумите-то, забодай их комарь, выслушай сначала...

– Что? – все больше кипятился Натынов. – Ты еще учить меня! Развел в роте бардак! Где «язык» я спрашиваю?!

Натынова буквально трясло. Человек он был горячий, несдержанный, а тут еще такое! Ласточкин побелел, он не мог переносить подобных криков Натынова и воспринимал их как личное оскорбление.

– Чего кричишь! Я ж говорю при попытке его...

– А ты что из меня дурака делаешь?! Почему не обеспечили доставку пленного?!

Многоопытный связист, видя такое дело, оставил свой телефонный аппарат и вылетел из дома.

– Вы на меня не кричите, старший лейтенант, прошу вас не забываться...

– Хватит болтать! Где твой Анохин? От заданий отлынивает! Придуривается там в батальоне.

– Батальон там бой ведет! Курпом овладел! Там не придуриваются, это вам не Эльхотово...

– Что?! Вот ты как заговорил! Кто «языка» убил?

– Его конвоировали два разведчика, одного он тяжело ранил...

– Отставить болтовню! Как это пленный мог ранить? Его что, твой Анохин не обезоружил? Кто в конвое был?

– Там не всё так просто, старший лейтенант.

– Кто конвоировал, спрашиваю!

– Разведчик Кудряш и этот, как его, Гогаберидзе.

– Обоих в штрафную роту! Понятно? Чтобы завтра же их обоих в роте не было!

– А их уже и нет, старший лейтенант, – оба в госпитале, оба ранены.

– И Анохина с Суменковым гнать! Под твою личную ответственность! Понял? А о тебе и об Анохине буду докладывать Пекареву. Я в роте бардак терпеть не буду. Развалил роту! Никакого порядка! Убить «языка»... это ж подумать только! Такого за всю войну еще не было... Всё! Хватит! Вались в роту и к едрене матери! Сам в Курп к этому разгильдяю поезжай, а «язык» чтоб к вечеру был!

Ласточкин как-то медленно спустился с крыльца, словно о чем-то раздумывая, взобрался в седло и вдруг неожиданно резко вытянул жеребца нагайкой. Жеребец коротко взвизгнул, встал на дыбки, а потом рванулся на дорогу. Ласточкин едва увернулся от промелькнувшей над головой перекладыны ворот.

* * *

Наша разведгруппа, которой командовал Анохин, потеряла троих ранеными (Костя Кудряш был ранен легко), отослала пленного под конвоем в роту и была занята выполнением уже другой задачи. На фронте батальона сложилась опасная ситуация: выбив части дивизии СС «Викинг» из Верхнего Курпа, командир батальона попытался таким же наскоком овладеть господствующей высотой 488 и одновременно на плечах отступающего противника продвинуться к Нижнему Курпу. Однако, из этих попыток почти ничего не получилось. Немцы довольно быстро оправались от шока внезапности и встретили наступающих плотным огнем, под которым наши стрелки залегли. Командир бригады заверял комбата в том, что к нему будут направлены подкрепления и новые огневые средства, он требовал от Марёнова, чтобы тот собрал все силы и продолжал развивать успех, не позволял закрепиться противнику... но время было упущено. Бригада завязла в боях под Плановским, где действовали крупные силы противника. Противник атаковал наши части в районе Верхнего Акбаша. В резерве комбрига оставалось мало сил, а чтобы помочь Марёнову в Верхнем Курпе, нужно было пройти пешим маршем не менее 20 километров, ближе резервов не было, а на это требовалось время, много времени, обстановка же менялась ежесекундно, ежеминутно. Единственное, что практически мог сделать комбриг – так это дополнительно послать батарею 76-миллиметровых пушек и батарею батальонных минометов. И то хлеб, но шло время, а эти батареи были в пути и не появлялись в расположении батальона.

Бросив все силы на штурм высоты 488 и на преследование отступающего противника, Марёнов оголил левый фланг батальона. Со стороны Верхнего Акбаша, очень опасного направления, противник мог неожиданно и, не встречая сопротивления, ворваться в Верхний Курп, буквально на КП батальона. Никаких больше сил на то, чтобы прикрыть это направление у Марёнова не было.

Марёнов решил на дорогу из Верхнего Акбаша в Курп направить разведчиков Анохина и дать им еще троих саперов. Они должны были заминировать дорогу и прикрыть фланг батальона. Комбат знал, что малочисленная группа разведчиков не сможет и нескольких минут противостоять моторизованной роте противника, её сомнут танки и бронетранспортеры, тем более там не было никакой подготовленной обороны и некогда её было готовить. Но если разведчики ухитрятся хоть какое-то время задержать наступающих и своевременно предупредить батальон об опасности, то и это уже большое дело – можно будет как-то сманеврировать силами.

Анохин просил комбата связаться с Натыновым, рассказать ему о действиях группы и согласовать дальнейшие задачи. Марёнов обещал. Заверил, что как только появится обещанное подкрепление, он немедленно сменит разведчиков и обо всем договорится с Ватиновым. Среди большого количества трофеев мы раздобыли ракетницу, ракеты, похожие на патроны к охотничьему ружью. Боеприпасы у нас были в достаточном количестве, и мы отправились в сторону дороги, ведущей из Верхнего Курпа в Верхний Акбаш. Стояли еще по-летнему теплые дни солнечной южной осени. Перевалило за полдень, наступило самое жаркое время дня. Обычный деревенский проселок тянулся по пологим невысоким горбам, горизонт зыбился в мареве, а мы шли цепочкой по полю к дороге на Верхний Акбаш. Бой гремел правее нас, а здесь было подозрительно тихо и это настораживало. Далеко в поле стояли два стога старой соломы, мы шли в этом направлении. Прошли, наверное, километра два, прежде чем подошли к этим стогам. Они

стояли забытые и никому не нужные. Верхний слой соломы, вымытый дождями, просушенный солнцем и ветром был грязно-серого цвета. Дальше за стогами виднелась жиденькая лесопосадка вдоль дороги, той самой, которая и определяла, по мнению комбата, опасное направление. Мы свернули с проселка и шагали по старой пашне, зарастающей полынью, татарником и конским щавелем. Солнце жгло плечи, от яркого света глазам было больно, маскхалаты пропылились. Шли по открытому месту, если нарвемся на засаду в той посадке, перебьют всех, никто не уйдет. Анохин выслал вперед головной дозор. Впереди шагали Осейкин и Селиванов. Если в посадке немцы, то первые пули получают эти два парня, а нам достанется всё остальное. Вообще-то к этому необходимо привыкать и не думать много. Ребята шли спокойно, уверенно, автоматы, как и у всех, висели на шее, а ствол вперед и палец на спусковом крючке, затворы взведены и все шутики в сторону. Это очень плохо, что здесь так подозрительно тихо.

От жары что ли, в глазах зеленеет и временами ну ничего не видно. Топаешь по пашне, из-под ног плывет легкая пыль, пить хочется, соленый пот лезет в глаза и их начинает щипать, как от перца. Наконец, вот она, эта несчастная жиденькая посадка из зловредной колючей акации. Дорога пустынна.

Неширокая ухабистая дорога начиналась метрах в пятнадцати от посадки. Кое-где еще торчали телеграфные столбы, а провода на них оборваны, валялись сбоку дороги у мелкого кювета. Жиденькая акация даёт мало тени, трава под деревьями выгорела, засохла на солнце. Жарко. Теперь наша вареная свинина непременно протухнет. Часть мы уже съели, а остальное, видимо, придется выбросить. Перекусить Анохин не разрешает, не время. Дорога здесь делает небольшой изгиб. Мы расположились как раз на этом повороте. Отсюда по обе стороны дорога далеко видна. На этом повороте саперы решили поставить мины. Несколько разведчиков помогают им долбить стальными саперными лопатами с коротенькой ручкой сухую и твердую, как камень, землю. Те, кто делом не занят, молча курят, внимательно смотрят за дорогой и добра от неё не ждут. Саперы и ребята торопятся – понимают, что противника можно ждать с минуты на минуту. Мины ставят противопехотные и противотранспортные в деревянных коробках. Почти все мины успели поставить, как послышался шум мотора и через мгновение раздался крик:

– Воздух!

Все ребята бросились в посадку и лежали, не шевелясь. В небе показалась «рама» – двухфюзеляжный и двухмоторный самолет-разведчик. Он появился откуда-то с запада и прошел низко над дорогой на высоте не более трехсот метров. Самолет прошел к Верхнему Курпу, покружил над ним и снова ушел на запад, низко пролетев над дорогой. По «раме» никто не стрелял. Её, окаянную, сбить трудно, только себя обнаружишь. А нам снова повезло – мы на этой дороге раньше немцев оказались. Теперь нужно ждать «гостей» – эта «рама» недаром кружила. Немецкие самолеты летают здесь безнаказанно, зениток у нас мало, на нашем участке их вообще нет. Ребята говорят, что под Плановским и под Малгобеком их против танков используют, а уж авиацию – ладно, перетерпим.

Еще около часа было тихо, потом со стороны Верхнего Акбаша послышался какой-то шум. Вначале понять было трудно, а потом стало ясно – шли мотоциклы. Совсем как в прошлый раз у Дейского.

– Приготовиться и без меня не стрелять! – скомандовал Анохин.

Ребята замерли. Только б не было бронетранспортеров. Все вжалась в землю, автоматы взведены... Шум моторов всё ближе и от этого проклятого треска почему-то стало сосать под ложечкой. Сейчас схватимся. Сейчас начнется. В голове пусто, только уши настороженно ловят нарастающий треск моторов. Мотоциклисты долго не показывались на дороге, потом в зыбком мареве, в пыли над дорогой, зашевелились какие-то неясные серые тени. Я невольно приподымал голову, мешала смотреть довольно высокая сухая трава.

– Не маячь! – зашипел Суменков.

Из пологой низины, которую я как-то сразу и не разглядел, вдруг появились на дороге первые машины. Они были сравнительно близко и их было много, не менее полутора десятков. Машины подняли пыль и за ее завесой не было видно, что там за ними, за мотоциклистами. Трескотня моторов глушила все остальные звуки. Мотоциклисты шли на малой скорости, почти все машины с колясками и в них пулеметчики. Они все ближе. За высокой травой мне их стало совсем не видно, но я не приподнимаю головы, чтобы преждевременно не обнаружить засады, да и стрелять все равно раньше Анохина нельзя. Душа замерла и дыхание вроде прекратилось. Нас двенадцать, да трое саперов с винтовками. Немцев больше, но мы в засаде, а это большое преимущество. Правда, подобные мысли приходят потом, а в те мгновения все нервы были наполнены и напряжены ожиданием первой автоматной очереди. Секунды растянулись в вечность, все автоматы повернуты в сторону дороги. Наконец, я вижу их. Вот они, рядом. На головах каски, на глазах защитные очки. Еще секунда и они буквально напротив меня. Анохин молчит. Первый мотоцикл проехал мимо, едет второй, третий... и вдруг взрыв! Серый клубок дыма и пыли подбрасывает машину, кувыркается в воздухе оторванное колесо. Машины резко тормозят, слышны крики и... еще взрыв – в воздухе куски рваного железа и тряпок, чей-то крик. Машины начинают разворачиваться, и здесь ударила первая автоматная очередь. Сразу страшный треск автоматов! На дороге пыль, крики... еще взрыв. Я приподнимаюсь на колено, теперь отлично вижу мотоциклистов и стреляю в них короткими торопливыми очередями...

Крики, стрельба, треск моторов, пыль... Какой-то мотоцикл, потеряв управление катится на нас, прямо в посадку, в его коляске убитый пулеметчик, за рулем раненый или тоже уже мертвец. Мотоцикл ударился рулем в колючее дерево, заглох, с седла свалился немецкий солдат.

Несколько машин успели развернуться и откровенно удирают. По нам ударили пулеметы, но их огонь неприцелен и пока не причиняет нам урона.

Два мотоцикла лежат на боку прямо посреди дороги и около них убитые или раненые... Какой-то мотоциклист успел откатиться от нас метров на сто, он залетел в посадку и оттуда ударил по нам пулеметным огнем.

Этот уже бьет прицельно, пули зло крошат белое мясо деревьев, летят сшибленные листья и ветки. В ответ по мотоциклу стреляют почти все автоматы, и огонь пулемета прекращается. Пулемет подавлен. Прошло не больше полутора минут боя, а диски почти пустые, уцелевшие мотоциклисты умчались обратно, исчезли за сплошной завесой пыли. Внезапно всё затихло. На дороге трупы убитых, стонут раненые. У нас потерь нет. Еще с минуту мы лежим, не двигаясь, пыль оседает, моторов больше не слышно. По команде Анохина Медвинский берет ракетницу и трижды стреляет вверх. Три белые искры одна за другой врываются в небо, оставляя за собой серую тонкую полосу дымного следа. Там, в Верхнем Курпе должны понять наш сигнал: «встретились с противником, ведем бой».

– Собрать у убитых документы. Осторожно, на мины не лезьте, – командует Анохин.

На дорогу вышло несколько человек, в том числе и я. Вот он, немец! Лежит на спине, раскинув руки, в каске пулевая пробоина, лицо залито кровью... Вот и всё! Покорил весь мир, и этот мир в одну минуту стал ему больше не нужен, и все идеи фюрера, и все теории расового превосходства превратились в пустую и глупую блажь. Где-то в «Германии туманной» остались его родные, они ждут писем и, может быть, посылок, а его уже нет и через несколько часов на этой убийственной жаре от его трупа поползет тяжелое зловоние... На обочине дороги лежит еще один на животе, уткнувшись лицом в дорожную пыль, каска с него упала и откатилась в сторону, светлые волосы в пыли, рядом лежит его автомат. Я наклонился, чтобы вытащить у первого убитого документы и вдруг заметил, что рука второго, перебирая пальцами, подтаскивает к себе автомат.

Ранен? Притворился? Зевать нельзя! Я наступил на автомат ногой и, направив ствол своего автомата на лежащего, почти закричал:

– Хальт, сволочь! Ауфштейн! Шнеллер!

Немец с трудом переворачивается на бок и стонет. Он смотрит не на меня, а на ствол моего автомата, направленного ему прямо в лицо, глаза вытаращены, губы трясутся. Он ранен в ноги и в живот, его френч в крови, он боится очереди моего автомата, пытается приподняться, но не может и со стоном валится снова на дорогу. Подходит Козловский, уже пожилой (лет тридцати) разведчик и равнодушно говорит:

– Добей его, гада.

Я вытащил из карманов раненого его солдатскую книжку – «зольдбук», кожаный бумажник, в котором какое-то бумажное барахло. Добивать его я не стал – не могу стрелять в поверженного противника! Нас, конечно, отсюда выкурят, вот тогда и помогут немцы своему собрату. Больше всего повезло Соловьеву: с убитого лейтенанта он сорвал железный крест, забрал его документы и в покореженном взрывом мотоцикле нашел планшетку с топографической картой. Анохин повесил планшетку себе на плечо.

– Здесь еще раненый. Что с ним делать? – кричит Селиванов. Он стоит над лежащим немцем, а тот протянутой рукой с растопыренными пальцами загораживается от направленного на него ствола автомата.

– Оставь его. Хрен с ним. Мы сейчас уйдем, а немцы непременно вернуться и силенок у них будет побольше, – говорит Анохин.

Раненый враг это всё равно враг, он вылечится и снова возьмет в руки оружие, но тащить их в Верхний Курп – это далеко и перевязочных пакетов у нас лишних нет.

– Не трогать раненых! – строго повторяет Анохин.

А их никто и не трогает...

Вдруг раздается короткая и хлесткая очередь немецкого автомата. Один из разведчиков, словно, переломился и упал на дорогу. Из кювета вскочил немец и побежал в поле. Селиванов дал короткую очередь, но промазал, немец бежал довольно резво. Один из саперов вскинул винтовку, не торопясь прицелился и выстрелил. Немец упал. К нему побежали сапер и Селиванов. Хорошо стрелял этот молодой сапер. Немец был уже мертв, пока к нему подбежали. До этого он был легко ранен, упал с покалеченного мотоцикла. Пуля задела ему левую руку. К нему неосторожно подошел наш разведчик, совсем молодой пацан и заработал очередь в сердце.

– Дай я их, гадов, добыю! – в какой-то истерике кричал Есипов.

У него вырвали ребята автомат и затолкали в посадку.

Мы сняли один ручной пулемет, взяли две коробки железных пулеметных лент с патронами, собрали немецкие автоматы. Нашего убитого разведчика решили похоронить возле тех стогов, там земля податлива и копать могилу легко. Четверо потащили убитого, семеро остались у посадки на всякий случай. Я был в числе четверых, которые должны были заняться похоронными делами. Убитый совсем молодой еще парень лет семнадцати со светлыми голубыми глазами, которые погасли, помертвели и больше уже ничего не видели. Мы по очереди копали могилу. Земля на старой пашне была податливой. Могилу выкопали глубиной по пояс, положили в нее своего товарища и забросали землей. На могильный холмик положили его пилотку.

Мы не успели еще и посмотреть на дело рук своих, как со стороны дороги послышались выстрелы, и мы увидели бегущих по полю к нам ребят. Они ни от кого не отстреливались, они просто бежали. Что там произошло?

Наверное, что-то очень неприятное, если они так драпают. Здесь, в поле, тоже не спасение, постреляют на открытой местности всех до одного. Ребята бегут молча и прямо к нашим стогам. Что делать? Занять здесь оборону? Но уж если там, в посадке, не удержались, то у этих стогов нас постреляют и сожгут за милую душу. Мне приходит в голову какая-то шальная мысль. Толком еще не сообразив, зачем я это делаю, прео-

долевая в душе непонятное сопротивление, я достал коробок спичек, чиркнул одну и поджег солому. Невидимый в солнечном свете огонь лизал сухую солому, она чернела, корчилась, соломинки падали и от них загорались другие, появился белый едкий дым и его медленно сносило в сторону Верхнего Курпа.

– Ты это зачем? – удивляется Митька Козловский.

– Нужно. Дымом прикроемся.

– Спятил, хрен моржовый!

А огонь разгорался... Солома сухая, прокаленная солнцем, теперь уже не погаснет пока вся до земли не выгорит. Белый дым становился всё гуще, он тяжелыми белыми клубами полз над полем. Я успел поджечь и второй стог, пока к нам бежали ребята. Разведчики бежали красные от усталости и мокрые от пота, тащили на себе трофейные автоматы и пулемет.

– Вы что? Что там? – спрашиваю Подосенова.

Тот вытирает пот пилоткой и в голосе его тревога:

– Бронетранспортеры прут. Три машины сам видел. И еще что-то – танк навроде.

– Хлопцы, полундра! Тикаем до Курпа. Кто догадался солому поджечь?

– Я, а что?

– Ничего. Молодец, салага!

Мы бежим все вместе, прикрываясь белым удушливым дымом, к Верхнему Курпу, а до него далековато, километра два. Дым ползет медленно, его сносило от нас в сторону. От дороги, где мы только что были в засаде, ударили крупнокалиберные пулеметы. Это явно адресовано нам, но пулеметчики не видели цели – нас скрывал густой дым – солома занялась быстро, как порох. Первые пули ударили в землю рядом, подбросили высоко комья земли, взбили сухую пыль, срикошетили, завывали над полем. Потом немцы стреляли правее нас, видно, били просто по дыму. Честно говоря, за этим дымом мы тоже мало, что видели. Мы не заметили сзади и правее себя широкую полосу густой пыли, за стрельбой не слышали тяжелого гула танковых моторов.

Противник нас не преследовал. Бронетранспортеры стреляли с места еще некоторое время, потом и пулеметы смолкли. Мы пошли шагом.

– Если бы не мины, дали бы они нам жигу, – говорит Суменков. – Мин они напугались и сейчас не иначе как дорогу разминируют или просто убитых и раненых подбирают.

– А мы их еще раз умыли, гадов, запомнят. Это им не 41-й год! – злорадствует Козловский. С ним солидарны все. Только душа болит: прикрыли фланг или нет?

Мы вышли снова к полосе кукурузы, в которой побывали уже на рассвете. Неужто это всё было сегодня? Да будет ли конец этому тяжелому, сумасшедшему дню?

На краю полосы кукурузы увидели окапывающихся солдат, их было много. Увидев нас, они не прекратили работы, и только когда мы подошли вплотную, разогнули усталые спины, и один высокий парень спросил:

– Разведчики?

– Точно.

– Это вас там долбали?

– Угу. Бронетранспортеры.

– Много?

– Пока три или четыре. Водички у вас не найдется, братья?

– Вон канистра и кружка там. Пейте.

Минуты три посидели, отдышались и пошли в Верхний Курп. Здесь узнали, что Марёнов сменил свой КП (командный пункт), что немцы постоянно контратакуют, но пока их атаки удалось отбить. Комбат находился на северной окраине Курпа. Анохин доложил ему обстановку на левом фланге. Марёнов поморщился и принялся снова крутить ручку полевого телефона, пытаясь связаться с штабом бригады. Связь была плохой, поминут-

но рвалась, слышимость – никуда. Марёнов кричал в трубку и убеждал кого-то, что ему не удержаться, если не подбросят огурцов и ложек. Он также просил, чтобы пока ему оставили натыновских ребят в его распоряжении хотя бы до вечера. Марёнов протянул трубку Анохину и сказал:

– Слушай, на проводе первый.

Первым был командир бригады, и Анохин послушно взял трубку, доложив сразу, что у аппарата Анохин (позывного у него не было – чином не вышел).

– Так, так! – говорил в трубку Анохин. – Ребят у меня почти не осталось... Так... Слушаюсь, товарищ первый!

Анохин вернул трубку комбату.

– В общем, вместе нам с тобой здесь расхлебываться, младший лейтенант. Перекурите пока.

Марёнов снова взялся за телефон:

– Сосна? Давай ракиту!.. Ракиту, говорю, давай! Ракита? Двенадцатого давай. Двенадцатого, мать твою!.. Давай быстрее!.. Двенадцатый? Слушай, Борис, мне ж обещали еще утром... Да-да, я это, Марёнов... Да хрен с ними, пусть слушают, они и без того всё знают. Дело не в том... Ты мне по дружбе, Борис Васильевич... В Верхнем Акбаше уже зашевелились... Там пока ребята Натынова отбились, а дальше что?.. В районе Акбаша и Нижнего Курпа у них танки... Знаю вот!.. Ты меня тоже пойми – мне огневые средства и огурцы противотанковые в первую очередь – понял? У меня от терпения уже штаны мокрые! Гони их сюда! Нет их еще... Откуда мне знать! Загорают, сволочи!.. Как увижу – расстреляю паразита! Слушай, я тебя прошу, а?! Ты проверь сам!

Марёнов еще кого-то упрасивал, грозил, а потом связь снова внезапно исчезла. Комбат дул в трубку, матерился, но связи не было. Два связиста побежали по линии искать обрыв «нитки».

Майор усталыми глазами посмотрел на Анохина, на нас. Скулы и подбородок у него заросли рыжеватой щетиной, глаза ввалились от бессонных ночей, от усталости, от нервного напряжения.

– Сколько вас, разведчики?

– Одиннадцать, товарищ майор.

– Н-да, не густо. Однако ж вы, черти полосатые, сила! Это ж, по моим масштабам, целый взвод. Да какой взвод! Вот что, разведка, жмите к дороге на Нижний Курп. Там моя вторая рота, а связи с ней нет, а это самое главное сейчас направление. Помогите там, да скажите командиру роты: до темноты продержаться надо. Подкрепление к нам идёт. Вечером снимайтесь и уходите к своему Натынову. Хрен с вами. А пока вы мой резерв. Слышал, что первый сказал? Вот так-то! Марёнов сидел в глубоком окопе, вместе с ним связист с телефоном, рядом еще несколько окопов – там автоматчики, человек пять. Позади, около дома, три оседланные лошади, у крыльца часовой. Вот и всё КП. Мы собрались было идти, но здесь вдруг взмолился Бельтюков:

– Слушай, командир, перекусить бы малость. Пять минут и чирик-воробышек. А то ведь до ночи теперь не соберемся.

Действительно, давно пришла пора перекусить. Стоило об этом напомнить Бельтюкову, как засосало под ложечкой – есть охота.

– Ладно, – согласился Анохин, – только, ребята, давай по-быстрому.

Мы немного отошли от КП батальона и на каком-то огороде, в тени кустарника расположились группой. Пошли в ход финки и варёная свинина, ломти хлеба и соль. У меня мои полбуханки хлеба прострелены, показал Подосенову. Тот покачал головой:

– Сегодня тебе пока везет, салага! Дай бог не сглазить!

Бой гремел, кажется, вокруг всего Верхнего Курпа. Частые минные разрывы, гром рвущихся снарядов. В поселке горело несколько домов, в бирюзовой синеве неба расплывался дым пожаров и взрывов. В том направлении, куда нам предстояло идти, слы-

шались выстрелы танковых пушек, откуда-то вела огонь наша артиллерия, и снаряды с тяжелым шелестом проносились над головою. В какую-то минуту минные разрывы и грохот снарядов немного ослабли, но небо наполнилось тяжелым, давящим гулом авиамоторов. Мы быстро сложили остатки нашего сухого пайка и напряженно всматривались в небо: эти крокодилы могли внезапно обрушить бомбовый удар на любую площадь, в том числе и на ту, где мы находились, а здесь ни единого окопа, никакого укрытия. В небе появилась стая пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Машины шли звеньями по три штуки, звено за звеном. Шли довольно высоко, в солнечных лучах поблескивали их фюзеляжи. Они шли вроде бы мимо Верхнего Курпа и мимо нас, но мы уже знали их повадку. Юнкеры заученно заходили со стороны солнца, стали выстраиваться в цепочку. Потом первый самолет сделал крутой вираж и, переворачиваясь через крыло, камнем стремительно пошел в пике. Изогнутые крылья, хищные неубирающиеся шасси в обтекателях придавали машине поразительное сходство с хищной птицей, которая, выпустив когти, бросилась с поднебесья на свою добычу. Машина страшно взвыла мотором, включила сирену и с ошаленной скоростью стала почти отвесно падать вниз. Оглушительный рев сирены, вой мотора слились с пронзительным визгом падающих бомб.

Земля тяжело вздрогнула, ахнула, зашаталась от первых ударов. За первой машиной пикировала вторая, третья уже переваливалась через крыло. Сплошной сумасшедший вой, рев, визг, обвальная грохот взрывов. Земля ходуном ходила, дрожала и казалось, что стонала от этих страшных ударов. К небу взметнулись тяжелые грязно-синие клубы дыма и пыли, не видно стало неба, а самолёты продолжали пикировать в этот ад и из его дымной завесы всё выплёскивались новые и новые султаны бомбовых разрывов. Бомбы рвались от нас метрах в трехстах, непосредственно нам они не причиняли пока вреда, но там, в неглубокой балочке, бушевал настоящий ад. Отбомбившиеся самолеты взмывали в небо, снова выстраивались цепочкой в круг и делали новый заход для бомбежки. Небо дрожало от взрывов, вибрировало от рева мощных моторов, а земля билась в смертельных судорогах. Мы молча смотрели в небо. Люди ничего не могли поделать с разбушевавшейся смертью. Никто не задавал вопросов о наших зенитчиках и истребителях, все смотрели на бомбежку, как на стихийное бедствие, как смотрят на извержение вулкана и землетрясение – противопоставить этой злой стихии было нечего.

Тяжесть бомбового удара пришлась на пологую низинку впереди Верхнего Курпа и, возможно, на передовую – мы этого еще не знали. Едва самолеты ушли, как снова загрохотали минные взрывы. Сомнений быть не могло – противник готовил атаку, он расчищал себе дорогу к Верхнему Курпу.

– Ребята, кончай базар, полундра! – закричал Анохин, и мы все бросились бежать наискось по краю подсолнухового поля туда, где только что отгрохотала бомбежка.

Впереди небольшой луг и дорога. В воздухе сплошной стеной висит не успевшая осесть пыль и дымный чад, остро пахнет сгоревшей взрывчаткой. Из этой дымной пелены вдруг выскочила ошалевшая лошадь с мотающейся порванной сбруей. Она тонко ржала и очумело неслась вперед, ничего не видя, ничего не разбирая. В пологой низинке, пересеченной грейдерной дорогой, сплошные воронки и дым, на земле бьется раненая лошадь, вокруг искромсанные повозки, разбитые ящики, узлы, обрывки брезента и трупы, их много...

Передо мной что-то непонятное – потом разобрал, что это страшно обезображенное человеческое тело... Головы нет, туловище всё неестественно изломано, расплющено, одежда разодрана, лоскутья белого белья и зеленой гимнастерки, синяя ткань юбки и голубые штаны. Да ведь это было женщиной! Какая-то девчонка-санструктор попала в этот ад и вот... Теперь всё! Какая-то дурацкая мысль. Просто жутко и противостоительно, страшно, что так обезображено это загадочное женское тело, которое не положено никому видеть, которое – нежная тайна... и вот так страшно и жестоко! Один солдат

в рваной гимнастерке и с окровавленной рукой бредет сквозь этот дым. Он без оружия и одной рукой держит покалеченную другую, словно ребенка несет. Кислый запах тротилового дыма мешается с тяжелым, густым, сладковатым запахом крови. Убитые, убитые, хрипящие раненые, чей-то крик о помощи, а нам нельзя сейчас задерживаться, нам нужно бежать вперед, иначе здесь сейчас могут появиться немецкие танки и автоматчики, они добьют стонущих раненых, они передавят их танковыми гусеницами, перемешают их окровавленные тела с серой сухой землей. Скорее вперед... Разодранная взрывом санитарная сумка, подыхающая лошадь с разорванным брюхом и вывалившимися на землю голубыми кишками и люди, и все они в каких-то уродливых изломанных позах. Всего ни рассказать, ни представить невозможно – седьмой круг Дантового ада... Да нет, ему не приходилось видеть такого...

А впереди всё грохочут близкие минные взрывы и захлебываются пулеметы длинными глухими очередями. Навстречу нам бредут покалеченные люди, зажимая руками раны, на их лицах брызги застывшей крови, кровь на их одежде, сжатые зубы и в глазах страдание.

Вот они, первые окопы, наша передовая. Здесь тоже бомбовые воронки, обрывки неестественно белых бинтов на земле, дым, хлесткие звенящие удары минных разрывов. В большой бомбовой воронке возятся два солдата, неумело перевязывают третьего. В голову, в грудь и в ноги ранен командир роты, которая занимает здесь оборону.

– Медвинский! Медвинский! Помоги им, мать иху за ногу! – кричит Анохин.

Медвинский сползает в воронку, стараясь не задеть сапогами раненого. Анохин становится злым, порывистым, он что-то кричит. Ребята, повинуйся команде, занимают свободные окопы. В соседних окопах полузаваленные землей солдаты, но передовая живет, и кто-то еще стреляет. За стеной дыма и пыли я не вижу цели. Из одного заваленного землей окопа вытаскивают оглушенного младшего лейтенанта, в волосах у него земля, он без пилотки, растерянно и очумело моргает глазами. Совсем молодой младший лейтенант оказался командиром стрелкового взвода. Он, как и все солдаты, в обмотках, одна из них размоталась зеленой змеей.

– Подосенов! Подосенов, мать твою..., давай с Есиповым к пулемету! – кричит Анохин.

Рядом станковый пулемет с заправленной лентой и ни одного пулеметчика – все побиты. Сейчас мы на возвышенном месте, сзади нас та самая низинка, которую бомбили, впереди ровное поле, дорога и примерно в полукилометре лесопосадка – там противник. Пыль оседает, и я начинаю разбираться в обстановке. Из той посадки, тоже поредевшей и изрядно размолоченной нашими снарядами и минами, выползают три танка и за ними жиденькая цепочка автоматчиков.

– К бою! Полундра! – снова кричит Анохин. Он смотрит в полевой бинокль и кому-то снова кричит:

– Связь! Связь давайте!

Гришка Авдеев, забыв о всяком чинопочтении, трясет командира стрелкового взвода и зло кричит ему в лицо:

– Ты что, хрен собачий, в себя не пришел?! Командуй, тебе говорят! Ранен твой комроты, понял ты или нет! Командуй, а то в морду дам!

Как ни странно, но от этой ругани младший лейтенант действительно приходит в себя. Он вначале бросил испуганный взгляд на Авдеева, а потом вдруг закричал высоким, пронзительным голосом:

– Хватит болтать! Понавесил бороду!... Гранаты приготовить! По пехоте противника... Огонь!

Защелкали частые винтовочные выстрелы. Подосенов ударил из пулемета, правее застучал еще один. Автоматы пока молчали. Ребята выжидали – из автоматов стрелять еще рано.

... Танки приближались, за ними по полю тянулись шлейфы пыли, черного выхлопного дыма, длинные стволы танковых пушек вытянулись прямо к нам, вынюхивая подходящую цель. Перед выстрелом танк на несколько секунд останавливался, на конце орудийного ствола сверкало короткое пламя, раздавался оглушительный сдвоенный удар выстрела, мгновенный взвизг снаряда и грохот взрыва. Танки били по передовой осколочными снарядами и уже снова закричали раненые – нечеловеческое страдание и отчаяние было в этом крике.

Танки всё ближе, ближе... Немецкие минометы теперь начинают переносить огонь глубже в наш тыл, они кромсают огнём и осколками ту несчастную ложбинку.

У нас за спиной вдруг часто захлопали выстрелы наших батальонных минометов. Небо застонало от мин, и серые клубки разрывов вспыхнули за танками, там, где шли цепочки немецких автоматчиков. Было видно, как металась и падали немецкие солдаты. Справа зазвенели выстрелы противотанковых ружей. Ага! Живы славяне!... На сердце стало как-то полегче. Признаться, сильно муторно на душе, когда сидишь в окопе и смотришь на приближающийся танк...

Взрыв снаряда. Рядом. Едва успеваю втянуть в плечи голову... Еще взрыв... На спину падает земля, серые струйки бегут по стенке окопа... Взрыв, без всякого взвизга, мгновенно и оглушительно, глаза запорошило песком и в ушах такой звон, что ничего больше не слышу, в горло лезет кислая тротиловая гарь. Во всем теле какая-то тупая, гудящая боль – рядом, гад, рванул... А зевать нельзя. Выстрелов я больше не слышу, но осторожно приподнимаю глаза на уровень кромки бруствера. Танки близко... А рядом в окопе солдат, у которого винтовка с оптическим прицелом. Откуда и когда он появился? Солдат, несмотря на минометный и орудийный обстрел, с завидным хладнокровием выискивает цель и нажимает на спусковой крючок. Я вижу, как дернулась от выстрела у него винтовка, но не слышу самого выстрела. Неужто контузия? До первого танка не больше ста пятидесяти метров, видно, как сыплется с его гусениц земля и вижу огромную черную дыру его орудия. Автоматчики повели огонь... Нет, все-таки я слышу автоматную дробь! Глухота отходит... Взрыв! Горячая, тугая волна напористо бьет в грудь, в лицо... Оседают пыль. За пыльным шлейфом танков бежит человек с пистолетом в руке и что-то кричит... Справа винтовочный выстрел – у человека слетает фуражка, он падает быстро, словно его припечатали к земле. Нестерпимо пронзительный визг мины и взрыв...

– Огонь! Огонь! – вопит младший лейтенант. Он знает, что его уже никто не слушает, сейчас каждый ведет бой с уже видимым противником, который находится совсем близко. Теперь уже дуэль, и каждый торопится, каждый знает, что опоздание на долю секунды – это смерть и... поэтому мажут, стреляют с короткой дистанции и мажут...

Наши окопы взорвались сплошным автоматным треском и винтовочными выстрелами. Огонь кажется беспорядочным, всполошным, но серые фигурки автоматчиков почти не рискуют выйти из-за танковой брони, а там, за укрытием, их достают осколки наших мин...

Один танк вдруг резко остановился, качнувшись вперед. Его башня вдруг повела зловещий хобот орудия в ту сторону, где хлопали выстрелы пэтээровцев. Но с кормы танка, из-под его брони, поползли черные космы дыма. Танк так и замер с повернутой в сторону башней, дым становился гуще и тяжелее с каждой секундой и его продолжали клевать тяжелые бронебойные пули. Открылся верхний люк танка, в нём показалась человеческая фигура, танкист хотел вывалиться из танка, но его настигла пуля, он беспомощно свесился с края люка и дымилась его одежда. А в черных клубах дыма показались тускло красные, копотные языки пламени – танк горел. Два других остановились, ударили из пушек по нашей передовой, затараторили танковые пулеметы. Они стояли на месте, эти танки, стояли в туче пыли и дыма минных разрывов и стреляли по нашей передовой из пушек. Вся передовая грохотала взрывами, пулеметными очередями, за-

ливалась треском автоматных очередей. Вдруг один из танков, тот который, как мне казалось, стоял прямо против меня, выбросил клуб черного моторного дыма и двинулся вперед с нарастающей скоростью. Противотанковых гранат у меня не было, я оглянулся по сторонам, увидел, что снайперская винтовка торчит из окопа стволом вверх, а бойца не видно, а слева видел только макушку Гришки Авдеева, и пилотка на его макушке перевернулась поперек головы. Рев танкового мотора приближался, и сердце у меня сжалось в комок, перестало биться... Сейчас эта стальная громадина вырастет над моим окопом... Вот она, эта минута... сейчас! Но танк и не появился... Он загородил собою подбитую, горящую машину, бил из пушки по нашим окопам и буквально, словно ветром сдувал, резал пулями брустверы наших окопов. Взбесившаяся от пуль земля брызгала песком и пылью, пули коротко взвизгивали и не было никакой возможности поднять голову. Вдруг танковый пулемет заглох, оборвался надсадный рёв танкового мотора. Я выглянул и увидел, что танковая пушка как-то странно задралась вверх и второй танк откровенно, чадно горит, как и первый... Ага, стервы, умылись?! Умылись! Может быть, я даже не думал, а кричал это вслух и громко. В душе кипела какая-то не испытанная мною раньше, животная, бешеная радость.

Третий танк, ударив еще несколькими снарядами туда, где сидели пэтээровцы, закоптил грязно-синим дымом и пополз назад, оставляя на рыжей, исковыренной воронками земле две темные полосы от гусениц. Побежали назад уцелевшие автоматчики, а там, где они бежали, рвались наши мины. Над окопом слева показалась бородатая Гришкина физиономия, он что-то кричал мне, а я не мог разобрать.

– Что?

– Спрашиваю, спички есть?

Гришка кричит и только теперь я расслышал:

– Есть. Оставь сорок.

Я кидая в окоп к Гришке спички, а он согласно кивает головой. Теперь уже мирный бледно-синий дымок тянется над Гришкиным окопом. Минометный огонь и ружейно-пулеметная перестрелка понемногу начинают стихать. Не успела еще в голове мелькнуть мысль, что вот «пронесло», не успел никто порадоваться этому, как воздух разордал стремительно нарастающий визг падающих мин. Взрыв грохнул рядом, второй, третий... Горячая взрывная волна ударила больно по ушам, снова оглушила. В глазах на мгновение стало темно. Почему-то полон рот земли. Разрывы следуют один за другим и нет им числа, над головой не смолкает смертельный страшный визг и дрожит земля – взрыв и сразу еще и еще!... Потом внезапно всё смолкает. То-ли в воздухе, то-ли в ушах стоит сплошной гул, меня почти засыпало землей... Нестерпимо ломит всё тело, как будто палками били... Может ранен?... Нет, вроде цел... Повезло, ей-богу повезло! Отплевываюсь от земли, за пазухой и на спине земля – надо же так! Тихо. Не стреляют. Сознание возвращается к жизни, сердце из пяток становится на своё место.

– Гришка! Авдеев! – кричу соседу. – Ты про сорок не забыл?

Авдеев медведем ворочается в тесном окопе и материт меня за что-то. Потом я слышу чей-то крик. Крик раздается откуда-то из воронки, что за Авдеевым. Мы оба ползем туда. На дне воронки лежит человек в маскхалате, лежит скорчившись и кричит. Анохин! Ей богу, Анохин! Осколками мины он ранен в руку и в живот. Руку буквально размозжило в локте, она как-то странно вывернута.

– Ребята, ребята! Анохин ранен, Анохин! – кричу я, что было силы.

К воронке подползают Медвинский, Суменков.

– Ранен, лейтенант? – зачем-то спрашивает Медвинский.

– К-карту в-возьми... – через силу выговаривает Анохин.

Суменков знает, что немецкая топокарта у Анохина за пазухой. Он осторожно разрезал отточенной финкой маскхалат, гимнастерку и вытащил карту, край бумажного листа в крови.

– Какого вы хрена... на руку жгут и перевязать быстро!

Медвинский ловко вытаскивает у Анохина брючный узенький ремень и перекручивает им раненую руку, потом бинтует живот, где с левого края черная дырка с посиневшими краями и из этой дыры медленно течет черная кровь. Побледневший Анохин теперь совсем тихо, глядя на Суменкова, говорит:

– Т-теперь ты в-валяй.

И все понимают, что теперь Суменков станет нашим командиром и это до тех пор, пока мы не выберемся отсюда, а это еще очень проблематичная штука.

– Потапенко, Курочкин! – кричит Суменков, и к нему подползают наиболее крепкие и надежные ребята. – Тащите его быстрее и не оставлять, пока медикам на руки не сдадите! Понятно? Смотрите, если что не так делаете!

После боя почему-то все кричат, нервы у всех взвинчены, говорить спокойно, рассуждать, даже нормально приказывать уже никто не может. Курочкин и Потапенко вначале осторожно волочат на себе, по-пластунски, своего раненого командира, потом тащат просто его на спине. Немцы возможно видят, но не стреляют почему-то.

Через минуту раздается чей-то всполошный крик:

– Воздух! Воздух!

Мы не сразу заметили, как все небо, весь мир снова наполнился тугим, прерывистым гулом моторов. На средней высоте прямо на нас шли бомбардировщики. Грозные двухмоторные машины со скошенной назад передней линией крыльев казались медлительными и неотвратимыми, как судьба.

– Ну, сейчас дадут прикурить... – сказал кто-то негромко.

Все лежали в окопах, задрав головы смотрели на приближающиеся машины. Вот они уже рядом! Если по нам, то должны уже сейчас сбросить бомбы. Машины уже над нами, всё потонуло в гуле их моторов, но бомб они не сбросили.

– По Курпу сейчас вдарят – опять комментирует кто-то из солдат.

Там, в поселке, ударили несколько пулеметов, редкая цепочка белых трассирующих пуль потянулась к самолетам. Что там! Разве их этим напугаешь! Они летели, не ломая строя, зная точно, где им надлежало освободиться от бомбового груза. И снова тяжело вздрогнула земля. Бомбили далеко от нас. На сей раз бомбы кромсали и коржили очевидно южную окраину Верхнего Курпа и балку за поселком. Издали донесся глухой грохочущий рокот бомбовых разрывов. Темно-серая туча стала подниматься в половину неба за поселком. Там мгновенно, пачками, десятками вспыхивали бомбовые взрывы, стремительно вздымались лохматые темно-серые кусты разрывов и медленно оседали сотни тонн испепеленной, растерзанной, поднятой к небу земли. Потом уже еле видимые в дыму самолеты развернулись и стороной прошли назад. На нашем участке бой явно затихал. Разрывы мин слышались где-то в низинке за нашей спиной. По нашей передовой били из дальней посадки несколько пулеметов, над головой металась белые струны пулеметных трасс, пули взвизгивали, ныли, но это уже были «семечки» по сравнению с тем, что пришлось пережить буквально несколько минут назад. Нас это уже мало беспокоило и мы курили в своих окопах. Очень хотелось пить, а воды не было.

Прошло немного времени и ожесточенная перестрелка, удары танковых пушек слышались уже где-то сзади, нас это беспокоило больше всего. Что там происходит? Почему бой слышен сзади? Телефонной связи с КП батальона у нас не было – линия была перебита и её, похоже, никто и не восстанавливал. Какая-то тревога была в самом воздухе над передовой, все предчувствовали беду и смотрели больше назад, на поселок, чем вперед, где засел противник.

Спустя некоторое время к нам приполз связной от комбата. Пыльный, чумазый, с потрескавшимися губами. Он смотрел на нас какими-то белыми глазами с черными точками зрачков:

– Где командир роты, где лейтенант? – хрипло спрашивал связной.

– Лейтенант, – ответил за всех Медвинский. – Здесь из всего генералитета один младший лейтенант остался и тот чумной, контузило его.

– Где он?

– Вон, в окопе лежит, обмотку мотает. Не вразумил господь, не умеет.

Ошалевший от минометного обстрела, от сумасшедшего бега, связной кричал полуоглошему младшему лейтенанту, чтобы всех оставшихся в живых быстро оттянуть назад, на окраину Верхнего Курпа.

– Что там? – спрашивает младший лейтенант, перематывая непослушную обмотку.

– Точно не знаю. Вроде танки нас обходят...

Связные обычно знают всё, а этот ничего не знает – новенький, наверное.

– Какие танки? – почти кричит полуоглошший младший лейтенант, а в глазах уже беспокойство, тревога.

– Немецкие танки. Вроде бы в ту балку за Курпом лезут. Окружают нас. Бой там идет.

Больше ничего путного узнать от связного не удалось. Но становится понятным, для чего противник нанес сильнейший бомбовый удар по балке, по северной окраине Курпа, почему там с таким накалом гремит бой. Похоже, что и у нас здесь было не самое главное, хотя и досталось нам. Ясно одно: если немцы ворвутся в ту балку, то наше дело – табак.

– По одному, по-пластунски, на окраину поселка, вали, ребята! – кричит снова младший лейтенант.

Какой там, по-пластунски, по одному. Не приучены славяне к такой деликатности. Бойцы один за одним и группами по два-три человека быстро выползли из окопов, потом бежали метров пятьдесят пригнувшись, а уж дальше – во весь рост к поселку, их подгоняли минные разрывы. Все понимали, что в поселке легче найти укрытие от этой напасти, поэтому откровенно бежали.

Только мы выскочили в искореженную бомбами низинку, как снова раздался крик: «Воздух!» Впереди какая-то воронка, я просто нырнул в неё и в ту же секунду с ревом, звоном, свистом, с барабанной дробью пулеметов пролетели два истребителя. Мессеры, сволочи! Любуются, гады! Истребители исчезли, и мы снова бежим к жиденьким садам поселка, к белым домикам с камышовыми крышами, к низеньким каменным оградкам, которые сейчас нам кажутся самым надежным укрытием. В поселке горело несколько домов, сизый дым стелился над садами, цеплялся за ветки деревьев. Сумасшедшая перестрелка разгоралась на южной окраине Курпа и это было самым неприятным, кажется, нас действительно противник отрезал, и мы оказались в мешке. Правда, ширина балки, мне казалось, не больше километра, но всё равно, как этот километр пройти, если там немецкие танки и автоматчики. Суменков решил искать КП батальона, который снова сменил место своего расположения. Роту младшего лейтенанта в обмотках мы оставили. Фашисты с господствующих высот, видимо, отлично просматривали весь поселок и повели плотный минометный обстрел. Мины рвались в поселке, особенно часто – на южной и восточной окраинах. Суменков вел всю группу в том наиболее опасном направлении. На узких улочках воронки, глыбки сухой, как камень, вывороченной взрывами земли, разбитые вдрызг дома, белые стены, избитые осколками.

– Кучей не ходите, лопухи. По открытому месту перебежками!

Командует Суменков. Его старшинство в группе было признано беспрекословно. Во-первых, у него боевой опыт – он воюет с самого первого дня войны, он прошел большой путь в разведподразделениях и он старше нас всех – ему лет тридцать, не меньше.

Нервы, конечно, у всех взвинчены. Шутка сказать, с самой ночи бой и конца ему еще не видно. Уже и солнце стало клониться к западу, к дальним горам, а сатанинский бой всё еще грохочет. Интересно, успели ребята вытащить отсюда Анохина? Сколько же нас осталось? У нас в группе, когда выехали из роты, было пятнадцать человек, а сейчас всего восемь, а бой еще не закончился. Раз бой – значит, еще кого-то караулит пуля или

осколок. Правда, двое здоровых потащили командира взвода, но все равно настроение у ребят не очень веселое. Каждый понимает, что выход у всех один – прорыв. Ну, а как при прорыве ранят и, не дай бог, тяжело – кто тебя потащит, если все в бою? Об этом пока лучше не думать, на эти вопросы никто не ответит. Сейчас команды Суменкова, человека, принявшего на себя ответственность за наши действия, наши судьбы, нужно было выполнять быстро и точно...

Обстановка в Верхнем Курпе менялась быстро и в худшую для нас сторону. Судя по всему, автоматчики противника были уже где-то на окраине поселка. Короткие очереди «шмайсеров» доносились четко. Стрельба шла буквально вокруг, и нам приходилось соблюдать осторожность, чтобы не напороться на автоматчиков врага так же, как утром они напоролась на нас. Резко усилился обстрел поселка артиллерией и минометами. Прибавилось пожаров, едкий дым щипал глаза, пахло взрывчаткой, небо стонало от раздирающих его снарядов и мин.

– Нам КП Марёнова нужно найти. Он здесь где-то должен быть, он теперь от стрелковых рот ни на шаг... – на ходу говорил Суменков. Он ловко перепрыгнул каменную ограду и по пустому огороду побежал к дому, мы за ним. Нас пока еще спасали сады и дома, за которыми нам удавалось укрываться от наблюдателей противника. Надворных построек здесь почему-то было мало, в основном небольшие круглые птичники с плетневой стенкой и камышовой или соломенной крышей. Мы перебежали небольшой огород, направляясь к полосе высокой, еще зеленоватой кукурузы, она должна надежно укрыть нас от противника.

Едва мы успели вбежать в эти зеленые заросли, как послышался резкий, нарастающий визг падающей мины, и тут же грохнул оглушительный взрыв. Я упал на землю, на меня посыпались крошки кукурузных стеблей, измолоченных осколками. Быстро поднявшись на ноги и ожидая очередной мины, мы побежали, стараясь быстрее выскочить из зоны обстрела. Визг новой мины снова положил нас на землю. Мины падали часто и близко от нас, и не оставалось сомнений – нас видели минометчики и вели прицельный огонь по нашей группе. Мы оказались на краю кукурузного поля, впереди снова пустой огород, круглый птичник и белый дом. Мы побежали через огород, но в этот миг снова над головой визг и тяжелый взрыв. Все, как по команде, падают на сухую землю, разноголосый стон осколков еще не смолк, как ребята снова вскочили и кто-то первый нырнул в этот проклятый птичник, за ним все остальные. Это был какой-то безотчетный поступок – все знали, что птичник с плетневой стенкой и соломенной крышей не может служить укрытием от мин, скорее это была попытка скрыться от глаз невидимых наблюдателей и корректировщиков. Мины рвались одна за другой с интервалом в несколько секунд. В полутемном птичнике твердый, словно камень, земляной пол, куриный помет и перья на полу, сквозь щели в плетне тянутся косые струны солнечных лучей... Снова короткий страшный визг, оглушающий взрыв. Не видно, где она взорвалась, проклятая... Еще визг и снова тяжелый, горячий удар разрыва. В плетне появляются свежие дыры, в солнечном луче пляшет очумелая пыль, на нас сыплется труха от крыши и плетня.

– По нам, сволочь, бьет! Накроет, паразит, – произносит кто-то из разведчиков.

Мы лежим на полу, прижавшись друг к другу, защищая тех, кто в середине собственными телами. Пока я «чухался», естественно, оказался с краю, спиной к стене. Земля, стены, крыша вздрагивали от близких разрывов. Неужто бьют по проклятому курятнику? Взрыв! Еще взрыв! Осколки насквозь, навывлет пробивают плетень. На нас падают палки, солома; воздух полон запаха взорвавшегося тола. Взрыв! В голове бьется беспомощная шальная мысль: «Накроют нас здесь, ей богу, накроют, тогда всё, ни один не уйдет...» Снова визг – «Вот она!» – Взрыв! Оглушительно звонкий взрыв и снова стон осколков. Теперь и не выскочишь – через пять-шесть секунд взрыв. Выскочишь – и как раз под мину! Ребята лежат вроде даже спокойно. Неужто они не чувствуют, что сейчас нам всем конец?.. Визг мины... Господи спаси!.. Взрыв! Страшный и тяжелый

взрыв. Рядом, совсем близко... Снова визг... Тра-ах! Визг... Тр-ра-ах! На спине дернулся вещмешок, лязгнула сталь, дым тянет сквозь плетень... Визг... Взрыв! В ушах всё звенит, нестерпимая боль в ушах от каждого... Взрыв! Господи... Визг... Это наша... Взрыв! Снова стонут осколки. Еще взрыв, еще! Мать родная, спаси меня!.. Взрыв! Да долго ль еще? Бейте, сволочи! Бейте, гады! Взрыв! Еще взрыв! Нестерпимая боль в ушах... Семь, восемь секунд, еще пробегает время – тихо, фашисты решили, что они добились нас... Отстали, гады! Уши ничего не слышат... больно их! Тихо. Даже стрельбы не слышно. Стрельба есть, это только уши не слышат. Рядом со мною Федька Фролов. Он морщится... маскхалат на ноге выше колена разорван, на сухой земле капельки крови.

– Задело, говорю, малость! – кричит кому-то Федька. Пользуясь затишьем, кто-то стаскивает с него штаны. Осколок разорвал кожу, зацепил мышцу, из рваной раны тонкой струйкой течет кровь.

– Ни хрена, до свадьбы заживет! – кричит Авдеев.

Фролов отвечает что-то. Я почти ничего еще не слышу... Фролову торопливо перевязали ногу. Он встал, потоптался, пробуя ногу на прочность и, не улыбувшись, сказал:

– Ничего, повоюем.

Медвинский смотрит на меня, спрашивает:

– Тебя, случаем, не задело?

– А что?

– Да бледный ты и мешок у тебя пропорот.

– Ты тоже не очень румяный, – огрызнулся я. Снял с плеч вещмешок – действительно, убедительные две дыры, из одной клок белой портянки и белая нитка торчат. Запихнул обратно пальцем. Мешок тяжелый от того магнита. Так и не успел я его выкинуть... Понемногу возвращается слух. Слышны в стороне взрывы, перестрелка.

– Кроем отсюда! – говорит Суменков и первый бежит к дому.

Глинобитные белые стены все в темных щербинах, побиты осколками. Мы бежим следом, прыгаем через ограды, идем садами. У Фролова, видно, нога болит, но мужик он на редкость живучий и терпеливый – морщится и прыгает не хуже других. Из-под обстрела вышли, остановились за каким-то домом. Гришка Бельтюков присел на ступеньку крыльца, вытирает потное скуластое лицо, говорит, обращаясь сразу ко всем:

– Тихо здесь. Перекурим малость. Всю душу вывернуло. Думал всё – чирик воробышек!

Эти слова Бельтюкова меня немного утешают. Я думал, что у меня одного душа была в пятках, но уж если Бельтюков говорит такое, значит и моя реакция вполне терпимая.

Бельтюков дрожащими пальцами сворачивает самокрутку, прикуривает и щурит глаза от попавшего в них табачного дыма. Вообще-то он прав: одно дело попасть под такой обстрел где-то в окопе, но совсем другое, когда на пустом месте – хреновое дело тогда получается. А нам повезло. Правда, Фролова задело, но он терпит, он в строю, могло быть хуже. Я еще не знал, что хуже всего могло быть со мной.

Минуты две сидим, курим, а потом подымается Суменков и снова командует «пошли». Никто не спорит. Докуриваем на ходу.

Боль в ушах прошла, стало слышно, как посвистывают шальные пули, щелкают по веткам и стенам домов. Впереди сплошной пулеметный треск, хлопки винтовочных выстрелов. Вокруг происходило что-то недоброе, и Суменков торопился к своим частям, к стрелковым ротам. Он совершенно прав, сейчас необходимо действовать всем сообща, а то догуляешься – возьмут фрицы за штаны. Где-то справа слышались сдвоенные выстрелы танковых пушек, накал боя всё возрастал, нужно торопиться.

Неожиданно встретили Потапенко. Он заметил нас первым, перебежал огород и пошел к Суменкову.

– Ты откуда взялся? Где Анохин? Почему его оставили?

– Та здесь Анохин, недалечэ. Курочкин з ним.

– А ты почему ушел? Вам было приказано отправить Анохина до самых главных медиков! Почему он еще здесь, а не в медсанроте?

Суменков был явно недоволен, в его голосе звенело раздражение, а Потапенко переминался с ноги на ногу, дал Суменкову выплеснуть раздражение, а потом спокойно сказал:

– Ну до чего все вумные! Наша медсанрота мабуть километров двенадцать отсюда. Та мы б угробылы лейтенанта, если б взялись на горбах его тащить. Сборный эвакуопункт батальону на тий стороне балкы, а тамочки немцы з танкамы...

– Не бреши. В балке немцев нет!

– А ось бачитэ танки бьют з пушек, там бой иде. А усих раненых туточки збирают по приказанию комбата.

Потапенко кивнул головой в ту сторону, где находились раненые. Пока это был самый безопасный и сравнительно тихий пятачок в Верхнем Курпе. Потапенко поступил правильно, это понимали все ребята, понимал и Суменков, а кипятился больше для порядка и еще потому, что появление Потапенко было для него неожиданным.

– А ты чего сам-то здесь делаешь?

– Та вас шукаю.

– Веди, покажи, где раненые.

Раненых собирали в небольшом пологом овражке. Здесь стояли запряженные пароконные повозки и на них, на подстеленной кукурузной соломе лежали раненые. И повозок, и раненых было много. Около них суетились медсестры и какие-то солдаты с винтовками. Увидели Курочкина и нашли повозку с Анохиным. Ему делали какой-то укол, уже перевязали как следует, а он был в беспамятстве. Суменков приказал Курочкину оставаться при этой повозке, помогать при эвакуации, а мы всей группой отправились на КП батальона, нам указали, где он сейчас находится.

По дороге мы снова попали под минометный огонь, но на сей раз было легче, немцы били по площадям. Однако, близкие разрывы заставляли невольно кланяться осколкам.

– Во, чертов переполох, аж переночевать негде! – ворчал Фролов.

– Не паникуй! – в голосе Суменкова уже чувствуется уверенность. – Садами, садами давайте, нечего рты разевать. Сейчас комбата найдем и порядок.

Командира батальона мы нашли в окопе на краю небольшого овражка. С ним было еще два незнакомых офицера, один из них лежал рядом с окопом и смотрел куда-то в бинокль. На дне овражка человек пять автоматчиков и связисты.

– Пойдите здесь, ребята. Я один.

Суменков осторожно пошел на КП, а мы залегли в каком-то саду, снова закурили.

Измотанный до последнего предела, получивший отказ в какой-либо помощи в штабе бригады, Марёнов был зол и резок. Успешно начавшаяся утром операция, заканчивалась неудачей. Еще вчера днем командир бригады поставил перед Марёновым задачу овладеть Верхним Курпом, высотой 488 и развивать успех в направлении Нижнего Курпа. Вероятно, командир бригады понимал, что для выполнения поставленной задачи батальону не хватит сил, одного батальона здесь мало, но, кроме неопределенных обещаний, ничем не подкрепил батальон Марёнова. У командира бригады не было необходимых резервов, а ширина занятого бригадой фронта и ограниченные транспортные возможности исключали необходимый маневр имеющимися силами. На рассвете, собрав в кулак все силы, воспользовавшись тем, что разведчикам и автоматчикам батальона удалось просочиться в поселок и активными действиями дезорганизовать оборону противника, батальон решительным ударом овладел Верхним Курпом, две стрелковые роты бросились на штурм господствующей высоты 488, однако несколько их атак были отбиты, роты понесли серьезные потери.

Марёнову не хватало огневых средств, чтобы подавить пулеметы, артиллерию и минометные батареи противника. Просьбы Марёнова о резервах, о помощи огневыми

средствами для развития наметившегося успеха не находили в штабе бригады достаточного понимания, да и сам Марёнов не очень надеялся на помощь. По его мнению, основным и наиболее вероятным направлением главного удара противника было Дейское-Плановское-Эльхотово. Это выводило противника наиболее коротким путём к Эльхотовым воротам, открывало возможности к широкому его наступлению на Орджоникидзе и Грозный. Не случайно там, в районе Плановского, и были собраны основные силы бригады. Боевая инициатива пока полностью находилась в руках противника, и в такой обстановке надеяться на оперативную помощь для развития своего скромного успеха Марёнов не мог. Все, что ему обещали, это подбросить одну батарею 76-миллиметровых пушек и батарею 45-миллиметровых противотанковых пушек на механической тяге. Эти средства должны были уже давно прибыть, но пока о их нахождении ничего Марёнову не было известно.

Марёнов прекратил бесплодные атаки на высоту 488, он решил усилить одну роту, которая отбивалась от контратак противника севернее поселка – со стороны Нижнего Курпа, и прикрыть свой, ничем незащищенный левый фланг. Однако, он не успел сманеврировать силами, потерял драгоценное время, занявшись штурмом проклятой высоты. Мощным бомбовым ударом пикировщиков противник накрыл роту, оборонявшуюся севернее Верхнего Курпа. Рота едва удержалась на занятых рубежах. Стрелковая рота, направленная на левый фланг, тоже попала под бомбежку, понесла потери и не успела закрепиться, как противник именно с левого фланга нанес сильный удар по батальону Марёнова. Свыше двадцати танков и мотопехота на бронетранспортерах противника попыталась форсировать балку, выйти на её противоположные, южные, скаты, закрепиться на них и, таким образом, прочно завязать мешок, в котором оказался наш батальон. Танки и механизированные части врага, к счастью, были отбиты артиллерией. На той стороне балки артиллеристы и минометчики отбили атаку противника, вели долгий бой, не имея прикрытия со стороны стрелковых частей.

Правда, в балку, поросшую редким и низким кустарником, просочились немецкие автоматчики. Всякая связь с бригадой была прервана. Боеприпасы у минометчиков и артиллеристов, которые находились в Верхнем Курпе, были на исходе, стрелки начинали экономить патроны, скопилось много раненых. Марёнов не видел иного выхода, кроме прорыва из фактического окружения. Для этого он собирал все имеющиеся силы. Вот в этот злополучный час и явился к нему Суменков. Он сразу узнал знакомого уже разведчика и, махнув рукой на официальный доклад, проговорил:

- А, разведка. Кстати. Где вас леший носит?
 - Дальше передовой нигде не были. Поддерживали вашу роту у дороги на Нижний Курп, а сейчас хотел у вас узнать...
 - Нет, вы только посмотрите, это он узнать пришел! – перебил Марёнов, – Видели гуся?! Кто из нас разведчик? Это я у тебя должен узнать!
 - Обстановку мы и так знаем, – спокойно заметил Суменков, – свою задачу мы выполнили. Ожидаем дальнейших ваших указаний.
 - Правильно, – уже более спокойно заметил Марёнов. – Сейчас действительно здесь только мои указания. Никакого другого начальства здесь нет. Сколько у вас людей?
 - Девять человек, товарищ майор, в том числе один раненый.
- Марёнов потер небритый подбородок и добродушно-ворчливо добавил:
- Не густо. Узнать он пришел! Вы, разведчики, вот что... Теперь мы повернулись фронтом на юг, всё наоборот у нас получилось. Так давайте, жмите на правый фланг. Там вторая рота наша и без командиров – всех выбило. Дам я тебе сейчас записку... А где ваш лейтенант?
 - Тяжело ранен, товарищ майор.
 - Кто за него?

– Старшина первой статьи Суменков.

Сашка вытянулся, как положено, и козырнул, чтобы было понятно, что Суменков это и есть он самый.

– Так вот. Со второй ротой связи тоже сейчас нет. Дам я тебе записку, передашь старшему по команде. Прорываемся атакой через балку по сигналу серией красных ракет. Понял?

– Так точно. Атака через балку напрямую по сигналу серией красных ракет.

– Всё правильно. И давай так, старшина первой статьи, иди со своей группой вперед, чтобы пехота за тобою. Ясно? Смотрите, разведка, я надеюсь на вас.

– Слушаюсь, товарищ майор, не подведем.

– Тогда жмите. На, держи записку.

Марёнов написал несколько слов в блокноте, вырвал листок и передал его Суменкову.

Суменков торопился, и минут через десять наша группа была на правом фланге батальона, на участке, занятом остатками второй роты. После того, как первая атака противника была отбита, его танки и бронетранспортеры, исполосовав балку следами от колёс и гусениц, отползли за бугор. На его гребне то и дело показывались две или три машины, они стреляли по окраине Верхнего Курпа, где занимала оборону вторая рота, когда наши снаряды рвались в опасной близости от танков, они отползали за гребень бугра. Немецкие минометы и артиллерия вели огонь по поселку, особенно по его окраине, обращенной к балке, сама балка простреливалась пулеметным огнем противника. Частям дивизии «Викинг», после нескольких попыток, удалось зацепиться за северную окраину Верхнего Курпа, положение батальона продолжало усложняться. День был на исходе, но противник не станет дожидаться вечера, никто не сомневался в том, что эсэсовцы предпримут еще более решительные атаки.

А солнце уже позолотило дальние горные вершины, бросило голубые тени в балку, в сады поселка.

В стрелковой роте оставалось не более тридцати человек. Они окопались, довольно умело используя каменную ограду на окраине поселка как дополнительное укрытие. Здесь тоже горело несколько домов, дым наполнял балку, подымался вверх, стены домов были частично разрушены, побиты осколками и пулями, кругом воронки... Интересно, а где же жители? Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Действительно с самого утра мы не встретили ни одного гражданского человека. Неужто прячутся? Тогда беда для них. Было бы лучше, если бы они догадались уйти. Остатками второй роты командовал старший сержант, высокий худощавый парень с перевязанной головой. Он прочитал записку комбата, подумал и сказал:

– Давай так, старшина, до самого выхода из этого окружения командовать будешь ты. Я всех ребят своих предупрежу. У тебя, видать, опыта побольше.

Сашка не стал отнекиваться – обстановка не та. По примеру стрелков мы тоже спешно занимали и оборудовали окопы. Лишние окопы были и, увы, не мало: после первой атаки противника несколько человек были убиты, несколько выбыло по ранению. Неизвестно, успел ли Суменков договориться обо всем со старшим сержантом, потому что воздух вновь разодрал вой снарядов, визг мин, дымные разрывы вспыхнули на окраине Верхнего Курпа и на склонах балки. Вскоре отдельных выстрелов и разрывов невозможно было уловить – всё слилось в сплошном треске и грохоте. Ухо выделяло только двойные гулкие удары танковых пушек. Вдруг откуда-то сзади нас раздался раздирающе-скрежещущий, воющий прерывистый рев, и сразу небо заполнило странное трубное гудение. Я не знал, что это такое и ожидал чего-то очень плохого и непонятного.

– Ну, сейчас врежет, аж переночевать негде! – прокричал Фролов и вдруг по балке, по ее склонам ударили шесть тяжелых взрывов. Черные клубы дыма какими-то грибами вскинулись ввысь.

– Что это за хреновина? – крикнул я Фролову.

– Салага! Шестиствольный миномет долбаёт! Запомни на всякий случай.

Шестиствольные минометы давали залп за залпом, они перепыхивали тяжелыми минами балку, её склоны, окраины поселка. По всему было видно, что готовится новая атака. И снова как там, на северной окраине, невозможно поднять головы: от ограды брызжет каменная пыль, летят мелкие осколки, на спину сыплется земля и уши больше не выносят этого грохота, не терпят непрерывные горячие удары взрывной волны.

– Хана, братцы, танки прут..., – слышен чей-то голос.

Положение действительно поганое. Противотанковых гранат у нас нет, связи нет, патронов осталось только два диска. Пехотинцы щедро снабдили нас патронами еще днем, но наши автоматы по сумасшедшему жгут патроны, да добавок то и дело отказывают при стрельбе: то утыкание и перекокс патрона, то улитка в диске заедает – беда одна.

Я осторожно выглядываю из-за бруствера. Из-за того бугра, где скрывались танки, теперь выползло не менее восемнадцати машин. В клубах сизого дыма, покачивая оружейными стволами, они быстро скатываются в балку, за ними развернутыми цепочками бегут автоматчики. По танкам почему-то никто не стрелял. Рыча моторами, они шли по балке, давили редкие кустики и начали поворачивать в нашу сторону. С короткой остановкой они били из пушек по нашей передовой. При выстреле танк вздрагивал, с его брони поднималась пыль, снаряд коротко взвизгивал и хлестко взрывался. Земля вздрагивала от удара так, словно хотела выбросить тебя из окопа, последнего и ненадежного укрытия, которое у нас оставалось. Среди пехотинцев кто-то был ранен, слышался надрывной страшный крик, он выделялся в сплошном адском реве и грохоте...

Солдат не видит всего поля боя. Ему всегда кажется, будто то, что происходит у него перед глазами, это и есть основное событие, главный эпизод сражения. В начале войны и в то окаянное лето 1942 года бойцы еще не умели видеть систему взаимодействия родов войск, не умели чувствовать её. Поэтому всегда было жутковато видеть атакующего врага, всегда это вызывало либо естественный страх, либо бешеное остервенение, когда люди рвут на груди рубаху...

Прямо на нас лезли грохочущие, стреляющие из пушек и пулеметов стальные машины, специально сделанные для уничтожения людей, а у тебя в руках бесполезный в этом случае автомат и бессильные противопехотные гранаты для ближнего боя. Прямо на твой окоп лезет стальное чудовище и непременно кажется, что ты остался с ним один на один... Где она, надежда?! На что тебе надеяться?! Что спасет тебя от ужаса и неминуемой смерти?!

Даже у таких закаленных бойцов, как Авдеев, Фролов, Суменков, Бельтюков побледнели лица, сжались губы, глаза лихорадочно заблестели. Все неотрывно смотрят на приближающуюся грозную стальную лавину. Танки уже близко, они направились на склоны балки, над ними грязно-синий моторный чад. За танками цепочки автоматчиков, они уже открыли огонь, у них на стволах «шмайсеров» засверкали искристые огоньки выстрелов, а вокруг нас запели, засвистели пули.

Немецкие пушки и минометы перенесли огонь вглубь нашей обороны, а мы, по воле эсэсовских командиров, должны быть расстрелянными танковыми пушками и пулеметами, раздавленными танковыми гусеницами, а те из нас, кто каким-то чудом останется живым или раненым должны быть добиты идущими за танками эсэсовцами с автоматами. Кажется, на свете уже не было силы, способной помешать осуществлению этого плана. Мы приготовились к худшему, но пока даже не открывали огня, берегли патроны, стрелять можно было только наверняка.

Вдруг стало видно, что бегущие за танками фигурки падают и остаются лежать, остальные забегают сбоку за танки – кто-то с нашего левого фланга лупит по автоматчикам из пулеметов и здорово лупит. Среди идущих танков сверкнули взрывы наших

снарядов. По танкам били пушки из Верхнего Курпа и откуда-то из-за балки, что для танков оказалось особенно опасным – они развернулись бортами к стреляющим пушкам. Взрывы снарядов наполнили дымом и пылью всю балку, среди автоматчиков загрохотали минные разрывы, и открыла ружейно-автоматный огонь наша залегшая цепь. Первые танки взрвали моторами, рванулись вперед, стараясь быстрее сблизиться с нашей передовой, но склон балки оказался тяжелым даже для танка.

Однако, первая машина вырвалась с крутизны подъема, разбила гусеницами низенькую каменную ограду и поползла по огороду к первому саду, остановилась на секунду, ударила из пушки, но вдруг там, на самом краю покалеченного снарядами сада, танк дернулся, как подстреленное животное, замер и через несколько секунд задымил...

Другой танк на подъеме неожиданно развернулся боком, расстелил по земле за собою перебитую гусеницу и остановился, а по нему кто-то стрелял – от брони летели белые искры. И его добили. Из щелей брони, с его кормы поползли черные и тяжелые космы дыма. Танк круто накренился на один борт и, казалось, что он сейчас завалится на бок, но танк устоял и догорал стоя. Третий танк, лязгая гусеницами, вдруг пополз назад с неестественно развернутой в сторону пушкой.

Украина Верхнего Курпа была вся искромсана, разбита снарядами. Жарко, с шумом и треском горели дома и их камышовые крыши. В садах на земле расщепленные, изломанные стволы деревьев и сучья, листва почернела от пламени, копоти и дыма, каменные заборчики разбросаны взрывами; кругом воронки, трупы, кровь, белые лоскутья бинтов... Нам еще везёт: наша каменная ограда почти цела, но дом сзади нас горит, ядовитый дым стелется над нашими окопами. Суменков, видно, ранен, у него рассечены лоб и бровь, кровь заливает лицо, глаза, он вытирает то и дело её рукавом маскхалата и стреляет из автомата. Немецкие автоматчики близко, слышно как они кричат, подбадривая себя этими криками, а Потапенко стреляет в них из трофейного пулемета. Вокруг сплошной треск выстрелов. Я стреляю короткими очередями, и все-таки каждая очередь это пять-шесть выстрелов, этак скоро кончатся патроны. А как быть? Вон лежит немец и стреляет лёжа из автомата, его плохо видно, мне видна его каска и автомат. Я целюсь в каску – очередь, еще очередь – автомата больше не видно, каска не двигается. Вдруг целая туча песка и земли срывается с бруствера моего окопа и больно бьет в лицо, в глаза. Я мгновенно ослеп, в глазах нестерпимая резь. Ударили по мне и довольно метко, но попали в бруствер пулями. Старюсь протереть глаза рукавом маскхалата.

– Салага ранен! – слышу чей-то крик и не пойму, о ком это идет речь.

– Ты живой? Не ранен? А я думал тебе всё – чирик-воробышек!

Я еще не вижу Бельтюкова, а он, оказывается, подполз ко мне. В конце концов, мне удастся протереть глаза. Я вижу снова. Передняя цепь немцев залегла, на склонах подбито несколько танков. Теперь они почему-то стоят и бьют из орудий по нашим пушкарям. А немецкие автоматчики, оказывается, совсем недалеко от нас залегли. Я не вижу, что сейчас делают наши ребята, и Бельтюков уже словно провалился. Я потянул за шнурок и в руках у меня стаканчик гранаты. У меня сейчас нет иного выхода, автоматчики хорошо меня видят и не дают поднять головы – чуть повернешься, и в бруствер шлепают пули. Я сжимаю мягкие проволочки чеки и вытаскиваю кольцо, пальцами прижимаю металлический рычажок к корпусу гранаты. Теперь, если разжать пальцы, рычажок отскочит от корпуса гранаты и через две-три секунды взрыв. Наши окопы на самом склоне балки, я мгновенно выбрасываю гранату вперед и она, подпрыгивая, катится по склону к немцам. Секунды – и звонкий хлопок взрыва. Теперь я первый поднимаю голову и стреляю по автоматчикам, у них нет окопов, я в более выгодном положении.

Над Курпом и в балке сплошной дым и грохот. Уже не разобрать, откуда и кто стреляет. Наши артиллеристы саданули в борт еще одного танка, чудовище вздрогнуло, из его утробы рванул черный дым, от второго снаряда брызнули искры от танковой баш-

ни с наשלёпкой люка, и пушка танка вдруг опустилась и замерла, будто нюхая землю. Эсэсовцы явно не рассчитали: склоны, где оборонялась наша рота, были затруднительно круты для танков, дальше склоны были более пологими, но там стояли на прямой наводке пушки и били по танкам; вдобавок, видимо, прибыли обещанные Марёнову артиллерийские батареи, они встали прямо в поле, на другом краю широкой балки. Немецкие танки находились для них в мертвом пространстве, но как только они начинали карабкаться вверх к поселку, то невольно подставляли свои уязвимые борта под наш артогонь. В этой необычно жаркой схватке батальон нес потери, не меньшие потери несли наступающие, и наступил тот миг, когда танки остановились, а потом стали пятиться назад, оставляя на дне балки коричневые гусеничные следы...

– Ага! Кишка тонка! Умыли, в господа бога вашу мать!!! – кто-то кричал.

Трещали автоматные очереди, мы стреляли в автоматчиков, они отвечали нам сумасшедшей пальбой. В своём окопе приподнялся Тазиев и швырнул вперед лимонку:

– Лови, твою мать!..

Лимонка черной запятой кувыркнулась в воздухе, упала на землю, подскочила на крутом склоне, полетела дальше и рванула. Застонали, заныли осколки.

– Гранатами их, гранатами!

Кто кричал непонятно, но в воздухе закувыркались черные точки и часто, как горох по железному листу, затрещали разрывы. Серые клочки дыма потянулись по нашему склону там, где залегли немецкие автоматчики. Танки отползали назад, а автоматчиков прижимал к земле пулеметный и автоматный огонь.

В тот момент, когда мне показалось, что наступил перелом в этом бою, и фашисты сейчас вынуждены будут бежать, в это самое время немецкие минометчики словно взбесились. Небо завывало и застонало от десятков падающих мин, взрывы забарабанили один за другим, одновременно, пачками, и земля снова превратилась в ад, в проклятие, в место, где разгулялась смерть в своей страшной пляске. Проклятые мины падали прямо в меня и, казалось, только необъяснимое чудо в самый последний момент заставляло их взрываться где-то в стороне. Страшной силы огонь обрушили немецкие минометчики и артиллеристы по окраине Верхнего Курпа, по склонам балки, где окопались наши стрелковые роты. Наши артиллеристы и минометчики перепаживали снарядами и минами всю балку и то место, где еще стояли немецкие танки. Наши низенькие и вездесуще-юркие сорокопятки, оказались на противоположном краю этой балки, и среди немецких танков брызнули серые клубки разрывов, это заставило их попятиться снова, туда, за бугор, из-за которого они вылезли.

С окраины Верхнего Курпа, левее нас красными искрами полетели в небо три красные ракеты – условный сигнал к контратаке. Первым из окопа встал Суменков, он ударил вперед из автомата и закричал:

– Полундра! Вперед, ребята!

По нему стреляли... конечно, стреляли, не могли не стрелять, а он, словно заговоренный от пуль и осколков, не оглядываясь больше на нас, побежал вперед и что-то еще кричал. За ним поднялись Тазиев, Медвинский, остальные, поднялась стрелковая рота и все бросились бежать вперед. Секунда, две, три, четыре ошалелой неприцельной стрельбы на бегу, и немецкие автоматчики начали подниматься с земли. Вначале они еще стреляли, а потом уже просто бежали, за ними разведчики в маскхалатах, бойцы стрелковых рот с винтовками наперевес, и на каждой винтовке длинная тонкая игла примкнутого штыка.

– А-а-а!... Ур-ра!...

Растекался по балке сумасшедший крик злости, ненависти, страха, азарта – всё было вложено в этот неосознанный страшный крик... Кто-то в маскхалате взмахнул руками, выронил автомат, упал и покотился по крутому склону. Сознание мельком отметило это мгновение. Кто-то из ребят закричал:

– Тазиева! Тазиева убили!

– Козловский, мать твою!.. Бери Тазиева! Бери, тебе говорят!!!

А это уже кричит Медвинский и почему-то падает набок. Я перепрыгиваю через него, торможу на склоне, оборачиваюсь и вижу, что Медвинский встает и снова бежит и кричит теперь уже на меня:

– Какого хрена... Вперед!!!

И мы бежим вместе, догоняем наших ребят... задержка на полсекунды... А мы уже в балке, и здесь нас уже не долбят немецкие минометы, им сейчас уже нельзя стрелять – своих побьют. Впереди меня бежит немец в каске, в серо-зеленой куртке с черным поясным ремнем, он недалеко и ему некогда оборачиваться, он слышит, наверное, топот наших ног. Я нажал на спусковой крючок, автомат брызнул искрами выстрелов... Промазал... С десяти метров ухитрился промазать... У немца в руках тоже автомат и если он сейчас обернется, то несдобровать уже мне. Ударил второй очередью: на серо-зеленом френче несколько дыр, немец делает еще несколько шагов, спотыкается и падает, на меня смотрят исполненные ужаса и боли оловянные глаза, черная дыра открытого рта... Перепрыгиваю его, бегу дальше... Вместе со всеми я куда-то стрелял, останавливался и бил из автомата с колена...

Под ногами исполосованная танками земля и воронки, воронки... Впереди какие-то кусты или высокая трава, и оттуда сверкнул огонек выстрела. Кидаюсь мгновенно на землю и стреляю очередью в том направлении. Автомат делает несколько выстрелов, и затвор хлопает впустую – всё, патроны в диске все. Заученно выбиваю диск из приемника, вставляю другой и снова бегу вперед. Меня перегоняет Подосенов, он тоже стреляет по высокой траве, мельком замечаю лежащего там немца... Слева отчаянный, нечеловеческий крик – наш пехотинец проткнул немца штыком винтовки, тот вцепился в ствол, лежит на земле и страшно кричит и наш солдат не может вырвать из его рук винтовки... Мгновение и уже этот боец выронил из рук свое оружие и тяжело осел на землю рядом с кричащим немцем... Вокруг один автоматный треск и крик... Быстрее, быстрее... Уже всё перемешалось: разведчики, стрелки, автоматчики... Вот горящий танк и прямо из-под него автоматная очередь, я лечу в подвернувшуюся воронку. Уцелел! Но что теперь делать? Он, гад, не выпустит меня из этой воронки! Граната! Пусть последняя, хрен с ней... Вырываю кольцо и кидаю гранату вперед... Взрыв! Одновременно с этим хлопком взрыва я кидаюсь к танку и стреляю в какого-то согнувшегося человека в каске...

– Полундра! – теперь уже кричу я и бегу вместе с ребятами. Рядом со мной оказывается Суменков, зубы стиснуты, оскалены и он куда-то стреляет. Впереди воронка, и там мелькнула каска... Не сообразил ничего, не успел, а туда, в эту воронку, прыгает, как в воду, Авдеев... Там, в воронке, короткая (в два выстрела) очередь... Снова бежит вперед Гришка... Какой-то заросший травой проселок, на обочине лежит молодой, совсем молодой немец, без каски, с растрепанными светлыми волосами, глаза удивленно смотрят в чужое неведомое небо, в руках у него автомат, на ремне серый подсумок с прямыми, как палки, запасными магазинами. Рывком беру этот автомат, расстегиваю пряжку ремня с подсумками и навешиваю этот ремень на себя поверх маскхалата, беру и автомат – пригодится.

Опасаясь, что в последнем диске моего автомата скоро закончатся патроны. Немецкий автомат, кстати, только тем непривычен, что ручка затвора у него слева... Впереди какие-то кусты... там люди в касках... Кто-то из ребят падает на землю... Подосенов кидает в кусты гранату – взрыв... Из кустов выскочил рослый немец в пилотке, в руках у него автомат, он не успевает обернуться и выстрелить, рядом с ним Подосенов, он стреляет первым...

...Когда же кончится эта проклятая балка и почему здесь так много немцев?! Сколько метров мы пробежали и сколько минут мне еще будет так по-дурацки везти? Далеко,

слева от нас, попереk балки катятся повозки, их много, их тащат бешеные кони, а ездо-вые еще хлещут по их спинам ременными кнутами.

– Полундра!!! Вперед, братва! Полундра-а!!!

Еще немного... Пожалуй, половину пробежали... Теперь только смерть остановить может...

Кто-то кричит, кто-то бежит рядом и тяжело, с надрывом дышит... Впереди, похоже, заросли высокого репейника, нужно бежать туда... Неожиданно оттуда летит нам на-встречу граната, похожая на лимонку. Я падаю на землю... секунда – взрыв! Хлесткий хлопок и тут же автоматная очередь. Бельтюков, Авдеев и я бросаемся туда. Несколько коротких очередей... Крик... Страшный крик, похожий на рычание и вопль отчаяния. Бельтюков кидается первым на немца, бьет его тяжелым, как пудовая гиря, кулаком в лицо, а потом в этой руке сверкнуло лезвие финки. Рядом на земле крутятся немец и Гришка Авдеев, он держит руку немца, в которой зажат пистолет. Немец ухитрился ударить Гришку ногой в живот, тот крякнул и обрушил на физиономию эсэсовца страшный удар. Тот клацнул зубами, откинул голову, но не выпустил пистолета. Я кидаясь фашисту на ноги, придавливаю их своим телом, а Гришка продолжает молотить кулаком лежаще-го немца. Тот выпускает из рук пистолет, я его успеваю схватить, а Авдеев заламывает немцу руки за спину. Подлетает Бельтюков, глаза у него красные, нос сморщен, как у бульдога, в руках финка...

– Я ж его, гада!..

Бельтюков размахивается ножом, но Авдеев отталкивает его:

– погоди, дурак! Я ему сейчас еще по морде...

Авдеев вскакивает на ноги, поднимает с земли немца и еще раз коротким боксер-ским ударом в челюсть бросает его на землю. Несколько секунд немец неподвижно лежит на земле, потом тяжело встаёт на колени и подымает руки... Физиономия у него разбита, глаза вытаращены, он испуганно и торопливо говорит:

– Рус, рус! Нихт шиссен! Капут не нада!

– А, гад! Федька, проверь у него карманы!

Кто-то бежит мимо нас. Подбегает прихрамывающий, и поэтому немного отста-вший, Фролов. На поясе немца большая черная кобура с левой стороны, но его пистолет у меня в руках. Я поднял еще один немецкий автомат и тоже повесил себе на шею – пригодится!

– Нет у него больше оружия. Форвертс, гад! Шнеллер унд хенде хох!

Мы бежим сами, гоним перед собою немца и он послушно бежит, боясь опустить руки, каску он давно потерял, на френче выдраны с мясом пуговицы.

– Федька, гони эту сволочь к берегу! Пригодится! И дай, брат, пистолет мне, – гово-рит на бегу Авдеев.

Что ж, парабеллум по праву его трофей и сегодня это у Гришки второй «язык»... Я с готовностью протягиваю Гришке пистолет.

В балке начинают рваться мины. Это уже немцы ведут обстрел. По балке всё бегут и бегут люди и некоторые еще в самом её начале, на том берегу. Видимо, это те, кто при-крывал наш прорыв, сейчас им тяжелее всего. Из-за балки лупит беглым огнем наша артиллерия, помогает отойти прикрытию. А конец балки уже вот он, рядом... Немцев больше не видно, в нас никто не стреляет, и теперь мы идем шагом, а по балке из Верх-него Курпа всё еще несутся повозки, пушки на конной тяге, минометчики тащат свои «самовары», пэтэровцы свои длинные ружья...

Батальон Марёнова отошел из Верхнего Курпа с большими потерями... А солнце уже тронуло вершины большого Кавказа. В балке не то туман, не то дым, в синеву оделись все «господствующие» высоты, из поселка и с тех высот беспрерывно летят в небо пока еще тусклые ракеты – теперь до утра светить будет – все-таки напугали эсэсовцев. Вот он – подъем, край балки, который вначале казался нам недостижимым, далёким... Все-го-то минут двадцать, а кажется, что бежал через эту балку всю свою жизнь!

Небольшой овражек, колючие терновые кусты с синими ягодами.

– Перекурим, ребята, – на сей раз просит Федька Фролов, мой тезка. Ему тяжело – раненая нога болит, повязка давно съехала, рана снова кровоточит, он сильно хромает, но держится солдат. Мы тут же перевязываем его снова.

– Где Козловский с Тазиевым? – спрашивает Суменков.

Все молчат – кто его знает, где они сейчас?

– Я пойду, посмотрю, – спокойно говорит Медвинский, берет на плечо автомат и уходит молча обратно в балку.

– Мы будем здесь, в этом овраге! – кричит ему вдогонку Суменков.

Нервная взвинченность, напряжение боя постепенно оставляют ребят, и наваливается на них чрезмерная усталость. Всем хочется пить, а воды нигде нет и фляги пустые. Лежим и курим. Немец сидит рядом и бросает на нас испуганно-затравленные взгляды. Он сплевывает кровавую слюну, вытирает грязным носовым платком кровь с лица, физиономия у него опухает и расплывается чудовищной величины синяком... Интересно, о чем думает он и что я бы чувствовал на его месте? Не дай бог, конечно! Теперь этому гаду, глядишь, повезет больше, чем мне, и он доживет до конца войны, уедет в свою чертову Германию и будет рассказывать своим детям о том, каким он был храбрым солдатом на войне с русскими... А мы? А я? Безумно и несправедливо устроен этот мир!

...Минут через пятнадцать возвращается Медвинский, он тащит на себе Тазиева, рядом с ним шагает худощавый Козловский, несет два автомата – свой и Тазиева. Тазиев ранен тяжело в голову, в правое плечо около шеи и еще касательное ранение над ухом. Повязка наложена Козловским плохо, но его никто не упрекает в том. Медвинский не трогает ран, он перевязывает Тазиева новым бинтом по старому.

– Ну, что, хлопцы, надо бы Тазиева отправить, узнать об Анохине и как быть с Фроловым? Не дойти ему до роты, – размышляет Суменков.

Решили всей группой разыскать эвакуационный пункт раненых и КП батальона. Нашли довольно быстро. Анохина уже отправили, положение у него тяжелое. Курочкина в сопровождающие не взяли и его мучало, что до конца он не смог выполнить приказание Суменкова. Сдали Тазиева и Фролова, Федька поартачился малость, но остался. Нашли Марёнова. Комбат отходил с группой прикрытия одним из последних. Потный, пропыленный, он узнал нас:

– А, разведка. Сколько вас осталось? – спросил комбат у Суменкова.

– Девять человек, товарищ майор.

– А было?

– Шестнадцать.

– Вон оно как... И командира взвода своего потеряли. Плохо, брат!

– Да уж чего хорошего.

– А этого фрица что ж – на память прихватили?

– Пригодится, товарищ майор.

– Это точно. Ладно, ребята, спасибо вам за службу. Что делать, не удержались мы в Верхнем Курпе, но хоть поцарапались! А за потери нам с тобою, старшина, вместе попадет. Такая уж наша жизнь проклятая!

– Разрешите быть свободными, товарищ майор?

– Что, о Натынове соскучились?

– Да не то чтобы очень...

– Но, но... Потихе. Все начальство от бога, старшина, запомни на всю жизнь! Ладно, ступайте! А в случае чего – давай ко мне в батальон – не обижу.

Мы вышли на дорогу, по которой ехали сюда и, почувствовав себя свободными, выполнившими все приказания и указания своего начальства, еще раз перекурили на дороге, и только тогда Суменков сказал:

– Все, славяне! Пошли в роту. И давай поскорее, а то загулялись мы!

Минули долгие, более долгие, чем сама жизнь, сутки. Все, что удерживалось в памяти об этом времени – это бой, бой, бесконечный бой, разрывы мин и снарядов, автоматный треск и ползушие на каждого танки. В тот миг никто бы, пожалуй, не смог даже рассказать последовательно о пережитом.

Прошли километра полтора, стало почти совсем темно, зажглись первые звезды. По нашему краю балки ударили немецкие минометы, били лениво, по площадям, «для острстки».

– Из Верхнего Курпа, с новых огневых шпарит, – заметил Суменков и зашагал быстрее.

Однако, усталость, накопленная за день, давала себя знать. Километра через два снова сели перекурить и решили добить остатки ужина. К моему удивлению, изрядно послонная свинина еще не испортилась, мы ужинали, сидя на траве около дороги. Решили накормить и немца, дали ему кусок жирного вареного мяса. Ел он с трудом – после Гришиных кулаков ужин стал для него делом затруднительным.

* * *

Поздней ночью мы вернулись в роту. Вторая бессонная ночь, сумасшедший напряженный день забрали все силы до самой последней капли. Увидели свои родные обозные подводы, сняли тяжелые поясные ремни, сложили оружие и единственное, что попросили у повара – это чая. Чай был еще чуть тёплый, каждый из нас выпил не меньше котелка...

Из сбивчивых, торопливых рассказов мы успели узнать, что группе Ласточкина, которая пошла в район Верхнего Акбаша, здорово не повезло – на рассвете разведчики неожиданно для себя напоролась на немцев. Завязался бой в очень невыгодных для наших ребят условиях. Бой продолжался несколько часов, ребята израсходовали все боеприпасы и с большим трудом оторвались от противника. Были потери – трое раненых, из которых одного донести до роты не удалось, умер в дороге.

Страшной вестью для нас оказалось то, что нашего первого «языка» Костя Кудряш и Гогаберидзе не довели до роты. Это было чудовищно, но ребята Кудряша поняли и не осуждали его – война, а на войне может и не такое произойти...

Со стороны начальника разведки приходилось ожидать неприятностей: всезнающие связные, ординарцы и связисты были надежным источником информации. Они и поведали о том, что Натынов поторопился доложить начальнику штаба, что разведгруппой взят «язык», а потом он был вынужден докладывать вновь, что «языка» этого разведчики не довели до роты. Натынову пришлось выслушать тяжелые упреки от начальника штаба, в сердцах он разнес Ласточкина, грозил отчислить Кудряша из роты, вдобавок сама разведгруппа Анохина пропадала в батальоне Марёнова, с которым не было связи. Переполненный негодованием и «праведным» гневом Натынов скрылся в батальоне автоматчиков, подальше от штабного начальства.

Ребята, которые находились в роте, с нескрываемым любопытством рассматривали пленного, в штаб послали нарочного за переводчиком и за Натыновым.

Больше никаких новостей наш усталый организм воспринять не мог. Мишке Белякову я просто сказал:

– Миша, больше сил нет. Давай все разговоры на завтра.

Спать! Только спать! Уставшие солдаты заснули мгновенно, не спал один лишь Костя Кудряш, не спали часовые и не спал военнопленный...

Рано утром нас подняли, ставшей привычной, командой: «Кончай ночевать!». Небо рябое от высоких перистых облаков. Прохладно. Ребята зябко подергивают плечами. Слабо дымит кухня и по нашему оврагу растекается аппетитный запах каши и варёного мяса. Около колеса повозки сидит пленный эсэсовец. Глаз у него иссиня-желтый, сильно

заплыл, белок наполнился кровью, губы разбиты, на них запеклась кровь, несколько зубов выбито, щека от уха до губ распухла. Авдеев тоже разукрашен порядочно, под глазом синяк и бровь рассечена. Взглянув на немца и на Авдеева, Арабов заключил: «если говорить языком дипломатов, произошел полезный обмен мнениями в духе полного взаимопонимания».

В роту уже успел прикатить верхом младший лейтенант – переводчик и помощник Натынова. Натынова не было, а без него переводчик не решался везти пленного в штаб – это могло вызвать неудовольствие шефа.

Фигура сидящего на земле немца – сама осознавшая обреченность и покорность судьбе, сыгравшей с ним такую неудачную шутку. Корчит сироту казанскую, жмет на снисходительность рыцарскую к поверженному противнику. Разведчиков накормили сытным завтраком, не обидели и немца – повар выделил ему завтрак по полной норме, дали закурить и еще в карман табака насыпали. Немец обрел спокойствие, к нему вернулась некоторая самоуверенность. И действительно, если его собираются расстреливать, то зачем кормить и тем более снабжать табаком. В глазах немца мелькнул внезапно вернувшийся страх только тогда, когда к нему направился бородатый Авдеев – видно, он не забыл Тришкиных кулаков. Но он теперь все-таки поверил, что самое худшее – расстрел, избиение ему не грозит. Немец понемногу разговорился. Ребятам было интересно поговорить с человеком из того, совершенно другого мира, мира враждебного и сильного, хорошо организованного, несущего какие-то свои совершенно непонятные нам идеи. Вокруг немца собралось довольно много народа, ему задавали вопросы, он отвечал, и переводчик переводил.

Многие вопросы немцу казались наивными и странными. Так могли спрашивать взрослые дети. Немец воевал в России с июня 1941 года, он многое повидал, он своими глазами видел десятки тысяч русских пленных и почти все они опускали, прятали глаза, были в массе своей покорными и послушными. Он был убежден, что любой немец на несколько ступеней выше в своей организованности, знаниях и, что самое главное, в породе. Он, конечно, понимал, что с этими Иванами сейчас нужно вести себя спокойно и осторожно, но понятие «осторожность» удерживало его всего лишь от откровенной грубости и демонстрации собственного превосходства. Он заученно повторял то, что ему годами вдалбливали в голову, но повторял это в данной ситуации очень сдержанно и вежливо.

– Зие шпрехен русиш?

– О, ошень плёхо.

– Ты рабочий, крестьянин? Чем ты занимался до войны?

– Мой отец крестьянин и он еще имел небольшой магазин. Мы работали и жили одной семьей.

– Почему Германия напала на Советский Союз? У нас с вами был договор. Вам что-нибудь говорили по этому поводу?

– Да, конечно. Война была неизбежной. Был или не был договор, это неважно – у войны свои законы. Фюрер просто упредил удар, который большевики готовили много лет, в результате мы победили в этой войне.

– Что ты думаешь вообще о войне?

– Война есть война, и в ней побеждает сильнейший. На войне не думают, на войне дерутся.

– Ты сказал, что вы победили в этой войне. Ты уверен в этом?

Немец немного подумал, настороженно посмотрел на молчаливых солдат, которые внимательно слушали его ответы и замялся. Переводчик заметил это.

– Не бойся. Тебя никто не убьет. Мы не стреляем пленных. Смело говори, что думаешь. Мы кое-что знаем о пропаганде Геббельса и читали ваши листовки. Нам просто интересно, что думает немецкий солдат.

– Мне нечего больше сказать. Вы видите сами. Войска вермахта уже на Кавказе, на нижней Волге. Весь мир уверен, что это уже самые последние бои.

– Да, но ты у нас в плену.

– Это верно. Вчера погибло много наших и ваших солдат, мне не повезло – я оказался в плену, но на войне случается всякое. Это не есть наш главный удар. Если вы правда меня не расстреляете, то я пробуду в плену от силы месяц или два. Здесь, на Кавказе, не будет долгой войны. Заверяю вас, что я буду рад свидетельствовать перед своим командованием, что вы обращались со мной очень хорошо, можно сказать по-рыцарски.

Лейтенант Попов, политрук роты, еле сдерживал себя, он кипел от возмущения и негодования:

– Спроси этого гуся, что он лично для себя ждет от этой войны?

Переводчик перевел вопрос Попова.

– О, пока я в плену, меня не ждет ничего хорошего. Но все надеются, что тех, кто останется жив, не забудет фюрер. Солдаты рассчитывают неплохо подзаработать.

– Ты уже подзаработал! – не выдержал и вставил переводчик.

Немец понял, о чем шла речь.

– О, да, – с готовностью согласился он, – поверьте, я умею драться, у меня привычные к труду руки, но у него, – немец кивнул в сторону Авдеева, – хватка медведя. Если бы у нас были такие солдаты, их ждал бы почет и награды.

– А мы не за награды воюем, а о почете мы после войны будем думать. Запомни, фриц, – Авдеев говорил медленно, давая переводчику возможность переводить не топясь, без искажений, – это земля наша, и хрен ее ваш фюрер получит!

Наконец, на пропыленной полуторке в роту прикатил Натынов. Наш знакомый шофер по прозвищу «Чижик» резко тормознул, будто осадил норовистую кобылицу, и вылез из кабины – посмотреть на живого фрица ему тоже было любопытно.

Натынов громко хлопнул дверцей кабины, отряхнул седую пыль с синих галифе и, насупив черные, сросшиеся на переносице брови, мельком взглянув на пленного, словно для него это было привычное и даже надоевшее дело, сразу же взялся за Суменкова:

– Старшина, подойдите сюда!

Суменков в самом тоне Натынова почувствовал нависшую угрозу, но неторопливо поднялся, одернул маскхалат и подошел к Натынову. Голова у Сашки была перевязана и по этому случаю он был без пилотки, поэтому по-уставному приветствовать Натынова не стал. Просто подошел и подчеркнуто спокойно доложил:

– Товарищ старший лейтенант, по вашему приказанию старшина первой статьи Суменков прибыл.

– Ты, старшина, давно в армии?

– Я срочную отслужил и с начала войны в действующей.

– Как же это у тебя так получается? Кто тебя так воевать учил?

– В основном немцы учили, а сейчас вы учите.

– Ты мне не заговаривайся, не забывай перед кем стоишь и как отвечаешь!

– Как вы спрашиваете, так я и отвечаю, товарищ старший лейтенант.

– Языкастый! А соображать кто за тебя будет? Кто тебе позволил целый день в батальоне крутиться? Забыл, кто ты есть в бригаде? Почему доверил конвоировать пленного двум дурошлепам?!

– В батальоне крутиться вы приказали. Перед строем. В бригаде я рядовой разведчик в звании старшины. Конвоировали пленного не дурошлепы, а два бойца Красной Армии...

– Молчать! – рявкнул Натынов. – Не забывайся, старшина! Совсем обнаглели! Вместо поиска торчал в батальоне. Половину разведгруппы потерял! Ты что думаешь, тебе так пройдет это дело? Какой ты, к черту, разведчик! Сидит там целый день, как пехота. «Языка» потерял! Послать эсэсовца с двумя лопухами! Ты в какое положение меня пе-

ред командованием поставил?! Ты подумал об этом? Слушай, старшина, я тебя не отдам под суд только потому, что вам другой «язык» дуриком попался, но предупреждаю... Да что там!.. Ласточкин! Суменкова больше командовать разведгруппой не ставь – не дорос он еще...

– Товарищ старший лейтенант, разведгруппой командовал не Суменков, он был вынужден принять командование! Я говорил с...

– Отставить, лейтенант! – перебил Натынов попытку нашего политрука оправдать Суменкова. – Не вступай с замечаниями. Я знаю, что говорю! До чего распустили роту. Позор! Объясняться с Пекаревым я тебя, лейтенант, вместе с Ласточкиным возьму. Посмотрим, какими умниками вы там будете.

Суменков стоял перед Натыновым по стойке «смирно» и кусал побелевшие от злобы губы. Смуглое его лицо потемнело еще больше. Ребята стояли чуть в стороне и молчали. Недобро молчали, и Натынов это, видимо, почувствовал и уже тише произнес:

– Столько людей и каких разведчиков потерять! И ладно бы в поиске, а то... Оборону они занимали!...

– Разведгруппой Анохин командовал, а действовать вместе с батальоном приказывали вы и комбриг.., – вмешался вдруг Гриша Авдеев, но Натынова это взбесило, и он грубо оборвал Гришку:

– Эт-то еще что! Тебя кто спрашивает? Митинг устраивать?! Я тебя быстро в стрелковую роту определю!

– А это хоть сейчас. Напугал бабу...

– Ты как разговариваешь?!

– А ты на меня, старший лейтенант, не кричи, а то я и так нервный...

Я ошалел от Гришиной дерзости: называть самого начальника разведки на «ты», да и говорить таким тоном... За это в военморшколе я столько бы нарядов вне очереди отхватил! А Натынов вроде бы даже осекся. Помолчал немного и спокойнее добавил:

– Знаю, ты обоих «языков» брал. Только поэтому сразу к тебе мер принимать не буду! Ласточкин, что у вас в роте делается? Если еще что-нибудь повторится, смотрите тогда! Вещи раненых в медсанроту послали? Что – напоминать, подсказывать нужно? Это я, выходит, горяч, а вы о людях думаете. Тоже мне, деятели! Ладно, я еще с вами побеседую! А сейчас, лейтенант, давай мне двух... нет, трех разведчиков для сопровождения, да только не таких, которые у себя в тылу «языков» добивают!

Ласточкин быстро выделил троих ребят, они вместе с немцем разместились в кузове, Натынов водрузился в кабину и Чижик погнал свою «антилопу» в Эльхотово.

Слава богу, уехал! Но в роте у всех настроение было испорчено, не слышно было ни шуток, ни песен, каждый делал вид, что был занят каким-то делом или подчеркнуто независимо курил и плевался в костер. Обида, какая-то отчужденность, неловкость, кажется, были не только в душах, в глазах ребят, она висела в самом воздухе, в замерших бледно-зеленых листьях кизильника...

Все разрядилось самым неожиданным образом.

Я еще в Курпе заметил на своём вещмешке две дырки – пулевые пробоины, и две дыры были побольше, похоже, входное и выходное отверстия от осколка. Маскхалат тоже с пулевой пробоиной. Чудом вывернулся я из лап смерти. Мишка Беляков откровенно этому удивлялся. К нам подошел Подосенов, посмотрел пробоины и Гриша Бельтюков, хмыкнул и заявил, что у него под Севастополем тоже такое случилось. Все как-то обошлось, если бы не настырность Подосенова и Потапенко. Один из них поднял мой тяжеленный мешок за слабо затянутые лямки, они соскользнули с горловины и из мешка вывалился тяжелый узел. Портянка раскрутилась, и красно-синий магнит с никелированным сердечником предстал перед изумленными ребятами. Я начал лепетать что-то о гальванометре, а они явно ничего не понимали и не могли объяснить, какого хрена я таскаю в вещмешке этот окаянный магнит и явно ненужные учебники по во-

енно-морскому делу. Оба учебника пришли в явную негодность – они были пробиты пулей и порваны осколком мины. Судя по всему, пуля и осколок ударились в стальной магнит, помяли сердечник, вдрызг изуродовали катушку гальванометра, срикошетили от довольно массивного стального изделия, и на вылете пуля и осколок выдрали изрядный кусок ткани из вещмешка.

Всем было ясно, что эта непонятная штука, которая невесть зачем мне понадобилась, спасла мне жизнь дважды за один день. Опытные ребята легко и неоспоримо точно проследили траекторию пуль и осколка в моем вещмешке, но зачем я таскал в вещмешке эту штуку, никто из них сразу понять не мог.

– А что это такое? – удивленно спрашивал Мишка Беляков.

– Не видишь что ли! Это магнит и сердечник от гальванометра.

– А что это такое?

– Ну, прибор такой для лабораторных измерений слабого тока.

– А на хрена он тебе? Где ты его нашел?

– Да просто так вот взял в школе, в Дейском, на всякий случай...

Более убедительно я ничего объяснить не мог, и это всё более озадачивало ребят и забавляло их.

– Случится же такое! – удивлялся Подосенов. – Скажи кто, не поверил бы! Но кто догадал тебя этот магнит в вещмешок положить?

И тут всех как будто взорвало. Первый Бельтюков, сморщился, приснул от смеха и сквозь смех с трудом выговаривал:

– Ну Пауст, ну салага, – хитер! Я думал, он по дурости магнит таскает, а он – по хитрости! Ну, салага!

Ребята каким-то чутьем поняли, что таскание в мешке магнита не что иное, как последняя отрыжка, пережиток моего детства, ребячества, и именно это их больше всего потешало.

– Хлопцы, вин больше нэ салага! Вин боеву перемогу увчора зробыв. Отставить салагу! Предлагаю Натынову напысать донесение, як наикраше добытиса сокращения боевых потэрь у Червоний Армии посредством магныту. Ось побачыте як усе просто и дуже гарно: яка там пуля чи восколок лэтит у Хведора, а тут ций магныт – бац и примагнытылись! А Хведор, як Хведор, ему хрен по дэревне! Он их, гадив, ловыт усим магнытом. Це-ж революция у военном деле!

Дурачился и издевался надо мной Потапенко, а ребята покатывались от смеха, за животы держались. Даже Суменков забыл про свои неприятности, мотал, забинтованной головой и от души хохотал. Медвинский вдруг серьезно добавляет:

– А что! Главное, теперь это изобретение Федора надо от Гитлера в строжайшей тайне держать, он ведь, паскуда, всех солдат магнитами обеспечит – под штаны привесят и будь здоров! Старшина! Закажи на складе магниты для всей нашей роты и на долю Натынова штуки четыре, пусть таскает!

Авдеев сквозь смех добавляет:

– Ну дает, ну дает! А вы, гады, над моим синяком издевались! Сапоги, салаги! Подумаешь, немец мне по морде ударил – морда пройдет. Говорите спасибо, что он Федьке по магниту не врезал. Насмерть бы тот фриц разбился! Что б тогда Натынов делал?

Ржут окаянные, многие уже просто по земле катаются, да я и сам уже удержаться не в силах. А тут еще снова Потапенко подливает масла в огонь:

– Хлопцы, ну на хрена Хведору автомат, нахрена вин патроны переводыть. Вин и без автомату цим мешком, с пид угла любому фрицу врежыть, так ни одна каска не спасеть!

От смеха, аж скулы болят, а ребята все не унимаются, каждый норовит что-нибудь сморозить по поводу этого злосчастливого магнита. Ржут дьяволы, кобели! Им смешно, а я действительно попал с этим магнитом в «вагон некурящих»! Селиванов предлагает

выпустить специальный боевой листок по обмену опытом борьбы за наше правое дело: «Магнитная защита от пуль и осколков методом Федьки Журавы – салаги первой ста- ты»... И снова взрыв хохота.

Как-то померкли, забылись обиды и неприятности, которыми начался сегодняшний день, упреки Натынова за непорядки в роте, за слабую дисциплину. Дисциплина – это вещь серьезная, особенно в боевой обстановке. В армии нужна даже просто привычка к дисциплине...

* * *

Совсем не просто послать человека почти на верную смерть и еще не проще выполнить такую команду. Правда, мне порою казалось, что наш начальник разведки слишком много уделяет внимания чисто внешней, показушной стороне дела. После этой истории, когда никто не понял, за что разнес нас Натынов, он показался мне крикуном, себялюбцем, мастером показухи и фанфаронства, а это не только излишне, это просто вредит делу. Разведгруппа – это самостоятельно действующее, небольшое подразделение, ее действия нельзя регламентировать, здесь все держится на инициативе. Ну, а если по строгому счету? Натынов все-таки должен требовать выполнения конкретных задач, а не случайных пиратских действий. Где-то он прав, но, в общем, конечно, шалый он мужик и горяч не в меру, не умеет видеть и понимать собственных ошибок. Но в армии начальство не выбирают. Начальство от бога, как говорят армейские остроусловы.

Мы надеялись, что после того сумасшедшего дня в Верхнем Курпе нам дадут отдохнуть, ну хотя бы денек, да не тут-то было:

– После войны у тещи на печке отдыхать будете. Пол-России просрала, забодай вас комарь, а теперь им отдохнуть захотелось! – ворчал командир роты.

В первую и в последующие ночи небольшими группами по шесть-восемь человек расходились разведчики по разным направлениям с заданием взять «языка». Но получалось у нас всё как-то нескладно: в первую же ночь мы напоролись на подготовленную оборону противника южнее Верхнего Акбаша; через день наш батальон вышиб противника из Верхнего Курпа, было много трофеев, а пленных не было.

В следующую ночь, уже по знакомым дорожкам, мы пошли к Нижнему Курпу, но были обнаружены противником, попали под жесточайший пулеметный огонь и с потерями откатились к своей обороне. Потом немцы неожиданно предприняли серию атак, потеснили наши части, удар противника оказался для нас неожиданным, и эта неожиданность тоже не украсила бригадной разведки.

Натынов бушевал, он израсходовал на нас весь свой запас ругательств и угроз. Политрук роты замучил нас политбеседами о том, что «выполнение боевого приказа есть неотложный и священный долг каждого бойца и командира Красной Армии», а «языка» все равно не было. Потеряв всякое терпение, получив нагоняй от начальства, рассерженный Натынов однажды сказал, что если мы и в очередной раз задачи не выполним, то он запрещает нам возвращаться в роту, тогда мы можем всем составом убраться в любой стрелковый батальон, если, конечно, нас там примут, или вообще валить к разным матерям и в любом направлении.

Целыми днями мы разбирали причины собственных неудач, драили оружие, зашивали порванные в клочья маскхалаты, а вечером снова отправлялись на передовую. До предела измотанные ребята засыпали на марше, откровенно храпели в засадах...

Прошло несколько дней, но характер поисков не изменился и поражал своим образом: мы появлялись перед противником в одном и том же месте, в одно и тоже время. Разведгруппы, которые в силу своей малочисленности, по мнению начальства, должны быть незаметными ночью, всегда оказывались обнаруженными настороженным противником, и действия разведчиков подавлялись пулеметами и огнем минометов. Это позволяло нам изучить передний край противника, систему его огня, засечь

пулеметные точки и минометные батареи, но не обеспечивало выполнения главной задачи – захвата «языка». Вскоре наиболее «ловкие и находчивые» ребята заметили, что чем сильнее огонь противника, чем громче он доносится до слуха командиров, тем меньше попадает за невыполненное задание, и некоторые хитрили: они отыскивали на «нейтралке» воронку поглубже или пустой окоп, укрывались там и бросали в сторону противника несколько гранат. Вспокоенные неожиданными и близкими разрывами, немцы открывали сумасшедший огонь из всех видов оружия, нещадно молотили нашу оборону и «нейтралку». Когда всё стихало разведчики возвращались, объясняя неудачу тем, что были обнаружены, жестоко обстреляны (сами ведь слышали) и вынуждены были отойти... А «языка» не было. Между тем по всему чувствовалось, что немцы что-то готовят: куда, например, делись их танки, где они затаились? Когда и в каком направлении противник готовит удар? Конечно, нужен «язык», только где его, гада, взять?

Над головой самого Натынова собирались тучи. В боях за Верхний Курп бойцы нашего батальона собрали документы убитых, что позволило установить, что немецкая дивизия СС «Викинг» ушла с этого направления. Куда она делась? Где появятся её моторизованные полки? Командование бригады и начальство повыше требовало точных разведанных, а Натынов ими не располагал. Начальник разведки ежедневно появлялся в роте и один его вид говорил о том, что он нас всех жутко презирает и ненавидит. Он шумел, ругался, грозил, но эти шумовые эффекты не приносили нужных результатов, в роте увеличились потери.

Однажды ночью группа «новичков», которой командовал комсорг роты Вася Боев, действовала северо-восточнее Плановского. Каким-то непонятным образом группе удалось пройти незамеченной сквозь оборону противника и там, на тропинке, сделать засаду. Трудно сказать, чего у Боева в этом случае было больше – слепой надежды или трезвого расчета. Ребята затаились в низкорослых кустах терновника и лежали в засаде очень долго. Их час настал, они дождались: на тропинке появились три темных силуэта. Немцы шли спокойно, довольно громко разговаривали между собой, явно не чувствуя опасности. Не доходя до кустарника, один из немцев вдруг отстал. Когда первые два поравнялись с засадой, ребята прыгнули на них, сбили с ног, на земле завязалась борьба, а оставший немец, сообразив в чем дело, ударил по кустам автоматной очередью и бросился бежать. По нему стреляли, но в темноте никто не заметил, подстрелили убегающего или нет. В драке одного фашиста кто-то саданул ножом, а второго быстро связали. Теперь разведчики торопились уйти к своим, но видно стрельба насторожила немцев, к тому же луна, как назло, вылезла из облаков. Разведчики были обнаружены на ровной, как стол, местности и их прихватили пулеметным огнём. От осветительных ракет полыхало небо, землю исполосовали огненные трассы.

Двое разведчиков и пленный были ранены, с большим трудом их удалось вытащить за линию наших окопов и только там перевязали. Один из разведчиков был ранен тяжело в грудь, другой ранен в ногу, а немцу перебили обе ноги. По дороге в роту раненый в грудь разведчик скончался. Немец терял сознание, на вопросы отвечал бессмысленным мычанием и стоном.

По документам установили, что немецкий солдат принадлежал к дивизии «Викинг» и это всех насторожило: отборная дивизия вермахта сосредоточила свои силы на узком участке фронта напротив Ивановского – это неспроста, «быть здесь грому великому»!

Прошла еще одна ночь в бесплодных поисках, а утром роту подняли по тревоге.

Нас накормили щедрым завтраком, снабдили боеприпасами и большими группами почти вся рота направилась в Эльхотово. Во главе нашей группы шагал младший лейтенант Данилов. Последствия его контузий внешне выражались только в легком заикании, но на подобную «мелочь» никто не обращал внимания.

Человек сорок разведчиков собрались в густом разросшемся саду возле дома, где размещался разведотдел во главе с самим Натыновым. День был солнечным, жарким. Начальство разошлось куда то, а мы сидели на земле под яблонями и курили, кто поум-

нее, те спали, накапливали силы. Чего мы здесь ждали, никто не знал и не спрашивал, начальству виднее.

Через некоторое время появился Ласточкин, он построил роту в две шеренги и придиричиво осмотрел строй, значит, будет что-то важное. Действительно, вскоре из дома прямо к нам в сад вышли Натынов и еще какой-то незнакомый подполковник со звездочкой на рукаве. Ласточкин подал команду «смирно!», подошел к подполковнику, четко печатая шаг, и козырнул с особым форсом. Не подходя еще на положенное расстояние, он поднял полусжатый кулак к виску и, щелкнув каблуком, на последнем шаге распрямил пальцы рук так, что выгнулась лодочкой вовнутрь тыльная сторона ладони. Ласточкин по-курсантски звонко доложил:

– Товарищ старший батальонный комиссар, по вашему приказанию отдельная разведрота построена. Командир роты лейтенант Ласточкин.

– Здравствуйте, товарищи.

– Здравия желаем, товарищ старш. бат. комиссар! – дружно ответил строй.

– Вольно, – разрешил подполковник.

– Рота, вольно! – повторил команду Ласточкин.

Мы немного расслабились, не ломая строя. Слушали, что скажет большое начальство.

Подполковник неторопливо обошел строй, рассматривая лица разведчиков. Мы были в масках с откинутыми капюшонами, автоматы за спиной, на пояском ремне по два запасных диска в брезентовых подсумках, по две гранаты, на правом боку финки в серых ножнах. В общем, рота построилась в полной боевой готовности. Кто-то из ребят в строю чуть слышно шепнул: «комиссар бригады это»...

Подполковник был чуть выше среднего роста, плечистый, из-под козырька фуражки смотрели на нас умные и усталые серые глаза. Подполковник остановился против нашего строя и негромко сказал:

– Ну что ж, разведчики, в прошлую ночь вы взяли «языка», правда, по известным вам причинам, он не мог дать полных показаний, его пришлось срочно эвакуировать в тыловой госпиталь, но его документы оказались очень важными. От имени командования бригадой объявляю вам благодарность, отличившиеся в этом поиске будут представлены к наградам. Строй на секунду замер, а потом дружно ответил:

– Служим Советскому Союзу!

– Так вот, – продолжал комиссар бригады, – не забывайте, куда и зачем рвется враг! Для вас, разведчиков, сейчас особо ответственная пора. У врага еще много сил. Жестокие бои сейчас идут под Сталинградом, под Новороссийском, под Туапсе и здесь, на этих рубежах, которые мы должны оборонять. Чтобы бригада смогла выполнить поставленную перед ней задачу, мы должны знать, что и когда замышляет противник. Короче, нам нужен контрольный пленный, живой пленный и взять его необходимо на участке севернее Плановского. У вас получается пока не всё так, как надо, но командование бригады надеется на вас. Помните, что положение на нашем участке опасное. Сейчас многое зависит от разведки. Вы разведчики-добровольцы, вы моряки! Поэтому не хочу говорить вам о храбрости, я знаю, вы смелые и верные бойцы; знаю, что на вас можно положиться... Вам не только приказывают, на вас надеются. Ясна вам задача?

– Так точно.

– Ну, раз ясно, тогда прошу коммунистов и комсомольцев остаться в строю, остальные могут отдохнуть.

Из строя вышло несколько человек, шеренги сомкнулись, строй чуть укоротился.

– Выходит, у вас большинство коммунисты и комсомольцы?

– Так точно. Остальные сочувствующие, – ляпнул Ласточкин.

Подполковник чуть заметно улыбнулся и сказал:

– Тогда продолжим, товарищи. Вы понимаете, что сейчас с вас особый спрос. Нужен контрольный пленный. Нужен! От этого сейчас зависит успех всей операции, жизнь со-

тен бойцов – ваших товарищей. Скажите прямо, понимаете вы это или нет? Нужно вас агитировать, приказывать или вы, коммунисты и комсомольцы, и без того чувствуете меру собственной ответственности? Сейчас судьба всей нашей Родины здесь решается! Вам это понятно?

– Понимаем, товарищ комиссар, – ответили мы вразнойбой, но зато слова эти произнес в строю каждый, никто не отмолчался.

– Смотрите. Командование надеется на вас. Завтра на рассвете ждем результатов. Детали поисков уточните с командиром роты. Знаю, что это непростое задание. Понимаю, что это большой риск, но война не бывает без риска. Помните, что это дело вашей партийной и комсомольской совести. Совесть и чести! Понятно? Если что-нибудь нужно – просите... Есть просьбы?

– Просьб нет. Все понятно, товарищ комиссар, – ответил наш правофланговый Ванька Подосенов.

– Ну, что ж! Тогда счастливо вам, разведчики, и я надеюсь на вас, товарищи коммунисты и комсомольцы.

Подполковник козырнул строю и ушел в сопровождении автоматчика. Всем и всё было понятно, и каждый почувствовал, что слова комиссара бригады были обращены не только к строю, а к каждому лично. Теперь без «языка» действительно возвращаться нельзя, от этого очень многое зависит, а главное, на нас надеются. Помимо всего, разведка – это наша работа, вот и нужно теперь работать – без дураков.

Мы собрались было разойтись, т.к. комиссар уже скрылся в воротах, но тут Натынов поднял руку – знак внимания. Он встал перед строем на то самое место, где стоял комиссар и произнес краткую речь уже в другом ключе:

– Ну что, орлы! Сдрейфили перед начальством? Ничего, пока вы со мной – ничего не бойтесь.

Начало речи Натынова было для нас еще непонятным, потому что перед комиссаром бригады никто не дрейфил, ничем он нас не пугал, а Натынов продолжал:

– Я давно говорил, что вы молодцы, но, вместе с тем, и порядочные прохвосты. Конечно, перед начальством я вас подхваляю, но настоящую цену всем вам знаю. Да ладно, я не мелочный, я зла не помню, но вот ты, – он пальцем погрозил Суменкову, – ты мне смотри! А для всех сообщаю: я приказал, начиная с завтрашнего дня, выдавать вам по двести грамм вина, для храбрости! А то некоторые думают, что Натынов только шуметь умеет. Запомните, что такого, как Натынов, вам еще поискать надо. Ясно?

Жаль, Федьки Фролова нет. Он бы непременно «ура» закричал. Этот бы непременно удумал. А ребята молчали, не зная, как им реагировать на столь неожиданное решение нашего непосредственного начальника.

А Натынов выдержал паузу, чтобы мы почувствовали весомость сказанного, а потом добавил:

– Сейчас до особого... разрешаю здесь отдохнуть. Придуривайтесь, «околачивайте графи», а потом получите задание. И чтоб без дураков у меня! Понятно?

– Понятно.

– Тогда р-разойдись! А Ласточкина и Попова прошу со мной.

Начальство снова ушло по своим важным делам, а мы сидели на земле под яблонями, курили, некоторые снова улеглись спать, зная наверняка, что в эту ночь спать не придется.

Мне показалось, что своим выступлением перед строем Натынов словно вытер из души бойцов те слова, что сказал комиссар бригады, приземлил их значимость. А некоторым речь понравилась:

– Завтра, ребяташки, выпьем и душа из них вон! – радовался кто-то из разведчиков.

В саду тихо. Слабо шелестят листья, а со стороны Плановского, приглушенная расстоянием словно дальняя гроза, гремит канонада – всё это валит в дремоту уставших

ребят. Хронические недосыпания, непроходящая усталость, нервная взвинченность и, как бы сказали теперь, бесконечные стрессовые ситуации тяжким гнётом давили на организм человека. Единственной его защитой был сон... Глаза невольно слипаются, достаточно развалиться вот так, на земле – и сразу засыпаешь. Что хочешь делай, а сон ломит, сон валит с ног даже самых крепких ребят. А как приятно, с каким наслаждением весь организм, каждая его клеточка растворяется в тёмном, как беспмятство, провале сокрушительного сна... Слабый ветер удивительно мирно шелестит пыльными и усталыми листьями...

– Воздух! Воздух! – раздаётся чей-то крик.

Сон улетучивается, но в первые секунды разум еще не воспринимает сигнала тревоги. Потом становится слышен нарастающий, многоголосый, прерывистый гул моторов. Глаза настороженно ищут в небе надвигающуюся опасность, но за листвою деревьев видно плохо и только потом, почти над нашими головами, появляется первая тройка самолетов, за ней еще и еще. Их много, летят тяжело нагруженные бомбами двухмоторные «Ю-88». В ярко-голубом небе их плохо видно, они серебристо-белые, а концы крыльев и середина фюзеляжа бледно-желтые.

Бегут секунды, а визга бомб не слышно, значит, пронесло, задача у них другая. Летят на юг, к Эльхотовым воротам. Тревожная настороженность сменяется грешным любопытством: кому сейчас достанется?..

А наших истребителей не видно... Никто из нас не сомневался в отчаянной храбрости наших летчиков, все были уверены в том, что будь сейчас в небе один единственный наш истребитель – он непременно ввязался бы в неравный бой. Просто их нет, вот и все...

В стороне Эльхотовых ворот застучали зенитки, но что могут поделывать с такой стаей три или четыре зенитные пушки... Нет истребителей! В воздухе безраздельно, нахально господствует немецкая авиация, бомбит, штурмует, с утра до самого вечера в небе маячит окаянная «рама» – двухмоторный и двухфюзеляжный самолет-разведчик. Кажется, что из-за этого дьявола немцы в курсе всех наших дел и получается, что мы под Плановским собираем силы, а противник бьет по Малгобеку; их там остановят, а они – по Верхнему Курпу... Прямо как у царя Додона получается! Что ни говори, а инициатива в руках противника. Нехорошие мысли лезут в голову. Боец, хотя он и есть «механизм артикулом предназначенный», как говаривал недоброй памяти император российский Павел I, а все равно лезут ему в голову нездоровые мысли. Однажды Мишка Беляков брякнул: «А все-таки непонятно мне, как это получилось, что война для нашего большого начальства оказалась неожиданностью? Мы, пацаны, и то знали, что фашизм – это война. Мировая-то когда началась? Как ты считаешь, могла мировая война без одной шестой земного шара обойтись? Лопухнуло высокое начальство, ой как лопухнуло, а теперь мы своей задницей расплачиваемся. Армия-то у нас всё время была? Так на кой же хрен ее народ кормил, если для армии война – неожиданность?!» Мишка парень не дурак, как ему ответить? Понятно, что подобные вопросы он знает, кому можно задать, а где лучше помолчать. Разговоры на эту тему за просто могут посчитать, как проявление паникерства и провокацию. В голову вбивают одно: «ни шагу назад!», «победа будет за нами!» Что зря талдычить, когда мы с Мишкой и без того знаем, что драпать дальше некуда! «Отстали мы, Мишка, крепко отстали», – на кой-то хрен говорил я ему тогда. – «Ведь до войны всё про лихие тачанки песни пели, твердили суворовскую истину, что пуля дура, а штык молодец. Хватались за истины вековой давности и свою стратегию на этом строили. Ну, а таким умникам, это всем известно, обычно бьют задницу». А Мишка не унимался: «Так про тачанки это в кино пели. Кино оно и есть кино. Но ведь помимо кино у нас и генеральный штаб был, маршалы были: Ворошилов, Тимошенко, Буденный, академии разные были. Интересно, где это сейчас те маршалы, когда дело до драки дошло? Это ведь нам с тобой, как Тазиев говорил, «хрен одна», а они-то, эти маршалы, штабы, академии куда смотрели?»

«Тяжелый это вопрос, Мишка. С таким вопросом и после войны без пол-литры не разберешься». «Это точно!» – соглашался Мишка. – «Без пол-литры. Надо бы до войны разбираться!» Прав он. Сколько крови, страданий из-за этого лопоушества. Интересно, Сталин это видит или нет? Наверняка видит и конца войны ждет – сейчас чехарду с начальством затевать не ко времени. Но потом, после войны, всем этим старым грибам по заднице метлой, а заодно и тем, кто дурацкие песни сочинял, кто народу голову задурил. Ведь даже в фильмах были и хорошие песни, вроде той, как «Ночь над Белградом». Пели её, народ пел. Ну, а по радио, наверное, до сих пор гремит:

*С нами Сталин родной,
И железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов.*

Привел к победе! И родного Сталина, и всю страну, от границы и до Казбека, и всё железной рукой!..

– Воздух!

Снова низкий, тяжелый гул. Это юнкерсы возвращаются. По Эльхотову рассыпалась трескотня винтовочных выстрелов, а они летят, гады. И вдруг все разом увидели, что в стороне от основной группы один юнкерс летит ниже остальных, с одного крыла у него срывается шлейф черного дыма и моторы режут надрывно, как ошалевшая труба в оркестре.

– Горит! Братцы, горит сволочь!

Все напряженно следили за теряющим высоту самолетом. Он должен был упасть и этим пусть здесь будет положено начало! Молодцы зенитчики, молодцы, чертовы перчицы! Юнкерс терял высоту, дымил, но еще тянул к своим и скрылся за дальними посадками. Сады, дома помешали нам увидеть его падение, но главное – его подбили!..

Эльхотово – станица большая, и народ здесь живет гостеприимный, добрый. Идут солдаты по улице, а из домов выходят к ним женщины, старики, подростки, протягивают уставшим бойцам свежую воду, молоко, чуреки и даже молодое вино, но последнее – если командиры не видят.

«Выпей, сынок, молока и чурек у меня свежий, утром пекла». Чурек (кукурузный хлеб), действительно еще теплый, душистый, а молоко холодное и необыкновенно вкусное. Только вот некоторые ребята из роты: Суменков, Подосенов, Осейкин и еще кое-кто никогда не брали предлагаемых угощений. Спросил я Подосенова, в чем тут дело? Иван объяснил доходчиво:

«Доверие и горячую любовь народа мы, брат, с тобою ну, никак не заслужили и поить нас молоком не за что. Вот ты драпанешь отсюда, а что здесь немцы с этой женщиной, её малыши детьми, с её домом сделают? Ты пытался себе хоть раз это представить?» Что тут скажешь... Может быть, Ванька излишне строг и придирчив, но бесспорно прав; только меня, грешного, к этим чурекам всё равно тянуло, уж больно они вкусны и наголодался я на скудных московских харчах...

Мы сидим под яблонями и «сачуем» по образному выражению Медвинского. Известно ведь, что солдат спит, а служба идёт. Кто-то вспоминает ротного старшину, нашего повара и, от нечего делать, матерят их, пока незлобиво.

Мне было видно, как на соседнем участке старый осетин в белой войлочной шляпе убирает спелую кукурузу, ему помогает невысокая девушка. Они отламывали от пожелтевших стеблей крупные початки, очищали их от тонких, как пленка, белых листьев и от золотисто-коричневых нитей, а сами початки с крупными янтарными зёрнами кидали в плетеную из прутьев корзину.

Все мы отвыкли от подобной семейной идиллии, а их мирный и добрый труд был таким не похожим на наш солдатский, что мне вдруг очень захотелось им помочь, про-

сто поучаствовать в этом труде, прислониться к нему. Задумано – сделано. Автомат я перевернул за спину и постарался этак легко, по-спортивно, перемахнуть через невысокую каменную ограду. Перепрыгнул, конечно, но при соскоке заработал чувствительный удар по спине тяжелым диском автомата. Виду, конечно, не показал, что вышло у меня неловко, а старик, видно, заметил, чуть усмехнулся в седые усы.

– Давай, отец, помогу.

– Спасибо. Мы управимся, осталось совсем немного, – ответил старик.

– Да что там! Вместе веселее.

В шесть рук дело пошло заметно быстрее. Старик, высушенный беспощадным южным солнцем, смотрел на меня настороженно, видно, не мог себе объяснить, с чего это солдат напрашивается в помощники. Может быть, он забеспокоился за девушку, которая изредка смотрела на меня своими угольно-черными глазами, он даже прикрикнул на неё, и та стала держаться от меня подальше. Некоторое время работали молча, потом старик стал поторапливать девушку, которая доводилась ему внучкой, как я понял из разговоров. Старик говорил по-русски. Врожденное чувство деликатности подсказало ему, что разговаривать при постороннем человеке на языке, которого тот не понимает – невежливо. Я тоже чувствовал, что старик опасается банальных и неприятных ухаживаний солдата за молодой девушкой, поэтому старался не смотреть и не разговаривать с ней. Просто отметил про себя, что девушка красива, ну и всё – не про меня её девичья краса, судьбинушка у меня совсем иная, да и у нее тоже.

Когда корзина наполнилась, старик и девушка взялись было за её ручки, я же отстранил девушку:

– Давай, отец, вместе. Побереги девушку – корзина тяжелая.

Корзина действительно была тяжелой, вдвоем мы оттащили ее в какую-то сараюшку и вывалили кукурузу прямо на утрамбованный земляной пол, потом оба сели на ступеньках крыльца, закурили, девушка ушла куда-то по своим хозяйским делам. Старик немного помолчал, пососал мундштук старой трубки, потом сказал:

– Спасибо, ты мне помог. Жаль, что я не могу угостить тебя так, как велит наш обычай. Но если у тебя есть немного времени, то я раздобуду вина, у меня есть свежий чурек, свежая зелень, вареное мясо, нам внучка сейчас приготовит курицу.

Старик поднялся было на ноги, но я остановил его:

– Спасибо. Я сыт. Нас хорошо кормят. Я просто соскучился по мирной работе. Человеку нужен мирный труд, а не война, мне было просто приятно поработать немного вместе с вами.

– Ты говоришь разумно. Откуда ты родом? У тебя есть жена, дети?

– Моя мать с двумя младшими братьями в эвакуации. Я даже не знаю где они. Отец в армии. А родом я из Москвы. Жены у меня нет. Какая тут жена, когда смерть приходит к человеку раньше, чем его свадьба.

Старик снова помолчал, подымял своей трубкой и снова спросил:

– Далеко ты улетел от родного гнезда. Надо ж, из самой Москвы! Получаешь из дома письма?

– Нет. Все мои друзья на фронте. Невесты у меня нет, а вот внучка твоя просто красавица. Дай ей бог хорошего мужа.

– Она еще молода, да и не время думать о женихах. Мой сын, а её отец, – старик кивнул головой в сторону двери дома, – тоже на фронте. Мы даже не знаем, в каких он краях...

Старик помолчал и добавил:

– Мать ее умерла перед самой войной. У нее были тяжелые роды. У меня остался только один сын и вот еще она. Моя старуха совсем больна, горе разбило ей сердце... От сына уже больше трех месяцев нет писем...

– Не отчаивайся, отец. Я вот два месяца воюю и тоже не получил ни одного письма,

я уверен, что и моих писем не получал никто, кому я уже написал. Сейчас и почта здесь не работает, немцы-то километрах в десяти отсюда.

– Да-да, такая война! Всё может быть. Я и подумать не мог, что война придет в наши края оттуда, с запада. Видно, немцы очень сильны, если они дошли до наших гор... За-кури-ка моего табачку.

Старик снова набил потухшую трубку, а я свернул сигарку. Табак у старика был душистый приятный. Помолчали немного, а потом старик осторожно задал вопрос, который мучил его неотступно все эти дни:

– Ты солдат. Ты военный и знаешь больше, чем я. Наши старики говорят разное и каждый боится, что сюда придет враг. Меня успокаивают, говорят, что сам Сталин написал такой приказ, что мы теперь не будем больше отступать... Однако, люди всё равно боятся: сила есть сила... Скажи, как ты считаешь, придут сюда немцы или нет? Посоветуй, что делать – оставаться здесь или уходить, пока не поздно?

В глазах старика была тревога и мне она была понятна.

– Я слышал, что немцы подошли к Тереку, – продолжал старик, – если немцы придут сюда, то нам лучше уйти. В горах у меня есть родственники. Это далеко, но может лучше уйти? Это, конечно, непросто, у меня совсем большая жена... Скажи мне так, как ты ска-зал бы своему отцу, для нас это очень важно.

Старик преступил извечную гордость убеленного сединами горца и обратился за советом ко мне, мальчишке, которому едва исполнилось 18 лет. А я воспринял эти слова, как тяжелый и заслуженный упрек. Я понимал, что страшна наша вина перед этим стариком, перед всем народом, и мои слова сейчас могут круто изменить судьбу этой семьи... Ох, прав был Ванька Подосенов, трижды прав, когда говорил мне злые слова о наших «заслугах» перед народом. Куда ни кинь, а это по нашей вине пришла в дом старика такая злая беда. Трудно старому бросить свой дом, тяжело уходить в горы с большой женой и внучкой. Страшно подумать, что эти люди могут завтра же превратиться в беженцев, в бродяг, которым негде будет укрыть голову. Преступно было бы болтать мне сейчас о нашей конечной победе, о «тачанке-ростовчанке» – тут не девичьи посиделки, а серьезный мужской разговор. Пустая бравада сейчас глупа и безнравственна.

– Отец, я скажу тебе горькую правду. Ты только не говори военным, что узнал всё от бойца Красной Армии.

– Хорошо. Пусть мой язык станет языком шакала, если я скажу что-нибудь тебе во вред.

– Тогда слушай, отец. Немцы уже давно перешли Терек, заняли Нижний Курп, идут бои за Верхний Курп. Они захватили Дейское и не сегодня-завтра бои начнутся в Плавновском. У немцев здесь много танков, они непременно будут наступать на Эльхотово. Мы не жалеем в боях крови, но я не уверен, что мы удержимся, слишком не равные наши силы. Ты видел, сколько прошло сегодня над нами самолетов? Это немецкие самолеты. Если бы они сбросили бомбы сюда, то от Эльхотово ничего бы не осталось. Они недаром бомбят, они расчищают дорогу для своих танков. Я уверен, что в итоге войну мы выиграем, но сегодня здесь, у немцев, сил больше. Даже если им не удастся про-рваться через Эльхотовы ворота, то здесь будут такие бои, что не останется камня на камне. Вам нужно уходить, отец, уходить сегодня же, иначе будет поздно. Советую уходить вам перед вечером, еще засветло, чтобы вечером пройти Эльхотовы ворота, иначе попадешь под бомбы. Плюнь ты на эту кукурузу и уходи. Я сам видел, что из Ольгинского люди уходят, а ты думаешь здесь отсидеться.

– Там тоже немцы?

– Там нет немцев и, наверное, их там не будет. Помни, отец, когда начнется бой, то уходить будет уже поздно.

Старик выслушал меня внимательно, выколотил потухшую трубку, его смуглое худое лицо еще больше потемнело. Конечно, я выложил ему неприятную, тяжелую истину.

Старик молчал. Мне показалось, что разговор не возобновится и мне пора уходить, не мешаться – помочь ведь я ему все равно ничем не мог.

– Спасибо тебе, – сказал старик изменившимся глуховатым голосом, – ты сказал мне правду. Я и сам так думал, да только не знал, что враг так близко от нашего дома. Если бы сейчас здесь был мой сын, то вы стали бы с ним друзьями. Мы уйдем сегодня же. У меня есть старая арба и ишак. Я сделаю так, как ты советуешь. Хорошо, что ты не стал мне лгать и попусту успокаивать. Хочешь, я подарю тебе кинжал? Это старинный и надежный кинжал.

– Спасибо. Не нужно. Я не смогу носить этого кинжала, по форме не положено. Не будь я солдатом, то не отказался бы от такого подарка. Спасибо и прощай, отец. Счастливого тебе пути. Если останусь жив, то после войны приеду к тебе в гости. Тогда и внучка твоя подрастёт, если я к ней посватаюсь, не будешь против?

– Га! Ты думаешь воевать так долго? Приезжай, только пусть бог поможет сохранить твою голову. Если мой сын жив, я ему расскажу о тебе.

– Добро! Будешь писать ему, передай привет от солдата, что воевал на вашей земле.

– Как тебя зовут?

– Фёдором.

– Оставайся живым, Фёдор!

– Спасибо.

Я пошел к ограде, к своим ребятам. Почему-то на душе стало тяжело и неприятно. Да ладно! Вроде он меня понял и не осудил.

Перелез через ограду, и она словно отрезала меня от старика и от его забот. Осталась чья-то судьба за спиной, прошел мимо кусочка чьей-то жизни и это теперь навсегда, я их больше никогда не встречу, такова наша солдатская, бродяжническая жизнь, всегда и всё она оставляет в прошлом.

Я вернулся к ребятам, которые продолжали «сачковать» в саду, ожидая команды. Часам к четырем к нам прикатила наша долгожданная ротная кухня, и повар кормил нас жирнейшим густым борщом. Он наливал по котелку на брата, можно было с добавкой. Правда, он тут же предупреждал, что второго не будет и вопрос с ужином тоже несколько проблематичен: если к вечеру нас куда-то не угонят, то уж он, повар, постарается, ну, а если мы снова все разбредемся по разным направлениям, то что тут поделаешь!

– А ты, брат, насчет ужина-то постарайся. И нам, и тебе лучше будет, – с какой-то скрытой ехидцей говорил повару Суменков. – А то ведь знаешь, как бывает. Пошлют тебя с кухни следом за нами в Плановское, а там обстановочка, дай бог. Главное, лошадей жалко.

– А что лошади?

– Как что! Покалечить их могут.

Ладно. С ужином там видно будет, а пока есть возможность «рубай компот – он жирный», как говорили старые, опытные матросы, наедайся так, чтобы ресурсов до утра хватило. Ну и старались, конечно... Бывают же в жизни повороты, о которых и предположить было нельзя: два месяца назад было еще полуголодное московское существование, а тут на вольном воздухе, на Кавказе, да такой вкуснейший борщ... Если бы еще и войны не было, то сто лет так бы прожил и не охнул.

После сытного обеда мы с наслаждением курили, травили ленивую баланду, т.е. болтали о том, что на ум придет.

Мне кажется, что в то время я вполне мог бы обойтись без курева, на марше, например, я никогда не курил, с куревом устаешь быстрее и всегда пить хочется. Но сейчас под яблонями, когда такие авторитетные и заслуженные столпы разведки как Авдеев, Соловьев, Подосенов, даже сам Суменков мусолили сигарки, то отстать от них, не делать так, как они, не пытаться быть похожим на них, я не мог. Хватит с меня обидных кличек: то я «салага», то «пауст», то вообще недотёпа! Я страстно хотел быть равным со всеми. Я был уверен, что со временем, если только останусь живым, уйдут все эти обидные клички, но для этого я должен быть таким, как все.

...Приятно все-таки осознать чувство собственного достоинства. Не превосходства, а равенства – великая вещь! Как самоутверждаешься, если можешь вот так запросто, на равных, наклониться к сидящему рядом Суменкову и вроде даже равнодушно попросить: «дай прикурить» или обратиться с подчеркнутой доверительностью к Авдееву: «Гриш, сорок», т.е. 40% от его сигарки. По какому-то неписанному закону товарищу прощалось, если он не делится своим сухим пайком, если он не давал табака («свой нужно иметь» – бывали такие), но считалось неприличным и недостойным не оставить покурить, не поделиться в бою патронами.

В роте были и некурящие, например Бергалеев, борцовского вида татарин лет тридцати, интеллигентнейший Костя Бычков, лейтенант Попов и еще несколько человек. Но как было справиться со страстным и неосознанным влечением к подражательству, стремлением быть похожим на своих кумиров или даже на тех, кого другие считают кумирами. Именно от этого источника берется начало великих дел, унылого распутства и преступлений. Эту купель проходит большинство молодых людей и особенно тех, которые не слышали библейской истины: «не сотвори себе кумира».

Характерным было и то, что в те далекие уже годы среди солдат не придавалось никакого значения национальности товарища. Человек оценивался только по его поведению в бою. Национальных проблем у нас не существовало. Национальность человека проявлялась только в его темпераменте, только в проявлениях его национальной культуры. С нескрываемым интересом слушали ребята грузинские песни, вслушивались в слова бессмертного Руставели, украинские песни по праву считались интернациональными, и так во всем.

В свободные минуты пели старые матросские песни, переиначивали песни, почерпнутые из фольклора. Так, например, песню про шахтерского коногона* пели по-своему:

*Гудки тревожно загудели,
Матросы шли в последний бой,
А молодого краснофлотца
Несли с разбитой головой.*

*Прощай, прощай, моя Одесса,
Тебя я грудью защищал
И за тебя, моя Одесса,
Жизнь молодую я отдал.*

Натынов, Ласточкин и Попов где-то пропали, Данилов, сидя под яблоней, чистил свой револьвер, а мы пели. Одна песня сменяла другую и это продолжалось бы долго, но всё испортил неугомонный Хорьков. Он шатался без дела от дерева к дереву, безразлично смотрел по сторонам, сшибал свои «сорок» у куривших ребят и вдруг словно замер. Выплюнув измусоленный окурочок, он удивленно и обрадованно протянул:

– Смотри-ка, смотри – тикает! Ей-бо, тикает со своею бл...ю Я ему сейчас шмон устрою, я ему, подлюке, дам! Кто со мной? Сейчас драка будет!

Хорьков смотрел на тот самый участок, где жил старик со своей внучкой и больной женой. Он собирался сделать какую-то гадость человеку, которого я совсем недавно именовал отцом, он сквернословил в адрес девочки, отец которой воевал с фашистами. Я поднялся, посмотрел в ту же сторону и увидел, что на том соседнем участке у дома стоял впряженный в арбу ишак. Старик с внучкой укладывали в эту арбу свои пожитки. Это и разожгло Хорькова: ну как же, вместо того, чтобы воевать, они бегут в горы... Он, Хорьков, должен кровь проливать, а они бегут!

* Коногон – рабочий, управляющий лошадьми в шахте, одна из шахтерских специальностей, ныне устаревшая.

Хорьков, уже не ожидая добровольцев-соучастников, повесил на плечо автомат и решительно направился к каменной ограде, разделявшей два участка.

– погоди, Хорьков, погоди! Не трогай их!

Я обогнал Хорькова и встал перед ним, загородив дорогу. Мой поступок был выше понимания Хорькова. Он не привык к тому, чтобы такие, как я, мешали ему выполнить задуманное дело.

– Ты шо? А ну отойди! – процедил он пренебрежительно, даже немного удивленно, а в его голосе уже прозвучала нескрываемая угроза.

– Не трогай их, Хорьков. Это я их научил, я им посоветовал, чтоб уезжали. У старика сын в армии...

– Шо? Да пошел ты! Тоже мне!

Хорьков передернул плечами так, чтобы оттолкнуть меня и смотрел он при этом не на меня, а на старика. Он шагнул было вперед, но я не уступал ему дороги.

– Прошу тебя, Хорьков, не трогай их.

Я старался говорить твердо, но подсознательно почувствовал, что в моем голосе проскользнула просительная нотка, и это тут же усек Хорьков. Мы были недалеко от ограды. Хорьков упрямо смотрел с хищным вождением мародера на девушку, укладывавшую в арбу узел. Он считал все эти вещи, и даже людей, своей законной добычей. Его раздражали неожиданные помехи.

– Отойди, салага! Рыло начишу, лярва!

Хорьков даже взвизгнул от негодования. Он крикнул громко, так что песни ребят враз оборвались.

Такие люди, как Хорьков, опасны непредсказуемостью и жестокостью своих действий. Среди нормальных людей не принято преступать границы дозволенного в общении с другим человеком, со своим товарищем, но Хорьков не знал таких правил. У таких, как он, право одно – право силы. Если хорьковы видят своё превосходство хоть в чем-то малом, они, не задумываясь, используют его, к тому же они довольно решительны в своих поступках и привыкли подчинять безоговорочно своей воле всех, кто слабее физически или просто уступчивее.

Мои действия показались Хорькову прямо-таки оскорбительными и совершенно непонятными, он стремился подавить их в зародыше, а для меня было сейчас главным любой ценой не пустить этого хмыря на участок старика и выбора для меня тоже не было.

– Хорьков, стой! Тебе говорю – не ходи туда!

Я тоже почти закричал и невольно приготовился к его резкому рывку, но тот, считая себя физически сильнее, опытнее, решительнее, неожиданно перестал торопиться. Он решил прежде проучить меня. Он не мог уступить мне, салаге, на виду у всех ребят. Проучить меня для него было теперь делом необходимым. Он начал «заводиться», теперь ему было нужно также на глазах у всех настоять на своём и решительно подавить этот непредвиденный бунт «салаги», чтобы неповадно было другим, чтобы в глазах нескольких «дружков» не уронить собственного «достоинства».

Хорьков ошетинился, лицо его перекосило злобой, он немного пригнулся, словно для броска, и зашипел:

– Што-о?! Ты мне, лярва, што-о?! Брысь, салага!!!

Хорьков сорвал с плеча свой автомат и ткнул его тупой ствол мне в грудь:

– Ты кому, падла, грозишь?! – продолжал он шипеть. – Я ж тебя, суку, одним пальцем...

Я не ждал выстрела. Пугал он, сволочь, но ударить он мог, даже прикладом автомата. Для себя я считал, что имею право действовать активно только в том случае, если он ударит первым.

Хорьков не успел исполнить угрозы, и я сам не сообразил вначале, что произошло. От соседней яблони стремительно быстро к нам подошла мощная фигура в маскхалате. От толчка или удара Хорьков отлетел в сторону. Немного грузный и бородатый Авдеев

вырвал из рук Хорькова автомат и неторопливо, пока тот вставал на ноги, выбил из него диск. Хорьков, поднявшись с земли, словно раненый зверь, угрожающе двинулся на Авдеева. Рука Хорькова лежала на рукоятке финки. Тогда я взял в кулак лимонку – если ей двинешь, то череп проломишь запросто. Однако, Авдеев спокойно смотрел на приближающегося Хорькова, держал за ствол его автомат и с нравоучительно-угрожающими нотками в голосе сказал:

– Тебе, гаду, сколько раз было сказано, что наставлять боевое оружие на товарища запрещено. За такие шутки морду бьют! Понял?

Хорьков хрипел от злости:

– Ты шо?! Ты за этого салагу?! Это ты меня, мать твою! Яж тебе зенки...

Хорьков явно брал Авдеева «на горло». Он все-таки побаивался этого бородатого великана, «подполковника Климашевского», как его, шутя, называли ребята. Но Авдеев был невозмутим, теперь даже голос не выдавал его злости:

– И еще предупреждаю тебя, – говорил Авдеев, – что «салага» слово флотское, а ты, гусь, даже на морском берегу еще не был, поэтому непонятными словами больше не бросайся. Ты уж давай по-блатному, хотя у тебя на морде написано, что среди ЗЕКов ты был сексотом. Да ты и сейчас сексот...

– Да я тебя, хрена бородатого... – взорвался было Хорьков.

– Цыц! – на сей раз рявкнул Авдеев и добавил: – ты меня лучше остерегись, курва, я зазря грозить не умею!

Пудовые кулаки Гришки сжались, на них веревками вздулись вены. Он готов был молниеносно обрушиться на Хорькова, но тут раздался начальственный окрик Данилова:

– А ну, ч-что п-про-оисходит?! Х-хорьков, н-на м-место марш! Враз п-прис-тук-кну, кт-то к ог-граде под-дойдет! Т-тоже мне, ра-азошлись, суб-бчи-ки. З-забыли, где воевать над-до?!

Вспыхнувший конфликт погас под командирским окриком Данилова, и каждая из конфликтующих сторон внутренне была рада подчиниться своевременной команде. Бог весть, до каких пределов могла разгореться ссора. Двое из компании Хорькова вскочили было на ноги, но после окрика Данилова шагнуть в нашу сторону не посмели. Хорьков поднял с земли автомат и диск, небрежно брошенные Авдеевым, не удержался, и с нескрываемой злобой пригрозил нам обоим:

– Найдется времечко – посчитаемся!

Авдеев проводил Хорькова недобрый взглядом и потом выдал уже в мой адрес:

– А ты, хрен моржовый, таких, как Хорьков бей первым. Ты с ними разговаривай меньше, их разговоры нервируют. В морду и всё – коротко и ясно! А то стоит и ждет, пока ему в ухо врежут! Чертов интеллигент!

А идущего Хорькова, вроде шутя, задержал Бельтюков:

– Ты знаешь, друг ситный, ты к Паусту не приставай, а то он контуженый и шибко нервный стал – огреет по башке магнитом и чирик-воробышек! Понял?

Внезапно возникшее напряжение разрядилось хохотом. Хорьков молча отошел от Бельтюкова, сел под яблоню в компании дружков и занялся какими-то негромкими разговорами, кивая изредка в мою сторону. Я знал, что Хорьков не забудет и не простит обиды, не упустит случая, чтобы отплатить сторицей. Настроение было испорчено. С этого дня в роте появился человек, которого я должен остерегаться. Лучше всего не оказываться с этим хлюстом в одной разведгруппе... «Все от безделья. Какого черта, мы торчим здесь столько времени?!» – неожиданная и злая мысль прорвалась в адрес нашего начальства...

Прошло время, и я увидел, как ушел со двора старик со своей семьей, как потащил обляпанный ишак тяжело груженную, скрипучую арбу.

– Слушай-ка, а ты не прав, – вдруг выдал мне Беляков. – Ты в Ольгинском сам указывал на того, кто в горы собирался удрать. А здесь что? То же самое. Только ты девку пожалел!

Мишкин приговор был для меня неприятной неожиданностью.

– Ну, Мишка! Каким местом думал? Тоже, сравнил хрен с пальцем! Там, в Ольгинском, были два лба, которым место в нашем батальоне автоматчиков, а не в горах. Им воевать вместе с нами нужно, а они в горы! Да еще меня уговаривали ехать с ними, к дезертирству подбивали! А здесь старик, с ним больная жена, внучка, ей лет четырнадцать, не больше. Они могут вместе с нами оборону держать?! Мишка подумал и согласился, правда, не очень охотно...

Солнце стало клониться к Большому Кавказу, и в это время появился в нашем саду Ласточкин. Вид у него был деловито-озабоченный. Он хмуро посмотрел на наше стойбище и сердито сказал:

– Все груши околачиваєте? Бригада воюет, а они околачивают. Рота, становись!

Ну вот, видно, и начинается. Подошло наше время. Мы привычно построились, и Ласточкин не стал дрессировать нас другими командами, а сразу перешел к делу:

– Слушать внимательно, забодай вас комарь! В общем, обстановка на нашем участке хреновая. Немцы прут на всех направлениях и бахвалятся, что ихние альпийские стрелки фашистский флаг на Эльбрусе поставили, это гора здесь такая, почти как Казбек. Конечно, врут, гады! Вы этой ихней трепотне не верьте и вообще – лишнего не болтать! Ясно? Под Малгобеком тяжелые бои идут, но там все танковые атаки отбиты и этих танков там накрошили, дай бог! По всему видать, немцы и здесь что-то готовят, а что и когда, это мы должны узнать во всех подробностях. Сегодня ночью тремя разведгруппами уходим за «языком». Командиры групп: Данилов, Суменков и Медвинский. После поисков всем собраться в Плановском на КП батальона. Учтите, невыполнение задания будет караться расстрелом. Так Натынов и велел передать. Сейчас подготовить оружие, поужинать – и в дорогу. Всем – разоидись! Командиров групп прошу ко мне, уточним личный состав каждой группы. Что ж, теперь всё внимание подготовке к поиску, наше сачкование окончилось и, как оказалось, на долгое время.

В деловитой обстановке подготовительных забот забылась ссора с Хорьковым, отошла на самый последний план. В саду, у зарослей вишен появилась наша кухня, исходя синим дымком и аппетитным запахом. Пожилой наш повар готовился к раздаче ужина.

Я оказался в группе Данилова. В группе было тринадцать человек – чертова дюжина. Район действий нам определили севернее Плановского, правее шоссе. По мнению опытного Селиванова, это вроде бы самое опасное направление, да еще ребят чертова дюжина, в общем, по приметам – добра не жди. Суменков действовал где-то левее нас, а Медвинский – правее.

Мы двинулись в путь сразу же после ужина. Прошли опустевшее и замершее Эльхотово, вышли на шоссе, обсаженное с двух сторон разросшимися деревьями. Справа поле, за ним густая посадка вдоль железной дороги, слева – ровная долина и там, в низких берегах, разбежался рукавами сверкавший, словно расплавленное олово, Терек, а за ним непомерно высокая, синеющая цепь гор Большого Кавказа. Вдоль дороги всё чаще стали попадаться воронки, посеченные осколками стволы деревьев, на асфальте валялись сучья с помертвевшей листвой. Нам встречались редкие повозки, ездовые погоняли лошадей, стараясь поскорее выбраться из опасной зоны.

В стороне Плановского грохочут взрывы. Противник вел методический огонь по станции, по железной дороге, по шоссе...

Жмут, гады! Жмут и нечем их остановить. Нам бы сейчас десятка два танков, немного самолетов и побольше пушек, дали б мы им жару!

А то, надо же, на Эльбрусе флаг поставили. Уж если Ласточкин сказал, что это брехня, значит это правда! Конечно, может уже и сбросили тот флаг с Эльбруса, но то, что туда дошли немцы, это факт. Ладно, шут с ним, с Эльбрусом, нашим бы войскам под Туапсе удержаться, на перевалах выстоять, за Эльхотовы ворота врага не пустить! Там ведь прямая дорога на Орджоникидзе, а дальше и подумать страшно: Грозный, Дербент,

Баку, там через Дарьял выход в Грузию...Тогда всё! Тогда нам конец, и не только нам, не только бригаде, тогда всей стране может быть конец!

А по всему чувствовалось, что нашей бригаде держаться трудно. Неужто у нас резервов нет?! Неужто вместо реальной помощи нам только этот Приказ 227 под нос?! Приказ-то нужный, слов нет, но мы и без него знали, что драпать дальше некуда. Все понимают, что докатились мы до таких рубежей, когда дальнейшее отступление превращается в поражение. Видели мы, что наши солдаты дерутся геройски, что они держатся до самой последней возможности, но она, эта возможность, во многом определяется наличием боеприпасов, техники и живых солдат. Что греха таить, были случаи боязни танков, привычки к драпмаршу, но это уже перестало носить массовый характер.

* * *

На юге темнеет быстро. Мы подошли к Плановскому, когда над Большим Кавказом почти догорели последние закатные краски, на землю опустились сумерки, над Заманкулом повисла тяжелая оранжевая луна, замер, заснул до утра ветер. Для поиска хуже обстановки не придумаешь, ночь будет тихой и до сумасшествия светлой. Попробуй-ка в такой обстановке быть незаметным, невидимым!

В Плановском замершие от тревоги и страха улочки, вечерняя темень садов, на дороге сбитые осколками мин и снарядов ветки деревьев, поваленные плетни, куски белого камня от низеньких оград, перепутанная проволока на сваленных телеграфных столбах. На главной улице повозки, стук колёс, цокот копыт, матерные крики ездовых, стоны перегретых автомобильных моторов.

Без особого труда мы нашли КП батальона. Данилов ушел к комбату, а мы расположились под стеной пустого дома. Ночь накатила мгновенно, поднялась выше, разгорелась луна; белые стены дома стали голубыми от лунного света. Мины и снаряды рвались где-то в станице позади нас, с передовой доносилась ружейно-пулеметная перестрелка, в небо летели осветительные ракеты – в общем, передовая, как передовая. Мы лежали на траве, пахло полынью и чем-то горелым. Пока было время, накуривались в запас, до одури, до мурашек в пальцах, до позеленения в глазах. Шло время, а Данилов не появлялся.

– Чего он там тянет? – удивлялся Осейкин.

– Правильно делает, – замечает Подосенов. – Идти нужно не раньше часов двух ночи, к утру их, сволочей, сильнее в сон клонит.

В сон клонило не только немцев, многие разведчики начали похрапывать, и я не устоял перед навалившейся дремотой... Показалось, что едва глаза сомкнул, а тут вдруг команда:

– Подъем!

Команда была подана негромко, но услышана всеми. Послышался тихий, металлический стук оружия и все уже на ногах. Стало прохладно, многие зябко поводят плечами. Данилов сообщил, что по данным, имевшимся в батальоне, противник на протяжении трех дней вел сильный огневой бой, измолотил минами всю дорогу на Дейское. Передний край противника в посадке севернее Плановского, ширина нейтралки большая, метров пятьсот, правда, на рассвете противник выдвинул своё боевое охранение у дороги метров на 150-200 вперед, оно обнаружено батальонной разведкой и артиллеристами. Сегодня на переднем крае немцы ведут себя подозрительно тихо. Данилов решил, что нам удобнее всего действовать против этого боевого охранения и именно здесь взять «языка». Он назначил в головной дозор Селиванова и Осейкина, группой захвата командовал Подосенов, а трое разведчиков, в том числе и я, должны быть в группе прикрытия. Я решил, что в этой последней группе оказались разведчики, на чей опыт и сообразительность меньше всего было надежды. Споров по этому поводу не было. Не

принято спорить с командиром или выдвигать иные предложения – здесь передовая, а не профсоюзное собрание, как не раз говорил Натынов.

Через несколько минут мы были уже на передовой, в траншее среди солдат первой линии обороны. Здесь шла своя беспокойная и напряженная жизнь: пока ночь, нужно было углубить траншею, как следует зарыться в землю – это закон передовой, ведь днем этого не сделаешь. Все здесь заняты, разговаривают очень тихо, даже матерятся почти что шепотом. Со стороны противника бьет пулемет трассирующими пулями, огонь неприцельный, стреляет для острастки, красные струны трасс на мгновение перечеркивают поле. Здесь мы снова немного задержались, приказано всем наблюдать за поведением противника, а Данилов расспрашивает наших бойцов о противнике, те всегда делаются охотно с разведчиками своими наблюдениями и предположениями. Данилова особенно интересно боевое охранение противника. Около него двое бойцов. Один, видно, молодой, горячий, говорит торопливо, словно спорит с кем-то:

– Вот я и говорю, – слышен его приглушенный голос, – стрельба там все эти дни была сильной, лупили по нам, дай бог! А в прошлую ночь там и гранаты рвались. Фрицев там много. Сегодня они, правда, потише, а то стреляли и днем, и ночью...

– Ты погодь, не путай человека, – перебил хриловатым голосом пожилой боец. – Там что-то непонятное. Траншейка-то она и вправду днем заметна. Если присмотреться, конечно. Вон в той стороне. – Пожилой боец высунулся из траншеи и указал туда, где чуть виднелась в ночном небе темная полоса посадки. Стрельба там и вправду была сильная только кто в кого стрелял – непонятно.

– Как это?

– Да так. Ежели бы в нас палили, то это бы и чувствовалось, и опять же гранаты. Не станут фрицы с такого расстояния в нас гранаты кидать...

– А почему в нас? – встрял молодой. – Там либо разведка была, либо сами они взбесились. Чего с них спросить, с окаянных фрицев...

– Ты погодь! – останавливает его пожилой. – Та дорога вся простреливается и долбили её страшно. А вчера и нонче днем туда фрицы минами долбали, что ж они, по своим вдарили?

– А д-далеко зд-десь д-до них? – спрашивает Данилов.

– Во! Я и говорю, – снова торопится молодой. – Ежели бы там, скажем, не фрицы, а наши? Тык они сигнал бы подали, они бы связного направили, здесь до них и пройти-то шагов триста, не боле.

– Пройти! – презрительно бурчит старший. – Тоже мне, прошел он. Да здесь ни днем, ни ночью головы не поднять! Это сегодня навроде тихо. Вчерась перед рассветом оттуда раненый приполз. Ребята рассказывали, что азербайджанец, парень шибко покалечен был, русский язык знает, видно, плохо, твердил одно: «лытинант», «лытинант», а что «лейтенант» и сказать бедолага не мог...

– Во! Я и говорю, – опять голос молодого, – что там наша разведка была и перебили ее у той траншеи.

– К-кто ж там к-кроме нас м-мог быть? М-мне к-комбат ск-казал, ч-что н-немцы там.

– А я что говорю.

Это голос молодого, а старший молчит. Видно, сам сомневается, потом неуверенно произносит:

– Сейчас, может, и немцы, а были наши. Почему ж немцы два дня тогда лупили минами по этой траншейке. Они народ аккуратный, если уж раз по своим и вмажут, то второй раз не станут.

Вопросов много. Поди разберись во всем. Данилов что-то думает.

– Вместо того, чтобы в Эльхотове целый день груши околачивать, лучше бы днем здесь посидеть, посмотреть бы на эту траншейку, – замечает Подосенов.

В ярком лунном свете едва заметна посадка на противоположном конце поля,

черные разросшиеся деревья вдоль дороги, похоже, скрывали тайну, а предательская луна светила так, что газеты читать можно. Данилов вслушался в пулеметный треск, помолчал.

– А что, сегодня ночью с той траншейки по нашей передовой трассирующими лупили? – поинтересовался Подосенов.

Иван мыслит правильно. В то время наша передовая трассирующими пулями стреляла редко, а вот немцы, так всю ночь стреляли трассирующими.

– Что-то не обратил внимания, – говорит молодой.

– Да, вроде нет. Вот правее, там кустики какие-то, оттуда бьют. Да вон сами смотрите, – говорит старший.

Действительно, откуда-то правее посадки сорвалась струя огненных пуль, ударилась в землю посреди поля и веером разлетелась в стороны,

– Ладно, п-посмотрим, – говорит Данилов. – Г-головн-ной дозор к п-посадке. Ид-дет вд-доль п-прид-дорожного кюв-вета от д-дерева к д-дереву. На от-ткрытом м-месте не м-маячить и по п-пласт-тунски. От основ-вной груп-пы не отрыв-ват-ться больше ч-чем на 15-20 м-метров. Всё. Вп-перед.

Две фигуры ловко, бесшумно выскользнули из траншеи и шагнули на ничейную землю. Головной дозор сразу пошел с отклонением влево, в сторону придорожной посадки. За ним через несколько секунд пошли остальные. На поле много воронок, поломанные кусты татарника, от лунного света вся трава словно серебряная и по этому серебру от каждого идущего черные тени. Это плохо, очень плохо! Данилов ведет группу ближе к дороге, здесь старые деревья, пятнистая тень на земле, у шоссе неглубокий, поросший травой кювет. Впереди без умолку бьет немецкий пулемет, взлетают в небо ослепительно яркие ракеты, их желтый свет ярче лунного. От горящих ракет по дороге ползут оранжевые пятна и черные тени. Данилов хитер, опытен, он старается двигаться так, чтобы эта шевелящаяся тень помогала нам маскироваться. Потом при каждой вспышке ракеты мы послушно кидаемся на землю, пережидаем пока исчезнет проклятый свет. Стоп! Наша цепочка останавливается. Осейкин поднял левую руку – он что-то заметил. Мы осторожно подтягиваемся к головному дозору. Слышу осторожный шепот:

– Убитый. Наш.

– Осмотри и заведи документы.

Долгое молчание. Потом снова:

– Похоже, младший лейтенант – кубарь в петлице. Давно убитый, от трупа запах уже.

Документы взял.

– Вперед.

Чуть слышен крадущийся шорох. Все ползут по-пластунски по кювету, здесь нас не достает свет немецких ракет. Снова стоп... Тихо... Дозор молчит.

– Вперед! Ч-чего вст-тали? – подгоняет Данилов.

– Вроде и вправду здесь кто-то есть, – чуть слышно шепчет Осейкин.

Лежим долго, вслушиваемся – ни звука. Может, показалось? Тихо. Только треск неугомонного пулемета, да шипенье падающих ракет. Течёт настороженное время. Снова шорох – головной дозор осторожно двинулся вперед, за ним ползут остальные. Кажется, Данилов уже не отпускает головной дозор вперед – ползём все вместе. Часто останавливаемся. Ни звука, ни шороха... Еще самая малость и, наверное, будет та самая траншейка, где, по не очень проверенным данным, должно находиться немецкое боевое охранение. Еще самая малость, но теперь нужна предельная осторожность. Каждый метр проползаем крадучись, каждый вершок земли прощупываем пальцами...

Вдруг в угольно-черной тени деревьев, как гром грянул, угрожающе клацнул затвор винтовки.

– Стой! Чья идет? – раздался в темноте хриплый шепот. Эти три слова были сказаны так и с такой интонацией, что становится предельно ясно, что никакого боевого охранения

ния противника здесь нет. Это свой окликает – ни один немец не смог бы окликнуть с таким выраженным узбекским акцентом.

– Своя, ешь твою мать! – шипит в ответ Селиванов и пробует ползти в сторону окликнувшего голоса. Но там, в убийственной темноте деревьев, человек не воспринимает юмора и до нас снова доносится хриплый и угрожающий шопот:

– Стой! Мало-мало стрелям будым!

– Ты что? Очертенел? Говорят тебе – свои.

– Какой такой свои? Стой!! Целусь!!! Сычас стрелям будым!

Что делать? Не отвечать же огнём на оклик своего бойца! Мы послушно лежим в кювете, а голос слышится откуда-то спереди. Если он и вправду будет стрелять, то кювет нас не спасет – позицию он выбрал умело.

Сомнений не оставалось в том, что здесь вовсе не немцы, а какая-то наша группа и остановил нас боец, находившийся в дозоре. Чертовщина! Если он сейчас выстрелит вдоль кювета, то вряд ли промажет и своим выстрелом всполошит немцев, которые должны быть где-то рядом.

– Слушай, юдаш, что ты заладил – «стрелям», «стрелям»! Зови начальника, говорить надо, – раздраженно шепчет Селиванов, он лежит ближе всех к часовому.

– Ты кто будыш, да?

– Разведчики мы. Свои.

– Зачем твоя сразу молчал? Сиды ни с места! Сырджанта зват будым.

Слышно, как Данилов тихо матерится. Действительно, более дурацкого положения не придумаешь. Пока молчит часовой, Данилов попытался подползти к Селиванову, но с того же места слышится уже другой, тихий, настороженный и строгий голос:

– Кто здесь?

– Свои! Мать твою в креста и в бога! Ты долго еще разговаривать будешь!?

– Ни с места! Пропуск?

– Какой тебе хрен пропуск!? Ты ведь сам не знаешь ни пропуска, ни отзыва!

– А вы кто?

– Я китайский император, а ты жопа, японский твой бог! Будь я немцем, то давно бы уж тебя шлепнул, – матерится Селиванов и, видимо, эта его брань больше всего убеждает невидимого сержанта, что перед ним все-таки свои.

– Похоже, свои, – снова слышится тихий шопот. – Чуешь, матерятся как. А ну, давай первый ползи сюда, остальные на месте!

Последнее произносится уже громче.

– Вы, дуrolомы, и вправду здесь ошалели!

Этот дурацкий анекдот закончился тем, что вся наша группа втянулась в наспех открытую траншею.

Здесь оборонялись остатки стрелкового взвода под командованием молоденького сержанта. Их оставалось десять человек. Уже двое суток они держали оборону, не имея никакой связи с нашей передовой. Их командир взвода, младший лейтенант, отступал вместе с ними из Дейского, где их взвод и вся рота понесли большие потери. Командир роты приказал им здесь окопаться и ни шагу назад, а сам с остатками другого взвода ушел в Плановское. Что произошло дальше, можно было только гадать, но на том этапе войны такое случалось часто.

По шоссе дороге, по оборонявшемуся взводу противник обрушил сильный минометный огонь, пулеметы не смолкали ни на минуту. Днем их атаковало примерно около двух взводов немецких автоматчиков, они отбились. Прошлой ночью после огневого налета группа фашистов пыталась их окружить, солдатам противника удалось выйти на противоположную сторону дороги, но наши бойцы и на этот раз выстояли. Как только наступило затишье, они старательно окапывались. Сам лейтенант вместе со связным еще в позапрошлую ночь, несмотря на сумасшедший обстрел, поползли в Плановское.

До окраины станицы здесь всего метров 250, не больше, но эти метры оказались непроходимыми. Ни лейтенант, ни его связной обратно во взвод не вернулись, однако, сержант был убежден, что лейтенант установил необходимую связь, он верил, что к ним придет помощь, либо им разрешат уйти отсюда. Сегодня перед вечером ранило одного бойца. Раненый лежал на дне траншеи. Подчиненные сержанта более двух суток были без сна, без воды, без пищи, они остались практически без боеприпасов. Бойцы тем не менее не сетовали – им было приказано до последнего удерживать эту траншейку и они держали ее. А немцам, видимо, эта траншейка здорово мешала или представлялась легкой добычей, поэтому они часто атаковали её, измолачивали минами и пулеметным огнём. Сегодня, по сравнению с прошлыми, выдалась спокойная ночь, поэтому сержант решил было послать еще одного связного и вытащить раненого, но этому помешал наш приход. Вначале они решили, что вернулся их лейтенант. А Данилова ориентировали в штабе батальона, что здесь находится противник и порекомендовали действовать в этом районе. Хорошо еще, что искру сомнения заронил тот старый солдат на нашей передовой, а то бы было дело!

Узнав, что разговаривает с младшим лейтенантом, сержант, понизив голос, доверительно сказал:

– Прямо не знаю, что делать, товарищ лейтенант, главное воды нет, обороняться уже нечем, один раненый вон доходит. Посылать людей боялся и надеялся, что наш командир взвода вернется... Днем решили портянкой нашим помахать, так по нам и немцы, и свои из пулеметов вдарили. Хорошо, что еще траншейку откопать успели. Немцы-то здесь рядом. Вон посадочка и кусты навроде, видите? Так вот там уже фрицы, их там много.

– Танков не вид-дели? – спросил Данилов.

– Видеть не видели, а моторы где-то ревут, сам слышал... Товарищ лейтенант, у ваших ребят табачку малость не найдется? Двое суток не куримши, уши пухнут.

Мы поделились табаком с намучившимися бойцами, сидели с ними на дне траншеи, а над головой сверкали трассирующие пули. Сзади нас, на окраине станицы, рвались мины.

– А п-почему здесь т-только один взвод в-ваш команд-дир роты ост-тавил? – спросил Данилов.

– Откуда мне знать? Нам сказали, что мы здесь временно, вроде прикрытия. Наш лейтенант приказал, чтобы без его команды никуда ни шагу.

Данилов помолчал, а потом сказал медленно, растягивая слова и почти не заикаясь:

– Не д-дошел ваш млад-дший лейтенант до станицы. Похоже, это он лежит на дороге. Метров сто отсюда. А в станице рассказывали нам, что дополз до передовой один раненый юдаш, только покалечен был парень т-так, что слова ск-казать не м-мог. А на КП б-батальона и на п-переднем крае о вас ничего т-толком не з-знают. Д-даже д-думают некоторые, что н-немцы здесь.

– Это как же так?

– Т-ты который год воюешь? П-пора-бы знать, что на войне т-такое случ-чается. Смотри, как-бы ут-тром по вам свои не в-дарили.

– Как же теперь? Как нам быть-то?

– А ты вот ч-что, сержант, мот-тай-ка отсюда и чем с-скорее, тем луч-чше. Если мы ш-шум сейчас поднимем – вам т-тоже достанется, а в светлое время пойдете – в-вас п-перестреляют всех до ед-диноного. Уход-дите быстрее и зап-помни – пропуск сегодня – «курок», от-тзв – «Курск». Понял?

– Понял, товарищ лейтенант.

– М-может, в-впереди вас еще к-какой-нибудь д-дурак сидит?

– Ни! Впереди наших нема, впереди только немцы. Товарищ лейтенант, а не спросят там с нас – по какому это праву мы свою позицию оставили? – чего-то засомневался сержант.

– Не знаю, как-кой д-дурак и чего т-тебя там будет сп-прашивать. На всякий слу-учай знай, что я к-командир взвода разведки млад-дший лейтенант Д-данилов. Н-нужно будет подтвердить - я не от-ткажусь. Т-топайте быстрее, пока тихо.

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! Мы и вправду отойдем. Нам бы раненого вытащить, да воды напиться. А в случае чего – вернемся.

Через минуту сержант ушел со своими бойцами. Ужами поползли они по придорожному кювету. А немцы словно вдруг что почуяли – их минометы обрушились на дорогу огненным налётом, короткие яростные вспышки взрывов сверкали на дороге, в поле, в ветвах деревьев. Так продолжалось минут десять и снова всё утихло – только редкие пулеметные очереди, да всполохи осветительных ракет.

– Пошли! – выждав время, тихо сказал Данилов. – К кустам возле посадки, по-пластунски!

Мы осторожно вылезли из спасительной траншейки и поползли. Поздняя ночь, самое волчье время.

Ползли предельно осторожно, замирали при ярком всплеске ракет, а они теперь падали на землю уже за нашей спиной, не успев полностью сгореть в воздухе, шипели, исходили белым дымом и разбрызгивали в пожухлой траве последние искры. Впереди довольно хорошо просматривалась посадка и небольшой клин кустарника. Ползли осторожно, очень осторожно. Чуть заметная низинка, переползли ее, и теперь кусты совсем недалеко, до них менее пятидесяти метров. Мы уже приготовились для броска... Только куда бросок: на пустой куст или на немца-пулеметчика, как угадать, как не промазать – ошибку потом не исправишь, ошибка потом будет стоить жизни. Решили минут десять полежать тихо, чтобы увидеть цель... Столько потеряно времени с той траншейкой, нас ведь именно на неё нацелили... Проходят минуты... Нужно сделать один бросок вперед, а там уж, что Бог даст! Еще бы метров пятнадцать-двадцать проползти вперед и... В кустах раздаётся сразу два или три выстрела ракетниц. Белые мерцающие звездочки стремительно ринулись в небо и рассыпались над нашими головами нестерпимо ярким светом... Секунду-другую было тихо, а потом близкие и оглушительные выстрелы. Бьют из пулеметов и автоматов, сверкающие трассы мелькают буквально над головой, пули бьют в землю совсем рядом, рикошетят. Теперь ракеты летели пачками, непрерывно. О рывке вперед не могло быть и речи – нас явно обнаружили, мы лишились преимущества внезапности, больше не было возможности приподняться с земли...

Команды никакой не слышно из-за сплошной стрельбы, но все дружно отползают назад, и мы оказываемся в той чуть заметной ложбинке. Чуть заметная морщинка земли, она спасла нас от пуль. Мы лежали, вжавшись в землю, над нами сверкали розовые и зеленые молнии пуль, желтый дрожащий свет ракет блеснул на каждой травинке...

Пулеметные очереди и огонь «шмайсеров» держали нас не менее часа. Нас можно было искромсать минометным огнем, но немцы не посмели этого сделать – видно боялись попасть по своим. Огонь противника стал понемногу утихать, ракеты взлетали реже. С большими предосторожностями мы отошли назад. Теперь уже ясно, что поиск не получился. Мне казалось, что он просто не был подготовлен. Взять «языка» из обороны противника – дело не простое. Отправляясь в поиск, мы должны были знать, где эта оборона, как она насыщена огневыми средствами. Мы зря проболтались в Эльхотово, бесполезно растратили драгоценное время – если бы мы потратили его на наблюдение! Мы поставили на случайное везение и... проиграли. Предпринимать что-нибудь новое было слишком поздно – приближался рассвет.

– Давай к д-дороге и по кювету назад!

Команду Данилова выполняли молча. Если мы благополучно выберемся на свою передовую, то неизбежно на нас обрушится гнев Натынова, да и Ласточкина тоже. Расстрелять обещали. Пугают, сволочи, на нервах играют, но все-таки... Неправедные, злые угрозы возводили невидимую, но непреодолимую стену отчужденности между нами и

нашим начальством, которая только мешала работе разведки, порождала обиды, ложь, недовольство и никак не способствовала успехам дела...

Но случай спас нас от неприятностей. Еще ночью, задолго до рассвета, первой с задания вернулась группа Медвинского и вот ей-то неожиданно повезло. Неожиданно потому, что ребята попали в нестандартную ситуацию и воспользовались ею. На участке их поиска еще прошлой ночью наши саперы ставили мины. Немцы обнаружили минное поле, и в эту ночь саперы противника стали снимать эти мины. Уже один этот факт был значительным – он неоспоримо свидетельствовал о том, что противник готовит наступление. Группа Медвинского заметила немецких саперов. Зная проходы в нашем минном поле, разведчики подкрались к саперам на близкое расстояние и неожиданно напали на двоих. Одного немца свалили, начали вязать ему руки. Немец отчаянно сопротивлялся, пытался кричать, но Бергалеев железными пальцами сдавил ему нижнюю челюсть и вогнал в рот перевязочный пакет. Второй немец бросился было бежать, по нему не успели даже выстрелить – под ним сверкнуло желтое пламя и грохнул взрыв противопехотной мины... На поле находилось еще несколько вражеских солдат, по ним открыли огонь из автоматов. Несколько секунд немцы не стреляли, они либо не поняли сразу, что произошло, либо ответным огнём боялись задеть своих. Потом вражеская передовая словно взорвалась стрельбой. Однако, группа Медвинского успела отойти на некоторое расстояние. В нескольких шагах от наших окопов один разведчик был ранен в обе ноги, в ногу был ранен и пленный.

За цепочкой наших окопов, в овражке, раневых перевязали и заторопились в Плановское.

Группе Суменкова не повезло больше, чем нашей. Их обнаружили в поле и там не оказалось спасительной морщинки земли, в результате двоих ранило, одного очень тяжело – его не удалось живым дотащить до Плановского.

За одного «языка» наша рота заплатила двумя ранеными и одним убитым – печальная арифметика, если так дело пойдет и дальше, то... А, лучше не думать и не вести этой бухгалтерии.

Раненого немца выхаживали, как только могли. Военфельдшер сменил ему повязку, сделал обезболивающий укол и после кружки горячего чая, приготовленного ординарцем комбата, немец пришел в себя, отошел от шока.

На наше счастье, немец оказался человеком довольно покладистым и информированным. От него удалось узнать, что в 10.00 сегодня немецкие войска перейдут в наступление на нашем участке фронта. Он утверждал, что сам видел много танков в районе Дейского и Верхнего Акбаша. Против Плановского были сосредоточены дивизия «Викинг» и танки прославленной 13-й танковой дивизии. Большие силы должны действовать по левому берегу Терека в направлении Змейской.

Показания пленного оказались настолько важными, что его сразу же на специальной машине увезли в тыл. По всему фронту задурили полевые телефоны, в Плановском появились новые артиллерийские батареи, минометы, спешно окапывались какие-то стрелковые части. Все ожидали грозных событий.

* * *

Что уж там говорить! Немецкая пехотная дивизия по своей численности примерно вдвое превышает нашу стрелковую, а бригада – это, считай, половина стрелковой дивизии. Вот и выходит, что изготавившийся к наступлению противник только по пехоте примерно вчетверо превосходит наши силы, да еще танки, да еще авиация. От такого соотношения сил что-то сосало под ложечкой. Сил в Плановском у нас, конечно, прибавлялось, но все-таки! К тому же, наша бригада занимала широкий участок фронта и не могла снять стрелковые роты из-под Илларионовки, Верхнего Курпа и из-под какого-то

Индееево, а фрицы изготовились бить кулаком, концентрировано. Это еще больше увеличивало перевес сил в пользу противника. Где же все-таки наша Красная Армия, где резервы?

Утешала только одна мысль, что мы просто всего не знаем, что где-то тоже приготовились к бою наши свежие дивизии, наши танки и уж они-то...

Наступило утро. На передовой тревожная, непонятная тишина, даже пулеметные очереди затихли, все знали, что это затишье вот-вот взорвется адским огнем и грохотом.

– Кофе пьют гады, – решил Анатолий Медвинский. Сегодня он был героем дня, за ценного языка он уже получил благодарность и, по словам Попова, его решили представить к правительственной награде. Завистью у нас ребята не мучились, в роте завистников не было, к тому же все знали, что Медвинский боец стоящий и награду он вполне заслуживает. Некоторые просто любопытствовали насчет самого ритуала награждения – какая награда, а то, может, и в штаб фронта вызовут, да еще денечка два там попридуриваться дадут. Нашлись, конечно, и скептики, по мнению которых награду дадут только в том случае, если от всех атак отобьемся, да еще вперед пойдём, а если нет, то и ждать нечего – скажут: прохлопали станицу, а теперь вам ордена подавай! Тоже логично. Вообще-то шут с ними, с наградами! Хорошо хоть похвалили.

Пехоте-матушке притащили в термосах завтрак, в траншеях скребли ложками по котелкам. Нам тоже приказано оттянуться в тыл – там, метрах в четырехстах от передовой, появилась наша кухня. Мы ели остывшую кашу с жирной свининой, пили сладкий чай, пахнувший комбижиром и еще чем-то горелым. После завтрака старшина забрал у нас котелки и вместе с поваром торопливо укатил из станицы. С нами находились Ласточкин, Попов и мы вначале ждали от них разрешения отправиться в Эльхотово, чтобы поспать немного, хотя бы часик. Было уже более восьми утра, но отдыха нам так и не дали. В это время все силы, оказавшиеся под рукой у начальства, были брошены на укрепление нашего оборонительного рубежа. Конечно, в первой траншее, которая проходила по краю станицы, перед самым полем, ничего уже делать было нельзя, при заметном движении противник открывал пулеметный огонь, поэтому мы копали вторую линию, метрах в ста пятидесяти позади первой, у самых домов станицы. Копали буквально все, и мы включились в эту работу. Невдалеке работали артиллеристы – оборудовали огневые для пушек, НП для корректировщиков огня, связисты торопливо тянули запасные нитки связи, к передовой солдаты тащили ящики с гранатами, патронами, пулеметными лентами, канистры с водой. Предстоял бой, бой нешуточный, не вылазка, а сражение – в этом уже никто не сомневался.

Из-за горы Заманкул выкатилось рыжее, в облачной, размазанной по небу мути, солнце. Кто-то уже не увидит его захода, и эта беспокойная, тревожная мысль одних делала чересчур разговорчивыми, других – молчаливыми и замкнутыми.

Ласточкин и Попов не давали никому покоя, придирчиво и настырно проверяли качество земляных работ. Сразу же после завтрака нас снабдили лопатами, и мы вкалывали почти без перекуров, копали вторую траншею, потом нужны были ходы сообщений. На руках появились мозоли, но было не до отдыха даже тогда, когда раздавались с немецкой стороны винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Мне пришлось копать ход сообщения. Недостаточно глубокий, но в принципе он был готов, в его изломанной линии было сравнительно безопасно. А Ласточкин всё придирался, заставлял зарываться в землю глубже, шумел, ворчал... Что поделаешь, приказ есть приказ и старые моряки, хотя и матерились, так как были непривычны к земляным работам, но копали, работали добросовестно.

Левее меня орудовал лопатой Селиванов, этот перекуры устраивал почаще других – много курит старый матрос, своего табака ему никогда не хватает, поэтому частенько просит оставить «сорок» у соседа, затягивается дымом жадно, старается поглубже вогнать его в легкие и задержать там немного. Этому балагуру и, в сущности, очень

доброму парню редко кто отказывает, он человек общительный и со всеми в дружбе. Селиванов устало воткнул в землю лопату и обратился ко мне:

– Слушай, кореш ты мой дорогой, у тебя закурить не найдется?

– На, закуривай.

Я протянул Селиванову кисет, тот оторвал аккуратный четырехугольничек от сложенной газеты, присел на дно траншеи и с удовольствием закурил.

– На хрена ты только куришь? Я вот смотрю на тебя и думаю: парень ты еще молодой, неиспорченный, даже масть грамотный и травмишь организм никотином! – куда-то гнёт хитроватый парень.

– Ладно! Давай сюда кисет. Тебе бы самому курить поменьше.

Селиванов нехотя возвращает кисет, протягивает мне его так, будто это я у него весь табак выкурил.

– Ты со мной не равняйся, – меланхолично замечает Селиванов, – я, брат, человек все равно пропащий. Был и я таким же, как ты, да вот как схлестнулся с нею окаянной, узнал вкус этой самой водочки, так с тех пор и стал бабником и пьяницей, вся моя жизнь наперекосяк пошла. Поэтому мне курить сам бог велел, мне все равно пропадать и по таким, как я, никто плакать не станет. А вот ты – это совсем другое дело, таких беречь нужно. Я бы специальный приказ по армии издал, чтобы всех нецелованных на передовую не пускать. Тебя ведь обязательно еще какая-нибудь дура полюбит. А ты куришь! Здоровье портишь! Отдай мне табак, а?

– Хватит. Лопухи повывелись, – я решительно забрал свой кисет, спрятал его в карман.

– Вот надо же – и таких жмотов дуры любят! – сокрушаясь, говорит Селиванов.

– А это почему ж меня, если полюбит, то дура?

– Всенепременно дура. А ты что думал? Умная, она нашего брата любить не станет, недолгая это у неё любовь получится.

– Трепач ты, Селиванов, и охота тебе настроение людям портить?

– Настроение! Причем тут настроение? Ты, брат, на войне, а война она и придумана для того, чтобы людей убивать. Вопросы роста населения в её задачи не входят.

Теперь копает молча. Грунт податливый и работа у нас идет довольно быстро.

Вообще-то Селиванов, наверное, прав. Война придумана действительно для того, чтобы человека убить, искалечить его физически и морально. А у меня какие-то нелепые довоенные вывихи, сентиментальные заскоки – гальванометр мне, дураку, понадобился! Пора понять, что война это совсем иная категория и форма человеческого существования. Каждый день убивают кого-нибудь из моих товарищей. Убьют и меня, потому что я вовсе не исключение. Даже сегодня совсем неизвестно, кто доживет, уцелеет до конца этого дня. Может быть Селиванов и прав, что он пьёт, курит и не ищет святой любви! Не заблуждается мужик, не строит химер и воздушных замков.

В воздухе появилась «рама» – двухмоторный и двухфюзеляжный самолёт-разведчик. Переваливаясь с крыла на крыло, описывая в воздухе замысловатые дуги и окружности, самолет с черными крестами покрутился над нашей станицей и полетел в сторону Эльхотова. По самолёту стреляли из винтовок и ручных пулеметов, но, говорят, он бронированный и не берет его обычная пуля.

Время шло. Судя по всему, дело приближалось к полудню. Ребята умаялись на земляных работах и снова есть захотелось. Небо словно поседело, затянула его белесая пелена. На передовой по-прежнему сравнительно тихо. Странно. Пленный говорил, что в 10.00 они пойдут в наступление. Неужто наврал фриц?

Ласточкин и Данилов сидят на дне траншеи и Данилов говорит, по-прежнему немножко заикаясь:

– Я бы, на в-вашем месте, его с-сукиного сына в ст-трой п-поставил. Н-на недельку. Сч-читает, что он пуп з-земли! Ни х-хрена не думает. Вот с-сейчас-бы об-бедом и пок-кормить, пока т-тихо. Чего он в с-своем ов-враге сидит?! Его м-место зд-десь!

– Ты прав, – отвечает Ласточкин, – я и сам думал. Только кем его заменишь. Он, по крайней мере, не жулик, но шкуру я с него спущу, забодай его комарь, я его научу свободу любить. Вот если к 12.00 он сам не появится и немцы не начнут – пошлю за ним нарочного и прикажу, чтоб вместе с поваром в термосах сюда несли!

Это они о нашем старшине толкуют. Вообще-то старшина у нас парень порядочный, честный, но с чуднишкой – он не скупердяй, не трус, но, похоже, искренне убежден в том, что вся разведрота существует только для того, чтобы охранять обозное добро.

А пообедать было бы сейчас неплохо. Я пошел по ходу сообщения к кучке ребят, среди которых находился наш политрук, он что-то рассказывал, наверное, политбеседу проводил, а я опоздал, пришел к ее окончанию.

– Вы не хуже моего знаете, – говорил Попов, – вы сами видите, с каким остервенением враг рвется к нефти. Но это его последние судороги, он выдыхается, все его блицкриги провалились. Да, враг еще силен, он давит и главное сейчас, выдержать этот натиск. Война – дело нелегкое, но нужно, товарищи, верить! Верить в неизбежную нашу победу. Красная Армия разбила врага под Москвой, теперь дело за нами!

Ребята сидят, смолят сигарки и слушают явно одобрительно – всем очень хочется верить, и все верят, что Попов прав! Накостыляем мы фрицам, нам только бы техники побольше – дали-б мы им прикурить!.. А время словно остановилось.

– А ведь тихо! Набрехал тот фриц, теперь уж точно набрехал!

Мишка Беляков возмущается так, словно обещанное наступление немцев это его давнишняя мечта.

– А может, он и с умыслом брехал, – соглашается кто-то из ребят, – чтоб внимание отвлечь. Мы их здесь ждем, а они в другом месте ка-ак вдарят!

По траншее, пригнувшись, шагает Ласточкин.

– Ну как здесь? – спрашивает он.

– Трошки загораемо – отвечает Потапенко.

– Товарищ лейтенант, и долго мы еще здесь сидеть будем? – спрашивает Курочкин.

– А мы не сидим. Мы оборону держим, прошу всех это запомнить! Здесь не печка, а передовая, а вы не у тещи!

– От це точно, бо теща давно-б борщем накормила, – резюмирует Потапенко.

– Вы что, забодай вас комарь! Только завтраком накормили, а им обед давай. Еще не заработали! Вот если обстановка позволит, то через часок отойдем в Эльхотово или нарочного за кухней пошлем. Малость потерпите...

Ласточкин хотел еще что-то добавить, но не успел, его перебил звонкий, тревожный крик:

– Воздух!

С севера наплывал тяжелый, давящий гул. В белесом небе показались самолеты. Их было много, они медленно наплывали на нашу оборону. Разговоры смолкли, шеи вытянулись, все следили за приближающейся грозной стаей.

– Ну, сейчас вдарят. Сейчас дадут прикурить.

– А время-то, время! Малость соврал фриц.

– А ни хрена не набрехал. Все точно! Они, мать их за ногу, по берлинскому времени живут, на пару часов позади нас, – предположил Подосенов.

Самолеты шли на солидной высоте. Это были пикирующие бомбардировщики Ю-87. Старые знакомые с изогнутыми крыльями, неубирающимися шасси в обтекателях. При пикировании они поразительно напоминали злую, хищную птицу, которая, выпустив лапы с когтями, кидается на свою жертву. Тройки самолетов начали выстраиваться в одну длинную цепочку, которая летела чуть правее нас...

– Всем в траншею!

Это крикнул Попов и побежал по ходу сообщения к первой траншее, все ребята побежали за ним. А самолёты вроде бы пролетели мимо и немного в стороне от нашей окраины, но в голове мелькнула мысль: «эти по нашу душу!»

Самолеты заходили против солнца, в этом случае смотреть на них трудно, но белесая дымка в небе помогла совершенно четко увидеть, как первая машина свалилась на правое крыло, заложила крутой вираж и круто рухнула вниз. Жуткий, оглушительный рёв мотора, вой сирены, самолёт набирал чудовищную скорость в почти отвесном пике; за первым, таким же манером, свалился на крыло второй самолет... Кажется, прямо на меня кинулась огромная хищная птица со сверкающим диском бешено вращающегося винта, пронзительный визг бомб... Земля дрогнула от тяжелых взрывов, черная туча земли и дыма взметнулась в небо. В небе вой, визг, рёв, на земле – бешеный грохот разрывов. Все окуталось дымом, пылью. Комья земли, палки, камни валились с неба. Темная мгла поглотила весь белый свет и в этом содоме жуткий рёв пикировщиков, адский визг бомб и страшные, молотящие удары. Грохот разрывов неумолимо накапывался на нашу траншею. Землю трясло как в лихорадке, упругие грохочущие удары обжигали горячей волной, выбрасывали вон из окопов сжавшихся людей... Визг бомб и удары взрывов ближе, ближе... Да хватит же! Сколько еще?! Прямо над спиной истошный рев мотора, оглушавший визг... «Моя!» – успел подумать и страшный в сатанинском грохоте удар больно обрушился на всё тело, земля подпрыгнула! Потемнело в глазах... Воздух перемешан с землей, с камнями, с дымом и пламенем... Острая боль в ушах, кислый запах взрывчатки, со стенок стрелковой ячейки отваливаются и падают пласты земли и песка... Снова визг... Еще сильнее удар... Вся планета встала на дыбы, плещет тугими рывками взрывов, вздымается ввысь, рушится оттуда на наши головы и вновь с рёвом и визгом, со страшными ударами скидывается к небу.

В голове нет уже больше мыслей, нет ничего, будто и не было никогда человеческого разума! На этом свете осталась только одна, сжавшаяся в комок, живая человеческая плоть, ожидающая последнего удара, своего неотвратимого конца...

Человек не может запомнить, отмерить продолжительность времени такого столпотворения – здесь минуты растягиваются в вечность, а жизнь сжимается до единого и последнего мгновения...

Взрывы внезапно оборвались, а в ушах все звенело, тело ломила непонятная боль, во рту, в ушах, за пазухой полно земли; режет глаза, першит в горле от толовой гари, дыма и пыли, нечем дышать, ничего не видно вокруг... К своей досаде и удивлению чувствую, что меня сильно мутит, меня может этак вырвать... и в глазах плывет, а по телу мурашки... «Живой я?.. Вроде бы живой... Да что это со мной? Никогда так не было! Вырвет сейчас... Ребята увидят – позор! Ноги не шевелятся... Это их землей засыпало... А где ребята? Почему никого не видно?» С трудом вытаскиваю из-под земли ноги, стряхиваю землю со спины, сажусь на дне траншеи... «Автомат?! Вот он, здесь, только весь в земле... Пронесло. Вроде пронесло! Где ребята?»

Проходит немного времени, и пыль оседает, дым сносит в сторону, становится видно, а места почти невозможно узнать: кругом воронки, травы больше не видно – одна пыль, комья земли, от ближних домиков не осталось и следа. Впереди меня, метрах в десяти, довольно глубокая воронка – это ведь она, сволочь! Та самая бомба. Еще бы малость и влепила мне прямо в спину, килограмм этак сто пятьдесят тола... Хорошо, что здесь земля податливая, бомба в неё глубоко ушла и вся сила взрыва саданула вверх, а то бы... Становится светлее, утихает понемногу боль в ушах, только в голове шум. По траншее бежит куда-то Бельтюков, он увидел меня и что-то кричит, а я не разбираю его слов.

– Что?

Бельтюков снова что-то кричит и бежит дальше, на всякий случай бегу за ним.

– Данилова-а! Данилов! – вдруг слышу я чей-то приглушенный голос, и тяжелый смысл этого крика доходит до меня не сразу...

Данилов! Нужно спасти Данилова... Елки зеленые, только бы меня не вырвало... В ходе сообщения обрушена земля и воронка почти на его краю. Из-под земли торчат пыльные яловые сапоги. Двое разведчиков руками откапывают заваленного землей

человека. Ребята торопятся – задохнется человек. У ребят серые от пыли лица, у одного на затылке кровь. Наконец Данилова откопали. Он лежит на дне траншеи, лицо серое, бескровное, как у мертвеца, из носа и из уха по пыльной коже скатываются капельки крови – видно живой еще парень.

– Данилов, ты живой? Ты живой, Данилов? – младшего лейтенанта шевелит за плечо подошедший откуда-то Попов, его самого будто черт изжевал – весь в пылище, ремень перевернулся пряжкой набок. Данилов медленно открывает глаза, вначале равнодушно, а потом ошалело смотрит на ребят. Он пытается встать на ноги, но, застонав, снова опускается на землю.

– В санроту его! Быстро! Есть еще раненые? – кричит Попов.

У нас двое раненых, один тяжело в голову, он еще дышит, но без сознания. А Данилов снова контужен и здорово. Данилов, собрав силы, садится на дне траншеи. Двое ребят пытаются взять его под руки, чтобы тащить к медикам, но командир взвода сопротивляется, словно пьяный, отталкивает одного, пытается вырвать свою руку у другого. Его оттащили бы, но тут наваливается на всех новое испытание.

Только смолк грохот бомбовых взрывов, многие еще не пришли в себя, как по окраине станицы, по нашей обороне ударили немецкие пушки и минометы. Воздух наполнился ревом и визгом снарядов и мин, взметнулись хлесткие взрывы, вокруг стон и жужжание осколков. Взрывы гремели все чаще, все ближе и слились в один обвальный грохот. Горячие ударные волны упруго били в голову, блестящие осколки рваной стали шлепали в бруствер, падали на дно траншеи.

Кто-то кричал, это была какая-то команда, но я еще не мог разобрать слов, только увидел, что Мишка Осейкин побежал вперед по ходу сообщения и я бросился за ним к первой траншее. Здесь находились наши автоматчики, пехотинцы в касках, на них падала земля, поднятая взрывами. На дне траншеи истоптанные ногами бинты, брошенные противогазные сумки, растянутая пулеметная лента без патронов... Огневой налет был сильным, жестоким, казалось, что сама смерть выбивала над нашей передовой чудовищную чечетку. Головы поднять невозможно – схлопочешь наверняка осколок. Появились раненые, кто-то их перевязывает прямо здесь, на дне траншеи; пока не утих огонь, они будут лежать здесь. Убитых кто-то положил на край траншеи, противоположный от бруствера – им теперь не страшно схватить еще один осколок, а в траншее тесно...

В станице горели дома, черные клубы дыма подымались в небо, перемешивались с дымом разрывов снарядов и мин. Особенно сильный обстрел грохотал левее нас, там, где дорога. Снаряды кромсали станицу, шоссеиную дорогу, небольшую посадку, что правее нас...

Еще не смолкли взрывы мин и снарядов, как послышался впереди тяжелый, стелющийся по земле гул моторов. Слух возвращался ко мне, я отчетливо слышал этот моторный гул, он нарастал, пробивался в сознание сквозь глухоту и звон страшной тревогой. В траншее раздался чей-то спокойный, встревоженный крик:

– Танки! Держись, славяне, – танки!

Из посадки, что была перед нами на другом конце поля, выползло сразу несколько серых приземистых машин. Они двинулись прямо на нашу передовую. За кормой каждого танка густым шлейфом ползла серая пыль и грязно-синие выхлопные газы. Первые танки неожиданно скрылись в пологой низинке, оставалась видна только поднятая ими пыль, а из посадки появлялись новые машины, и за пыльной завесой было трудно определить, сколько же их всего. Танков было много, они накатывались на нас мощной стальной волной. Снаряды и мины стали теперь рваться в основном в станице, а нас ожидал удар танков.

Наша передовая словно затаилась, замолкла в страшном напряжении. Гул танков нарастал. Первые танки вышли из низины и теперь до них оставалось не более трехсот

метров. Они двигались всё быстрее, стал слышен скрежет и лязг танковых гусениц. Танки делали короткие остановки, шевелили длинными стволами орудий и начали бить прямой наводкой по нашей передовой, по посадке, по станице. Сдвоеный удар танковой пушки, короткий мощный взвизг снаряда и трескучий взрыв: Ба-бах! Вж! Тр-рах! Выстрел-взрыв, почти одновременно. По всей степи перед нами пыль, тяжелый угарный чад, желтые искры пушечных выстрелов, взрывы!!! Танки неотвратимо накатывались на нашу оборону и, казалось, ничто не может противостоять этой адской силе. Холодок пробежал между лопаток, от страшного напряжения у всех лица бледные, только желваки ходят на скулах и глаза неотрывно следят за приближающимися машинами.

«Началось! Вот теперь началось! Теперь даже та сумасшедшая бомбежка и артиллерийская подготовка покажутся цветиками по сравнению вот с этим – самым главным и самым страшным! Теперь держись!!!» «Почему молчат наши пушкарки, почему они молчат, окаянные?! Может, пушки у них все перекалечены и вообще больше нет никаких пушкарки?!» Шальные обрывки мыслей бегут в воспаленном, тревожном сознании...

Танки все ближе и там, между этими стальными коробками, за завесой пыли и моторной гари показались многочисленные фигурки бегущих автоматчиков, их было много, очень много...

Вон они, фашисты! Наступают смело, напористо, тренированно прикрываются броней танков, маскируются за завесой пыли и дыма... Это уже не кино, это настоящий бой, где враг не дурнее и вовсе не слабее тебя; бой, в котором еще никто не знает, чем всё это кончится. Открыли огонь танковые пулеметы, окаянные «шмайсеры» стреляют пока неприцельно, больше для нервотрепки, но пули взвизгивают рядом, глухо шлепают в бруствер, рикошетят и ноют. С каждой секундой огонь нарастает, становится опаснее. Фашисты бегут за танками трусцой, но в этой их неторопливости я чувствую силу их самоуверенности. Они идут всей своей мощью, чтобы убить меня, моих товарищей, захватить вот этот край, его живую землю, они не скрывают своих целей, лезут нагло, беззастенчиво, они все уверены, что сильнее нас, не сомневаются в своём успехе. Их командиры, наверное, думают, что еще минута – другая и атакующим останется только добить раненых солдат противника, т.е. наших раненых, погнать в плен тех, кто поднимет руки и подсчитать трофеи...

Почему молчат наши пушки и минометы? Какого хрена они молчат?!! Движущиеся на нас стальные чудовища огромны, они вооружены мощной пушкой и пулеметами, наше вооружение – противотанковая граната, в сравнении с ними кажется неуклюжей и бессильной – ее далеко не бросишь, это уже последнее средство, это на крайний случай, когда кто кого...

Огонь танковых пушек усилился, сзади нас, на второй траншее, рвутся мины и в ушах снова звон от близких взрывов... Выстрел-взрыв! Много выстрелов и взрывов, огулительный грохот, рев моторов, дым, пыль!..

– ...А-а-а!

Слышится сквозь глухоту отчаянный крик Мишки Осейкина. Пронеслась было мысль: ранен Мишка! Но он смотрит на меня и зло кричит, только сейчас я понял, что он кричит мне:

– Федька-а-а! Хрен моржовый! По пехоте бей, по пехоте! Не зевай, твою господу мать!!!

Конечно! Мишка прав, какого черта еще ждать! Там же бегут автоматчики. Я поставил диском на бруствер автомат, но первое время глаза как-то странно не видели ничего, кроме этих проклятых танков. Они уже рядом, уже видно, как с их отшлифованных земель гусениц летят земля и пыль, длинные стволы пушек с надутым тормозом при движении танков подымались, опускались, будто вынюхивали цель, будто искали что-нибудь живое и, найдя, били по нему огулающим, страшным ударом. Танки приближались неудержимо, сталь их гусениц струилась белой лентой. За танками бежали

серые фигурки автоматчиков и пехотинцев в глубоких касках. По нашей траншее рассыпался звонкий автоматный треск, винтовочные выстрелы. Я стрелял неплохо и, прицелившись, ударил по наступавшим длинной очередью. «Ни хрена, сволочи, дешево не купите!» Еще очередь, еще. Безостановочно стреляет вся наша передовая, серые фигурки в касках падают, прячутся за броней танков...

А танки совсем близко, один из них, кажется, ползет на меня. Прямо на меня! Он ближе остальных, и уже глаза ничего не видят кроме черного жерла его пушки, смотрящего прямо в мою душу, ничего не осталось на свете, кроме окутанных пылью блестящих, словно зубы, гусениц... Сейчас ударит его пушка! Руки торопливо хватаются за противотанковую гранату... сейчас... нет, бросать её рано – промажу или недокину, а тогда... Скрежещат гусеницы, слышны отовсюду крики, не смолкая, густо трещат выстрелы... Из-за танка снова появляются фашисты, они стреляют, бегут к траншее... Очередь! Еще! Рядом стреляет Осейкин, стреляет еще кто-то, и в это время сверкнуло пламя выстрела танковой пушки и одновременно грохнул взрыв... Оглушающей силы взрыв у хода сообщения, почти за моей спиной. По брустверу ударили пули, брызнула в стороны земля. Осейкин стреляет непрерывно, стреляет и кричит:

– А-а! Мать вашу раздери!!!

Он, наверное, и не замечает, что кричит. Проклятый танк совсем близко, его гусеница раздавила куст надломленного татарника... По всей степи пыль и дым, дым над нашей траншеей. Только сейчас заметил, что наши пушки ведут огонь, но они словно не видят того танка, который лезет на меня... Что-то сейчас будет! Очередь! Еще очередь! Еще... Я видел, как два наступающих солдата свалились, упали как подкошенные... Удар! Ошеломляющий грохот взрыва. В ушах нестерпимая боль, в глазах красная пелена... Не успел прийти в себя – еще взрыв и горячий удар взрывной волны... Чувствую, что падаю на дно траншеи... «Нельзя! Нельзя! Пристрелят!!!» – кричит во мне какой-то голос... Надо стрелять... Стрелять! Вроде не ранен – просто взрывной волной шибануло. Преодолевая тупую боль, поднимаюсь на ноги, осторожно выглядываю из-за бруствера: вот они... зелено-голубые френчи, глубокие четырехугольные каски, даже видно их красные разгоряченные лица, сжатые кулаки, в них черные «шмайсеры», черные с широкими голенищами сапоги, белые алюминиевые пряжки на черных ремнях. Стреляю в них из автомата длинной очередью... В диске осталось мало патронов, еще несколько секунд и не останется времени даже для того, чтобы сменить диск... А танк почему-то остановился... Взрыв! Земля подпрыгнула, норовя выбросить меня из траншеи... Кислый запах тола, пороховая гарь... «Нет, гады, живой я еще! Я живой, сволочи! Не возьмете!!!» Исчезли мысли, пропал страх, осталась одна животная ненависть... Может, и убьют, но теперь один уж хрен! Снова появились из-за брони танка автоматчики во френчах, с большими накладными карманами... Почти не целясь, стреляю. Стреляю еще... Хлоп! Затвор щелкнул впустую – либо задержка, либо патроны в диске все. Выбил рукой диск, вставил запасной (все дело трех секунд). Очередь! Что ж этот танк стоит, стоит, паразит, перед самой передовой и водит пушкой?! Нет, вот он, снова лезет... Где Осейкин? Есть ли кто в траншее кроме меня? Почему молчат?

Над бруствером стриженная голова Осейкина, он стреляет, над его автоматом фон-таном летят стреляные гильзы...

– А-а, гады!!! – теперь уже кричу я, и этот крик усиливает поднявшуюся волну дикой, неумной ярости... Танк! Вот он! Он дышит смрадом выхлопных газов, горячим металлом, он дышит самой смертью... Теперь граната. Теперь только граната! «Ну, давай, гад, теперь уже все равно, теперь неизбежно кто-то должен подохнуть!»... Взрыв! Хлесткий, оглушающий взрыв... Мгновенно и инстинктивно прячу голову под обрез бруствера... Рядом ревет танковый мотор, скрежещут гусеницы. Сзади оглушительно звонкие выстрелы наших противотанковых пушек. Выглянул из-за бруствера, а танк нелепо разворачивается боком к нашей траншее, за ним на покореженной земле растягивается

перебитая гусеница... «Ага-а-а!»... Еще выстрел пушки, взрыв брызнул искрами на бортовой броне танка, тот дернулся всем своим стальным туловищем, словно зверь присел от смертельного удара, он только лишь не застонал, но выдохнул плотный клуб черного дыма.

– А, сволочь! Получил, гад!!

Танк горел. От него поперек поля полз густой, тяжелый дым, а на броне прыгали мелкие, злые языки пламени.

Тем временем вся наша траншея раскатилась неуправляемым и неуправляемым автоматным и пулеметным огнем. Автоматчики залегли, стали отползать назад, а их на открытом поле кромсал пулеметный огонь и частые, как град по железной крыше, разрывы мин и снарядов. Я, слава богу, только взялся за противотанковую гранату, но не вырвал чеки, не бросил ее. А тут к подбитому танку стал приближаться второй, он шёл и стрелял из пулемета по нашей траншее, пули взмели с бруствера землю, кто-то из наших ребят отлетел, как от удара, к противоположной стенке траншеи и сполз по ней вниз с запрокинутым лицом залитым кровью. Танковая пушка снова грозила неминуемой смертью – она качнулась, вытянулась словно хобот в сторону нашей траншеи... Еще миг!.. Не успел гад выстрелить – взрыв полыхнул огнем и дымом на его броне, сплошная грязно-синяя завеса окутала танк. Потом я увидел, что и этот танк больше не движется, его башня нескладно повернута в сторону, а пушка, та самая, что грозила смертью, тупо и обреченно устала в землю. Немецкие автоматчики откатились теперь от нашей траншеи, укрылись за бронёй подбитых танков и вели по нам автоматный и винтовочный огонь... А Осейкин жив, он стреляет, черт стриженный!

Левее нас, в стороне шоссе, творилось что-то невообразимое, там всё грохотало, все было окутано черным дымом, его космы висели в поломанных, посеченных осколками сучьях деревьев; правее нас тоже танки. Всё потонуло в дыму и пыли, только черные султаны взрывов выплескивались выше этой завесы. В поле горело уже много танков, а остальные еще грозно и упрямо двигались к низенькой посадке, которая казалась мне пустой, а сейчас она огрызалась огнем. Танки стреляли, снаряды продолжали раздирать воздух и землю. По всем правилам на этом истерзанном снарядами и минами клочке земли больше не могло быть ничего живого, но оборона каким-то необъяснимым чудом жила... Несколько танков ворвалось на нашу передовую у посадки, они пошли к станице, но спустя короткое время два танка вспыхнули коптящими факелами.

В этот момент басовитый, грозный рев заполнил небо, из дымной пелены, нависшей над станицей, на бреющем полете вырвались три наших штурмовика ИЛ-2. Они ударили по танкам и по пехоте противника из пушек и пулеметов, засеяли всё поле разрывами многочисленных мелких авиабомб. Штурмовики развернулись за дальней посадкой и снова застучали их пушки и пулеметы. Бомбовые взрывы прогремели как горох по листу железа, над полем густой черный дым... ИЛы прошли над дорогой и там тоже гремели их выстрелы. Уже трудно было разобрать, что творится на этом поле... Все чувствовали, что захлебнулась немецкая атака. Танки, продолжая стрелять из пушек, начали пятиться назад, а немецкую пехоту прижали к земле наши минометчики и пулеметы.

Еще немного и танки неуклюже и быстро покатались назад к посадке, оставив на поле догорать своих собратьев. С земли поднимались вражеские пехотинцы и автоматчики и перебежками, отстреливаясь из винтовок и автоматов, тоже начали отходить назад. В страшном, жутком азарте смертельного боя кто-то кричал:

– А-а, сволочи, выкусили, гады!!!

Автоматный и пулеметный огонь усилились от этой нестерпимой, торжествующей злобы.

– Умыли гадов, умыли!

Однако, торжествовать было рано. Пронзительный визг мин вдавил нас в землю,

загрохотали вокруг звонкие и трескучие взрывы. Немецкие минометчики долбили минами нашу траншею, прикрывали отход своей пехоты, их огонь становился просто невыносимым...

Тут я услышал чей-то пронзительный крик и увидел сумасшедшего, который вылез из траншеи на бруствер, держал в руке автомат и что-то кричал. Я не сразу узнал Попова, это он стоял под минометным огнем, а из траншеи стали подниматься люди в масках, в полосатых тельняшках, в бушлатах, в гимнастерках, в пилотках и бескозырках... Так это ж атака! Та самая атака моряков, что сметает все в своем безудержном, сумасшедшем порыве. Вперед! Теперь только вперед! Мы с Осейкиным выскочили из траншеи почти одновременно. Впереди уже Авдеев, Соловьев, Селиванов, вон и Мишка Беляков... Сквозь винтовочный и автоматный треск доносился нестройный крик атакующих, бежавших сквозь дым и пыль.

– А-а-а!!! Ур-ра-а-а! Полундра, мать иху в кость!!!

Матросы, солдаты бежали вперед. Злая, неудержимая сила несла очумевших людей, и всем было теперь наплевать на выстрелы, на взрывы, на упавших товарищей, на жизнь, на смерть!

– Полундра-а-а!

– А-а-а!

– В бога!.. В креста! Ур-ра-а-а!

Все что-то кричали, матерились и все неслись с автоматами и с винтовками наперевес, с грозящими жалами штыков. Сумасшедший крик подгонял, заглушал звук выстрелов, крики подталкивали в спину, люди перепрыгивали через упавших, через убитых и раненых... Вот они, подбитые и горящие танки врага, на их броне трижды проклятые закопченные белые кресты и еще что-то, вот первые убитые немцы и вон они, спины живых, бегущих. Те, кто убегает, торопливо оборачивается, неприцельно стреляет в орущую и преследующую их волну. Атакующие тоже изредка стреляют, огонь наш неточен, но кто-то падает, кто-то лежит на земле и отчаянно кричит, чье-то залитое кровью лицо, скорченное тело, вытаращенные глаза. По нам не стреляют немецкие минометы, поле затихло от грохота разрывов и наполнилось криком, одиночными выстрелами, короткими автоматными очередями... Подбитые танки давно позади, земля исхлестана следами танковых гусениц, изрыта воронками. Я бежал вместе со всеми и что-то отчаянно кричал, перепрыгнул через лежащего немца, а рядом в воронке еще один – этот живой, он быстро переворачивается в мою сторону, в его руках короткий черный «шмайсер»... Мне повезло: на долю секунды я опередил его, нажал на спусковой крючок автомата и короткая очередь вцепилась в лицо лежащего. На нем словно вспыхнули несколько розовых пулевых пробоин, которые мгновенно почернели от заполнившей их крови... «Это ж я его! Я ж его убил!!!»

Выстрелы, крики... Мы догоняем убежавших солдат противника, уже недалеко, уже совсем рядом спины бегущих врагов. У них больше не было выбора, они не могли теперь убежать, оставалось одно – жестокая рукопашная схватка... Сейчас сцепимся! Кто-то из наших бойцов вырвался немного вперед и достал одного бегущего штыком, ударил его яростно, зло, во всю силу. Кто-то еще стрелял, падали люди, убитые, раненые, свои, чужие... У людей не было больше разума, осталась одна ярость и еще проснулся инстинкт, древний, животный инстинкт хищника... А впереди уже свалка: выстрелы, крики, удары. Люди больше не бегут, они истребляют друг друга, бьют прикладами, колят штыками, стреляют в упор. Очумелые глаза, оскаленные зубы, красные лица, кровь! Какой-то матрос в порванной тельняшке, с окровавленным лицом отбил удар прикладом своего автомата и яростно вцепился окровавленными пальцами в горло немца, оба полетели на землю... Мгновение – и другой наш боец внезапно остановился, качнулся и повалился на спину, здоровый, рослый немец выдернул из упавшего штык-кинжал...

Слева немец с автоматом... Очередь! Немец словно захлебнулся, но он смотрит на меня внезапно побелевшими глазами, стоит на ногах и не падает... Еще короткая очередь! Автомат послушно дернулся в руках, а вражеский солдат тяжело осел на пыльную, политую кровью траву. Крики, вопли, мат, стрельба... Впереди кто-то в гимнастерке орудует штыком винтовки и падает... Прямо передо мной оказывается белобрысый высокий немец с винтовкой, он без каски, без пилотки, верхние пуговицы френча расстегнуты... Мой автомат в это мгновение направлен в сторону и опущен немного вниз, а в меня яростно, неудержимо летит нацеленный штык-кинжал. Вороненый штык направлен мне прямо в живот. Мгновение... Удар! По какой-то случайности штык немца ударил в диск моего автомата. Железо взвизгнуло под острием штыка, мой автомат и винтовка врага от удара пошли в сторону. Я ничего не успел образовать, как оглушающий удар прикладом пришелся мне по скуле и уху. В глазах брызнули искры, завертелась земля каруселью. Я упал на спину, припечатанный этим тяжелым ударом. Автомат у меня в руках, а я опоздал направить его на противника. Прямо надо мной снова занесенная винтовка со штыком, теперь он наверняка ударит мне в грудь... Все!!! Мгновение и на меня с хрипом падает тяжелое, горячее тело белобрысого немца. Некогда разбираться... Я вывернулся, сбросил с себя хрипящего вражеского солдата, быстро встал на расставленные ноги. В голове шум, во рту соленый вкус крови... Что это? Кто это меня? Тяжелый нокадаун проходит, я снова отчетливо вижу и слышу, чувствую обстановку. В голове еще пронзительная боль от удара, болят скула, ухо, на губах кровь, капельки крови на маскхалате. А бой не закончился. Сейчас никто никуда не бежит – на этом поле страшная, смертельная схватка...

Бородатый Авдеев в порванном маскхалате, автомат у него за спиной, а в руках трофейная винтовка со штыком. Он в самой гуще схватки, он неистовствовал, его удары сокрушительны, страшны, как страшен он сам. Ловкий, быстрый и злой, как рысь, в полосатой тельняшке, Ваня Подосенов с автоматом стреляет, бьет прикладом, ухитряется парировать удары. Удары, ляг металла, крики, стоны, на землю падают люди, наши и немцы, с раскроенными черепами, изрешеченные пулями, исколотые штыками...

Рукопашная схватка всегда бескомпромиссно жестока, зла и коротка... Оставшиеся немцы снова бегут... Они не выдержали! Они бегут!

– Ур-ра-а-а! Полундра-а-а!!!

Вперед! Все тяжело дышат, хрипят. Короткие секунды рукопашного боя забрали все силы, невозможно бежать быстро, для этого нет больше сил! Цепь убегающего противника сильно поредела, уцелевшие немцы бегут к посадке, они надеются, что она их укроет, из нее уже хлопают винтовочные выстрелы. Наступающих тоже осталось мало, но люди упорно и зло идут вперед широким размашистым шагом. В ответ на винтовочные выстрелы врага по посадке хлещут автоматные очереди. Все что-то нестройно кричат, и вдруг я начинаю улавливать песню – они не просто кричат, они поют... Вначале несколько хриплых, сорванных голосов подняли знакомую мелодию, ее подхватили другие, песню почти декламировали, слова песни короткими хриплыми звуками вырывались из глоток людей. А шаг стал тверже, от слов песни вырастали крылья, как от гимна:

*Вперед же, това-рищи, все по мес-там!
Послед-ний парад насту-па-ет!
Врагу не сдает-ся наш гор-дый «Варяг»,
По-щады никто не же-ла-ет!*

Педи все, и я тоже шевелил разбитыми губами. Люди шли быстрой, неотвратимо-у-прямой поступью. Идущих с этой песней уже нельзя было остановить, повернуть назад или задержать – их можно было только убить. Эту песню нельзя было петь долго, она была богиней мгновенья, с этой песней идут только на смерть и на подвиг!

*Ревет и гре-мит, и грохо-чет кругом
Гром пушек, шипенье сна-ря-а-дов.*

И снова штыки и автоматы вперед, уже рядом посадка, в которой находился враг, из которой недавно выползали их танки...

*Не думали, брат-цы, мы с вами вче-ра,
Что нынче умрем под волна-ми!..*

Идет Мишка Беляков, у него на голове черная бескозырка, его белобрысые брови нахмурены, скулы сжаты. Вот так он и ходил в атаку под Одессой и Севастополем и снова шел вперед, к своей гибели и к своей славе!.. В какую-то секунду оборвалась песня, и цепь атакующих что было силы рванулась вперед к посадке, а оттуда неожиданно длинной очередью ударил пулемет смертельной струёй пуль, а люди бежали вперед, падали, кричали:

– Ур-ра-а-а!!

До посадки оставалось метров двадцать, но страшная цена этих последних шагов, последнего рывка станет ясной уже потом, после, а сейчас люди, не задумываясь, бросали на чашу весов боевого успеха свои жизни...

В посадку полетели гранаты, град смертоносных гранат, часто захлопали взрывы, запели осколки даже над головами атакующих. Оборвался страшный треск немецкого пулемета. Вот она, окаянная!.. Кругом изломанные стволы колючей акации, посеченные осколками, изуродованные танковыми гусеницами, какие-то тряпки, белые и узкие полосы размотавшихся бинтов... Нога запуталась в поломанных сучьях, я упал, и тут же через меня перескочил кто-то из наших ребят и стал продираться дальше на другую сторону этих зарослей.

Те немцы, кому было суждено на сей раз остаться живыми, бежали из посадки, а те атакующие, кто уцелел, посадку заняли. В азарте боя кто-то бросился было преследовать противника дальше, но навстречу ударили огнем пулеметы и люди откатились назад.

Наша поредевшая цепь не смогла подняться в новую и дружную атаку – больше не было сил, нас осталось мало и мы не знали сил противника. Впереди изуродованное танками поле, за лугом метрах в трехстах еще одна посадка и оттуда длинными очередями лупят немецкие пулеметы. Бьют разрывными, звонкие, трескучие щелчки в ветках акаций, на маскхалат падает белое крошево древесины. В посадке лежат убитые вражеские солдаты, на их френчах сбитые пулями лепестки, валяются круглые гофрированные банки противогазов... Пулеметный огонь пока не принес нам урона, пули проходят выше, но приходится все время лежать, подняться в рост невозможно. Если сейчас нам не помогут наши артиллеристы и минометчики, нам не только не продвинуться дальше, но и здесь не усидеть. Похоже, это чувствуют все.

– Может, артиллеристы вдарят? – выражает робкую надежду кто-то из ребят. Говорит больше для того, чтобы кто-нибудь разделил, поддержал эту робкую надежду. Но все молчат, а артиллерия «не вдаряет». Мне кажется, что первыми по занятой нами посадке «вдарят» немцы.

На небольшой высоте над нами со звоном и свистом пронеслись два мессершмита, застучали их пулеметы над станицей, потом наступила странная тишина. Она продолжалась недолго, всего несколько минут. А потом «вдарили» по посадке немецкие минометы. Мы еще и отдышаться не успели, не смогли закончить перевязку раненых, как послышался раздирающий визг падающих мин. К этому визгу невозможно привыкнуть, сколько бы раз не пришлось человеку испытать огневой налет, всякий раз этот визг будет вжимать его в землю... Мины рванули за посадкой с некоторым перелетом, потом две взорвались перед нами, вокруг застонали осколки. Наша передовая молчала.

– Хана нам здесь! – послышался чей-то встревоженный голос. Это был не паникерский трусливый всхлип, это была просто оценка ситуации, в которой мы оказались.

Впереди нас совсем невысокий холмик, он пока нас же спасает от прямого пулеметного огня – пули идут выше. Сил для новой атаки у нас уже не было – много бойцов полегло, кончались патроны, мы лишены поддержки с нашей стороны. Каждый понимал, что нас осталось слишком мало для активных действий, если мы сунемся – нас положат на этом поле пулеметным огнем, а здесь, в посадке, нас измолотят минами, нам нечем окопаться, нас не поддерживает огнем наша артиллерия, у нас нет связи...

Взрывы мин следовали один за другим, хлесткие трескучие взрывы, стон и жужжание разлетающихся осколков. Взрывы неумолимо приближались, в посадке послышался чей-то крик. Кричал раненый человек, это был крик не просто от боли, кричала изуродованная, забрызганная кровью человеческая плоть, кричала своим последним, предсмертным криком. Взрыв! Еще взрыв... Надрывный крик раненого оборвался – добили! Неожиданно минометный огонь затих, а в небе появились юнкерсы. Неужто по нам долбанут?! Над нами шли пикировщики Ю-87. Снова они – эти хищники, только их стало больше, чем прежде, шло машин двадцать. Они выстроились в цепочку и, по заведенному правилу, с крутого виража, машина за машиной, с трубным ревом бросились вниз на окраину Плановского. Даже здесь, в нашей посадке, земля вздрогнула от взрывов, грохот прокатился над всем Кавказом, высокие черные и бурые султаны взрывов вскинулись над станицей, заслонили собой небо. Самолеты отбомбились, ушли на север, тогда за нас с еще большим ожесточением взялись минометы, они долбили, кромсали посадку, серый дым и пыль висели в воздухе. В это время послышался снова моторный гул, мне вначале показалось, что идет новая партия самолетов, но в посадке послышался тревожный крик:

– Танки! Танки справа!!!

Я еще не видел самих танков, но рёв их моторов стелился над полем.

– Приготовиться – танки! – закричал Попов.

Бог мой, опять эти проклятые танки! У нас и гранат нет, и не окопаны мы – к чему я теперь должен приготовиться?! Минометы продолжали свой страшный огонь, и теперь почти каждый взрыв мины оставлял на земле искалеченных, стонущих людей, а справа наплывал грозный рёв танковых моторов и тяжкий скрежет гусениц. Танки шли вдоль посадки, минометы переносили огонь слева направо. Тут я увидел, что справа из посадки выбежало несколько человек и, пригнувшись, они побежали по полю назад к станице. За ними показалась еще одна группа.

Посадку секли осколки мин, и не было от них никакого спасения. В сознание врезалась беспокойная, тревожная мысль о том, что мы безнадежно оторваны от наших главных сил в станице, нас забыли, оставили на произвол судьбы, наша гибель здесь неизбежна...

По посадке ударили танковые пулеметы... Бежали секунды, и с каждой из них наше положение становилось всё более безысходным...

– Давай назад!!! – крикнул кто-то рядом, и эти слова током ударили по напряженным нервам всех, кто лежал в посадке. Всем сразу стало понятно, что еще несколько секунд и будет поздно – танки безнаказанно раздавят гусеницами всех, кто еще здесь оставался. И мы побежали! Побежали назад все, кто совсем недавно с отчаянной решимостью шел сюда, сходил с немцами в тыки... Бежали, и вряд ли кто знал, сколько в посадке осталось убитых и, может быть, оставлено раненых.

Мы бежали по полю, по которому шли в победной атаке... Нас не прикрыли огнём, не поддержали резервами, не дали связи, не помогли развить наметившийся успех... Даже после этой трагедии нам не приходило в голову обвинять кого-то – всё было воспринято, как дерзкая вылазка, которая и не могла закончиться чем-нибудь иным... Такая оценка была правильной...

Сейчас мы бежали и нам стреляли в спину. Пули подымали пыль с земли, свистели рядом, рикошетили и ныли в воздухе. Впереди пологая низинка, она нас спасла от пуль, теперь мы не видели ни посадки, которую оставили, на своей передовой, куда старались уйти... Сзади шли танки врага, они вот-вот покажутся в этой низине... Скорее! Скорее! Мы выжимали из ног все, на что они еще были способны, мы бежали к окраине Плановского. Кто-то падал, кого-то волокли товарищи... С окраины станицы ударили противотанковые пушки. Наши. Наши бьют! Выстрел – шелестящий звук летящего снаряда и взрыв... На поле трупы, много убитых – и наших, и немцев... Вон они, подбитые два танка, они еще горят, горят танки и в поле, горит станица, ветер размазывает по степи ядовитую дымную гарь. Воронки, воронки, убитые наши и немцы, они валяются рядом, люта смерть примирила их... Вокруг пулеметный треск, кажется, все вокруг стреляет... Скорее, скорее! Нужно добежать до траншеи, ну хотя бы до горящих танков, там, за их броней, можно укрыться от пуль... Впереди наш боец на земле, он пытался приподняться и снова падал. Он видел меня, боялся, что пробегу мимо него, он, видно, кричал что-то, но я не слышал за треском выстрелов его голоса, я видел только раскрытый рот, сумасшедшие, молящие и готовые проклясть глаза... «Раненый! Конечно раненый», – мелькнула мысль. – «Нельзя его оставить, его здесь добьют, непременно добьют».

Я схватил раненого за ворот гимнастерки и попробовал тащить его волоком. Плохо выходит, неудобно. Гимнастерка задралась, нижняя белая рубаша вылезла у раненого из брюк, а спина у него вся в размазанной крови. Я сразу отстал от ребят и болтался на виду у контратакующих немцев. Там, похоже, за танками пошли автоматчики противника... «Сейчас мне врежут, сейчас дадут прикурить!»

– Терпи, браток! – кричу раненому.

Автомат у меня на шее, я взял за руки и втащил раненого себе на спину... Сзади ударила танковая пушка, коротко взвизгнул снаряд и впереди грохнул взрыв. Оглянулся – вон они, железные гады, ползут по полю и за ними хвосты светлой пыли. Автоматчики бегут за танками... догоняют, сволочи!

– Терпи, браток!

Бежать я не мог, я шагал мелкими, семенящими шагами... Еще немного! А раненый мужик терпеливый – не стонет даже... Еще немного! Скорее, скорее! Вот полоса дыма от горящих танков. А немцы близко. По броне горящих машин щелкают пули. Теперь нужно укрыться за броней этих горящих дьяволов... Сил больше нет... Задохнулся... Опустил раненого на землю, вот теперь он застонал, и губы у парня свело от боли... Мать честная! Немцы совсем недалеко, сквозь дым их видно – френчи, белые пряжки, каски, черные, сверкающие огнем «шмайсеры»... Как же они меня не пристукнули?! Сейчас я вам вмажу, мать вашу!.. Автомат к плечу, я стреляю длинной очередью, веером... Теперь у меня в последнем диске не более двадцати патронов – на две небольшие очереди... Где наши ребята? Поддержали бы огоньком! Посылаю еще короткую очередь, потом взваливаю раненого на спину – тот стонет...

– Терпи, браток, терпи!

Мины бьют по всему полю и по нашей передовой, а мне уже как-то все равно... Я не могу иначе, не могу бросить раненого, не могу тащить его быстрее... Успеть бы до траншеи... Сейчас! Теперь и вправду осталось немного, теперь рядом... А наши стреляют, их огонь прикрывал меня – молодцы, ребята! Вот она, наша первая траншея, я уже на ее бруствере...

– Быстрее! Прыгай! Какого хрена встал?! – кто-то кричит мне.

Кругом ничего невозможно узнать – одни воронки кругом, все искорежено, траншеи наполовину обвалились. А я не могу перешагнуть траншею или спуститься в нее вместе с раненым.

– Ты что, пули ждешь?! – снова кричит мне незнакомый молодой боец.

Мне помогли, спустился. В траншее какие-то незнакомые бойцы.

– Ребята где те, что сейчас оттуда прибежали?

– Мотай отсюда побыстрее, ваши во вторую пошли.

Снова тащу раненого, но теперь уже по траншее, а за моей спиной наша оборона, теперь я иду спокойнее. Здесь рвутся мины, здесь тоже ноют пули, но за мной уже больше не бегут, меня не преследуют.

А немцы, наверное, пошли в новую атаку, сзади бьют танковые пушки. Снова сдвоенный звук выстрела, короткий визг снаряда, взрыв! Еще взрыв... На передовой захлебываются пулеметы, автоматный треск... Раненый тихо стонет. Долго ли я его буду мучить? На дне хода сообщения лежат убитые, я перешагиваю через них, раненый цепляется за них ногами... Куда же его теперь тащить? Нужно бы санитарам сдать. Куда они все провалились? В глаза лезет соленый пот, губы кровоточат... Вот уже крайние сады станицы, вернее то, что от них осталось – искромсанные сучья, обгорелые и расщепленные стволы яблонь, битый кирпич, ломаные доски, камни, развороченная земля и всё это перемешано. Вот она, вторая траншея, она тоже разбита, завалена убитыми, наших ребят и здесь не было. Куда-же они подевались? Выбрался из траншеи, сзади ошалелая стрельба, вокруг серый, едкий дым, недалеко рвутся снаряды и мины, пахнет взрывчаткой, горелым тряпьем, на земле дымят раскиданные взрывами головешки, хрустит под ногами битое стекло. У бомбовой воронки вижу человека в маскхалате, он мне машет рукой... Да это Мишка, он даже кричит:

– Давай сюда! Сюда давай, хрен глухой!

Тороплюсь к нему и вдруг взрыв! Вместе с раненым запоздало падаю на землю. Через несколько секунд подбегает Мишка Беляков.

– Живой?

– Пока живой, – отвечаю Мишке и сам удивляюсь тому, что я пока живой.

– Ты ранен?

– Нет. А что?

– Морда в крови. Кого тащишь?

– Не знаю. С поля тащу. Помогите!

Мишка помогает тащить раненого, мы подхватываем его подмышки, стараемся приподнять повыше, почти бежим, чтобы побыстрее выйти из зоны обстрела. У раненого безжизненно мотается голова, но осмотреть его, перевязать пока невозможно. Где-то рядом оглушительно стреляет наша противотанковая пушка, горят два дома, гудит, беснуется пламя, обдаёт нас нестерпимым жаром, и взрывы... кругом взрывы.

– Чертовый переполох! Давай левее! – кричу Мишке.

Еще немного – какая-то улица, сад, деревья с поломанными сучьями. Неужто выскочили?

– Где ребята?

– Найдем. Вроде на КП батальона пошли. Куда этого-то? – Мишка кивает головой на раненого.

– Перевязать бы его для начала.

– Угу. Давай вон за тот дом.

У дома одна стена разворочена снарядом, здесь под какими-то кустами кладём осторожно раненого на траву. Лицо у него худое, глаза в потемневших впадинах, гимнастерка в крови, брюки порваны и тоже перемазаны кровью.

– А он живой? – спрашивает Мишка.

– Был живой. Кричал даже.

Боец ранен в обе ноги и, видно, небольшим осколком в бок. Одна нога изуродована так, что смотреть страшно – видно разрывной влепило или большим осколком – сплошное кровоточащее мясо. Как умели, перевязали его. Изуродованную ногу перетянули ему выше раны его же брючным ремнем. Раненый медленно открывает глаза.

– Пить, – тихо просит он.

Мишка вроде бы даже не слышит этой просьбы, воды у нас всё равно нет...

На сборном эвакуопункте, расположенном в двух домах, суетились люди в халатах. Несколько человек раненых сидели и лежали около домов. Сюда подкатывали повозки, стояла даже одна полторка с побитыми осколками зелеными бортами. Перевязанных раненых устраивали на повозках и ездвые, не задерживаясь ни на минуту, рысью катили куда-то в тыл. Все торопились, нервничали, эта нервозность передавалась и раненым...

– Давай вот сюда клади, – командовал нам какой-то усатый дядька в халате и указал рукой на землю возле дома.

– Сам ложись! Тяжелый он, не видишь что ли, хрен усатый? – ругается Мишка.

Вообще мы еще не остыли от боя, от сумасшедшей свалки и разговаривать нормально оба не можем.

– Полостной что ли? – снова спрашивает санитар.

Но нам с Мишкой еще неведомы эти термины и Мишка продолжает ругаться:

– Сам ты полостной! Куда тащить его, мать твою за ногу?!

– А ты не кричи! Сегодня много вас, крикунов! Тащи в дом.

В сенях темно, пахнет хлоркой и еще какими-то лекарствами. Дверь из хаты открывается, выходит женщина в испятнанном кровью халате. После света она плохо видит нас в темных сенях и спрашивает:

– Вы кто?

– Адмирал флота, – зло отвечает Мишка. – Принимайте раненого.

– Иванченко, почему здесь посторонние? – тоже сердится женщина.

– Не вопи! Куда раненого положить? Говорю, он тяжелый.

Женщина хотела что-то ответить, а потом, махнув рукой, указала на дверь.

– Тащите туда. Этот тоже ранен? – кивает она на меня.

– Про этого сам не знаю. Пусть посмотрят.

– Давай, тащи и его.

Мы втащили раненого в светлую комнату и сдали его двум медсестрам.

Все! Наша совесть спокойна. Но сестры взяли и меня в оборот. Помазали физиономию йодом, перевязали. У меня выбит зуб, разбиты губы, содрана кожа со щеки и огромный, в половину физиономии багровый синяк. Правый глаз начинает заплывать.

Потом, когда мы вышли на улицу, свернули по сигарке, закурили и пошли искать КП батальона. Мы нашли ребят быстро. Сзади нас, на окраине, все еще гремел бой, снаряды рвались по всей станице. Ребята расположились на траве возле каменного заборчика, что недалеко от КП батальона. Ласточкин и Попов там, на КП. Данилов лежит на охапке старого сена и смотрит в небо странно неподвижными глазами. С трудом он отходит от перенесенной контузии. Рядом с ним сидят Медвинский, Суменков, Боев.

В этом бою наша рота потеряла четверых убитыми и пять человек были ранены. Это за один только бой! Жаль ребят. В основном это были молодые, только что начавшие воевать хлопцы. У Васи Боева перевязана шея, у Хорькова перевязана правая рука. Если посчитать и тех, кто был перевязан медиками, но не покинул строя, то раненых выходило девять человек.

По моим подсчетам, за один этот еще не кончившийся день мы уже потеряли пятеро убитыми и одиннадцать человек ранеными, правда, четверо еще не покинули строя. Дорого обошлась нам эта атака! А ребята говорят, что нам еще повезло, в стрелковых ротах потери больше.

Все были еще возбуждены, все еще не отошли от пережитого.

Сашка Суменков как-то подозрительно посмотрел на меня и без тени улыбки спросил:

– Живой?

– Живой. А что?

– Лопух ты, вот что. Как же ты немца-то проворонил? Ох, и врезал бы он тебе штыком-то! Повезло тебе, парень. Самую бы малость – и будь здоров. А вывеску он тебе все-таки попортил основательно. Скажи спасибо Гришке – успел он тому фрицу очередь влепить. Кабы не Гришка – добил бы тебя немец, как пить добил.

Бельтюков сидит у забора, шурит глаза и лениво бросает:

– Ладно, чего там. А на морду наплевать – до свадьбы заживет, а в другой раз смотри: ткнет немец штыком и чирик-воробышек!

Сидевший рядом с Бельтюковым Арабов, человек лет тридцати (уже старый по нашим понятиям) заметил:

– Какие вы все умные, погляжу! Один мой знакомый еврей говорил: «Если бы я был таким умным, как моя жена потом, то я давно бы был в Совнарком». Так и вы – пошли поучать! А ты, – Арабов обратился ко мне, – все-таки парень ничего, воевать можешь и, главное, везучий. Из тебя толк выйдет, а бестолочь останется. Ничего, брат, нос не вешай!

Ребята подтрунивают незлобиво, в их голосах звучат добрые и сочувственные нотки. Я уже понимаю, что отныне я добился признания в нашем общем товарищеском братстве. Всё! Сегодня закончился «салага», меня начали признавать за равного те, кому довелось побывать во многих боях, пережить серьезные испытания. Несмотря на тяжесть сегодняшнего боя, страшную усталость, мне вдруг становится весело и хорошо в компании этих ребят, моих добрых товарищей. Я и Хорькову с готовностью простил бы недавнюю обиду и был готов первым протянуть ему руку. Все эти ребята мои самые настоящие друзья и я среди них равный. Они молодцы! Ведь только сейчас они сходились с врагом в штыки, это они завязали и выиграли рукопашный бой, они вывернулись из-под танковой атаки врага и еще не остыли, не отошли от страшного напряжения боя, у них еще трясутся пальцы, поэтому рассыпается табак, когда делают самокрутки. Они матерые волки этой войны, у них на счету не один подобный бой, и вот они признали меня за равного. Теперь, что бы дальше ни случилось, эти самые ребята скажут: «мы знаем его, мы были с ним в бою!» Я еще никогда не испытывал такого чувства!

– Иван, а где Ласточкин с Поповым? – спрашиваю я у сидящего Подосенова.

Ловлю себя на том, что в голосе у меня появились самоуверенные нотки. Подосенов на сей раз вроде и не заметил моего «нахального» тона, он просто и буднично ответил:

– На КП батальона оба пошли. Давно уж их нет, должно быть сейчас вернутся.

Старшина первой статьи Подосенов воюет с 41-го года, он себе цену знал, бойцом был опытным, дерзким, смелым. Он не зазнайка, а очень хороший и компанейский парень, но раньше на подобный салажечий вопрос, он непременно нашел бы шуточный или ироничный ответ, а тут отвечает мне так же, как ответил бы Авдееву или Суменкову.

Что ни говори, а чувство равенства это великое чувство и, подстать вину, кружит голову.

– Гриша! Бельтюков! На, закури едрена мать! Должник я твой, хоть табачком с тобой рассчитаюсь.

Я протягиваю Гришке кiset, тот улыбается, и глаза на его скуластой физиономии становятся щелочками. Предложение закурить он принимает спокойно и с достоинством:

– Давай закурим. А морду-то тебе разукрасили, как яйцо на пасху, не хуже чем Авдееву в Курпе. Тебе случаем не магнитом вlepили?

И ребята снова ржут, но теперь этот смех веселый и добродушный. Я смеюсь вместе со всеми, смеюсь сквозь разбитые губы, выбитый зуб, сквозь ноющую боль в голове, кажется, громче всех смеюсь. Страшное напряжение боя, пережитое чувство смертельной опасности требуют нервной разрядки, и этой разрядкой в какой-то мере становится заразительный смех, вызванный незлобливой шуткой Бельтюкова.

В полукилometре от нас, там, где мы только что были, не умолкает тяжелый бой. Выстрелы танковых пушек слышны отчетливо и не только там, на окраине, они гремят вос-

точнее и западнее Плановского. Это настораживает, это грозит тяжелыми последствиями, это похоже на угрозу окружения. Рано размагничиваться, бой еще не кончился!

С северной окраины везут раненых, те, кто держится на ногах, бредут сами. Один из таких раненых с перевязанной рукой, висевшей на петле из бинта, подошел к нам. На его гимнастерке, на лице засохли маленькие капли крови, распоротый и окровавленный рукав болтается. Раненый просит:

– Хлопцы, дайте закурить или «сорок» оставьте – сам свернуть не могу.

Раненым отказывать не принято. По закону солдатской чести мы обязаны сделать для раненого всё, что в наших силах, всё, что он попросит. Все понимают, что завтра любой из нас окажется в таком же положении и тогда тебе люди сделают то, что ты сам сегодня сделаешь для раненого. Этот закон на войне соблюдался свято. Важнее и неотложнее дела помощи раненому могли быть только несколько одноминутных причин: атака, отражение вражеского натиска, выполнение неотложного боевого задания.

Хуже всего раненым, когда наши части драпают, тогда много людей гибнет зазря, потому что я, например, могу тащить одного раненого, а если их много!? Кто-то из ребят сворачивает большую сигарку, старательно раскуривает её и потом суёт прямо в зубы раненому, тот блаженно затягивается дымом, вытаскивает её здоровой рукой и облегченно говорит:

– Во, спасибо! А то в голове шумит и всю руку будто в кипятке окунули, никакого сладу нет, да еще курить нечего...

– Как там? – спрашивает кто-то из ребят.

– А! – раненый досадливо машет здоровой рукой, с зажатой между пальцами сигаркой. – У них, гадов, танков – тьма, штук сорок, наверно. Всю передовую вспахали гусеницами. Над траншеей сволочь разворачивается и гусеницей весь бруствер на спину, а потом еще приутюжит. Страсть сколько народу положили, но и им, гадам, досталось... Народу не хватает, оборону держать некому, наши пушки почти все побитые... А вы-то, что не воюете, резерв что ли?

– Мы, браток, не придуриваемся – со вчерашнего дня в бою, в штыки с немцами сходились. Тебя, случаем, в той атаке не было?

Раненый шурится от табачного дыма и говорит примирительно:

– Ясно. Вы, хлопцы, не обижайтесь. Еще в себя не пришел... Спасибо за табачок, братья. Потопаю.

– Давай, парень, топай, да не рассиживайся попусту, а то попадешь в переплет.

Раненый ушел. Он надеется, что спокойно доберется до Эльхотова, а уж оттуда в тыл, в госпиталь. Он еще не чувствует нарастающую проблематичность этого дела.

После разговора с раненым веселое настроение малость поугасло, вновь пришла тревожная настороженность, да и само место, где мы расположились, не очень уютное – щелкают по ветвям деревьев, по стенам домов, по каменным оградкам шальные пули, дым ползет по земле, мины и снаряды рвутся неподалеку, да тут еще проклятые танковые пушки бьют то справа, то слева. Очень похоже, что мешок нам немцы готовят. Бой огненной подковой охватывает Плановское и ничего толком нам неизвестно о боевой обстановке. Незнание действует на нервы, угнетает. Ласточкина с Поповым все нет, а Данилов сам ничего не знает. Ему здорово не везет, правда, пули и осколки словно облетают мужика, но сколько контузий он уже перенес, а такие вещи даром не проходят. Однако, Данилов держится и роту оставлять не хочет.

Первым с КП батальона пришел Попов. Его еще не оставила лихорадка пережитого боя, он был возбужден, взвинчен. Свою командирскую фуражку политрук потерял в бою, всем показывал полевую сумку, пробитую осколком. Вообще-то он мужик смелый и решительный, ведь это он людей в контратаку поднял и за ним пошли, да и не только бойцы нашей роты, вся передовая поднялась.

– Ну как, разведка, дали вам фрицы жару?!

Попов говорит возбужденно, громко. Разведчики молчали, что тут сказать, строго говоря, конечно дали, но и мы тоже кой-кому всыпали... Спорить сейчас с политруком никому не хочется, даже Медвинский молчит, да и не любит Попов спорщиков. Как-то рассказывал нам Попов, что много у нас и танков, и артиллерии, и самолеты есть. Но главное, командование бережет свои резервы и пустит их в дело только в нужное время. Хотелось бы верить, да только как объяснить, что с резервами, с танками мы пол-России врагу отдали, из каких это стратегических соображений?

Появился Ласточкин. Командир роты злой, покрасневший, возбужденный, он был явно чем-то расстроен и озабочен. Вокруг Ласточкина собрались Попов, Суменков, Подосенов, поднялся на ноги Данилов, даже Хорьков с перевязанной рукой и тот прилепился. Ласточкину в бою досталось тоже: куртка маскхалата порвана, на щеке здоровая багровая ссадина. По какому-то поводу он ворчал, не очень зло отчитывал кого-то:

– А вы что, забодая вас комарь, на курорт сюда приехали? Хватит прохлаждаться. Как с боеприпасами?

– Хреново, товарищ лейтенант, – доложил Суменков, – патронов почти не осталось, гранат тоже, противотанковых средств никаких, перевязочных пакетов тоже нет – израсходованы.

Ласточкин секунду помолчал и подозвал Медвинского. Анатолий считался в роте мужиком хозяйственным, оборотистым и расторопным. Ласточкин поручил ему взять двоих разведчиков покрепче, раздобыть где-нибудь вещмешки, найти склад боепитания батальона и по записке комбата получить там всё необходимое для нашей группы.

– И жми, аллюр три креста! – напутствовал Ласточкин Медвинского, потом встал, отряхнул маскхалат и строго сказал:

– Не надоело груши околачивать? Всем почистить оружие! Вы что, загорать сюда пришли? Будем воевать, пока от фрицев не отобьемся. Понятно?

– Понятно.

– Вопросы есть?

– Есть. Табак, товарищ лейтенант, кончается и как там насчет пожрать, ничего нам не обломится?

Этот самый нужный вопрос осмелился задать Селиванов.

– Тебе бы только пожрать! Некогда нам обеда да ужины разводить! Слышишь, где танки бьют?

– Так с рассвета не жрамши.

– К ужину, может что и придумаем, а обед бог простит.

Насчет обеда понятно, это мы и сами чувствуем, но обещание насчет ужина Ласточкин произносит настолько неуверенно и неопределенно, что все догадались о невозможности выполнения этого обещания. Как только эта мысль в сознании оформилась, у всех появилось чувство голода, как назло! Да и то сказать, разведчики устали и были измотаны до предела – всю прошлую ночь провели в поиске, весь день – в напряженном бою, надежд на отдых и на обед практически не было.

Да и это не всё. Мы еще не знали, что на КП батальона Ласточкин брякнул некстати комбату, что должен отвести разведроту в Эльхотово, как было приказано начальником разведки. А в этот самый момент, слушая донесения командиров рот об обстановке и потерях, принимая сведения о количестве боеприпасов у артиллеристов, комбат в отчаянии хватался за голову. Комбат решительно заявил, что не разрешает разведчикам покидать передовую, а Ласточкин заявил, что он не подчинен командиру батальона. Наш командир роты попытался по телефону связаться с Натыновым, но телефонисты не смогли разыскать начальника разведки. Возмущенный до глубины души комбат обвинил Ласточкина в трусости и в попытке дезертирства. Комбат был старшим по званию, Ласточкин не решался ответить ему равнозначным оскорблением, но от этого боль обиды была сильнее.

Комбату удалось связаться с командиром бригады. Доложив обстановку, подчеркнув ее тяжесть, комбат сообщил комбригу, что в сложившейся критической ситуации разведчики, спасая собственную шкуру, пытаются оставить передовую, что в свою очередь создаст брешь в обороне батальона, и этим может легко воспользоваться противник. Комбат раздраженно говорил, что его «ложки» (т.е. бойцы – на кодированном армейском языке) уже двое суток без сна и без горячей пищи, что в его хозяйстве на счету каждый обозник, все писари и весь штаб – в обороне, а вот натыновская разведка вместе с ее командиром... В общем, комбриг потребовал к телефону Ласточкина и сказал ему, что он будет отдан под трибунал и непременно расстрелян, если рота оставит свои позиции на переднем крае!

А к этому времени мы, вместе с другими подразделениями батальона, фактически уже оставили свои позиции на переднем крае и «околачивали груши», по выражению комбата, возле его КП.

Нас не вернули в первую траншею, т.к. поступили сведения, что немецкие танки и автоматчики к этому часу обошли Плановское с флангов и стремятся выйти к дороге на Эльхотово. Южнее Плановского у какого-то переезда шел тяжелый огневой бой. На северной окраине немцы смяли оборону в районе первой траншеи и там засела уже немецкая пехота. Наступление противника с севера удалось приостановить. Командир батальона капитан Свистунов пытался наскрести хотя бы пару взводов – слишком много дыр оказалось в обороне и нечем их было закрыть. Положение осложнялось также и тем, что бронепоезд, который своим огнём поддерживал наши части в Плановском, почувствовав, что может оказаться в «мешке», медленно и незаметно оттянулся в сторону Эльхотова, что заметно ослабило огневую мощь обороняющихся. Сообщение о «коварстве» командира бронепоезда, донесения командиров рот, тяжелые потери у артиллеристов и в стрелковых частях, хоть кого выведут из «состояния душевного равновесия»...

После разговора с комбригом, не успев оправдаться перед ним, Ласточкин вначале заявил, что он этого так не оставит, что капитан Свистунов дезинформировал командира бригады. Разведчики не оставляли самовольно переднего края, сейчас они остались без боеприпасов, понесли потери, это ведь они поднялись в штыковую атаку, а комбат не поддержал атаки силами батальона и все это будет известно комбригу и кое-кому повыше. Бог весть, чем закончилась бы эта ссора, но появившийся комиссар батальона прекратил этот шум. Командиры перешли от взаимных упреков к практическим делам. Комбат написал распоряжение на свой склад боепитания о снабжении разведчиков всеми видами боеприпасов и оставил роту временно у КП в качестве своего оперативного резерва. Он обещал обеспечить роту даже питанием, чему Ласточкин не очень поверил...

Невинный вопрос Селиванова «насчет пожрать» неприятно кольнул Ласточкина. Говорили ведь ему о старшине, Ласточкин понимал, что проявил мягкотелость, а тут еще Селиванов лезет... Что греха таить, старшина умел угодить и Ласточкину, и Попову, разумеется, не обижал и себя – в обозе у него было припрятано немало добра, что могло скрасить тяжелые будни фронтовой жизни. Но сейчас Ласточкин не мог простить старшине того, что он оставил разведчиков голодными, не подумал, не проявил инициативы. Командир роты старался быть требовательным и справедливым...

Обстановка ухудшалась с каждой минутой. Мы сидели, курили, с тревогой вслушивались в нарастающий грохот боя и ждали своей очереди – не хотелось думать, но все к тому шло, что пережитый бой был не последним. Полной обстановки мы не знали, да и представить себе не могли, что танки противника проломили нашу оборону на флангах, отсекали станицу с двух сторон и старались выйти к окраине Эльхотова, чтобы окончательно замкнуть кольцо окружения, отрезать нас от штаба и тылов бригады.

Еще не зная этого, Ласточкин отозвал Попова и убеждал его в необходимости немедленно отправиться в Эльхотово, разыскать там Натынова, доложить ему обстановку во

всех подробностях, зайти в политотдел и рассказать о работе разведчиков, разыскать старшину и приказать ему немедленно обеспечить роту питанием, предупредить, что его интендантская карьера может быть навсегда перечеркнута сегодняшним днём. Попов согласился выполнить эту миссию, он понимал её важность. Потом Ласточкин обратился к Данилову:

– Данилов! Пойдешь вместе с Поповым в роту. Дотянешь?

Данилов поднял голову, посмотрел на командира роты взглядом усталого до крайности человека, к которому пристают с чепухой и ответил:

– Ни-ни-икуд-да не пойд-ду!

– Ступай, лейтенант, тебе отлежаться надо, а то вообще дело может госпиталем кончиться.

– Я с-ска-азал.

– Да, что вы, товарищ лейтенант, нужно идти, а то может быть хуже, – встрял Сашка Суменков. Он хотел Данилову добра, а тот вдруг вспылал:

– А-а т-ты не лезь!

– Зря ты этак, Данилов. Какой из тебя сейчас командир. Сейчас ты не можешь командовать людьми и второго такого боя не выдержишь. Рядовым мы с Ласточкиным тебя поставить не можем и никогда не сделаем этого. Иди и не мешай пока.

Попов говорил это спокойно, а тот продолжал заводиться.

– К-как-кого х-хрена в-вы мне в д-ду-ушу...

– Младший лейтенант, я вам приказываю: пойдете вместе с Поповым и без разговоров! Товарищ Попов, возьмите с собою одного из разведчиков, желательно легкораненого, для сопровождения. Общая задача вам понятна, с вас за все и спрос. На месте принимайте любые меры, которые сочтете нужными.

Ласточкин на сей раз был строг и официален, это подействовало – Данилов перестал спорить и с трудом поднялся на ноги. Все ребята считали Ласточкина правым – какой сейчас из Данилова командир, он на ногах еле держится. Его упрямство и раздражительность это тоже, видно, от контузий – чего-нибудь в мозгах сдвинулось. Бывает. Лейтенант Попов посмотрел на остающихся ребят и спросил:

– Боец Хорьков, что у вас с рукой?

– Да так, пулей садануло.

– Пальцы работают?

– Не очень, но шевелятся малость. Пройдет. По нынешним временам – царапина.

– Пойдете с нами.

– Есть идти с вами.

В голосе Хорькова прозвучали вроде бы недовольные нотки, весь его вид говорил о том, что он с превеликой неохотой подчиняется приказу, но он быстро поднялся на ноги и, поморщившись, повесил свой автомат на шею.

Мишка Беляков сидел на траве рядом со мной и тихо, чтобы услышал только я один, сказал:

– Так и знал, что смоется.

– Он же ранен.

– Его болезнь – мое здоровье, а смыться отсюда сейчас самое время... У меня знаешь, едрена мать, после ранения голова поворачивается только на пятнадцать градусов. В шею навывлет был ранен, шейный позвонок зацепило. В госпитале говорили – еще бы сантиметрик и будь здоров. Сейчас головой чуть покрутишь – так болит проклятая, и шея, и голова, а меня на передовую без всяких там отпусков или разговоров...

Мишка, как и я, недолюбливал Хорькова и в каждом его поступке готов был видеть притворство и злой умысел.

Попов, Данилов и Хорьков ушли. Медвинский с ребятами еще не вернулись. На душе было как-то неуютно и пакостно от нехороших предчувствий. Похоже, не будет кон-

ца этому распроклятому дню. Ласточкин ходит, нервничает чего-то, то курит, то травинку грызет, ни с кем не разговаривает. Оружие мы вычистили, а зубоскалить пропала охота.

Вскоре объявился Медвинский, Пашка Давыдов и Митька Козловский. Они притащили вещмешок с гранатами Ф-1 – «лимонками», много патронов, запасные диски и перевязочные пакеты.

– Налетай, хлопцы! Хватай, чтобы патронов у каждого было, как у дурака махорки.

Пачки с патронами тяжелые, большие, из коричневой, пропитанной парафином бумаги, да еще сверху покрытой варом. Раздерешь бумагу, а там пачки поменьше – просто переложенные бумагой патроны, штук по 25. Патронами набиваем опустевшие диски, кладем в карманы про запас – пригодятся. В общем, приготовились к нештучному бою, а тут снова крик: «Воздух!» В небе проклятые пикировщики Ю-87 и много их – штук двадцать. Идут на порядочной высоте правее станицы. Мы молча и настоженно смотрим. Поблизости у нас не было ни окопов, ни других укрытий, если они пробомбят нас, то дешево не отделаемся, брызги от нас останутся. Басовитый прерывистый гул заполнил небо. Юнкерсы стали выстраиваться в цепочку, но так, что нам стало ясно – бомбовый удар придется не по нам, а скорее всего по южной окраине Ивановского или чуть подальше. Тревожная настоженность сменилась болезненным любопытством: куда ж они вдарят?

С воем сирен, надрывным ревом моторов, со страшной скоростью в отвесном пике, юнкерсы ныряли вниз машина за машиной. Один самолет, сбросив бомбы, выходит из пикирования, второй в это время с ревом пикирует, а третий уже сваливается на крыло, закладывает вираж и входит в пике. Самолеты не сбрасывают сразу все бомбы, после пикирования они круто взмывают вверх и образуют большое кольцо. Машина за машиной, следуя друг за другом, они снова заходят на цель и пикирование повторяется. Земля дрожит от бомбовых взрывов, черное облако толовой гари и земли поднялось в небо. В том районе бушевал обвальный грохот, творилось светопреставление. Мы смотрели на этот ад и никто не благодарил бога за то, что мы остались в стороне от бомбежки – грешно благодарить судьбу за то, что она обрушила свой меч не на тебя, а на голову товарищей.

– Не зря они там бомбят, не иначе туда танки пойдут, – заключил многоопытный Суменков.

– А бронепоезд убрался вовремя – дали бы ему сейчас эти юнкерсы! – говорит Ласточкин.

Грохот бомбежки затих, юнкерсы ушли, только дым висел над местом бомбежки. Вскоре послышалась автоматная и ружейная стрельба где-то на восточной окраине. Вначале мы не придали ей особого значения, но стрельба становилась всё активнее, и это нас настожило, это был признак близкой неприятности.

В расположение нашей группы прибежал связной батальона. Молодой чернявый парень сходу закричал:

– Разведка, где ваш Ласточкин?

Ласточкин в это время сидел под яблоней. Он поднял голову, посмотрел на связного и с прохладцей в голосе (видно, не отошла еще обида на шумливого комбата) ответил:

– Ну, я Ласточкин. Что скажешь?

– Товарищ лейтенант, вам записка от комбата!

Связной не забыл козырнуть, потом достал из полевой сумки сложенный листок бумаги и передал его Ласточкину. Тот взял письмо, прочитал, сложил листок вчетверо и спрятал в нагрудный карман гимнастерки под маскхалат. Потом неторопливо сказал связному:

– Все ясно. Ступай и скажи своему комбату, что всё будет сделано – разведка трепаться не любит.

Ласточкин говорил всё это нарочито медленно, подчеркнуто безразличным тоном,

но как только связной ушел, командир роты подал нам команду совершенно иным тоном:

– В ружье!

Это самая всполошенная армейская команда, которая подается в минуту внезапной опасности. Мы похватали оружие и ждали конкретной задачи.

– Значит так, – пояснил Ласточкин, – на восточной окраине немецкие автоматчики. Этот комбат досиделся, забодай его комарь! Они теснят там два каких-то потрепанных взвода. Наша задача: совместно с теми бойцами выбить автоматчиков из станицы, восстановить положение. Комбат обещает немедленно поддержать нас всеми имеющимися у него средствами. Операцией поручено командовать мне, стрелковые взводы временно переходят в мое подчинение. Мой заместитель – Суменков. Стрельбу слышите? Так вот, – развернуться и бегом! Действовать по обстановке!

Задача понятна. Снова бой! Теперь нужно действовать быстро, так, чтобы они не успели расползтись, как тараканы, по всей станице. Они могут надеть бед! Снова будет свалка! В общей развернутой цепи мы действуем вместе с Мишкой Беляковым. Мы бежали вперед по замершим избитым улочкам Ивановского, подгонять ребят не требовалось – каждый понимал, что сейчас «промедление смерти подобно». Если промедлишь – беда: вслед за автоматчиками, едва те зацепятся за край станицы, сюда влезет пехота противника, подтянут технику, и мы окажемся в самом невыгодном положении, наша оборона может оказаться рассеченной, она рухнет.

Впереди трещат беспорядочные выстрелы, хлопают взрывы ручных гранат, в светлое небо летят розовые и зеленые искры сигнальных ракет. Нам попались первые наши бойцы, которые сдерживали просочившихся автоматчиков, один из них ранен – голова перевязана.

– Браты, прижимайтесь к правому флангу! Давай ваших командиров сюда к лейтенанту! – командует Суменков, и встретившиеся бойцы быстро перестраиваются. Все делается быстро, на ходу.

– Много их здесь? – спрашивает Подосенов у бойца с автоматом.

– Точно не знаем, но на всех хватит.

– Где они засели?

– Хрен их знает. Отовсюду лупят гады!

– Вперед! Вперед! – машет рукой Суменков.

Мы с Мишкой Беляковым только успели перемахнуть через невысокий каменный заборчик, как по нам ударила автоматная очередь. Белая пыль и крошки полетели от камня. Мы оба свалились на землю за какую-то грядку и пытаемся разобраться, откуда в нас лупанули. Перестрелка разгоралась с каждой секундой, вражеские автоматчики не жалели патронов: они стреляли из-за заборов, из окон домов, еще откуда-то... Мы с Мишкой, кажется, поторопились перепрыгнуть через этот забор, теперь нас прижали огнем к земле, а я не могу разобрать, откуда стреляют...

– Федька! Прикрой меня, прикрой! Бей по окнам! – кричит Мишка.

Впереди нас старый дом с соломенной крышей, пустые глазницы окон, распахнутая досчатая дверь. Вроде показалось, что там, внутри этого дома какая-то тень прошла. Я прицелился и ударил по окнам. Три окна и в каждое я лепил быстрые короткие очереди. Мишка вскочил, быстро подбежал к дому и швырнул в окно лимонку. Через пару секунд грохнул взрыв, дом словно тяжело вздохнул, выбросил из оконных проемов клубы пыли. В тот же миг у окна оказался Мишка, он стрелял внутрь дома и я бросился к нему на помощь. Один немец выскочил в другую дверь с противоположной стороны дома и побежал, прихрамывая, по саду. Его настигла автоматная очередь, он упал, взмахнув руками. В доме еще двое убитых.

– Мишка, возьмем их автоматы, пригодятся!

– А, пошли они!

Все-таки я один автомат взял и запихнул за пояс два прямых, как палка, магазина, набитых короткими толстыми патронами...

Немцы маскировались умело, выбирали выгодные позиции, выкурить их оказалось совсем непростым делом... А мы торопились. Кругом стрельба, треск, взрывающихся гранат.

– Вперед, мать бы их за ногу!

– Полундра!!!

Разведчики и бойцы стрелковых взводов бежали вперед от дома к дому, они стреляли, что-то кричали. В нас тоже стреляли, пули цокали по камням, шлепали в стены домов, крошили древесину...

– Ребята, сюда! Здесь они, сволочи!!!

У крайних домиков снова крики, озверелый мат, стрельба. На земле валяются люди в гимнастерках, в маскхалатах, в сине-зеленых френчах...

– Ур-ра! Мать их в господу бога!!!

Вот они, последние домики окраины. Один дом горит, а по огородам бегут человек пятнадцать немцев, они сейчас на открытом месте и по ним ведут огонь, стреляют торопливо, почти не целясь, поэтому мажут...

Всё! На восточной окраине противника больше нет. У нас тоже есть потери: один разведчик убит, другой тяжело ранен в грудь и в руку, ребята его перевязывают, он коротко, часто дышит и в горле что-то хлюпает.

Да когда же кончится этот проклятый день?! Он длится уже вечность и всё нет ему конца...

Впереди за огородом ряд молодых жиденьких тополей, за ними ровный луг с выгоревшей рыжей травой, пыльный проселок наискось пересекал этот луг. Слева углом на восток огорода, низенький каменный заборчик, от него небольшим клином заросли кустарника. Отсюда хорошо видно! За лугом, наверное, балка – в ней и скрылись убежавшие автоматчики, по краю балки кустарник, невысокие деревья, за балкой, поле и горы в голубоватой пелене. Там у гор наши, оттуда можно ждать помощи. Ласточкин решил занять оборону по краю балки, что была за лугом, но не успели мы на него выйти, как по нам ударил крупнокалиберный пулемет, брызнула от пуль земля. От неожиданности, от злобного визга пуль все побежали назад, к огороду, здесь перед ним была неглубокая канава, по её краю цепочка тополей, а за канавой небольшой бугор, заборчик, сложенный из белых камней и непролазные заросли колючей ожины*.

Мы укрылись от обстрела в канаве, правее нас залегли бойцы стрелковых взводов. Нам повезло – пули никого не задели.

– Бронетранспортер лупит из кустов напротив. Дорога там, – успел рассмотреть Соловьев.

Крупнокалиберный пулемет продолжал стрелять короткими очередями, от его разрывных пуль летела с молодых тополей кора и щепки. Здорово бьет сукин сын – головы не поднять. Спасительная канава надежно укрывает нас от пулеметного обстрела, а что делать дальше – непонятно. Откуда-то из-за домов несколькими выстрелами ударила противотанковая пушка, пулемет замолчал, наступило короткое затишье. Теперь можно немного осмотреться: правее нас сад, оттуда и стреляла наша сорокопятка, а за нами и чуть правее окапываются ПТРовцы – это вовремя, теперь живем, теперь, может, и отобьемся, если фрицы чего-нибудь еще не выдумают. Комбат все-таки молодец – сдержал своё слово и прислал подмогу. Справа от нас обороняются бойцы стрелковых взводов, с которыми мы выкуривали немецких автоматчиков. А что слева от нас – нам неизвестно, похоже, что там вообще никого нет, это вызывает тревогу. Там огорода выдаются углом вперед, да еще кустарник какой-то. Немцам, если они не дураки, легче всего зацепиться за этот кустарник и тогда, прикрываясь им и низенькими оградами, сложенными из

* Ожина – ежевика сизая.

незакрепленного камня, они снова окажутся в станице, у нас на фланге, а то и в тылу. Народу у нас осталось мало, но все равно Ласточкин наверно пошлет туда кого-нибудь.

Пока еще тихо, мы готовимся к обороне. У Курочкина трофейный пулемет МГ-15 и две алюминиевые коробки с пулеметными лентами – сейчас это вещь стоящая. Курочкин основательно устроил свой «машиненгевер» на краю канавы, у ствола тополя. Курочкин мне кажется человеком очень интересным: он скромно до застенчивости, немногословен, скрупулезно добросовестен и честен. Ему лет двадцать, воюет, по-моему, с 41-го, но говорит о себе очень мало... Пока тихо. Теперь и перекурить не грешно.

Все бы ничего, но скула болит, окаянная, и губы кровоточат, самокрутку в них держать больно, на газетной бумаге остается розовый след. Ни хрена себе смазал, паразит, попал бы по виску с такой силой и хорошо.

Подошел Селиванов, попросил закурить. Свернув сигарку, он покачал головой:

– Ну и морда у тебя! Глаз-то видит?

– Да видит еще.

– Тоже кровью залит, красный, как жопа у обезьяны. Слушай, а ты приложи к морде диск или приклад автоматный.

– Спасибо. Один уже приложил приклад.

В нашей канаве появился младший лейтенант-артиллерист, его сопровождал автоматчик.

– Разведка? – спрашивает артиллерист.

– Угу, – отвечает Ласточкин. – А ты, выходит, пушкарь?

– Так точно. Бог войны младший лейтенант Лазаренко. Как обстановочка-то? Ласточкин что-то бурчит неразборчивое, а Лазаренко говорит громко, видно, он с глушиной от стрельбы или от контузии.

– Это вы по бронетранспортеру шарахнули? – спрашивает Ласточкин.

– Мы. Ушел, гад, в балочке спрятался. Сейчас ребята огневые меняют, мы его поймем.

– Он непременно вылезет, здесь или вон там, левее.

– А что там, на левом фланге?

– Хрен его знает. Связи нет. Да и нас здесь, вместе со стрелковыми взводами, всего человек около тридцати. Сильно оборону не растянешь, тянуть не из чего. А вы давно здесь?

– Да только что. Сразу вслед за вами. Развернули пушку, пуганули фрицев, а сейчас вот уже на новом месте – боимся, минами вдарит. У меня здесь две сорокапятки, а две еще утром накрылись там, на северной окраине.

– А там что?

– А там тихо пока, все силы, похоже, сюда немцы бросили. Вот фланг и укрепили, а в случае чего снимемся – дело недолгое.

– Может, с Эльхотова что подбросят, – высказал предположение Ласточкин. Лазаренко удивленно смотрит на нашего командира роты.

– Да ты что, лейтенант! На южной окраине уже немцы и с Эльхотовом связи никакой. Похоже, там, в Эльхотове, сами еле держатся, так что помощь утопающим – дело рук самих утопающих!

– Ты бы с паникой-то потише, младший лейтенант, а то знаешь за такие разговорчики что бывает!

– Вот чудак! Что ты мне грозишь, когда полчаса назад комбат об этом сказал. Уже раненых с южной окраины в центр станицы тащат, обозы оттуда оттянули. Связи с миром никакой, боеприпасы только те, что при себе. У меня есть еще выстрелов пятнадцать на обе пушки и я считаю, что это очень даже хорошо!

– Ни хрена себе уха! Утешил. Значит, жди приключений.

Ласточкина, видимо, обескуражило это сообщение. Он не хотел этому верить.

– Не может такого быть. Мне бы комбат сказал.

– Да иди сам посмотри. Здесь до передовой, что на южной окраине, километра полтора не больше. И за Тереком уже немцы, мы туда стреляли. Так, что в колечке мы! А ты как думал? Эти фрицы не такие уж дураки – у них в лоб не получилось, они взяли да и обошли... Обойти-то нас нетрудно: там, в степи, у нас и обороны-то не было, так – полтора Ивана на километр фронта, их и смяли за милую душу. Ладно, посмотрим! Артиллерист докурил самокрутку и пошел к своим пушкам.

Слух о том, что мы в окружении распространился мгновенно. Это известие не породило паники, но тяжелым грузом легло на сердце – каждый ясно представлял, что с течением времени кольцо окружения будет становиться прочнее, а наши силы и боеприпасы будут убывать. С минуты на минуту следует теперь ждать активных действий противника. Теперь без отчаянной драки, без боя на прорыв из окружения, нам никак не обойтись. Тяжело думать о том, что с каждой минутой увеличивается количество раненых, которых некуда отсюда эвакуировать и негде укрыть. Теперь становится отчетливо слышно, что бой гремит со всех сторон, очевидно, немцы все чаще и настойчивее атакуют нашу оборону, прощупывали ее прочность...

Относительному затишью на нашем участке положил конец нудный и пронзительный свист мины. Хлесткий трескучий разрыв полыхнул впереди нас. Вторая разорвалась сзади у домов станицы, а потом захлопотало так, что головы не поднять. Огонь минометов еще не утих, когда из кустов, что были по краю балки, показался бронетранспортер и снова ударил из крупнокалиберного пулемета.

– К бою! Патроны беречь! Стрелять только по команде! – кричал Ласточкин. Мы вжимались в землю, пули и осколки мин не давали поднять головы. До хрена мин и патронов у этих фрицев – вся Европа на них работает! В ушах все звенело, на спины падали комочки земли. Хорошо, что бог послал нам эту канаву... Взрыв! Еще взрыв!.. Наша передовая молчит, пока не подает своего голоса...

Минометы перенесли огонь вглубь нашей обороны, зато чаще затрещали автоматы, а на дорогу, ревя моторами, из балки выкатились два бронетранспортера, они лезли на нас по кочковатому лугу и били из пулеметов. За ними высыпали немецкие автоматчики, их было много, они шли вперед густой цепью. В воздухе пели срикошетившие пули, били перед нами по земле. Сквозь пулеметный и автоматный треск было слышно, что немцы что-то кричат, подбадривая себя этим криком. Я невольно оглянулся назад – а мы в этой канаве, как в мышеловке, сзади колючие непролазные заросли и открытые огороды, возможности маневра – никакой.

Все равно! Теперь началось! В первые секунды, признаться, сердце сжималось – наступающих было много, гораздо больше, чем нас, да еще два бронетранспортера, которые буквально задавили нас огнём. Потом все мысли исчезли, остались одни напряженные до крайности нервы и мышцы, которые действовали сами по себе, подсознательно.

Еще нет команды стрелять, но уже все приготовились, лица у ребят бледные, напряженные... Немцы бегут трусцой, не очень быстро, но не отстают от бронетранспортеров. Среди автоматчиков, видимо, офицер в фуражке, он размахивает пистолетом, подгоняет солдат. Прицелиться невозможно из-за плотного огня пулеметов противника. А они все ближе... У кого-то из ребят не выдержали нервы: Ласточкин еще не успел подать команду, а из нашей канавы треснула звонкая скороговорка автомата и сразу началось. Будто холст разорвали – раскатилась сумасшедшая трескотня автоматов. Курочкин ударил из своего трофейного пулемета, сзади захопала оглушительно и звонко выстрелы противотанковых ружей. Оба транспортера вдруг остановились и стреляли с места. Курочкин стрелял из своего трофейного пулемета, но плотный огонь врага заставлял его то и дело прятать голову за обрез канавы.

Справа от нас хлопнул выстрел сорокапятки, среди наступающих взметнулось облачко серого дыма, еще выстрел и второй снаряд ударил в бронетранспортер. Машина вздрогнула от удара, несколько раз беспомощно дернулась и задымила.

– Ага! Влепили гаду, влепили!

Я кричал так, будто это мне удалось поджечь боевую машину противника. Неожиданно из станицы ударили наши минометы, мины взорвались на краю балки, а вторая серия – среди наступающих. Уцелевший бронетранспортер выпустил густой моторный дым и, не прекращая вести пулеметный огонь, стал отползать назад. Один бронетранспортер со скошенными стальными бортами, на которых в белом обводе намалёван черный крест, горел. Тяжелый черный дым стекал по его бортам и стелился по рыжей траве, по кочкам, цеплялся за тела убитых немецких солдат. Вслед за бронетранспортером попятнулись автоматчики, они пятились и стреляли из автоматов, а в них длинными очередями, беспрестанно стрелял из пулемета Курочкин. А у немцев хорошие пулеметы – Курочкин стреляет и ни одной задержки!

Уцелевшие автоматчики откатились в балку. Стрельба замолкла. Впереди ничего живого, только дымит бронетранспортер, а машина большая, тяжелая, на гусеничном ходу, с развороченным снарядами бортом.

– Ух, гады! – тяжело вздыхает Курочкин и устало сползает на дно нашей канавы.

Тихо. словно не было боя. Только на лугу среди рыжих кочек дымит транспортер, несколько человек убитых в сине-зеленых мундирах. Разведчики сидят на дне канавы, привалившись к её склону и курят. Табак кончается – все крутят тонкие сигарки, в которых табак, перемешан с крошками хлеба.

Интересно, сколько сейчас время? Белесая дымка на небе превратилась в ровную серую пелену, солнца не видно, часов нет...

– Соловьев, сколько время на твоих серебряных?

Соловьев устало лезет в карман гимнастерки, достаёт трофейные карманные часы и, щелкнув крышкой, говорит:

– Четыре уже.

– Этому дню не будет конца.

Бой гремит на южной окраине, а у нас тихо. Никто почему-то не вспоминает, что туда, в сторону Эльхотова, ушли Попов, Данилов и Хорьков. Интересно, успели они выбраться или нет? Наверное, успели, иначе вернулись бы... Примерно через полчаса после первой, немцы поднялись во вторую атаку. Они цепью вылезли на луг перед нами, стреляли из «шмайсеров», что-то кричали и довольно резво бежали прямо на нас. Курочкин поправил пулеметную ленту. Все ждали, когда противник окажется на расстоянии верного выстрела. Немцы шли как-то неожиданно для нас, без предварительной артподготовки, без сопровождения бронетранспортеров. Ребята приготовили гранаты. Что там ни говори, а немецкие солдаты воевать умеют, это были упорные, смелые, привыкшие к победам солдаты. Они, конечно, знали, что мы окружены и, видимо, их бесило то, что окруженные Иваны вместо того, чтобы поднимать руки, оказывают сопротивление... Подобное упорство должно быть обязательно сломлено и жестоко наказано... Ну что ж, посмотрим, мы люди не гордые. Наша передовая словно взорвалась автоматными очередями, вперед полетели, запрыгали по земле черные грозные лимонки, взрывы польхнули колючими искрами перед неприятельской цепью. Пулемет Курочкина не умолкал, с ним рядом Митька Козловский помогает стрелять, смотрит, чтобы не перекосило ленту. Рыжий от выгоревшей травы луг испятнали сине-зеленые кочки. Истошные крики наступающих оборвались, они словно захлебнулись, не выдержав огня, откровенно побежали назад. Бежали, падали, пытались подняться и снова валились на землю. Часть уцелевших солдат вдруг повернули к кустарнику, что клином вдавался в луг перед нами. Это был опасный для нас маневр, мы боялись, что противник обойдет нас с фланга.

– Отсекай, отсекай их огнем! – кричал Ласточкин, но не все, видимо, поняли его команду... Однако тут произошло нечто неожиданное для нас и для противника. Когда немецкие автоматчики были уже метрах в тридцати от кустарника, по ним из этих кустов ударил огнем ручной пулемет. Он бил по врагу почти в упор. Вражеские солдаты пада-

ли, многие залегли, несколько человек повернули к балке, они попали под кинжальный огонь двух пулеметов, им добавили из автоматов – противник откатился в балку с очень чувствительными потерями. Перестрелка смолкла.

– Ну, дали прикурить, выучили гадов! – злорадствовал Подосенов.

Толстогубый, кажущийся неповоротливым, Селиванов осторожно приподнял голову над краем канавы, осмотрел луг и произнес всем знакомую фразу:

– А ну, кто еще хочет в Питер?!

Помолчал и спокойно добавил:

– Закурить теперь не грех.

С куревом у нас плохо, решили курить одну сигарку на двоих. Ребята сидели в канаве, за исключением двух или трех человек, которые вели наблюдение, остальные торпливо пополняли патронами опустевшие диски – нельзя было терять времени, мы ожидали новых атак.

– Патроны попусту не жечь, стрелять только прицельно, – говорил Ласточкин.

Мы это и сами понимали. Рядом со мной на дне канавы лежал немецкий автомат с двумя запасными магазинами, который я притащил сюда. Как это я про него забыл? Теперь пригодится. Прошло немного времени и где-то слева по балке захлопали выстрелы минометов, в воздухе раздирающе завизжали мины. Огневой налетом немцы измолачивали наш передний край. Горячие, оглушительные взрывы следовали один за другим. Одна мина рванула в правом конце нашей канавы. Оглушительный, хлесткий взрыв и злобный короткий взвизг осколков. Этими осколками были убиты трое бойцов из стрелкового взвода, убит один разведчик и тяжело ранен другой.

– Суменков! Суменков! Проследи, чтобы раненых перевязали, – кричал сорвавшимся голосом Ласточкин.

Нас молотили минами долго, минут пятнадцать, потом мины стали рваться в кустах слева от нас, откуда стрелял пулемет. «Сейчас снова ползут, сейчас пойдут!» Мелькнула мысль. «Это что ж, уже третья атака – ни хрена себе!» Мы берегли патроны, и наше молчание подбодрило противника. Правда, они изменили направление атаки. Большая группа автоматчиков разом выскочила из балки и они побежали не в нашем направлении, а пошли прямо на кустарник.

– Огонь! Огонь! Отсекай их от кустов! – снова кричал командир роты.

Нам был виден левый фланг атакующих и мы открыли по нему огонь. Курочкин очередь за очередью лепил из своего пулемета. Пулеметная лента подпрыгивала, бежала из коробки, будто живая, и выползала с другой стороны приемника пулемета, как линия змеиная шкура. Наш пулеметный огонь и наши автоматы достигали цели: атакующие падали, немцы быстрее побежали к спасительному для них кустарнику, который смог бы укрыть их от нашего прицельного огня. Им оставалось пробежать немного, как вдруг на самом краю зарослей низкорослого кустарника встал на ноги человек в тельняшке. Я его видел, видел отлично. Широко расставив ноги, он стоял в полный рост и держал в руках ручной пулемет Дегтярева с растопыренными сошниками. Матрос в упор, веером стрелял по наступающим. Атакующие словно ударились о невидимую стену – одни падали, скошенные огнём, другие стреляли в матроса, третьи побежали назад к балке. Казалось, что пули облетали этого сумасшедшего, он стоял и стрелял, в его руках бился от выстрелов пулемет с тяжелым круглым, словно тарелка, диском. Огонь матроса был точен и губителен, он подавил атаку. Потом, когда луг опустел, матрос исчез в кустах, его больше не было видно. Может быть, он был ранен или убит, может, у него кончились в диске патроны.

– Курочкин, Курочкин, прикрой его, огнем прикрой! – кричал Ласточкин, хотя сам видел, что и Курочкин, и остальные разведчики делали все, чтобы помочь тому матросу.

Немцы откатились в балку в третий раз. Через короткое время в балке послышался рёв мотора и на дороге показался бронетранспортер, теперь он стрелял из пулемета по

терновнику, где был матрос и по нашей обороне. Над головой пели, визжали пули, от разрывных пуль вдруг надломился тонкий ствол одного тополя и лег на луг, распластав на рыжей траве свои серебряные листья. Чуть сзади нас захлопали выстрелы противотанковых ружей, их выстрелы были оглушительны и часты, ревуший мотор бронетранспортера вдруг смолк, и машина бесшумно исчезла в балке: похоже, подбили его и он скатился под горку уже без мотора. А первый транспортер догорал чадным пламенем на лугу. Вслед за бронетранспортером на сей раз автоматчики почему-то не появились. Стрельба снова затихла. Все наши ребята в пороховой копоти. Чтобы не маячить белыми бинтами я натянул на голову капюшон маскхалата. А глаз действительно у меня запыл, и видеть стал плохо, к тому же, глаз-то правый. Ладно, жаловаться здесь все равно некому. Затишье у нас продолжалось не более пятнадцати минут, и в воздухе снова истошный визг мин. Минометы противника измолачивали терновник и нашу передовую. Нас спасала канава, но там, где был матрос, кажется, не могло остаться ничего живого. Невольно я представлял себе искалеченного, беспомощного человека или его изуродованный труп. Откуда там взялся этот матрос? Когда успел выбрать себе огневую позицию на наиболее опасном направлении?

После огневого налета немцы поднялись в четвертую атаку.

– Стреляй, стреляй! Не давай им подойти к кустам! Рота, огонь!!! – снова кричал Ласточкин.

Ребята стреляли, а по нам тоже вел огонь немецкий пулемет и мы не видели его, а огонь был плотным, прицельным и еще один наш парень сполз на дно канавы с окровавленной головой. Немецкие автоматчики решили одним рывком зацепиться за терновый кустарник. Они бежали вперед быстро и стреляли набегу, пулями окатывали несчастный кустарник.

Снова произошло невероятное! Он, тот самый матрос, встал на ноги! Он шатался, стоял наклонившись вперед, он был явно ранен, но ливень пуль его пулемета погасил и эту атаку. Конечно, ему значительно помогал и наш огонь, особенно пулемет Курочкина... Но мы были свидетелями не просто подвига, это было чудо, матрос был апофеозом мужества, казалось, что сама смерть страшилась его.

– Почему встаёт?! Его мала-мала сапсем убьют! – кричал Бергалеев. Он кусал от бешенства губы, потом встал в полный рост и тоже ударил по флангу немцев длинной очередью из своего автомата. Фашисты не попятились, они побежали от этого «черного дьявола», а тот бил из пулемета в их сине-зеленые спины... Потом матрос покачнулся и упал...

– Все, конец мужику... – в отчаянии проговорил Митька Козловский.

Стрельба снова затихла. Только бил по нашей канаве немецкий пулемет. В левую руку легко был ранен Ласточкин, его кто-то перевязывал на дне канавы, он морщился от боли и зло кричал:

– Суменков! Бери двоих ребят покрепче и бегом к тому матросу! Мертвого, но вытащи, забодай его комарь! Продержитесь там, хоть немного продержитесь!

С края канавы от пулеметного огня летела сухая земля, с упавшего тополя пулями сшибало листья.

– Авдеев! Бегом к пушкарям! Какого хрена они молчат?! Пусть по кустам на краю балки врежут!

Суменков взял с собой Соловьева и меня. Канава наша была неглубокой, поэтому пришлось ползти, потом и канава кончилась у неширокой улочки, от которой шла проселочная дорога через злосчастный луг. На другой стороне низенькая каменная ограда из плитняка. Улочку нужно перебежать, перепрыгнуть через забор и все это под прицелом вражеского пулемета.

– Ну, теперь чтоб за две секунды эту улочку перемахнуть – и за ограду. Только по моей команде, – говорит Суменков.

Он дождался, когда пулемет затих и командовал: «Вперед!» Всех словно пружиной подбросило. Секунды четыре и мы все уже за изгородью. На пятой секунде пулемет ударил вдоль улочки, брызнула пыль с дороги и белая крошка от камня. Опоздал сукин сын, на секунду опоздал! А мы успели, мы ушли. Однако, встать на ноги нельзя, вслед за Суменковым ползем по-пластунски к саду, в саду пошли короткими перебежками к разрушенному дому, за домом заросший чертополохом огород, каменный забор и начало тех терновых кустов, в конце которых находился тот матрос. Левее, по краю огородов, я заметил окопы. Там, похоже, и есть наш левый сосед, и ребята свой солдатский хлеб не задаром ели – боялись немцы огня этого левого соседа. Стык в обороне между нами и левым соседом, с которым у нас и связи не было, похоже, оборонял один этот матрос; если это так, то он действительно герой и совершил сейчас подвиг, который оценить трудно...

Немецких солдат тем временем снова погнали в атаку. Опять взрывы мин, тяжелое гуденье и визг осколков, нестройный треск автоматов... И что они, гады, к нам привязались?! По-моему, это уже пятая атака. И среди ихних командиров лопухов немало – их бьют, а они лезут! Искать ответ на эти вопросы уже не было времени. Приподнял голову, посмотрел вперед, а то место, где был матрос-пулеметчик затянуто дымом от разрывов мин...

– Вперед... Вперед! – уже не говорил, а хрипел Суменков.

Мы продирались по кустарнику, а впереди крики, беспорядочная стрельба, сплошные хлопки выстрелов. Теперь нам отлично видно атакующих. Это была группа автоматчиков человек в тридцать. С нашей передовой ударили автоматы и пулемет Курочкина...

– Бей! Стреляй по ним! – прохрипел Суменков и первым закатил звонкую очередь, следом ударили и мы двое. Три автомата – это сила, это не шутки! Соседи слева тоже открыли огонь, и вместе с винтовочными выстрелами грозно застучал станковый пулемет.

И в это время оттуда, с самого края измолоченных минами и пулями кустов, словно призрак неожиданно показался бессмертный матрос. Только теперь он, видно, не мог больше стоять на ногах, он стрелял с колена, но стрелял! Он был без своей бескозырки, но уверенно держал пулемет, и сокрушительная струя пуль опять ударила в наступающих. Огонь был точен, губителен... Фашисты остановились, попятились, а потом бросились бежать в балку, и не только пули погнали их в балку – нам тоже казался этот матрос призраком и бессмертным, как все призраки.

– Ну, дает! Ну, дает! – восхищался скупой на слова Соловьев.

Пулемет матроса внезапно замолк, он выпустил его из рук и ткнулся головой в пыльную, избитую сталью и пулями землю.

По вражеским солдатам стрелял из своего «машиненгевера» Курочкин, стрелять парень умел и приспособился быстро к трофейному оружию. Без умолку, осатанело трещали наши автоматы. Из садов со звоном ударили противотанковые пушки и несколько взрывов дымными клубками рванули в кустах по краю балки.

Мы торопились, бежали по краю кустарника, нам оставалось совсем немного. Отсюда хорошо просматривался кочковатый луг, дымящийся бронетранспортер, а на лугу было много, очень много лежащих немецких солдат. Честно говоря, мне и в дальнейшем не часто приходилось видеть подобную картину.

– Не иначе как пьяными лезли, гады, – предположил Суменков.

Похоже. Очень похоже...

Впереди избитая минами пыльная земля, срезанный пулями и осколками кустарник – просто торчащие из земли корявые, с ободранной корой, обрубленные палки. Среди этого содома, где на каждом квадратном метре смерть оставила свои страшные следы, был виден мелкий окоп и там лицом вниз лежал тот, кому мы были обязаны успехом в отражении настойчивых атак противника. Матрос скорее всего не копал этого окопа,

а просто нашел его случайно и приспособил для себя. Вокруг полно медных стреляных гильз, валялись покалеченные осколками и пулями пустые пулеметные диски. Рядом с окопом ручной пулемет Дегтярева и распоротая осколком бескозырка. Соловьев снял с пулемета диск, а в нем ни единого патрона – всё расстрелял матрос и только тогда оставили его силы.

По кустарнику, где мы находились, шелкали пули, откуда-то стрелял пулемет, но в бою наступил короткий переломный миг, когда чаша успеха качнулась в нашу сторону. Здесь, на нашем участке, немцы понесли тяжелые потери, они были деморализованы, подавлены неудачами своих атак, а танков и крупных артиллерийских средств у них, видимо, не было – попытка взять нас нахрапом не удалась.

В это время на нашей передовой послышался нестройный крик:

– А-а-а! Ур-р-ра-а! Полундра-а-а!!!

Наши ребята, бойцы, что были правее нас по фронту, поднялись в контратаку. Над лугом раскатывался протяжный вопль и ошалелый автоматный треск. В контратаку поднялись наши соседи слева. Захлопали немецкие минометы, мины разорвались на огородах, далеко за спинами наступающих. Поздно! Поздно хватились, господа! Сейчас наши ребята уцепятся за кустарник на краю балки и тогда эта балка станет уже нашей союзницей – она не укроет за своим склоном фашистов. Там, возле кустов стрельба и взрывы гранат.

– Не зевай! Бери его под руки и назад, за забор, краем кустарника!

Суменков торопит, подгоняет.

– Братцы, кажись он того, готов, – высказал предположение Соловьев.

– Тащи, мать твою за ногу! – прикрикнул Сашка.

Мы потащили матроса по краю кустарника к каменной ограде, чтобы укрыться за ней от обстрела и перевязать раненого, если тот еще дышит. Суменков нес на плече пулемет и бушлат матроса, мы с Соловьевым тащили подмышки бесчувственное тело моряка. Голова матроса безвольно моталась из стороны в сторону, волосы слиплись от крови, в крови шея и руки, ноги волочатся по земле. Мы торопимся, откуда-то все стреляет немецкий пулемет. На лугу, где догорал бронетранспортер, и на окраине станицы рвутся немецкие мины. Наконец, вот он – невысокий каменный забор, нам он казался спасением. Только собрались перелезть его, как на той стороне, на огороде, вранули две немецкие мины – вот теперь и гадай – с какой стороны забора укрытие. Матроса положили на землю возле забора. Только теперь я мог немного рассмотреть его – тельняшка на нём порвана, пропитана кровью. Смотреть на этого человека даже нам, успевшим повидать разное, было просто страшно: по его темени прошла пуля или осколок, все волосы в крови, левая бровь рассечена, половина носа отбита, вместо губ висели кровавые клочья и оскалены розовые от крови зубы. Матрос ранен в плечо, в грудь, у него прострелена нога... Соловьев обматывает бинтом голову, раны кровоточат – значит еще живой... Ну и силушка, ну и упрямство у мужика!

– У кого есть пакеты? Давай! – требует Суменков, а у матроса ран больше, чем у нас пакетов. Не торгуясь и не задумываясь, все что было, израсходовали на раненого...

А на краю балки не смолкает автоматная и ружейная перестрелка, гулко стучит пулемет, хлопают ручные гранаты – там, судя по всему, завязалось жаркое дело. От нашей канавы, где мы держали оборону, через весь луг к балке бегут ПТРовцы, по двое тащат свои длинные ружья.

– Вот, что, Федор, тащи матроса и сдай санитарам. Сам возвращайся на край балки. Там нас ищи. Понял?

– Понял.

Вместе-то, конечно, лучше, но Суменков прав: зачем таскать троим одного раненого. Обстановка изменилась, нужно принимать новые решения...

Тяжел же этот «черный дьявол», килограмм восемьдесят не меньше. С трудом взвалил его на плечи, матрос тихо застонал, значит все-таки живой!

Проклятущее место – на лугу рвутся мины, осколки гудят шмелями, коротко, зло посвистывают пули. Может, немцы по мне стреляют? Да хрен с ними – будь что будет!

Иду во весь рост, тащу раненого, сзади не утихает бой. Я подгонял себя, старался шагать быстрее. На войне у каждого солдата существовало странное убеждение, что как бы тяжело не был человек ранен, достаточно только передать его побыстрее живым в руки медиков, и они спасут его, непременно спасут. Я шел к улочке, которую мы перебежали под пулеметным огнем. Эвакопункт для раненых, в котором я сегодня уже побывал, слишком близко находился к северной окраине и непременно теперь сменил место своего расположения. Придется искать – ничего не поделаешь. Я шагал вдоль огорода за разбитым домом и не сразу сообразил, что услышал обращенный ко мне явно женский голос:

– Эй, боец! Тебе что, малохолный, жить надоело?!

Буквально в нескольких шагах от меня, за полуразрушенной оградой – девчонка-санструктор в пилотке и гимнастерке, с нескладной сумкой, из-под пилотки выбивались густые темно-русые волосы. Гимнастерка у нее в пыли, лицо чумазое. Перед ней раненый, она перевязывает ему плечо. Контузило что-ли меня так, что голова перестала соображать. Я даже не понял, что ей от меня нужно и задал самый непутёвый вопрос:

– Ты что, ранена?

– Ложись, дуrolом, подстрелят тебя сейчас.

– Так видишь, я раненого несу. Слушай, где эвакопункт?

– Тащи его сюда...

Девчонка не успела сказать еще чего-то, в воздухе раздался нарастающий визг мины и грохнул взрыв. Вместе с раненым я свалился на землю рядом с оградой. Еще вой и взрыв! Мин пять взорвалось на проклятом лугу. Девушка осмотрела раненого матроса, наложила жгут на ногу, перевязала грудь и лицо, чувствуя себя хозяйкой положения, спросила:

– Кто перевязывал?

– А что?

– Бинтов много, а толку мало. Кто вас учил?

– А нас никто не учил. Нас стрелять учили.

– Оно и видно. А ты что, тоже ранен?

– Да нет. Это так, грехи молодости.

– Понятно. Слушай-ка, мне с двоими ранеными не справиться. Помоги дотащить матроса. Здесь недалеко санитарная повозка.

Я снова взвалил на спину моряка, девушка помогла подняться другому раненому, тот пошагал рядом с ней. Повозка действительно оказалась недалеко, около нее суетился ездовой, рядом копалась в сумке другая девушка.

– Куда его? – спросил я у своей спутницы.

– Клади на повозку. Галя, помоги ему. Поосторожнее, он тяжелый.

Матрос не приходил в сознание.

– Кто он? – спросила девушка, с которой я пришел сюда.

– Матрос и герой. Парень что надо.

– Это я сама догадалась. Фамилия его? Из какой части?

– Вот этого не знаю. Воевали рядом, а вот этого не знаю.

– Бывает. Ладно, жми, дорогой, к своим. И на том спасибо.

– Может, помочь?

– Управимся. Ты своим ребятам помогай.

– Жить-то он будет?

– Это от бога и от хирурга теперь зависит. В тыл их надо побыстрее. Ты сам-то из какой части?

– Из разведроты.

- Не знаешь, долго здесь сидеть будем?
- Думаю, что недолго. Слушайте, милые, там у нас в канаве тоже раненные были.
- В какой еще канаве?
- Да вон по краю луга.
- Уже вытащили ваших раненных, – ответила вторая девушка.
- Ладно, держитесь, милые. Как зовут-то вас? – для чего-то спросил я русоволосую. Та посмотрела на меня, даже не улыбнулась и спокойно ответила:
- А на что тебе? Ты давай, топай к своим. Потом познакомимся.

Вот так всегда. Некоторым ребятам познакомиться с девушкой – это самое простое дело, а у меня даже здесь проблемы. Надо же, имени и того не сказала. Я передал ездovому бушлат матроса, пулемет его так и остался в том месте, где мы перевязывали раненого, да и шут с ним! Патронов-то в нем всё равно нет. Вроде моя миссия закончена, пора возвращаться опять на войну и как можно быстрее.

Там, где открытый луг, я бежал бегом мимо убитых немецких солдат, наверное, здесь были и раненные, но в этой каше было не до них, а потом, что с ними делать? Куда их девать? Мы сами в окружении и впереди у нас только бой, жестокий бой на прорыв... Добежал! Вот они, кусты по самому краю балки...

– Ложись! – кто-то крикнул мне, и я рыбкой полетел в зеленые заросли. В ту же секунду над головой ударили пули по сучьям, смачно шлепнули в землю. В стороне противника ничего не видно, откуда стреляет – не понять. Патронов в диске оставалось мало-вато, в кармане еще есть малость, но дозаряжать диск под таким огнем невозможно...

– Хлопцы! Обходят нас, ей-бо обходят! Давай назад! – кто-то говорит хрипло и громко.

Сразу что-то сжалось в груди.

– Я тебе в господу бога мать сейчас обойду! Еще пикнешь – пристрелю как собаку! – грозит кому-то Суменков.

Конечно, паника в бою это страшное дело, поддаваться ей смертельно опасно. Все понятно, а все равно от этого крика неуютно на душе: а что если он и не очень паникер, но увидел такое, чего мы пока не видим. Здесь в кустарнике немецкие окопы, они мелкие и повернуты бруствером не в ту сторону. У ребят появились саперные лопаты, многие копают. Я тоже взялся за дело. Окапываться приходится лежа, а это трудно, неудобно, да еще и земля здесь – сплошные корни!

... Сколько прошло времени? Неужто это все тянется один бесконечный день?! Неужто останутся люди, которым суждено его пережить? Кажется, уже не осталось сил для того, чтобы отражать атаки, атаковать. Неужто немцы чувствуют себя лучше? Не может того быть! В последней атаке они еле шли, их напоили шнапсом, им офицер грозил пистолетом, а их турнул назад матрос, который сам едва держался на ногах... Да, воевали конечно все, но подвиг совершил только один этот матрос. В бою должны быть трезвый расчет и отвага – в этом залог успеха, но если ко всему добавить боевой азарт, вдохновение и самоотверженность – рождается подвиг.

Минометный обстрел оборвался, на нашей передовой слышны только отдельные винтовочные выстрелы. Видно, опять гады что-то готовят. Полуоглохшие, мы не сразу расслышали давящий гул авиамоторов. Осторожно кручу головой, чтобы понять, откуда и куда идет беда. В небе появились двухмоторные бомбардировщики Ю-88, их было не меньше двадцати машин. Ну, сейчас дадут прикурить! Это уж точно дадут. По нам вряд ли ударят, побоятся своих задеть. Самолеты идут над станицей, и сквозь звенящую глухоту в ушах долетел многоголосый вой падающих бомб. Бомбовый удар был нанесен по самой станице. Снова задрожала земля, густой серый дым, бурая пыль тучей поднялись в небо. Грохот разрывов сотрясал землю минут пять. Отбомбившись, самолеты ушли в сторону Терека. В станице появились пожары, дым серой тучей висел над станицей, ветром его размазывало по всему небу. Правее нас, на южной окраине, разгорелся

бой, там неистовал минометный и артиллерийский огонь, не умолкали пулеметы, слышались выстрелы танковых пушек.

Мы не знали общей обстановки, у нас была своя конкретная задача: вначале мы вышибли из станицы просочившихся автоматчиков противника, нам удалось улучшить свои позиции, отбить несколько контратак, мы контролировали не очень широкую, похожую на старое русло речки, балку. Мишка мне сообщил, будто бы Ласточкин, поступившись собственным самолюбием, отправил комбату донесение об обстановке. В это время наши части на южной окраине, очевидно, бросились в новую атаку и там загрохотал бой. Батальон и части еще какого-то соединения стремились прорвать кольцо окружения, открыть дорогу на Эльхотова. В этом месте кольцо окружения казалось наиболее тонким. Однако противник предугадал направление наших атак, и именно туда двинулась 13-я танковая дивизия немцев, намертво перекрыв пути отхода наших частей в южном направлении. Наши части уже дважды поднимались в атаки и каждый раз откатывались назад с чувствительными потерями. Северную окраину Плановского противнику удалось захватить, там шел тяжелый огневой бой. Развить успех в этом направлении противнику не удалось, мало того, им приходилось отбиваться от наших контратак, но они не могли не видеть, не чувствовать, как ослабевало сопротивление окруженных, становился расчётливо экономным наш огонь.

Кольцо окружения понемногу сжималось и это приносило массу хлопот: в садах, в домах, особенно в тех, что ближе к центру, скопились обозы с ранеными и армейским имуществом. Фашисты вели артиллерийский и минометный огонь по станице, эти тылы попали под бомбы юнкеров. Дым стелился над станицей, по изуродованным улицам, по садам металась очумевшие кони, повсюду валялись неубранные трупы. На улицах воронки, размотанные и испачканные кровью бинты, перепутанные провода, поваленные деревья, сучья, разбитые повозки, горящие дома, тяжелый и едкий дым пожаров.

Чувствовалось, что еще немного и для прорыва будет упущено время – некому будет прорываться, не останется боеприпасов, не хватит сил, невозможно будет вытащить раненых. Убитых уже не хоронили – некому было заниматься этим скорбным делом, они оставались там, где их застигла смерть. Трудно было сбересть раненых: там, где они размещались, рвались вражеские мины и снаряды. Раненые, если они еще могли держать в руках оружие, не уходили с передовой – всё равно уходить было некуда, передовая была везде.

Связь с бригадой прервалась давно. Когда комбату стало ясно, что в сторону Эльхотова прорываться невозможно, он, наверное, острее других почувствовал, как уходит драгоценное время, что у него, может быть, осталась всего одна, последняя, возможность прорыва, вернее, последняя надежда на его успех. Второй попытки могло уже и не быть, для этого просто не останется сил. Боевой опыт капитана подсказывал ему, что попытку прорыва в сторону Эльхотова ожидает и противник, поэтому здесь он собрал солидные силы, значит, оставалось только одно направление – в степь, к отрогам гор, в сторону Илларионовки, а потом уж как получится! Для прорыва в степь вроде бы существовали жиденькие шансы: здесь стрелковые части и разведроты отбили несколько вражеских атак, контратаковали сами и заняли довольно выгодные позиции. Почему бы не использовать этот последний шанс, тем более что по сведениям разведчиков у противника здесь нет больших сил. У немцев наметился успех: 13-я танковая дивизия опрокинула наши части и вышла к окраинам Эльхотова, завязался бой на окраине этого очень важного в стратегическом отношении населенного пункта. Немецкое командование, видимо, считало первоочередной задачей развить успех, а окруженные в Плановском подождут – бой на их уничтожение можно провести несколько позже. Непосредственно за Эльхотовым начиналась узкая горловина между двумя хребтами – Эльхотовы ворота. Сходу вломиться в неё, опрокинуть русских и двинуться по равнине к столице Осетии – заманчивая, соблазнительная цель. У фельдмаршала Листа вроде

бы были для этого возможности. Даже если русские вырвутся из Плановского, то удар со стороны Малгобека и наступление в сторону Орджоникидзе поставят соединения целого фронта Красной Армии в критическое положение: они окажутся в мешке в горной местности, и на этом тяжелая борьба на Кавказе должна закончиться – начнется простое победное преследование разгромленных, неуправляемых, бегущих частей Красной Армии. Этого упускать нельзя. А окруженных будут держать румынская дивизия и часть 23-й пехотной дивизии немцев – сил на это более чем достаточно.

Расклад сил и возможностей был не в пользу оборонявшегося батальона, это Сви-стунув понимал, и он принял решение использовать последний шанс. Вырваться из окружения значило спасти раненых, собрать уцелевших людей, снабдить их боеприпасами и снова вести бой. Альтернативой была геройская, но бесполезная гибель всего батальона. Решение было принято. Теперь нужно было скрытно от врага перебросить все силы в нужное направление, скоординировать действия с командирами всех находившихся в Плановском частей.

На том направлении, где мы занимали оборону, стали подтягиваться подразделения стрелковых частей, автоматчики, появились ПТРовцы, поодаль выкатились на прямую наводку вездесущие сорокопятки.

На южной и северной окраинах станицы группы прикрытия завязали ошалелую ружейно-пулеметную перестрелку с противником, создавая видимость подготовки новых активных действий.

На нашем участке каждый боец догадывался, что именно здесь готовится последняя, решительная попытка прорыва и, если она провалится, то всем нам конец. Атака должна состояться сейчас и ни минутой позже!

Группы прикрытия сделали многое для успеха, особенно в стороне Эльхотова, куда введенные в заблуждение немцы стягивали все свои силы. Все, кто был еще способен стрелять, находились с нами. Уцелевшие обозы и раненых собрали в тех садах, откуда совсем недавно мы вышибли немецких автоматчиков. Ласточкину передали, что сигнал к атаке – серия красных ракет. По этому сигналу мы должны броситься в атаку, туда, на другую сторону балки, где закрепился противник. Ждём этого сигнала. Мы не видали всех собранных на нашем участке сил, многим представлялась наша попытка авантюрой, поэтому настроение у многих было ниже нулевой отметки. Казалось, что если по сигналу ракет мы выскочим из окопов в балку, то скорее всего нас перестреляют, не дадут добежать до ее противоположного края. К тому же среди нас находятся раненые: у Василия Боева перевязана шея, у Селиванова в бинтах рука, вместе с нами в окопе лежит один тяжело раненый осколком в живот, который, похоже, умирает. Тащить его назад в станицу ребята не хотели, считая, что для раненого это хуже – прорвемся, так вытащим его первого, не прорвемся – конец один.

Небо прояснилось, очистилось от дымки. Солнце склонилось к горам Большого Кавказа, пора начинать действовать... У нас сравнительно тихо. Может, нам немцы ловушку приготовили? Что ж, посмотрим. Теперь уж «нам татарам хрен одна», как сказал бы наш веселый парень Тазиев. Где он сейчас? Поди уж в госпитале, медсестры в белых халатах вокруг него – лечат, кормят, убаюкают всячески... Кто-то после этой атаки тоже в госпитале окажется, а кто-то останется лежать здесь до страшного суда, и истлеют его кости, обглоданные шакалами... Скучные мысли, но в те времена они не казались неприличными, они были естественны. Каждый день люди на передовой видели столько смертей и страданий, что воспринималось это, как нечто естественное и, увы, неизбежное. А вообще перед атакой лучше эти мысли отогнать, не думать об этом.

Этот проклятый день вроде идет к концу, заметно удлинились тени, посинели горы Большого Кавказа.

– Ну, славяне, сейчас держись, забодай вас комарь! Сейчас на прорыв пойдем. Как только поднимитесь, назад пути уже не будет. Смотрите, раненых не бросать! – говорит Ласточкин.

Мы и сами это всё понимаем: не пробьемся – хана нам! Оставим раненого – никто за ним уже не вернется.

– Ночью бы на прорыв идти, – рассуждает Медвинский.

Мне кажется, что он прав, но эти рассуждения под корень рубит Ласточкин:

– Оно ночью, может, и лучше, только к ночи прорываться уже некому будет. Если там, у Эльхотова и на северной окраине наше прикрытие продержится еще полчаса, то всем им ордена нужно давать, а через час там ни одной живой души не останется – все полягут.

Теперь, пожалуй, Ласточкин прав. Все это чувствуют, и никто не спорит, даже сам Медвинский.

– Перекурим пока, – предлагает Селиванов и с ним соглашаются.

Действительно, сейчас перекурить кстати, потому что идти в атаку не покуривши как-то нехорошо. Ребята курят. Противник ввязался с нами в ленивую ружейно-пулеметную перестрелку. Все внешне спокойны, ничто не выдает волнения, но все понимают, что очень скоро наступит мгновение, когда снова потребуется забыть все на свете, когда исчезнут мысли, переживания, когда подхватят тебя общая злоба, единая команда и азарт боя. Перед этим есть одна или несколько секунд, в которые нужно окончательно собраться, раздавить в душе естественный страх перед ликом смерти, вдавить его в землю вместе с недокуренной сигаркой и вперед! Когда ты поднимешься из окопа, оставишь навсегда этот кусочек спасавшей тебя земли, шагнешь вперед под пулеметный ливень, под артиллерийскую грозу, не оглядываясь назад и пусть тебя ведут общий крик, общая злоба, ярость... пусть ведут, пока не клюнет тебя пуля или осколок и боль, беспомощность не вернут тебя в страшную действительность. Самое главное те первые секунды, когда ты, преодолев себя, должен шагнуть вперед, преодолеть притяжение земли и жизни. Упаси бог отстать от товарищей – они не прощают такого...

По чьей-то команде враз ударили наши пушки и минометы. Не очень сокрушительным был этот огонь, не очень мощным, но он был неожиданным для противника и точным, его корректировали непосредственно с переднего края. Артиллерия била прямой наводкой по редким кустам, по окопам на другой стороне балки, где могли караулить нас немецкие пулеметы. Нам хорошо были видны огненные вспышки взрывов. Куда-то стреляют наши ПТРовцы – зеленые трассы их тяжелых пуль перечеркнули балку. Били наши минометы, и мины исхлестали степь за балкой. Ни одна артподготовка не сможет полностью уничтожить огневой системы противника, но если хотя-бы половина огневых средств будет уничтожена, то это уже хорошо.

Наши артиллеристы и минометчики больше не жалели своего боезапаса, во имя последнего шанса без оглядки расходовали последние снаряды и мины. Пушки еще не смолкли, а в небо взмыли три мерцающих розовых искры... Атака! Теперь атака! Вот они, те первые секунды! Ласточкин первым встает из окопа и кричит:

– Впере-о-од!

Вон уже поднялся бородатый Авдеев, встал Соловьев, вскочил с оскаленными зубами Мишка Беляков. Ребята стремительно, будто их толкает пружина, вылетают из окопов и я лечу вместе с ними. Впереди крутой, но невысокий спуск в балку. Все летят вниз и нет больше ходу назад... Больше не слышно свиста пуль, только один автоматный и пулеметный треск, кто-то уже падает. Люди бегут правее нас и левее, кричат, подхлестывая этим криком себя и товарищей:

– Полундра-а-а!!

Впереди с перевязанной шеей наш комсорг Васька Боев, он чешет напрямую через балку к её противоположному склону...

– Ур-р-а-а! Полундр-а-а! Мать вашу в господу бога, ур-ра-а-а!!!

Бежали люди в маскхалатах и гимнастерках, в тельняшках и в куртках, с автоматами и винтовками – вперед катилась раскаленная отчаянием и злостью людская лавина...

Нужно скорее перебежать балку, зацепиться за склон на другой её стороне... Топот ног, тяжелое хриплое дыхание, крики, выстрелы... Дно балки усыпано белыми камнями, откуда-то мелкая вода между камней... Справа ударил длинной очередью немецкий пулемет, а люди бежали вперед и брызги воды летели из-под ног. Вперед! Как можно скорее вперед!

Вот он, противоположный, невысокий и тоже крутой склон, наверху редкий кустарник... Теперь вверх! Скорее!..

Взрыв! Оглушающий, страшный взрыв – и в глазах метнулась красная молния. Я услышал крики, хлесткие взрывы мин и пришел в себя окончательно. Ранен? Осматриваю себя – нигде ничего, вроде цел, а мимо меня на склон балки торопливо взбирались люди... Я поднялся на ноги, а они как ватные. В голове шум. Ничего, вроде живой! Нужно лезть вверх. Все тело словно не мое и правая рука висит плетью... Наверное все-таки ранен я... В правую руку? Это плохо. Главное не упасть... Автомат мотается на шее, цел автомат. Как теперь стрелять с левой руки? Когда меня шарахнуло, я ведь почти вылез из балки и на вот – скатился обратно. Скорее наверх! Нужно догнать ребят! Наконец я выбрался. Впереди ровное поле. Где-же ребята? Вон они! Видны маскхалаты на рыжей траве. Меня догоняет Костя Кудряш, он тащит на спине здорового парня, и я не вижу кого, не могу узнать. Вот бежит Митька Козловский.

Наконец разобрал, что Костя Кудряш, невысокий, крепко скроенный моряк-балтиец с эсминца «Артем», тащит рослого и грузного Соловьева.

– Что с ним? – кричу Косте.

– Ноги перебиты. Помоги!

Голоса еле слышу, даже свой собственный – уши словно водой залиты...

– Хватай его под мышки и давай побыстрее. Наши вперед пошли. Нужно помогать.

Я сам держусь на ногах еще неуверенно – не отошел после взрыва и рука сильно болит. Я подхватил Соловьева левой, а Костя правой рукой и оба почти бегом тащим Соловьева по заросшей бурьяном степи. Впереди и по сторонам везде стрельба. Цепь атакующих залегла под неожиданным и сильным огнем крупнокалиберного пулемета, лупит откуда-то из посадки. На наше счастье рядом груды белых камней на краю пашни, укрылись за ними. Соловьев открыл глаза, морщится парень от боли и все лицо у него в каких-то крапинках.

– Ты его перевязал? – спрашиваю у Кости.

– Когда? Я его еле из-под пулеметного огня вытащил.

– У тебя пакет есть?

Перевязочных пакетов у нас у обоих не было.

– Что делать? Давай рубахи рвать, – предлагает Кудряш.

– Когда? Елки твои зеленые!

К нам коротким броском подбегает Козловский. У него, слава богу, есть пакет. По куче камней бьют пули, летит в стороны белая пыль и каменные брызги. Перевязывать невозможно.

– погоди, – советует Козловский. – Больно этот гад лупит. погоди малость, сейчас заткнут ему глотку.

Действительно, в стороне посадки часто и хлестко взрываются снаряды наших сорокопятаков. Артиллеристы катят свои легкие пушки на руках, им помогают бойцы из стрелковых рот и эти пушки сейчас самое непосредственное средство поддержки. Огонь пулемета обрывается... снова бегут люди... Финками вспарываем одежду Соловьева, ранки вроде небольшие выше колена, но кровь бежит ручейком. Обе ноги навывлет. Нужен жгут. Козловский брючным и поясным ремнем перетягивает Соловьеву ноги. У меня на руке кровь. Это замечает Митька Козловский.

– Ты ранен?

– Наверное. Так, пустяк. Пройдет.

Козловский подменил меня, и теперь они с Костей тащат Соловьева. Ноги у него волочатся по земле, он стонет. Ребята догнали. Ласточкин что-то спросил меня, а я не расслышал и ответил невпопад. Здоровенный Потапенко отстранил и низкорослого Кудряша, и Козловского. Он взвалил Соловьева на спину и быстрым шагом пошел вперед.

Вперед! Снова вперед! Нас нагоняет вторая волна наступающих, а за ними в клубах пыли, в сплошных криках несутся обозы. Ошалелые кони тащат дребезжащие, прыгающие повозки с ранеными, с каким-то военным имуществом, несколько солдат тащат сорокопятаку, бегут минометчики со своими «самоварными трубами»...

Впереди ровное поле, расчерченное низкорослыми посадками, островки кустарника... Сзади в Плановском в предвечернее небо одна за другой летят сигнальные ракеты – синие, красные. Слух постепенно возвращается, я слышу сдвоенные удары танковых пушек, злобный и резкий вой снарядов, истошный визг мин. Взрывы и стрельба, кажется, со всех сторон стрельба! А прошли мы уже много... Прорвались! Ей богу, прорвались! Впереди еще какие-то посадки, кусты, но теперь они наши союзники. А немцы лопухи! А наш комбат молодец и Ласточкин не дурак! Вырвались!

Сзади столбом стоит розовая, в последних лучах солнца, пыль. За завесой пыли повозки, конское ржание и такое впечатление, что движется очень много людей, словно полчища Чингисхана стронулись с места.

Вдруг впереди неожиданно и быстро, как порох, вспыхнул сплошной пулеметный треск, ливень пуль брызнул навстречу и уже кто-то падает, кто-то, очумевши, бежит назад...

– Ложись! – слышен чей-то крик.

Среди наступающих короткое замешательство... Навстречу с сумасшедшими глазами бежит боец. Невозможно разобрать, откуда ведется огонь, кто стреляет. Впереди какая-то канава и оттуда бьют пулеметы. Плотный встречный огонь всё сметает, передние залегли, а сзади напирают новые волны людей, летят навстречу гибели сумасшедшие, исхлестанные кнутами кони.

– Хлопцы, тикай! Тикай – нымци!!!

Где немцы? Сколько немцев? Откуда здесь немцы?! Надрывный крик леденит сердце, некоторые поднимаются с земли, бегут с очумевшими глазами назад...

– Стой! Стой, сволочи! Застрелю!!! – какой-то лейтенант размахивает револьвером, пытается остановить бегущих, повернуть их назад, но вдруг, переломившись, падает, прошивший пулями. Пулеметы бьют из канавы, что впереди нас. Для немецких пулеметчиков неожиданное появление такой массы людей тоже дело опасное, но они открыли огонь неожиданно, а это всегда опасно и страшно. До канавы совсем недалеко, она рядом. Кто-то из наших ребят опомнился первым и, чуть приподнявшись с земли, кидает вперед гранату – черное крутящееся яйцо лимонки летит в сторону врага. Взрыв! Пулеметный огонь смолк – пулеметчики на секунду пригнули головы от осколков гранаты, но и этого оказалось достаточно, чтобы к ним полетело сразу несколько лимонок. Звонкие хлопки взрывов! Пулеметы молчат!

– Вперед! Вперед иху мать!!!

Поднимаются с земли несколько человек, среди них Васька Боев, его можно узнать по перевязанной шее. Короткий бросок – и люди прыгают в этот арык. Не очень глубокая, заросшая гигантским репейником канава. Среди поломанных, посеченных осколками лопухов несколько трупов в немецких мундирах, на краю арыка два пулемета, алюминиевые коробки с лентами. Это, видимо, была часть заслона с внешней стороны окружения – оборудованные стрелковые ячейки на другой стороне арыка, они повернуты в сторону гор.

Теперь уж действительно всё! Левее нас деревянный настил, вроде мостик через канаву, к нему потянулись пушки, повозки – всё, что на колесах. Здесь же, на краю арыка, по чьей-то команде стрелковое подразделение, только что вышедшее из боя, снова и поспешно занимало оборону.

Над горами Большого Кавказа догорали малиновые краски вечерней зари. Из Плановского ударили немецкие минометы, мины рвались далеко в поле, в сгущавшихся сумерках немцы не могли вести прицельного огня, этот обстрел не приносил урона. Скорее всего, немцы стреляли со зла и с досады, что не удержали нас в кольце окружения. Вырвались! Все-таки вырвались!!!

* * *

На юге сумерки коротки. В свой овраг на склоне горного хребта, где уже несколько дней стоял наш обоз, мы пришли затемно. В ночной степи, где-то далеко, на самом ее краю шевелились желтые искры пожаров. Луна посеребрила степь и еще больше сгустила непроглядную темень в нашем овраге. Правее Эльхотова непрерывно взлетали в небо осветительные ракеты, а по степи с кажущейся медлительностью текли строчки трассирующих пуль. Кончился этот проклятый день. В последней атаке при прорыве кольца окружения мы потеряли еще одного убитым и троих ранило. В роту вернулась одна треть ребят, от той группы, которая вчера уходила в Эльхотово. Некоторые раненые – Вася Боев, Курочкин, Данилов и еще несколько человек – отказались ехать в медсанроту.

Руку мне перевязал прибывший в роту новый санинструктор Петренко. По его мнению, мне вlepило в руку, в верхнюю часть правого бицепса, осколком камня, выброшенного взрывом. Небольшая рана, но крови натекло в рукав порядочно, рука ноет, думается, что к утру пройдет. Больше меня беспокоит физиономия: губы разбиты, зуб сломан, ухо болит... Вlepил гад, дай бог! Челюсть цела, но синяк здоровый и физиономия опухла.

– Ладно, отлежишься. А если что, так завтра отправим, – решил Петренко.

Раненых, которых притащили в роту, немедленно после перевязки отправили на бричке в санроту, а она была где-то далеко. О тех раненых, что мы сдали на сборный эвакуопункт в Плановском, нам ничего неизвестно.

В роту давно вернулась одна разведгруппа, которая уходила в район Илларионовки и действовала отдельно от нас, – там пока тихо.

Жалко погибших ребят, жаль верных и добрых друзей. А пережитое и вспоминать страшно, – мороз пробирает. Сколько раз в этот день пронеслась смерть над головой, сколько раз, промахнувшись, она взвизгивала, ныла, гудела от досады, что не смогла поймать тебя, что удалось тебе увернуться. Конечно, каждый уцелевший понимал, что он не заговорен от смерти, просто судьба сберегла его для дальнейших тревог, посчитала, видно, что не всю еще чашу страдания испили те, кто остался на сей раз живым. Кто же молился за мое спасение? Чью молитву услышал Бог?

Встревожило ребят и то, что до сих пор в роту не вернулась наша кухня с поваром и с политруком Поповым. Данилов, Хорьков и даже старшина вернулись в роту благополучно, а вот Попов... Попов, несмотря на некоторые странности характера (подозрительность, вспыльчивость, придирчивость к подчиненным), был, бесспорно, человеком смелым, честным и добросовестным.

Когда Попов, Данилов и Хорьков оставили роту в Плановском и по приказанию командира роты отправились в Эльхотово, им на первых порах здорово повезло, потому что еще в Плановском их подобрала машина – полуторка. Шофер оказался старым знакомым и добрым парнем. За рулем сидел тот самый Чижик, который возил нас на самые первые разведзадания, он по маскхалатам определил, что впереди «голосуют» свои ребята и остановил машину.

– Чижик, ты?

– А вы думали!

– Раненых везешь?

– Раненых и вместе с доктором, – Чижик кивнул головой на сидящую в кабине женщину-военврача.

– Вон, у меня тоже двое покалеченных. Прихвати до Эльхотова, – просил Попов.

Чижик вопросительно посмотрел на женщину и та поняла, что шофер тоже ждал разрешения.

– Машина полна, но давайте попробуем, – согласилась военврач.

Чижик проворно вылез из кабины, посадил Данилова и Хорькова, те залезли в кузов, а Попов встал на подножку кабины и так решил ехать – до Эльхотова здесь всего-то километров пять или шесть. Машина выехала из станицы на прямую дорогу, Чижик ловко объезжал воронки, разбитые повозки и за жалобным завыванием перегретого мотора никто сразу и не расслышал тяжелый, прерывистый гул юнкерсов. Те летели почти над самой дорогой и их было много. В прыгающем, качающемся кузове Хорькову было трудно и некогда их пересчитывать.

– Воздух! Воздух! – кричал Хорьков и барабанил здоровой рукой по крыше кабины.

Чижик притормозил, поглядел в окно кабины и загнал машину на обочину под крону уцелевшего дерева.

– Пикировщики. Вроде мимо идут. В таком разе лучше переждать, – решил Чижик и не ошибся: самолеты выстраивались в цепочку. Раненые с тревогой вслушивались в гул авиационных моторов. Самолеты бомбили дорогу, по которой шла автомашина, окраину Эльхотова. От бомбового удара земля вздрогнула так, что с капота автомашины посыпалась седая пыль. Впереди, примерно в километре от того места где остановилась машина, выросла тяжелая свинцовая туча, черные фонтаны взрывов вылетали из этой тучи и тяжело, медленно оседали на землю. Туча заслонила белесое солнце, стало сумрачно, как перед грозой.

Некоторые раненые в кузове автомашины беспокойно крутили головами, стараясь увидеть, откуда грозила опасность, а многие, чувствуя собственную беспомощность, покорно и обреченно ждали – будь, что будет. Самолеты дважды заходили на бомбежку и когда ушли на север, Чижик снова покатил вперед, выжимая из машины ее последние лошадиные силы. Перед Эльхотовым дорога была разбита вдрызг: кругом воронки, сломанные деревья и сучья перегородили дорогу. Какой-то обоз оказался в зоне бомбового удара: на дороге и около нее валялись доски, переломанные колеса, убитые лошади, какие-то ящики и люди в бинтах с изломанными искалеченными туловищами – видно, обоз с ранеными попал здесь под бомбы. Чижик остановил машину, чтобы проверить, не осталось ли кого в живых. Нашли только двоих, один из них был без сознания. Раненых разместили в кузове, для чего пришлось потеснить остальных. Попов, Данилов и Хорьков сошли с автомашины на самой окраине Эльхотова и дальше пошли пешком. На окраине горели разбитые дома, дым полз от снопов кукурузы в каком-то огороде, в переулке жарко горела автомашина, опрокинутая на бок, рядом валялись разбитые ящики со снарядами. Центр этой большой станицы и ее южная окраина были пока целы. Дом, в котором располагался разведотдел, оказался пустым. Но кухня, ротная кухня со старшиной и поваром по-прежнему была в саду, в вишневых зарослях. Повар и старшина сидели возле кухни и выскребали ложками котелки, рядом паслись выпряженные кони. лейтенант Попов коршуном кинулся на старшину и повара, он грозил их обоих расстрелять, размахивал револьвером, называл старшину предателем и врагом народа. Перепуганные и пристыженные старшина и повар стояли навтыжку перед разгневанным политруком. Бледный старшина пытался что-то объяснить Попову, но тот не давал рта раскрыть. Поэтому у старшины получалось только беспомощное:

– Дык... дык... дык я...

И только когда Попов разрядился от праведного гнева, старшина сумел объяснить причины своего «преступно-беспечного поведения». По его словам, кухня с готовым обедом давно была готова выехать в Плановское, но Натынов приказал ожидать им раз-

ведчиков здесь, на месте, т.к. разведчикам давно было передано приказание быстро вернуться в Эльхотово. Натынов даже сказал, что разведчики уже на марше и с часу на час будут здесь. Потом начальник разведки ускакал куда-то верхом, а старшина и повар терпеливо ожидали появления своих ребят.

Неистово матерясь, что для нашего политрука было совершенно необычным, Попов велел старшине вместе с Даниловым и Хорьковым немедленно отправляться в расположение обоза, а сам решил вернуться вместе с кухней в расположение нашей разведгруппы и накормить всех борщом. Попов запретил ему перечить или выдвигать какие-то другие предложения, он действовал по принципу, что приказ не обсуждается и велел повару гнать лошадей «аллюр-три креста». Попов, как только были запряжены лошади, уселся с поваром на кухонный ящик и лошади пошли резвою рысью.

Им потребовалось немало времени, чтобы проехать Эльхотово и его разбитую северную окраину. Повар немилосердно хлестал кнутом лошадей, чтобы быстрее проскочить сквозь дым, пламя и треск пожаров. Их никто не остановил, никто не предупредил о нависшей опасности. Дорога на Плановское была пустынной, где-то, много правее, в посадке вдоль железной дороги слышалась стрельба, но она не насторожила Попова, подозрительным ему показалось другое: на дороге воронки, разбитые повозки, убитые и... ни единой живой души. Дорога словно вымерла, онемела, она как-будто заслонилась изуродованными деревьями от страшного удара и замерла в этом ожидании. Повар тоже не был новичком на войне и невольно попридержал лошадей. Позади них ударила мина, вторая..., а потом послышался истошный вой немецкого шестиствольного миномета, реактивные мины, как тяжелые оркестровые трубы загудели в небе. Шесть разрывов поперек дороги взметнули в небо узкие и черные столбы дыма. Повар натянул вожжи и запаленные кони остановились.

– Товарищ лейтенант, как бы того..., – начал было повар, но остановить Попова было уже невозможно:

– Ты мне что?! Ты что встал?! Вперед, твою мать!

– Н-но-о, проклятые!

Повар ожег кнутом круп рыжей кобылы, и кухня снова затарахтела ошипованными железом колесами по сухой покалеченной дороге. За этим стуком и треском они не слышали перестрелки уже сзади себя, а потом выстрелы винтовок и автоматные очереди затрещали неподалеку и правее дороги.

– Ну-ка стой! Что-то здесь не так, – сказал Попов и спрыгнул с кухонного ящика на землю.

На дороге у кювета лежал убитый наш боец в гимнастерке, рядом с ним валялась винтовка с неструганным ложем и вокруг по-прежнему ни единой живой души. Две рыжие лошади беспокойно пряли ушами. В это время из посадки за узким полем, сзади кухни взревел мотор. Отчаянно взмахнув ветвями, упали на землю сбитые стволы акации и показался низкий темно-серый немецкий танк.

– Поворачивай! Назад, мать твою!!! – закричал Попов.

Повар задергал вожжами, закричал, ременный кнут снова ожег круп лошади, оставив на нем темно-коричневую полосу. Кони беспокойно перебирали ногами, вскидывали головы, разворачивали кухню в обратном направлении, а тем временем ствол танковой пушки сверкнул пламенем выстрела и тут же мгновенно на дороге грохнул взрыв. Лошади испуганно рванули в сторону, потом одна упала и судорожно забила ногами...

– Постромки! Руби постромки! – закричал не своим голосом Попов, но было поздно, слишком поздно! Повар спрыгнул на землю, но не успел вытащить топора. Немецкий танк длинной пулеметной очередью прошел поперек всю дорогу в том месте, где стояла кухня. Вторая лошадь тонко заржала и тоже рухнула на дорогу.

Танк неторопливо шел к дороге и стрелял короткими очередями из пулемета.

– Назад! Назад! – закричал Попов и кинулся бежать вдоль посадки по другой стороне дороги.

Из посадки, откуда вышел танк, показались автоматчики, застучали их автоматы, запылили срикошетившие о дорогу пули. Попов вместе с поваром, оставив на дороге кухню, с которой они уже ничего не могли поделать, побежали назад к Эльхотову. Они увидели, как танк выполз на дорогу, ударил стальным корпусом ротную кухню, та опрокинулась, с котла слетела крышка и клубок белого пара начал растекаться по дороге. Танк раздавил гусеницами раненых лошадей, развернулся на том месте и устоял пушкой в ту сторону, куда бежали Попов и повар. Какое-то время им везло, они уходили от пуль, но у повара неожиданно размоталась проклятая обмотка, она серой змеей волочилась за ним, цеплялась за репейник. Повар упал, коротко матюкнулся, вскочил на ноги и здесь его достала автоматная пуля. Она ударила его в спину, он вскрикнул, взмахнул руками и упал. В это время Попов бежал метрах в пятнадцать впереди. Лейтенант услышал короткий крик, он не ушел от раненого. Спрятавшись за дерево, он ударил по дороге длинной автоматной очередью и заставил преследовавших немцев укрыться за деревьями, залечь в кювет. Этим нескольким секундам ему было достаточно, чтобы подхватить раненого на спину и бежать вдоль посадки. Вполне возможно, что немецкие автоматчики не позволили бы уйти русским Иванам, они добились бы их, но со стороны Эльхотова выстрелила наша противотанковая пушка, снаряд взвизгнул и рванул на дороге как раз там, где были автоматчики. Этот взрыв заставил их снова укрыться в кювете и за деревьями. Было выиграно еще несколько секунд и еще десяток метров расстояния.

Попову удалось уйти. Он тащил раненого метров триста и вышел на небольшой отряд наших автоматчиков. Ранение повара было опасным. Досталось немного и Попову – пулей содрало ему кожу и повредило немного мышцу на ноге. Последние метры он шел заметно прихрамывая. Автоматчики помогли обоим добраться до окраины Эльхотова, а там их погрузили на подводу и отправили в медсанроту. Повар был еще жив, но врачи откровенно сообщили Попову, что случай почти безнадежный: задет спинной мозг, ранение слепое. С первой же машиной повара отправили в тыл, а Попова перевязали и он дождался оказии, чтобы вернуться из медсанроты в Эльхотово. Здесь, в медсанроту, он и повстречал Федьку Фролова. Тот был легко ранен под Верхним Курпом в ногу и ему удалось упротить главного хирурга и командира медсанроты не отправлять его в тыл. Он рассуждал правильно: с таким ранением всех дел для полного выздоровления на полторы недели, а потом он может потерять свою роту, потому что солдат выписывали в близлежащий запасной полк и без разговоров направляли в любую часть, а Федька задался целью вернуться в роту.

– Здесь хирург Магерамов – не мужик, а золото. Он меня и надоумил. Вот пока кантуюсь, девкам помогаю, здесь ихней сестры столь, аж переночевать негде, и каждая мною командует, – рассказывал заросший черной щетиной Фролов.

– Ну ты, надеюсь, вел-то себя прилично?

– Вел до того прилично, аж самому противно. Да этот Магерамов меня бы и пяти минут здесь не держал, если бы я там что-нибудь...

Врачи медсанроты разрешили им обоим вернуться в роту и оказии долго ждать не пришлось. На попутной полуторке они вернулись на южную окраину Эльхотова. Здесь Попов неожиданно встретил Натынова и узнал от него, что наши части в Плановском попали в окружение, связи с ротой никакой нет. В свою очередь Попов проинформировал Натынова о положении дел в Плановском по состоянию примерно на два часа дня. Это было кстати и помогло Натынову уяснить настоящее положение дел, так как информация комбата, переданная комбригу по телефону в отношении разведки, была, мягко говоря, предвзятой и обросла нелепыми слухами. По этим слухам получалось так, что разведчики якобы при первой же атаке немцев оставили передний край, весь день мотались по станице, не подчиняясь командиру батальона и не участвуя в боях. Не имея никакой связи, Натынов и представления не имел о действительном положении дел и не мог опровергнуть нелепых вымыслов. Выслушав Попова, Натынов потряс кулаками

и бросился к начальнику штаба с воплем: «Ну, уж я им сейчас дам!» Попов успел зайти в политотдел и проинформировать политотдельцев о действиях разведроты, нашел заместителя командира бригады по тылу майора Горобченко и договорился, что разведроте будет немедленно оказана помощь в выделении новой кухни и лошадей, а вот в отношении повара Горобченко ничего не обещал. Оказывается, такая хлебная и сытная армейская специальность как повар, была в дефиците. Только перед рассветом Попов вместе с Федькой Фроловым появились в роте.

* * *

Впоследствии хитрой гадюкой приползли к нам слухи о злоключениях командира батальона капитана Свистунова. Обо всем мы узнали много позже, но неприятность настигла комбата именно в ту ночь, когда мы вырвались из окружения.

В тот момент не было в батальоне, да и не только в нем, такого человека, который не был бы рад тому, что угроза полного уничтожения батальона и разгрома других частей миновала, что удалось многим вырваться из огненного кольца, опоясавшего станицу Плановское, удалось вытащить раненых, обозы и почти всё военное имущество... Радовались... На радостях охотно делились бойцы с вырвавшимися из ада товарищами табаком и твердыми, как дубовая доска, солдатскими сухарями.

В то самое время, когда все уверовали, что страшное уже позади, командиру батальона передали, что его срочно вызывает в Эльхотово командир бригады полковник Добровольский.

На южной окраине Эльхотово в небольшом, покинутом хозяевами домике, при свете копилки колдовали над топографической картой комбриг, начальник штаба бригады и комиссар. Оперативная обстановка складывалась самым неприятным, угрожающим образом. Начальник штаба докладывал о том, что батальон капитана Свистунова, потерявший половину своего личного состава и средств усиления, вырвался из окружения, его стрелковые роты заняли оборону в степи. Бригада, занимая фронт от Пседаха до Эльхотова, а это никак не меньше тридцати километров, продолжала удерживать рубежи обороны узлами сопротивления, не имея сплошного фронта. Фланги узлов сопротивления ничем не прикрыты. Отступление соседа слева, отсутствие сплошной линии обороны облегчили противнику задачу по окружению Плановского. Возможности маневра силами у бригады не было, т.к. при таком растянутом фронте, чтобы перебросить одну стрелковую роту с правого фланга на левый по горным проселочным дорогам потребовалось бы не менее суток. Авторота бригады полностью была занята на подвозе боеприпасов и эвакуации раненых, в последних боях она потеряла примерно одну треть машин и не управлялась с перевозками. Опаснее всего было то, что шоссейная дорога, единственная в этом месте, в связи с окружением батальона Свистунова, оказалась открытой. Бронепоезд, поддерживавший огнем батальон в Плановском, был вынужден оттуда уйти, т.к. непрекращавшиеся бомбежки и прорыв немецких танков создали угрозу уничтожения бронепоезда. В спешном порядке в оборону по окраине Эльхотова были посажены находившаяся под рукой саперная рота, комендантский взвод и еще какие-то случайные мелкие подразделения. То, что днем враг не воспользовался обстановкой, не развил успеха, не двинул танки на Эльхотово можно было объяснить только чудом и тем, что в окружении Свистунов держал активную оборону, непрестанно контратаковал и сковывал своими действиями силы противника.

Командир бригады и начальник штаба понимали, что утром немцы непременно возобновят наступление, постараются овладеть Эльхотовым, тем более, что на левом фланге, за Терекком, противнику удалось сильно потеснить оборонявшиеся части, занять станицу Змейскую, подойти вплотную к Змейскому горному хребту и приблизиться к Эльхотовым воротам по левому берегу Терека. Целый день бои гремели теперь уже от Эльхотова слева.

До утра нужно было принять все меры, чтобы этот день выстоять, а возможностей, гарантирующих успех, не было. Единственный резерв комбрига представлял одну роту автоматчиков и две батареи противотанковых пушек. Комбриг собирался просить у штаба армии помощи, это нужно было сделать немедленно, но ему было известно, как тяжело даётся положительное решение подобных вопросов в подобной обстановке.

Положение осложнялось еще и тем, что недавно начальник штаба бригады доложил в штаб армии о том, что батальон бригады дерется в окружении, но удерживает Плановское. Это вроде бы позволяло надеяться, что бригада в какой-то мере управляет событиями. Правда, командующий армией потребовал удерживать станицу всеми силами, принять меры к деблокированию окруженных частей и даже обещал направить для поддержки бригады танковую часть и штурмовую авиацию. При этом комбриг, да и сам командующий, чувствовали некоторую иллюзорность обещанного: танковая часть это не более пяти танков, а штурмовая авиация – не более звена штурмовиков ИЛ-2. К тому же все были уверены, что противник двинет в бой не менее 30-50 танков и его бомбардировщики сделают не менее сотни самолетовылетов. Все это так, но все это свершится завтра. А что докладывать сейчас, немедленно? Как сказать командующему, что батальон бригады из окружения вырвался, но станица, очень важный узел обороны на направлении главного удара противника, оставлена? В какой форме все это докладывать? Пока комбриг тянул, в это самое время принесла нелегкая капитана Свистунова.

Еще не остывший от боя, но вообще-то довольный тем, что батальону хотя и с тяжелыми потерями, но удалось вырваться из завязанного мешка, он ожидал чего угодно, но только не разноса. Свистунов докладывал бодрым голосом и с таким настроением, будто он добился успеха и не оставлял Плановского, а напротив – освободил его от оккупантов.

Комбат еще не закончил своего доклада, когда появился адъютант Добровольского и доложил, что его просит к телефону член Военсовета армии.

Член Военного Совета, шумливый и беспокойный генерал, потребовал от комбрига немедленного объяснения по поводу самовольного отступления и сдачи противнику Плановского. Генерал метал громы и грозил примерно наказать виновных. По репликам Добровольского, по его ответам все присутствующие поняли, что над бригадой собрались тучи начальственного гнева и дело принимает нехороший оборот. Добровольский едва положил трубку на зеленый ящик полевого телефона, как на крыльце послышались шаги и в комнате появился капитан, уполномоченный Особого отдела бригады. Капитан попросил разрешения присутствовать и тут же получил его, так как все особисты пользовались особыми правами, на их лицах всегда можно было прочесть, что они, словно Дельфийский оракул, являются обладателями высших тайн и знанием истины, недоступной смертным. Уполномоченный Особого отдела обычно заходил к комбригу или другим работникам штаба только тогда, когда они были одни и если вел разговор, то только с глазу на глаз. Однако капитан сделал исключение и неспроста. Он дождался, когда Свистунов закончит докладывать и тут же спросил у комбрига разрешения арестовать Свистунова для предания его суду военного трибунала. Накалились страсти, вспыхнули споры и ссоры и попутно выяснилось, что Свистунов дал даже письменные распоряжения командирам рот, артиллеристам и медикам, в которых указывался порядок оставления Плановского. С ведома комбата была брошена поврежденная техника и оружие и не исключено, что там остались сознательно отдельные предатели и изменники. Уполномоченный Особого отдела намекнул, что всё уже известно особистам наверху, даже то, чего еще не знают в бригаде.

Конечно, полковник Добровольский понимал, что Свистунов там, в Плановском, не струсил и выхода иного у него не было, что парень он не дурак, раз сумел целый день удерживать Плановское, отражать атаки врага, который во много превосходил его в силах, но нажим на комбрига со стороны особистов и членов Военного Совета был ве-

лик – все все поминали известный Приказ № 227, все грозили, даже ему, комбригу, и, словно древние язычники, требовали принести жертву богу войны.

На плечах комбрига лежала огромная ответственность и главной её составляющей теперь была оборона Эльхотова. Удержать Эльхотово – в этом теперь вся истина и вся правда, только этому должно быть подчинено всё. Комбриг понимал, что в той ситуации, в которой оказалась бригада, еще и отстранить от должности толкового командира, умеющего держать оборону, было бы опрометчиво. Комбриг негромко, но строго, пресек все споры и взаимные упреки и предупредил уполномоченного, что он не разрешает никаких арестов, а тот в свою очередь заявил, что вынужден подчиниться командиру бригады, но обязан доложить об этом письменно в Особый отдел Штарма*. Капитан понимал, что он грозит самому командиру бригады, но на то он и Особый отдел. Однако комбриг не изменил своего решения и сказал капитану, что он, старший уполномоченный Особого отдела, может быть свободным. Это обидно кольнуло капитана, но он не показал и вида, он четко повернулся и через секунду его каблуки прогремели по ступенькам крыльца.

Как только ушел особист, комбриг обрушил свой праведный гнев на Свистунова и разнес его за то, что тот оставил Плановское и за дурацкую привычку писать неумные и вредные бумаги. Он приказал немедленно изъять и лично уничтожить всю эту писанину. Начальнику штаба было приказано подготовить в Штарм донесение, где указать, что под Плановским в жестоких боях было уничтожено столько-то танков, бронетранспортеров и другой военной техники врага, столько-то солдат и офицеров, но в свою очередь батальон понёс очень большие потери, с трудом вырвался из окружения.

Комбриг также просил комиссара переговорить с политотделом армии, чтобы как-то нейтрализовать возможное донесение «этого чудака особиста».

Комбат понимал, что Добровольский только что спас его от тяжелейших неприятностей и, возможно, взял огонь на себя. Он был благодарен комбригу, но не знал как выразить вспыхнувшее чувство благодарности. А комбриг посмотрел на Свистунова и строго сказал:

– Надеюсь, вы понимаете капитан, что в Эльхотово вы должны стоять насмерть. Для нас с вами нет иного выхода. Вы поняли меня?

– Так точно, товарищ полковник!

Свистунову также было приказано накормить бойцов батальона, довооружить их и, не медля ни единой минуты, занять оборону по северной окраине Эльхотова. К утру должна быть открыта траншея полного профиля с ходами сообщений и отсечными позициями.

Начальнику штаба также было приказано обеспечить минирование всех танкоопасных направлений.

Добровольский отпустил начальника штаба и Свистунова, потом приказал адъютанту разыскать командующего артиллерий и начальника разведки. Когда комбриг остался один, он почистил коптивший фитиль в снарядной гильзе, устало потёр виски и прилёг на застланную плащ-палаткой деревянную кровать. Он чертовски устал, он уже забыл, когда ему последний раз удалось поспать часа два или три. И на сей раз он только прилёг, как назойливо зазуммерил зеленый телефонный ящик.

* * *

Вывравшихся из Плановского разведчиков мучили голод, жажда, нечеловеческая усталость и беспокойство за судьбу политрука Попова и ротного повара. Каждый допускал, что они вполне могли в той сумятице нарваться на автоматчиков противника. Горячего ужина не было. Старшина выдал нам сухой паёк: на четверых по банке консервов,

* Штарм (сокр.) – штаб армии.

по буханке хлеба, немного колотого сахара и вдоволь было холодной родниковой воды. Костра разводить не разрешили. Потом при лунном свете дозарядили диски, запаслись гранатами и свалились спать. Мы с Мишкой Беляковым спали на своём привычном месте. Судя по звездам, время двинулось к полуночи...

У нас в овраге тихо. Далеко ухают редкие взрывы снарядов, доносятся приглушенные расстоянием короткие пулеметные очереди, они, как тиканье часов, убаюкивают, делаются незаметными и совсем неопасными... Спать! Сейчас только спать. Глаза слипаются, сон наваливается сокрушающей чёрной тяжестью и вместе с ним в воспаленный мозг влезает лязг танковых гусениц, пыль, грохот... Тёмно-серая громада танка лезет прямо на меня, а в мышцах нет сил, чтобы откатиться в сторону... Желто-серый бруствер окопа, за ним черный танк и на бруствере противотанковая граната. Нужно обязательно дотянуться до нее, бросить навстречу танку, а рука не шевелится, она словно онемела, ее сковала мучительная боль... Черная дыра танковой пушки смотрит прямо в лицо... Вдарит! Сейчас вдарит! Нет больше спасения! Дикое чувство отчаяния! Какой-то уголок неспящего сознания чувствует, что это ведь сон, нужно только собрать силы, стряхнуть наваждение. До боли сжимаются зубы и невероятным усилием, со стоном сбрасываю с себя остатки кошмара...

Тихо. Луна. В небе, словно серебряная пыль от голубого света, с гор стекает свежий хрустально-чистый воздух. Ребята спят и некоторые, также как и я, стонут во сне. Здесь в кустах чертовски темно, где-то рядом всхрапывают лошади, этак спокойно, мирно, как в деревне у деда Терентия. Над головой черные ветки кизильника, сквозь них пробиваются голубые искры звезд. Рядом сопит Мишка Беляков – вот ведь нервы у парня! И сны ему не снятся... Веки тяжелеют и снова наваливается обморочный сон... Рвутся мины, пыль, потом все перемешалось: чьи-то каски, красные искаженные злобой лица, немецкие френчи с белыми пряжками на чёрных поясных ремнях... Прямо в меня летит немецкий штык-кинжал. Вороненый, длинный штык нацелен мне прямо в живот и уже нет сил остановить это упрямое и странно медленное движение, нет сил отвести удар, загородиться от него – мои мышцы парализованы, мои руки не подчиняются воле... Полсекунды! Мгновение!..

Да это же снова проклятый сон!.. Проснуться, скорее проснуться, чтобы он не успел ударить, чтобы выйти из кошмара... Сколько же я спал? Должно быть скоро утро. Я уже боюсь засыпать, а непомерная усталость снова кидает в пропасть сна... Нестерпимый, адский грохот, на меня падают в страшном пике юнкерсы, кругом пыль, пламя, дым и прямо надо мною занесен штык...

Просыпаюсь и чувствую на лице бисер холодного пота. Проклятая фантазмагория! Слышен где-то стук топора, гром железного кухонного бака. Мишка ворочается, тянет на себя полу шинели... Чудовищно! От таких снов свихнешься! Небо фиолетово-серое. Светает. На фоне неба кружева неподвижных тёмных листьев кизила. Невдалеке что-то жуют и фыркают обозные лошади, слышны голоса:

- Пусть спят. Им досталось.
- Пожрать-то нечего?
- Ты лучше помоги под баком костер раскочегарить.
- Давай. А курить охота, аж переночевать негде. Ласточкин-то когда будет?
- Да уж пора бы ему.

Чертовски знакомый голос. Один это старшина, а другой? Снова клонит в сон. Только подъём уж скоро. Может, денек отдохнуть дадут? В овраге становится холодно и сыро – роса сильная. А у Мишки спина тёплая. Спать! Спать! Кошмарные сны оставляют меня. Теперь мне снится, что я сплю. Прохладно, зато нет никакой войны. Просто все смертельно устали и все спят... Так приятно спать... Это мы все в товарном вагоне, на двери которого кто-то написал мелом: «скотский». Ну и пусть! Всем нужно спать. Делови-

то стучат колеса, покачиваются деревянные нары, они застелены сеном и шинелями. Шинели уютно пахнут потом, вошебойкой. Как же здорово спать... Ритмично стучат колёса и больше ни звука. Все спят. Спать будут долго и спокойно. Главное – спать...

* * *

– В ружье!

...Громкий, резкий, безжалостный крик... Да нет, это мне всё еще снится.

– В ружье!

Нет, это не сон. Это команда, команда всполошенная и это не просто подъем, это тревога...

– Быстро! Быстро! Тоже мне, развалились... А ну, встать! Встать, тебе говорят! Бегом! Рота, становись! – гремит чей-то нестерпимо нудный, назойливый голос.

Разведчики сбрасывают с себя шинели, навешивают поясные ремни с дисками, хватают автоматы. У всех невыспавшиеся, моргающие глаза, недовольные, помятые сном и несколько удивленные физиономии. Однако, все привычно выстраиваются в одну шеренгу у холодного кострища и многие из ребят просыпаются окончательно уже в строю. В строю оказался и Федька Фролов, тот самый, что был ранен в ногу при прорыве из Верхнего Курпа. Федька коренастый парень лет двадцати пяти, худощавый, цыганский, обросший черной щетиной. Он стоит в строю, как будто и не пропадал никуда.

– Ты как здесь оказался? – спрашивает Федьку Подосенов.

– А ты что, первый день замужем? Не знаешь, как здесь оказываются?

– Сбежал что ли?

– Скажешь тоже, сбежал! Причем здесь сбежал? Вижу, что вы без меня зашились, затыркались, да еще и Попов просит, умоляет: «Иди, – говорит, – а то там в роте без тебя такое творится, аж перночевать негде»...

– Смирно! – подал команду Ласточкин. Лицо у него стало серым от усталости и недосыпания, измучен мужик до самого крайнего предела и опять что-то срочное. Ласточкин обошел шеренгу ребят, в строю оставалось не более 30-35 человек, примерно половина от того состава, который был в Ольгинском до вступления бригады в бой.

– Боев, два шага вперед. Марш!

Боев послушно вышел из строя.

– Как шея?

– Нормально, товарищ лейтенант.

Боев самоотверженно врал, многие знали, что шея у него болит так, что головой повернуть не может, но терпит, не жалуется.

– Останешься в роте. Старшине поможешь.

– Фролов!

– Я.

– В распоряжение старшины.

– Хорьков, как рука?

– Да вроде ничего, товарищ лейтенант, только вот пальцы...

– Ложку держать можешь?

– Так, что ложку-то?

– Если с ложкой управляешься, значит, и автомат удержишь.

Подошла и моя очередь. За ночь синяк на физиономии стал фиолетовым и тронулся желтизной, губы еще побаливали, и рука ныла, но не дай бог Ласточкин про ложку спросит.

Ласточкин подозрительно осмотрел меня и не выдержал:

– Ну и морда, хоть на выставку.

Санинструктор Петренко что-то пошептал Ласточкину.

- Как рука? – спросил командир роты.
- Ложку держит уверенно, товарищ лейтенант.
- Ласточкин чуть улыбнулся и оставил меня в строю.
- У кого есть жалобы?

Естественно, что жалоб ни у кого не было.

– Боев и Фролов остаются при обозе. Попова и Данилова прошу решить вопрос с кухней и поваром, иначе всем труба. Остальные р-равняйся, смир-рно!

Мы ожидали каких-то официальных, уставных, набивших оскомину слов, но услышали другое.

– Сами видели, что вчера творилось в Плановском. От батальона полтора Ивана осталось. Воевать некому, а продержаться сегодняшний день нужно обязательно. Сегодня он непременно на Эльхотово поперет. Не удержимся – тогда труба дело, забодай вас комарь! Так вот, задача прежняя: закрепиться на окраине Эльхотово и держаться. Главное удержаться. Понятна задача?

– Понятна.

– Тогда позавтракать, получить сухой паек и в Эльхотово бегом. Разойдись!

До Эльхотово километра полтора-два. Солнце еще не встало, над степью белесый туман, а небо уже голубеет.

Наученные вчерашним опытом, мы запаслись сухим пайком и насыпали полные карманы патронов так, что от тяжести штаны еле держались.

Всю ночь по Эльхотову противник вел методичный артогонь. В станице что-то горело, синеватый дым наполнял сады, на улицах воронки, битый камень, стекло хрустит под ногами. На каждом шагу страшные следы войны. На северной окраине слышалась редкая ружейно-пулеметная перестрелка. «Опять кофий пьют», – как говорили наши ребята о немцах, – «привыкли воевать по удобному для них расписанию, избаловались, гады!» Мы и не знали, не знал даже сам командир бригады, что в этот самый час генерал-фельдмаршал Лист нервничал – ему было доподлинно известно, что его действиями не доволен сам фюрер...

Конец первой части